Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(ТРУДЫ, ВЫПУСК 43)

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1972

Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(ТРУДЫ, ВЫПУСК 43)

51522

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1972

1977

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

9 (с 14)
И 83

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Кильмяшкин А. Е., Полин Н. В., Тюгаев Н. Ф.

И. К. ИНЖЕВАТОВ

ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА С БОЛЬШЕВИКАМИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Опасным, тревожным и героическим было начало существования первого в мире государства рабочих и крестьян. Его социалистическая политика вызвала лютую ненависть внешней и внутренней контрреволюции. На помощь противникам Советской власти внутри страны пришли империалистические державы.

В коварных планах контрреволюции в Поволжье большое место отводилось чехословацкому военному корпусу. Контрреволюционное командование корпуса по указке и при поддержке империалистов США, Англии и Франции спровоцировало в конце мая вооруженный мятеж против Советской власти.

Бесчинства белочехов в Поволжье длились с мая до осени 1918 года. В это тревожное время В. И. Ленин как вождь партии и глава правительства оказывал большую помощь командованию фронтов в сосредоточении сил Красной Армии на наиболее опасных участках и мобилизации партийно-советских работников на ликвидацию этой опасности.

29 мая 1918 года белочехи предприняли наступление на Пензенском направлении. В тот же день В. И. Ленин поручает управделами Совнаркома Н. П. Горбунову передать председателю Пензенского губисполкома Минкину, что Сызрань взята чехами, но требует не предаваться панике, указывая, что наши силы готовят решительный отпор. «Необходимо,— писал он,— чтобы и пензяки готовились твердо и энергично. Успех нам обеспечен, если мы не сложим рук»[1].

После ожесточенной борьбы 29 мая 1918 года Пенза была занята белочехами. Совет губернских народных комиссаров во главе с председателем В. В. Кураевым переехал на станцию Рузаевка, а мобилизационный отдел I армии Восточного фронта — в Пайгарму. В эти тревожные дни В. И. Ленин держал постоянную телеграфную и телефонную связь с руководителями Пензенской губернии, находившимися в Рузаевке.

Для оперативного руководства боями при освобождении Пензы В. И. Ленин направил в Рузаевку видного военачальника А. Ф. Мясникова (Мясникяна). В связи с этим 31 мая В. И. Ленин дал телеграфное поручение В. В. Кураеву: «Когда приедет Мясников приведите его к аппарату для разговора со мной»[2].

Ленинский план разгрома белочехов оперативно претворялся в жизнь. Под напором красноармейских частей белочехи вскоре отступили из Пензы. Однако чехословацкий контрреволюционный мятеж не был еще подавлен. Отступив от Пензы, мятежники окопались в Сызрани. Сызрань становится опасным центром контрреволюции в Поволжье. Прифронтовая Пензенская губерния должна была сыграть большую роль в деле подготовки окончательного разгрома опасного очага, созданного международным империализмом в центре страны.

Здесь, в Пензе, под руководством А. Ф. Мясникова формируются новые соединения Красной Армии для укрепления Восточного фронта. В целях усиления политической работы среди личного состава армии сюда в июле 1918 года партия направила политическим комиссаром С. П. Медведева. Военной работе много сил отдает председатель Пензенского губкома партии Евгения Богдановна Бош. В письме С. П. Медведеву от 21 августа 1918 года В. И. Ленин дает прямые указания о повышении роли политических комиссаров в армии и требует оперативной информации о состоянии дел на фронте. Он писал политическому комиссару Первой армии:

«Тов. Медведев! Тов. Бош рассказала мне про Ваше свидание на фронте, про положение дел на фронте и про Ваши сомнения. Вы-де уверены были, что можно и должно взять Сызрань, *но не хотели писать сюда.*

Если это так, то Вы неправы. Комиссар на то и поставлен, чтобы жаловаться. Непременно пишите (и телеграфируйте) мне *обо всем* и чаще»[3].

Вся страна поддерживала героическую борьбу пензяков с чехословацкими мятежниками. В докладе «О текущем моменте» на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня В. И. Ленин высоко отозвался о помощи пензякам трудящихся других губерний: «Чем дальше,— говорил он,— были отряды советских войск от того центра, которым временно овладела контрреволюция, тем решительнее было движение среди городских рабочих, тем больше самостоятельности проявляли эти рабочие и крестьяне в том, чтобы идти на помощь Саратову, Пензе, Козлову и свергать немедленно установившуюся власть контрреволюции»[4].

Разгромленный в Пензе чехословацкий корпус окопался в Сызрани, Самаре, Саратове, Симбирске, Казани. Пребывание чехословаков у границ Пензенской губернии подогревало недобитых врагов на скрытые и открытые выступления против Советской власти. В этих условиях контрреволюционное подполье могло пойти на всякие провокации. В первую очередь оно могло попытаться сорвать поставку продовольствия армии и рабочим промышленных центров. Предвидя кулацкий саботаж, В. И. Ленин предупреждал советских руководящих работников в центре и на местах о возможности новой активизации контрреволюции в Пензенской губернии. 17 июня 1918 года в письме Наркому продовольствия А. Д. Цюрупе В. И. Ленин писал о надвигавшейся опасности: «Я очень боюсь, что мы недооцениваем «пензенскую» опасность и продовольственную и общеполитическую...»[5]

Для предотвращения экономических и политических выступлений котрреволюции В. И. Ленин советовал Наркомпроду принять спешные меры. Первостепенное значение он придавал немедленной посылке в Пензенскую губернию продовольственных отрядов из рабочих Питера. По его мнению, такие отряды в первые недели можно использовать и для агитационной работы. В тот же день в другой записке на имя Народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы В. И. Ленин уточнил свои соображения о посылке рабочих продовольственных отрядов и дал конкретные указания:

«По-моему, необходимо архиспешно — Вам снестись

1) с Питером;

2) с Свердловым

о посылке в Пензу и Пензенскую губернию человек 50 (агитаторов), из питерских и московских рабочих»[6].

В соответствии с указанием В. И. Ленина рабочие отряды были созданы. Они оказали Пензенской губернии большую помощь в укреплении Советской власти на местах, заготовке продовольствия и проведении политической работы среди крестьян.

Продовольственный вопрос стоял в центре внимания и II съезда Советов Пензенской губернии, который открылся 24 июня 1918 года. Председатель президиума губернского Совета А. Е. Минкин в своем письме просил В. И. Ленина прислать на съезд делегата комиссариата продовольствия. Времени для посылки на съезд представителя Наркомпрода не было. В. И. Ленин прислал на имя съезда развернутую телеграмму. В ней он предлагал съезду создать из рабочих губернии продовольственную армию при Пензенском Совдепе, а списки продармейцев направить в Наркомпрод с ручательством о каждом кандидате в его личной добросовестности и в революционной дисциплинированности.

«Я уверен,— заканчивал свою телеграмму В. И. Ленин,— что если во главе реквизиционных продовольственных отрядов будут поставлены убежденные, преданные Октябрьской революции социалисты, то они сумеют сорганизовать деревенские комитеты бедноты и совместно с ними смогут отобрать хлеб от кулаков даже без применения вооруженной силы»[7].

Второй съезд Советов Пензенской губернии, избравший В. И. Ленина своим почетным председателем, прошел под знаком выполнения ленинских указаний о проведении политики Советской власти по созданию комбедов, рабочих продовольственных отрядов, монополии на хлеб.

В докладе «О текущем моменте» 27 июня 1918 года на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы В. И. Ленин предупреждал о возможной опасности выступления свергнутых классов против молодой Советской Республики.

Такая опасность бешеного сопротивления свергнутых классов не миновала Пензенской губернии. 5 августа 1918 года в Кучкинской волости Пензенского уезда вспыхнул кулацкий мятеж. Вскоре он перебросился и в соседние волости. Через несколько дней мятеж в уезде был ликвидирован, однако положение в губернии продолжало оставаться напряженным. В ночь с 18 на 19 августа вспыхнул левоэсеровский мятеж в уездном городе Чембаре. 20 августа этот мятеж был ликвидирован прибывшим из Пензы отрядом латышских стрелков и красноармейцев. Кулацко-эсеровские восстания вспыхивали также и в ряде сел Саранского уезда. Особенно жестоким был мятеж в селе Лада. Здесь от рук махровых белогвардейцев и кулаков зверски погибли члены продовольственного отряда во главе с комиссаром Анной Лусс.

В эти напряженные дни председатель Пензенского губкома партии Евгения Бош информировала В. И. Ленина о тревожном положении в губернии. В телеграмме Пензенскому губисполкому (копия председателю губкома партии Е. Б. Бош) 9 августа В. И. Ленин писал: «Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города... Телеграфируйте об исполнении»[8].

На другой день, 10 августа, в телеграмме на имя В. В. Кураева В. И. Ленин снова напоминает об энергичных мерах в борьбе с контрреволюцией.

Зная, что контрреволюционные мятежники в Пензенской губернии жестоко сопротивлялись новой рабоче-крестьянской власти, В. И. Ленин неоднократно требовал применения решительных мер в борьбе с кулачеством и в последующие дни.

В телеграмме от 11 августа Е. Б. Бош сообщала В. И. Ленину о ходе обмолота хлеба в губернии и о его сдаче государству и замалчивала вопрос о конфискации хлеба у кулаков, вызвавшей контрреволюционный мятеж в пяти волостях. В ответной телеграмме от 12 августа В. И. Ленин снова потребовал от руководителей Пензенского губкома партии и губисполкома незамедлительного объяснения причин недостаточно решительной борьбы с кулачеством. «Крайне удивлен,— писал В. И. Ленин,—

отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков»[9].

12 августа пензяки доложили В. И. Ленину о подавлении кулацкого мятежа пяти волостей. В этот же день В. И. Ленин послал две телеграммы. В одной из них, адресованной в губисполком на имя А. Е. Минкина, он одобрял линию на активизацию борьбы с врагами революции и ставил новые задачи по укреплению советских органов в сельской местности, опирающихся на бедноту: «Получил Вашу телеграмму о подавлении бунта кулаков. Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом. Телеграфируйте исполнение. Надо закрепить власть бедноты в прифронтовой полосе окончательно»[10].

В другой телеграмме в Пензенский губисполком на имя В. В. Кураева В. И. Ленин нацеливал пензенских коммунистов на изоляцию левых эсеров, политических главарей кулацких мятежей в губернии: «Крайне важно,— писал он,— собрать и опубликовать факты участия левоэсеров в кулацком восстании. Сообщите подробнее, какие меры против левоэсеров Вы намечаете»[11].

В. И. Ленин внимательно следил за ходом подавления левоэсеровских мятежей в отдельных волостях Пензенской губернии, вспыхивавших после 5 августа. В своих телеграммах, передававшихся по прямому проводу, он давал советы, распоряжения, рекомендации, как поступить в том или ином случае. Но во всех телеграммах он неизменно требовал одного: систематически информировать его о ходе подавления мятежей, о политическом настроении масс, о беспощадном подавлении врагов революции. В этом отношении характерными были его две телеграммы от 19 августа, посланные в Пензу. В телеграмме на имя Минкина, который иногда допускал медлительность в решении неотложных дел, В. И. Ленин требовал соблюдения величайшей революционной дисциплины: «Передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев. Я возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчетов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно»[12].

Большой тревогой о состоянии дел в Пензенской губернии пронизана и телеграмма, переданная в тот же день в адрес губисполкома и губкома партии в связи с ослаблением борьбы с недобитой контрреволюцией.

В связи с левоэсеровско-кулацкими мятежами в пяти волостях Пензенской губернии В. И. Ленин направил в Пензу в период с 9 по 20 августа девять телеграфных директив.

Борьбу с контрреволюционным кулачеством в период чехословацкого мятежа В. И. Ленин считал главной задачей, первоочередным делом партийных и советских органов. Он требовал немедленного и беспощадного подавления кулачества — злейшего врага Советской власти, пытавшегося оружием и голодом задушить революцию. Он указывал пензякам, что с таким врагом, как кулачество, надо бороться так же энергично, как это сделали в Ливенском уезде соседней Орловской губернии. Владимир Ильич помнил о «пензенской» опасности и специально задержал в Пензе для борьбы с кулачеством присланную сюда с экспедицией латышскую роту. Он дал также указание направить воинов Железного полка на помощь пензякам из Ливенского уезда.

В сложной обстановке августа 1918 года пензенские руководители не всегда находили правильные решения тех или иных вопросов, выдвигаемых бурной революционной обстановкой. Сказывались на работе и молодость самих руководителей, и неопытность их, и необычность обстановки. Иногда по тому или иному вопросу их мнения расходились. И каждый раз им на помощь приходил В. И. Ленин, который предъявлял руководителям не только высокие требования, но и проявлял внимательность, когда они ошибались и когда надо было их поправить.

В переписке В. И. Ленина с пензенскими руководителями большое внимание уделяется деятельности экспедиции заготовления государственных бумаг, занимавшейся печатанием денежных знаков и почтовых марок (экспедиция была эвакуирована из Петрограда в Пензу в феврале 1918 года).

Об экспедиции В. И. Ленин особенно тревожился в дни наступления белочехов на Пензу. 31 мая 1918 года Кураев сообщал из Рузаевки В. И. Ленину, что белочехи, спешно отступавшие из Пензы, не успели нанести ущерб экспедиции. В тот же день В. И. Ленин направил Кураеву две записки. В одной из них он спрашивал «в чем гарантия точности сведений об Экспедиции?», в другой настаивал, чтобы Минкин немедленно выехал в Пензу «для приема и проверки экспедиции»[13].

За нормальную работу экспедиции государственных бумаг В. И. Ленин возлагал большую ответственность на Минкина. Каждый раз Владимир Ильич напоминал пензенским руководителям о бдительности и охране учреждения, обеспечивающего государственную казну. Учитывая опасную ситуацию, возникшую в Пензенской губернии летом 1918 года, В. И. Ленин организовал для охраны экспедиции поездку в Пензу верной делу революции роты латышских стрелков. В июле 1918 года в телеграмме Минкину и представителю Государственного контроля В. И. Ленин снова напоминал об усилении охраны экспедиции.

Когда в пяти волостях Пензенской губернии в августе вспыхнули кулацко-эсеровские мятежи, враждебные элементы начали активизироваться и в самой Пензе. В связи с этим В. И. Ленин в телеграмме от 9 августа писал в губисполком, что необходимо организовать усиленную охрану экспедиции «из отборно надежных людей»[14].

Между 12 и 18 августа 1918 года, как явствует из воспоминаний Бош, в своем письме к председателю Пензенского губкома партии В. И. Ленин, «обращаясь ко всем пензенским коммунистам», доказывал необходимость «беспощадного подавления» кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах «всей революции», ибо теперь ведь «последний решительный бой» с кулачеством, советовал найти людей «потверже» и просил телеграфировать «о получении и исполнении».

Из материалов Центрального государственного архива Октябрьской революции видно, что 18 августа Бош телеграфировала В. И. Ленину о получении этого письма. Между 19 и 21 августа 1918 года В. И. Ленин вызывает председателя Пензенского губкома партии к себе для беседы о положении дел в губернии и на фронте 1-й армии, пишет записки в наркоматы об удовлетворении нужд Пензенской губернии.

В. И. Ленин оказал непосредственную помощь Пензенской губернии в создании партийной печати.

Большую помощь В. И. Ленин оказал пензенским коммунистам в улучшении агитационно-пропагандистской работы. Так, 10 августа 1918 года в ответ на просьбу пензенских руководителей создать в Пензе как прифронтовой полосе специальный отдел ВЦИК по агитации и пропаганде он ответил полным согласием и в тот же день телеграфировал В. В. Кураеву: «Вашу телеграмму получил, передал Свердлову и договорился с ним. Будут приняты все меры»[15].

Всесторонняя помощь В. И. Ленина пензякам в политической, экономической и военной области вошла яркой страницей в славную историю борьбы народов за установление и укрепление Советской власти, за торжество коммунизма в нашей стране. В. И. Ленин вдохновлял пензяков на разгром чехословацкого контрреволюционного мятежа, на подавление эсеровско-кулацких восстаний, на борьбу с многочисленными врагами молодого Советского государства. И в священное дело спасения завоеваний Октября пензяки внесли достойную лепту.

12 сентября 1918 года частями Красной Армии под командованием нашего земляка М. Н. Тухачевского был освобожден город Симбирск от войск белогвардейцев и белочехов. Приветствуя героических красноармейцев, в телеграмме от 22 сентября 1918 года Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету 1-й армии В. И. Ленин писал: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои

раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»[16].

Эта телеграмма является высокой оценкой ратных подвигов трудящихся Пензенской губернии в разгроме злейших врагов революции в Поволжье в годы гражданской войны.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 83.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 85.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 163—164.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 444.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 102.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 102.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 431—432.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 143—144.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 148.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 148.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 149.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 156.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 85.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 143.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 144.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 95.

С. В. ЗАВАРЗИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ МОРДОВИИ В ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ

Коммунистическая партия и Советское правительство придают большое значение подготовке и вовлечению в социалистическое производство новых кадров из молодежи, рассматривая при этом профессиональное обучение как надежный путь вовлечения молодого поколения в сферу материального производства и воспитания его в коммунистическом духе.

До октября 1940 года подготовку рабочих из подрастающего поколения осуществляли школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), но их было мало и готовили рабочих по узкому кругу профессий, потому что находились в ведении отдельных предприятий и ведомств. Такая система подготовки молодых рабочих не решала задач планового распределения подготавливаемых кадров. В целях организованной подготовки новых рабочих из городской и сельской молодежи 2 октября 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана система государственных трудовых резервов.

До середины 50-х годов школы и училища трудовых резервов готовили в основном рабочих для предприятий машиностроения, горно-металлургической и лесной промышленности, и только с 1954 года они приступили к подготовке квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства[1].

В июле 1959 года Государственные трудовые резервы были преобразованы в систему профессионально-технического образования. При Совете Министров СССР был образован государственный комитет по профессионально-техническому образованию, который осуществлял руководство всеми видами и формами профессионально-технической подготовки. В это же время Советам Министров союзных республик было передано оперативное руководство учебными заведениями системы профессионально-технического образования, которое осуществлялось через имеющиеся при них соответствующие главные управления.

В связи с этим в республике вместо Управления трудовых резервов при Совете Министров Мордовской АССР было создано Управление профессионально-технического образования.

За 18 лет, с 1941 года по 1959 год, в системе трудовых резервов республики было подготовлено 34,4 тыс. квалифицированных рабочих, в том числе в технических, ремесленных и железнодорожных училищах — 10,2 тыс., в школах фабрично-заводского обучения — 10,5 тыс., в училищах механизации и училищах по механизации сельского хозяйства — 13,7 тыс. человек[2].

К началу семилетки в Мордовии имелось 12 учебных заведений, в четырех из них готовились квалифицированные рабочие для промышленности, строительства и транспорта. В 1958 году ими было подготовлено 3,4 тыс. рабочих, в том числе для промышленности — 224, строительства — 223, транспорта — 155 человек[3].

Бурное развитие промышленности, увеличение объемов капитального строительства в годы семилетки способствовали тому, что потребность в рабочих кадрах непрерывно росла. Имеющиеся в республике три профессионально-технических училища, с ежегодным выпуском около 500 человек[4], не могли удовлетворить потребностей промышленности и строительства в рабочих кадрах. Необходимо было увеличить подготовку квалифицированных кадров через систему профессионально-технического обучения, открыть новые учебные заведения. В связи с этим Мордовский областной комитет партии и Совет народного хозяйства 27 июля 1961 года обратились с просьбой в Совет Министров РСФСР о разрешении строительства новых профессионально-технических училищ на базе строящихся заводов.

После декабрьского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего постановление «Об ускоренном развитии химической промышленности» в республике было организовано два городских профессионально-технических училища. Первое с контингентом учащихся в 300 человек на базе Саранского комбината резинотехнических изделий, второе с контингентом учащихся в 400 человек на базе Рузаевского завода химического машиностроения. Эти училища были предназначены для подготовки квалифицированных рабочих для химической промышленности[5].

За семь лет количество учебных заведений профтехобразования увеличилось более чем в 2 раза. Если на 1 января 1959 года их было 12, то на 1 января 1966 года стало 26, а число учащихся возросло соответственно с 3,2 тыс. до 7,3 тыс. человек[6].

За период с 1959 по 1965 год училища и школы профтехобразования Мордовии выпустили 28,5 тыс. молодых квалифицированных рабочих[7], из них в промышленность было направлено 4,3 тыс., в строительство — 2,7 тыс., на транспорт — 1,6 тыс. человек[8].

За семилетку в республике значительно изменился профиль подготовки рабочих в системе профтехобразования.

Если в 1959 году обучение велось по 20 профессиям[9], то в 1965 году уже по 47[10]. В 1959 году в основном готовились машинисты дизельных экскаваторов, электромонтеры, токари, слесари, формовщики-литейщики, столяры, каменщики, штукатуры и некоторые другие. В последнем году семилетки появляются новые профессии: настройщики станков по изготовлению люминесцентных и нормально-осветительных ламп, стартеров, цокольных автоматов, а также прибористы контрольно-измерительных приборов, операторы, токари по резине, прессовщики-вулканизаторщики, клейщики резиновых изделий, шприц-машинисты, помощники машинистов электровозов, монтеры тяговых подстанций и др. Кроме того, готовились квалифицированные кадры для торговли, коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения.

Большое значение в развитии профессионально-технического образования сыграл принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 года «Закон об укреплении связи школы с жизнью». В соответствии с этим законом профессионально-техническое образование было переведено на единую общеобразовательную базу — 8-летнюю школу. В результате чего резко изменился контингент учащихся. Если в годы пятой пятилетки в училища принимались главным образом подростки с образованием 7 классов, то из принятых в 1965 году 53% составляли лица с образованием 8 классов, около 11% — 9—10 классов, остальные 36% имели образование меньше 8 классов[11].

Повышение общеобразовательного уровня учащихся сказалось на производственной подготовке будущих рабочих. Так, уже в 1963/64 учебном году 64% выпускников городских профессионально-технических училищ получили третий и выше разряд, 35% — второй и 1% — первый разряд[12].

Успех подготовки квалифицированных рабочих зависит от качества педагогических кадров, наличия необходимой учебно-производственной базы, правильной организации и методики учебно-воспитательной работы. Учитывая это, Управление профессионально-технического обучения республики в своей практической деятельности уделяло этим вопросам постоянное внимание.

Имеющиеся данные о составе преподавателей и мастеров производственного обучения свидетельствуют об улучшении состава педагогических кадров управления. Если в 1959 году в училищах и школах работало с высшим образованием 41, а со средним специальным — 142 человека, то в 1965 году соответственно — 83 и 200[13]. Только в 1964/65 учебном году в учебные заведения профтехобразования республики было направлено по путевкам и принято на педагогическую работу с базовых и др. предприятий 25 специалистов с высшим и средним специальным образованием[14].

В большинстве учебных заведений функционировали постоянно действующие семинары, на которых преподаватели и мастера производственного обучения изучали прогрессивные методы труда передовиков и новаторов производства, изучали новые

машины, станки и приборы, делились опытом учебной и воспитательной работы. Например, в Саранском ГПТУ № 3 все мастера производственного обучения занимались в кружке технического прогресса. Занятия в нем проводили специалисты объединения «Светотехника» и Научно-исследовательского института источников света. Преподаватели и мастера ГПТУ № 2 посещали курсы, проводимые управлением «Мордовстрой» по вопросам новой техники и технологии планирования и учета в строительстве. Всего около 160 мастеров и преподавателей повысили свою квалификацию на курсах и семинарах-практикумах[15]. Более 135 человек обучалось на заочных отделениях институтов и техникумов[16]. Большую помощь в повышении квалификации преподавателей и мастеров производственного обучения оказал созданный в 1962 году при Управлении профтехобразования республики учебно-методический кабинет. Работа этого кабинета проводилась через методические секции и объединения. В 1964/65 учебном году при кабинете работало 10 секций и одно объединение. За год проведено 28 заседаний, большинство которых проходило непосредственно в учебных заведениях[17]. Основными вопросами, рассматриваемыми на их заседаниях, были: обмен опытом работы, проведение открытых уроков с целью распространения лучших приемов педагогического мастерства, обсуждение методов разработок на отдельные темы программного материала и т. д. Кроме этого, учебно-методический кабинет проводил курсы, семинары, лекции, педагогические чтения и др. мероприятия. В 1964/65 учебном году, например, было проведено 6 семинаров, издано 16 бюллетеней[18], в которых описывался опыт работы заслуженного преподавателя М. Н. Журавлевой, опыт преподавателя А. И. Макаровой по проведению практических работ и опыт мастеров производственного обучения А. И. Рыкова, Б. Т. Холопова, А. Ф. Вильямова, составлено 35 методических разработок[19]. На педагогических чтениях в училищах прочитано 94 доклада, 28 из них представлены в учебно-методический кабинет на республиканские педагогические чтения[20].

Одновременно велась работа по укреплению учебно-материальной базы училищ, по пополнению их оборудованием, новыми машинами и механизмами, оборудованию новых учебных кабинетов и лабораторий, созданию учебных мастерских.

Только в 1964/65 учебном году вновь оборудованы и переоборудованы 33 учебных кабинета и мастерских[21]. Возьмем к примеру Саранское ГПТУ № 3. В январе 1965 года базовое предприятие, Саранский электроламповый завод, выделило училищу новое здание с 6 оборудованными кабинетами, приобрело 3 типовых кабинета — слесарного дела, технической механики и черчения, организовало слесарную мастерскую на 30 рабочих мест[22]. В Рузаевском ГПТУ № 6 оборудовано 5 учебных кабинетов — специальной технологии, электро-и радиотехники, товароведения, обществоведения, эстетики, спортзал[23]. В Саранском ГПТУ № 1 оборудована лаборатория для определения качества формовочной земли, стержневой смеси и контроля форм и стержней.

Всего в училищах профтехобразования республики в 1965 году насчитывалось 63 учебных мастерских, 200 кабинетов для теоретических и лабораторно-практических занятий, 6 лабораторий[24]. Все учебные кабинеты в основном были обеспечены наглядными пособиями и техническими средствами обучения, оборудованы для проведения экранизированных уроков.

Наглядные пособия в большинстве своем изготовлялись силами работников и учащихся в кружках технического творчества.

Начатый с 1959 года процесс преобразования ремесленных, железнодорожных и других училищ, а также школ ФЗО в единые городские и сельские профессионально-технические училища был в основном завершен в Мордовии в 1963/64 учебном году. С 1 сентября 1963 года все училища, готовящие кадры для промышленности, стали работать по программам городских профессионально-технических училищ.

51522

В положении о профессионально-технических училищах предусматривалось проведение всей учебно-воспитательной работы в соответствии с требованием профессиональной подготовки квалифицированных рабочих и производственной деятельности в условиях современного механизированного и автоматизированного производства. Механизация и автоматизация производства, основывающиеся на новейших достижениях научно-технической мысли, требуют от квалифицированных рабочих разносторонних общих и специальных знаний, умения пользоваться новейшим оборудованием, сложной контрольной и измерительной аппаратурой, самостоятельно разбираться в работе гидравлических, пневматических, электромеханических, электронных устройств обслуживающего оборудования, понимания всего технического процесса предприятия. Эти знания принято называть элементами инженерно-технической подготовки. Овладение ими является необходимым требованием, предъявляемым к современному квалифицированному рабочему.

Это качественно новое и отличает учебные программы от старых.

Новые учебные планы предусматривали увеличение времени на производственную практику при одногодичном сроке обучения с 10 до 13 недель, а при двух- и трехгодичном сроках обучения — с 13 до 26 недель. В целом производственное обучение занимает ведущее место в учебном курсе, и на него выделяется от 55 до 68% учебного времени, в зависимости от сложности профессии[25].

Возьмем к примеру введенный в учебный план новый предмет «Основы механизации и автоматизации производства». При

прохождении этого курса учащиеся получают основные сведения о важнейших приборах, механизмах и установках, их устройстве и принципах действия, о способах автоматизации и современных достижениях в этой области, а также о перспективах ее развития. На прохождение этого курса в профессионально-технических училищах с 3-летним сроком обучения отводится 108 часов, с 2-летним — 64 и годичным — 39 часов[26].

Кроме этого предмета в новую учебную программу в 1963/64 учебном году вошли следующие общеобразовательные, технические и специальные предметы: допуски и технические измерения, основы организации и экономики производства, электротехника с основами промышленной электроники, техническая механика, техническое черчение и ряд других.

Важнейшей задачей новой учебной программы является то, как обеспечить усвоение учащимися знаний о техническом прогрессе, сущности новых технических процессов в машиностроительном производстве, основных технических принципах работы механизированного оборудования, различных инструментов и приспособлений. Такая углубленная теоретическая подготовка предполагала более быстрый рост производственной квалификации учащихся.

Новые учебные планы и программы разработаны с учетом знаний учащихся, полученных ими в восьмилетней общеобразовательной школе.

Исходя из новой программы, в учебных заведениях профессионально-технического образования республики непрерывно улучшалось обучение нового пополнения рабочего класса, повышался общий уровень всей учебно-воспитательной работы. Основное внимание уделялось производственному обучению. Оно проводилось по специально разработанным программам в мастерских учебных заведений, а также на базовых предприятиях и стройках, где учащиеся овладевали передовыми методами труда.

Многие мастера производственного обучения учебный процесс строили на основе активного участия в производственном труде, добиваясь хороших успехов в решении учебно-воспитательных задач. Например, мастер производственного обучения ГПТУ № 1 Б. Т. Холопов в течение ряда лет обучение учащихся в учебных мастерских организует на изготовлении сверлильного станка НС-12 Б. На занятиях он использует разнообразные методы проведения вводных и текущих инструктажей, добивается строгого соблюдения технологии обработки изделий, умения хорошо разбираться в рабочих чертежах. Все учащиеся его группы были полностью обеспечены на весь бюджет учебного времени учебно-производственными заданиями. Эти задания давались с указанием времени на их выполнение. Все это позволило мастеру Холопову добиться хороших результатов в учебно-воспитательной работе. В его группе нет неуспевающих, отсутствуют потери учебного времени, хорошая дисциплина. Ученики группы за 6 месяцев 1965 года изготовили 19 сверлильных станков, и все хорошего качества[27]. Группе Б. Т. Холопова за успехи в труде и учебе присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда.

Большое влияние на производственное обучение оказывала практика учащихся на базовых предприятиях и стройках, где они работали на современном оборудовании и машинах, получали хорошие практические навыки.

Об успехах в производственном обучении в учебных заведениях профтехобразования республики свидетельствуют показатели производственной деятельности. Так, в 1964 году план выпуска изделий в мастерских учащимися выполнен на 102%, план по услуге мастерских — на 127%, план заработка учащихся на базовых предприятиях — на 122%[28].

Доходы, полученные от производственной деятельности, учебными заведениями были направлены на приобретение оборудования и инвентаря. Расходы на эти цели составили 15 тыс. руб., что явилось серьезным вкладом в укрепление учебной базы[29].

Итоги производственной деятельности говорят о необходимости дальнейшего улучшения организации обучения и воспитания учащихся на основе их активного участия в производительном труде. Для этого необходимо обеспечить полную загрузку учащихся на весь период учебного времени учебно-производственными работами как в мастерских, так и на производственной практике, четко организовать производственное обучение, чтобы учащиеся умело и быстро овладевали трудовыми навыками, работали высокопроизводительно, выполняли и перевыполняли установленные нормы выработки, делали работу качественно.

Важным элементом подготовки молодых квалифицированных рабочих в учебных заведениях профтехобразования республики являлось теоретическое обучение. Теоретические знания нужны рабочим для того, чтобы они не только знали производственные операции, но и владели бы знанием научных основ производства, умели критически подходить к своим прежним методам работы, технически грамотно обосновывать свои новаторские начинания, понимать их значимость для завода, фабрики, стройки и для всего народного хозяйства страны.

Многие профтехучилища Мордовской АССР накопили за годы семилетки богатый опыт в организации как производственного, так и теоретического обучения, в подготовке и воспитании квалифицированных и знающих свое дело рабочих. Об этом наглядно свидетельствуют показатели успеваемости учащихся. Так, в 1964/65 учебном году по предметам теоретического обучения успеваемость среди учащихся городских профтехучилищ составила 99%, а по производственному обучению — 100%[30].

БИБЛИОТЕКА М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

Учебно-производственная подготовка новых кадров рабочих в системе профессионально-технического образования была неразрывно связана с политико-воспитательной работой.

Июньский Пленум ЦК КПСС (1963 г.), рассматривая вопрос «Об очередных задачах идеологической работы партии», большое внимание уделил коммунистическому воспитанию молодого поколения и поставил перед работниками профессионально-технического образования задачу: улучшить воспитательную работу среди учащихся. Таким образом, на работников профтехобразования была возложена почетная и трудная задача — воспитание юношей и девушек в духе коммунистической морали, понимания исторической миссии рабочего класса как руководящей силы советского общества в духе советского патриотизма и преданности Родине и Коммунистической партии.

Непосредственное влияние на политическое воспитание учащихся оказывало преподавание предметов обществоведения и эстетического воспитания. Впервые преподавание обществоведения было включено в учебную программу в 1963/64 учебном году и уже за два года получило признание учащихся и стало неотъемлемой частью теоретического курса во всех учебных заведениях ПТО республики. В процессе преподавания обществоведения применялись различные формы и методы, среди них: беседы, лекции, семинары, экскурсии, контрольные работы, экранизированные уроки, магнитофонные записи, звуковые журналы «Кругозор». Кроме того, уделялось большое внимание применению местного материала из жизни базовых предприятий и т. д. Большое значение в усвоении материала играли кабинеты, которые были оснащены стендами, наглядными пособиями и необходимой литературой. Большинство наглядных пособий и стендов изготовили учащиеся. Только в 1964/65 учебном году по курсу обществоведения силами учащихся и преподавателей было изготовлено 37 стендов и 211 наглядных пособий[31].

На протяжении всего 1964/65 учебного года в кабинетах обществоведения работали исторический кружок, кружок текущей и международной политики, интернациональной дружбы и др. Все это вместе взятое помогает учащимся вырабатывать систему политических знаний, нормы поведения, основанные на моральном кодексе строителя коммунизма и преданности Коммунистической партии.

В 1962/63 учебном году в учебных заведениях профтехобразования введен курс «Эстетическое воспитание». Изложенные в курсе сведения дают учащимся возможность ознакомиться с историей развития русского, советского и зарубежного искусства, с основными формами и средствами народного массового художественного творчества. Учащиеся получают сведения о коммунистической этике и морали на основе морального кодекса строителя коммунизма — преданности делу коммунизма,

любви к социалистической Родине, коммунистическом отношении к труду, высоком сознании общественного долга, коммунистической нравственности в отношениях между людьми, основанных на труде, равенстве и братстве.

Курс эстетического воспитания рассчитан так, чтобы учащиеся, прослушавшие его, могли в дальнейшем самостоятельно воспитывать в себе качества нового, духовно богатого, морально чистого человека — строителя коммунизма.

Опыт преподавания эстетического воспитания дает основание считать, что этот предмет является важным средством воспитания всесторонне развитых людей.

Одной из форм коммунистического воспитания, повышения сознательности, активности и высоких моральных качеств строителей коммунистического общества является социалистическое соревнование и движение за коммунистический труд.

В учебных заведениях профессионально-технического образования большое внимание уделяется социалистическому соревнованию и движению за коммунистический труд. Только в 1965 году в движении за коммунистический труд участвовало 167 учебных групп и 197 работников. Было присвоено звание «Резерв бригад коммунистического труда» 74 группам и звание «Ударник коммунистического труда» — 38 работникам[32].

Социалистическое соревнование и движение за коммунистический труд работников и учащихся профтехобразования оказывали плодотворное влияние на улучшение всей работы учебных заведений, способствовали повышению качества подготовки молодых квалифицированных рабочих и воспитанию человека коммунистического общества.

В подготовке и воспитании молодых рабочих большую роль играли библиотеки профессионально-технических училищ республики. Их работа проводилась на основе тесной связи библиотек с учебными программами и планами культурно-воспитательной работы училищ. Они содействовали педагогическому коллективу в деле коммунистического воспитания учащихся в выполнении учебно-производственного плана. Помогали учащимся в глубоком усвоении знаний в соответствии с программой производственного и теоретического обучения, в овладении профессией, в повышении общеобразовательного и политического кругозора, воспитывали у учащихся любовь к книге, к чтению, прививали им навыки самостоятельной работы с книгой.

В конце семилетки в библиотеках городских профтехучилищ насчитывалось более 65 тыс. экземпляров книг, число читателей составляло более 3 тыс. человек, ими было прочитано около 48 тыс. книг. Кроме того, библиотеками ГПТУ было проведено 232 массовых мероприятия, в т. ч. в помощь производству — 49, организовано 122 книжные выставки[33].

Важную роль в идейном воспитании будущих рабочих играла культурно-массовая работа. В учебных заведениях создавались

все необходимые условия для культурного и полезного отдыха учащихся. Работали кружки художественной самодеятельности, проводились лекции и доклады на различные общественные и естественно-научные темы, организовывались встречи с передовиками производства, коллективные походы в театры и кино, литературные чтения и ряд других массовых мероприятий. В Рузаевском ГПТУ № 6, например, были подготовлены и проведены: вечер отдыха «Поговорим с каждым из нас», диспут «В чем смысл твоей жизни», встречи с мордовскими писателями Л. Ф. Макуловым, Ф. К. Андрияновым, с членами коллективов коммунистического труда тяговой подстанции Л. А. Ступицким, Ю. С. Липатовым. Учащиеся коллективно просмотрели спектакль «Рассудите нас люди», поставленный артистами Саранского музыкально-драматического театра, с последующим обсуждением. Проводились экскурсии в картинную галерею имени Ф. Сычкова и С. Эрьзи. Всего в городских профтехучилищах в 1964/65 учебном году проведено бесед и докладов 42, викторин и олимпиад — 33, диспутов и устных журналов — 12, тематических вечеров — 15, встреч со знатными людьми — 10[34]. Все эти мероприятия способствовали улучшению успеваемости, повышению общеобразовательного и идейного уровня, воспитанию всесторонне-развитого человека.

По данным за 1964/65 учебный год в различных кружках художественной самодеятельности профтехобразования принимало участие около 2 тыс. учащихся[35].

Многие юноши и девушки участвовали в работе технических кружков. Техническое творчество будущих рабочих развивало у них стремление к новаторству, к овладению смежными профессиями, к повышению производительности труда.

О состоянии и развитии технического творчества в учебных заведениях профтехобразования республики можно судить по результатам общественного смотра, проведенного с сентября 1965 по апрель 1966 года, на лучшее профессионально-техническое учебное заведение по развитию массового технического творчества, рационализации и изобретательства среди учащихся и работников училищ. В этом смотре приняло участие 19 учебных заведений республики[36].

Наиболее заметных успехов в техническом творчестве добился коллектив Саранского ГПТУ № 1. В училище в период смотра силами учащихся технического кружка был полностью оборудован кабинет программированного обучения на 26 рабочих мест для учащихся и пульт управления преподавателя[37]. Смонтированные в кабинете обучающие машины «Логика-5» работают и как экзаменаторы, и как репетиторы. Кроме этого, было принято и внедрено в производство 7 рационализаторских предложений, в том числе кондуктор для сверления отверстий в молотке с круглым бойком, приспособление для отработки ударов учащимися слесарных групп при прохождении темы «Рубка», приспособление для сгибания угольников для ножовочных станков и т. д. Было изготовлено 35 различных учебно-наглядных пособий. Экономический эффект от внедренных предложений, с учетом изготовленных учебно-наглядных пособий, составил 2300 руб.[38]. Всего в училище насчитывалось 5 технических кружков, в работе которых участвовало 187 учащихся, и 326 человек были членами первичной организации ВОИР[39]. Активное участие в техническом творчестве принимали коллективы Краснослободского ГПТУ № 7, Саранского ГПТУ № 12 и многих других.

Проведенный смотр способствовал дальнейшему развитию технического творчества учащихся профтехобразования республики. Если до смотра в первичных организациях ВОИР насчитывалось 845 учащихся, то после смотра количество их увеличилось до 3 тыс. В ходе смотра было подано 150 рационализаторских предложений, 125 из них внедрено. Учащимися технических кружков за это время изготовлено 1345 учебно-наглядных пособий[40], тогда как за весь 1964/65 учебный год было изготовлено лишь 1195 пособий[41].

По окончании общественного смотра в городе Саранске была организована республиканская выставка технического творчества, на которую было представлено свыше 120 экспонатов, представляющих большой интерес для учебных заведений[42]. На выставке за время ее работы побывало более 1800 учащихся, работников профтехобразования, а также выпускников общеобразовательных школ города[43].

Одновременно с организацией выставки был проведен слет молодых рационализаторов и изобретателей Республиканского управления профтехобразования.

Большую помощь педагогическим коллективам в учебно-воспитательной и культурно-массовой работе оказывали ученические организации. Примером активного участия ученических организаций в воспитании сознательной дисциплины, углублении знаний, проведении внеклассной работы могут служить ГПТУ № 1, 3, 4 и 6. В этих училищах ежемесячно проводились заседания актива учащихся, на которых комсорги, профорги, старосты групп, редакторы стенных газет отчитывались о проделанной работе, рассматривали случаи нарушения отдельными учащимися дисциплины, вопросы благоустройства училища и территории, о ходе выполнения социалистических обязательств и т. д.

На заседаниях актива рассматривались и утверждались планы работы учебных организаций.

В деятельности ученических коллективов профтехучилищ ведущая роль принадлежала комсомольским организациям.

Комсомольские организации через «Комсомольский прожектор» вели борьбу с прогульщиками, нарушителями внутреннего распорядка, осуществляли постоянный контроль за учебой

учащихся, освоением ими профессий, организации их досуга. Много внимания комсомольские организации профтехобразования уделяли социалистическому соревнованию, движению за звание групп резерва бригады коммунистического труда.

Комсомольские организации вышеуказанных училищ — первые помощники мастеров и преподавателей в учебно-воспитательной и культурно-массовой работе.

Большую роль в воспитании учащихся играли стенгазеты, выпускаемые под руководством комсомольских организаций училищ. Так, в ГПТУ № 4 выпускалась ежедневная газета «Смена». Активное участие в ней принимали преподаватели, мастера производственного обучения и учащиеся. Ежедневно в газете сообщалось о лучших учащихся — отличниках учебы, поддерживалась тесная связь с учащимися, находящимися на производственной практике за пределами Мордовской АССР. Все передовые статьи рассказывали о жизни и насущных задачах училища.

Большой популярностью среди учащихся ГПТУ № 6 пользуется ежедневная газета «Юность». В ее выпуске участвовали все учебные группы по графику, утвержденному партбюро училища. В каждой группе избиралась редколлегия из 3 учащихся. Кроме того, на каждый день выпуска избирались ответственные редакторы из состава мастеров и преподавателей. В 1964/65 учебном году выпущено около 200 номеров[44]. В газете большое внимание уделялось вопросам качества обучения, организации социалистического соревнования в учебных группах и в целом всего училища, о жизни комсомольской и профсоюзной организации, о досуге учащихся, культуры поведения, эстетики, быта.

Значительную роль в воспитании учащихся играла наглядная агитация и лекционная пропаганда. Наглядная агитация является могучим средством мобилизации учащихся на осуществление задач, поставленных перед учебными заведениями, на борьбу коллектива за отличную работу и учебу. Она воспитывала в учащихся коммунистическое отношение к труду и учебе, помогала в организации социалистического соревнования и движения за коммунистический труд, распространяла опыт передовиков и новаторов, критиковала недостатки, нарушителей дисциплины. Средства наглядной агитации помогали разъяснять важнейшие документы партии и правительства, отражали наиболее важные события в политической и культурной жизни страны. В 1964/65 учебном году учащиеся профтехучилищ республики оформили 100 лозунгов, 65 призывов, 48 транспарантов, около 100 стендов, 137 плакатов, 107 щитов, 36 выставок и т. д.[45]

В учебных заведениях профтехобразования республики широко использовалась и такая эффективная форма идеологического воздействия на учащихся, как лекционная пропаганда. Для проведения лекционной пропаганды во всех профтехучилищах были созданы лекторские группы, в которых насчитывалось

около 200 преподавателей, мастеров производственного обучения и руководящих работников. Только в 1964/65 учебном году для учащихся было прочитано свыше 500 лекций и докладов на общественно-политические, естественно-научные, научно-технические и др. темы[46]. Большинство прочитанных лекций и докладов было насыщено конкретными материалами из жизни республики, города, района, учебного заведения. Материал излагался в легкой и доступной форме. Лекционная пропаганда, проводимая среди учащихся, способствовала решению основной задачи — подготовке высококвалифицированных молодых рабочих, способствовала расширению технического и культурного кругозора учащихся, воспитанию у них коммунистической морали, укреплению дисциплины.

Важным элементом обучения в системе профтехобразования республики является физическое воспитание, подготовка к труду здоровой, физически развитой молодежи. Большое значение в решении этого важного вопроса имела спортивно-массовая работа. Для проведения спортивных занятий городские профтехучилища имели 5 спортзалов и 6 спортплощадок[47].

В училищах работало 46 различных спортивных секций, в которых занималось 1150 учеников[48]. Ежегодно проводились спортивные мероприятия по различным видам спорта (зимние и летние спартакиады). Например, в честь 25-летия системы профтехобразования была проведена лыжная эстафета и организован велопробег.

За год (1964/65 учебный год) в училищах было подготовлено 1160 разрядников, более 360 инструкторов-общественников и судей по различным видам спорта, 1438 значкистов ГТО первой и второй ступени[49]. Юношеская футбольная команда завоевала звание чемпиона республики. Спортсмены профтехучилищ систематически повышали и совершенствовали свое спортивное мастерство, добивались заметных результатов в республиканских спортивных состязаниях.

Коммунистическая партия и Советское правительство создали необходимые условия для успешной работы профессионально-технического образования республики, делали все, чтобы учащиеся овладевали сложными профессиями и были достойным пополнением рядов советского рабочего класса.

Вместе с тем в учебно-воспитательной работе в системе профессионально-технического образования республики в годы семилетки имели место серьезные недостатки. В некоторых училищах производственное обучение проводилось на изготовлении простых изделий по устаревшей технологии. Перечни учебно-производственных работ составлялись непродуманно, в них включались изделия, изготовление которых приводило к тому, что на отработку одних производственных операций учащиеся затрачивали слишком много времени, другие же операции усваивались плохо и отрабатывались методом экскурсий. Слабо

осуществлялась подготовка производства — не подготавливались своевременно материалы, заготовки, оборудование и машины, инструмент, технологическая оснастка, техдокументация.

Плохая обеспеченность учащихся рабочими чертежами, нарядами-заданиями и технической документацией приводила к тому, что учащиеся слабо разбирались в чертежах, в выборе рациональных режимов работы, не приучались к строгому соблюдению технологии и технических условий. Слабо осуществлялись руководство и контроль за работой преподавателей и мастеров. Это приводило к тому, что некоторые преподаватели и мастера самовольно сокращали время на изучение целого ряда тем. Так, в ГПТУ № 12 у каменщиков-монтажников не проводились лабораторные работы по испытанию свойства гидро- и теплоизоляционных материалов, не проходились многие темы по группам электрогазосварщиков с применением полуавтоматов. В ГПТУ № 1 учащиеся токарных групп не выполняли работ с применением комбинированных центровочных сверл, конусных линеек, копировальных устройств и т. д. Были отсевы учащихся и пропуски уроков. Например, в 1964/65 учебном году в городских профтехучилищах по причине прогулов учащимися было пропущено 12,5 тыс. учебных часов, в том числе по производственному обучению — 4,6 тыс. и по теоретическому — 7,9 тыс.[50].

На подготовке квалифицированных рабочих сказывалась большая текучесть и сменяемость педагогических работников. Только в 1964/65 учебном году из учебных заведений профтехобразования выбыло 68 мастеров производственного обучения и 23 преподавателя, сменилось 7 воспитателей из 11, 5 инструкторов физвоспитания из 19[51].

Одним из недостатков было то, что среди учащихся профтехучилищ было очень мало девушек. В 1965 году удельный вес их в общей численности составлял всего 10%[52]. В результате предприятия с преобладанием женского труда высококвалифицированных кадров из профтехучилищ получали очень мало.

Партийные и советские органы, Республиканское управление профтехобразования принимали меры по устранению недостатков и улучшению всей учебно-воспитательной работы в училищах, по обеспечению их квалифицированными педагогическими кадрами, расширению и укреплению учебно-производственной базы, созданию необходимых жилищно-бытовых условий, организации набора учащихся. Все эти вопросы неоднократно были предметом специального обсуждения в областном комитете партии и Совете Министров Мордовской АССР. Так, в июле 1965 года на заседании бюро Мордовского обкома КПСС рассматривался вопрос «О состоянии и мерах по улучшению учебно-воспитательной работы в профтехучилищах Мордовии». Были вскрыты недостатки и намечен ряд мероприятий по улучшению учебно-воспитательной работы в профессиональных учебных заведениях.

Молодежь, получившая рабочую профессию в городских профтехучилищах республики, направлялась в основном на работу на Рузаевский завод химического машиностроения, Саранский комбинат резинотехнических изделий, завод «Электровыпрямитель» и Саранский электроламповый завод.

Подавляющее большинство юношей и девушек выполняли и перевыполняли нормы выработки, многие из них стали передовиками производства, активно участвовали в социалистическом соревновании. Среди них были выпускники В. С. Моисеев, А. Е. Буянов, А. И. Ульянкина, В. Ф. Голованова, А. Н. Малышкин, Н. Д. Юрова, Б. Д. Беляев, В. Ф. Гераськов, А. В. Ануфриев, И. Г. Козлов, В. М. Алексашин, А. И. Андронов, Н. Н. Рузавин и многие другие. Рабочие профессии и первую трудовую закалку получили в учебных заведениях профтехобразования республики Герой Советского Союза В. М. Михеев, Герой Социалистического Труда А. А. Узойкин, Депутат Верховного Совета СССР машинист Рузаевского локомотивного депо П. И. Акимов и многие другие знатные люди Мордовии.

В деле подготовки квалифицированных рабочих, занятых на производстве, большую роль сыграло вечернее (сменное) профессионально-техническое образование. В соответствии с решением июльского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС на предприятиях, транспорте и в строительстве расширена сеть вечерних профессиональных училищ, в которых рабочие и работницы могли без отрыва от производства получить профессионально-техническое образование.

В Мордовской АССР вечерние (сменные) профтехучилища и вечерние (сменные) отделения при дневных училищах начали функционировать с 1961 года. Ими за 5 лет (с 1961 по 1965 год) было подготовлено более 1000 человек[53].

Таким образом, подготовка квалифицированных рабочих через систему профессионально-технического образования носила прогрессивный характер и соответствовала задачам развития рабочего класса Мордовии в период развернутого строительства коммунизма.

---

[1] Рабочий класс СССР (1951—1965 гг.). М., 1969, стр. 178.

[2] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1960, стр. 84.

[3] ЦГА МАССР, ф. р.-752, оп. 2, д. 247, л. 412.

[4] ЦГА МАССР, ф. р.-752, оп. 2, д. 247, л. 413.

[5] Текущий архив Управления профтехобразования Мордовской АССР, д. И-11 за 1965—1966 годы, л. 11.

[6] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 137—138.

[7] Мордовская АССР за годы Советской власти, стр. 136; Народное хоз-во Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 97.

[8] Текущий архив Управления профтехобразования Мордовской АССР, д. И-10 за 1965—1966 годы, л. 84.

[9] Текущий архив Управления профтехобразования Мордовской АССР, д. И-8 за 1960 г., л. 18.

[10] Там же, д. И-8 за 1965 г., л. 27.
[11] Там же, д. И-14 за 1965 г.
[12] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Данные по ГПТУ за 1963/64 учебный год.
[13] ЦГА МАССР, ф. р.-752, оп. 2, д. 222, л. 55; Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-10, л. 97.
[14] Там же, д. И-8, л. 36.
[15] ЦГА МАССР, ф. р.-752, оп. 2, д. 222, л. 55; Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 36.
[16] Там же.
[17] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-3, л. 160.
[18] Там же.
[19] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 68.
[20] Там же.
[21] Там же, л. 42.
[22] Текущий архив Саранского ГПТУ № 3 за 1965 г.
[23] Текущий архив Рузаевского ГПТУ № 6 за 1965 г.
[24] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 44.
[25] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1963 г., д. И-8, л. 64.
[26] Там же, л. 65.
[27] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 54.
[28] Текущий архив Управления ПТО Мордовской АССР, 1965 г., д. И-8, л. 52.
[29] Там же.
[30] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-3, л. 149.
[31] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 80.
[32] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 104.
[33] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. В-3.
[34] Текущий архив Управления ПТО, 1965 г., д. И-8, л. 84.
[35] Там же, стр. 105.
[36] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965—1966 г., д. И-6, л. 97.
[37] Там же, л. 99.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965—1966 г., д. И-6, л. 98—99.
[41] Там же, л. 1.
[42] Там же, л. 100.
[43] Там же.
[44] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 111.
[45] Там же, л. 93.
[46] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-8, л. 90.
[47] Там же, д. И-3, л. 63.
[48] Там же.
[49] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-3, л. 63.
[50] Текущий архив Управления МАССР, 1965 г., д. И-3, л. 149.
[51] Там же, д. И-8, л. 39.
[52] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 137.
[53] Текущий архив Управления ПТО МАССР, 1965 г., д. И-10, л. 86.

В. Д. АЛЕКСАНДРОВ

РУКОВОДСТВО МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ СЕЛЬСКИМИ ПЕРВИЧНЫМИ ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Повышению уровня работы сельских первичных партийных организаций Мордовии, усилению их связи с массами в огромной степени способствовало совершенствование стиля руководства ими со стороны обкома, горкомов и райкомов партии. Решительно избавляясь от шаблона и формализма, они в годы пятилетки сосредоточивали внимание сельских первичных парторганизаций на овладении искусством политического руководства колхозно-совхозной экономикой.

Исключительно важную роль в изменении стиля руководства первичными партийными организациями сыграл ноябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС.

Следующий важный шаг в улучшении всей партийно-организационной работы на селе был сделан после мартовского (1965 г.) Пленума и XXIII съезда КПСС.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза указывалось, что «обязанность всех партийных органов — проявлять неустанную заботу о первичных парторганизациях. Необходимо, чтобы партийные комитеты были постоянно связаны с первичными партийными организациями, чтобы руководящие работники районных, городских, областных комитетов и ЦК компартий союзных республик регулярно бывали в парторганизациях, беседовали, советовались с коммунистами и выступали перед ними с докладами»[1].

Исходя из этого, местные партийные органы республики в своей повседневной практической работе добивались усиления роли и значения первичных парторганизаций, видя в этом залог новых успехов коммунистического строительства.

Вопросы совершенствования их работы систематически обсуждались на пленумах и бюро районных, городских и областного комитетов партии. Так, в 1966 году на пленуме Атюрьевского райкома был рассмотрен вопрос «О мерах по улучшению организаторской и политической работы первичных парторганизаций в свете требований мартовского (1965 г.) Пленума и XXIII съезда КПСС»[2], на пленуме Ардатовского райкома — «О задачах

первичных парторганизаций по укреплению партийной дисциплины и строгому соблюдению коммунистами уставных требований»[3]. Большеберезниковский райком обсудил вопрос «О состоянии и мерах улучшения деятельности первичных парторганизаций», Кочкуровский — «О повышении боеспособности цеховых парторганизаций и партгрупп»[5].

В 1969 году вопрос «О повышении боеспособности первичных партийных организаций в свете требований XXIII съезда КПСС» был предметом большого разговора на VIII пленуме обкома[6]. Пленуму обкома партии предшествовала тщательная подготовка. Была изучена работа многих первичных организаций районов, а также практика руководства ими со стороны партийных комитетов. В результате такого изучения был собран и обобщен богатый материал, который позволил глубоко проанализировать состояние дел в первичных партийных организациях. Пленум наметил конкретные меры по дальнейшему повышению роли, значения первичных партийных организаций, по активизации их деятельности.

Большое значение в деле повышения работоспособности первичных партийных организаций имеют периодические отчеты их секретарей на заседаниях бюро партийных комитетов. Так, Кочкуровский райком 28 июня 1965 года[7], анализируя состояние партийно-политической работы среди колхозников колхоза имени Ленина, установил, что одной из главных причин отставания хозяйства является низкий уровень постановки организационно-политической работы. Партком колхоза работал без плана, не ставил на обсуждение парторганизации узловые вопросы развития артельного производства. Партийные собрания проводились нерегулярно, на них рассматривались только хозяйственные вопросы. Редко обсуждались задачи политико-воспитательной работы. Партком слабо руководил цеховыми организациями и партгруппами. Большинство коммунистов не имело партийных поручений. Недостатки были и в расстановке коммунистов.

Бюро райкома потребовало разработать конкретные меры по улучшению работы парткома. Так, выполняя решение бюро РК КПСС, партком колхоза имени Ленина на всех производственных участках создал партгруппы, наладил учебу и инструктаж секретарей цеховых парторганизаций и партгруппоргов; тщательнее стал готовить партсобрания, пересмотрел расстановку партийных кадров, развернул широкую массово-политическую работу с колхозниками и социалистическое соревнование, изучение и внедрение опыта работы передовых хозяйств республики.

И результаты не замедлили сказаться. Если в 1965 году средняя урожайность зерновых составляла 6,2 ц с га, то в 1969 году — 13,5 ц. По сравнению с 1965 годом в 1969 году государству продано зерна и молока больше в 2, а мяса в 4 раза. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 579 до 1095 голов. В 2 раза возросли денежные доходы[8].

Заслушивая ту или иную партийную организацию, райкомы, горкомы партии сосредоточивали внимание партийных организаций на коренных экономических и политических проблемах, вытекающих из решений XXIII съезда и пленумов ЦК КПСС. Они придавали большое значение также выполнению указаний съезда о совершенствовании организационно-партийной работы, повышению ее эффективности и действенности. Например, в 1967 году бюро Атяшевского райкома партии заслушало вопрос «О работе парткома колхоза «Искра» по выполнению авангардной роли коммунистов на производстве»[9].

Такая постановка вопроса была вызвана тем, что в колхозе «Искра» было много ошибок, которые отрицательно сказывались на экономике хозяйства, на оплате труда колхозников.

Бюро изучило деятельность первичной партийной организации, проанализировало вопросы, как она осуществляет решения XXIII съезда партии, пленумов ЦК КПСС и разработанные мероприятия, направленные на подъем колхозного производства. Оказалось, что много делалось формально, отсутствовала постоянная организаторская и воспитательная работа, вследствие чего мероприятия, намеченные коммунистами и колхозниками по практическому претворению в жизнь решений XXIII съезда КПСС, оставались только на бумаге.

Указав на недостатки и причины, их породившие, райком партии выработал меры, способствующие повышению боеспособности партийной организации, персональной ответственности каждого коммуниста за состояние дел в колхозе и воспитанию колхозников в духе дисциплинированности и высокой сознательности.

Бюро райкома партии помогло коммунистам партийной организации выявить свои возможности и неиспользованные резервы, что способствовало улучшению положения хозяйства.

Об этом говорят следующие данные: в 1966 году в хозяйстве было получено зерновых по 8,03 ц с га, а в 1969 году — 16,1 ц. С ростом урожайности возросла продажа зерна государству. Если в 1966 году было продано 5857 ц, то в 1969 году — 18500 ц. Надой молока от каждой фуражной коровы за этот период увеличился на 206 кг. Значительно возросли производство и заготовка мяса. В 1962 году государству было продано 450 ц этой продукции, в 1969 году — уже 1516 ц. Денежный доход в 1962 году составлял 457, 4 тыс. руб., в 1969 году — 853,5 тыс., в том числе 320,6 тыс. руб. чистой прибыли. Уровень рентабельности в 1969 году составил 68%, а по отношению к основным средствам — 36,3%[10]. Это свидетельствует о высокой экономической эффективности всех отраслей.

Укреплению связей с коммунистами, с рабочими коллективами служит и такая форма, как выездные заседания бюро

райкомов КПСС. Это дает возможность на месте глубоко проанализировать работу партийной организации, привлечь к участию в обсуждении дел большое число коммунистов-производственников, специалистов сельского хозяйства.

Такую форму использует Дубенский райком партии. Одно из его заседаний состоялось 11 февраля 1970 года в красном уголке животноводов молочнотоварной фермы колхоза имени Чапаева. На нем заслушивался отчет о работе партбюро колхоза, были приглашены специалисты сельского хозяйства колхоза и сельхозуправления исполкома райсовета, бригадиры полеводческих и тракторных бригад, заведующие фермами, доярки, скотники и другие работники животноводства, а также агитаторы, закрепленные за коллективами животноводческих ферм.

В деловой, непринужденной обстановке сообща разобрались в недостатках работы партбюро колхоза, в причинах слабого влияния партийной организации на колхозное производство. Все желающие получили возможность высказать свое мнение. Бюро райкома выявило, что партийная организация и правление колхоза не понимали по-настоящему роли и особенно ответственности заведующих ферм, бригадиров и специалистов сельского хозяйства за порученное дело, из-за чего в хозяйстве еще недостаточно высока была культура земледелия, плохо налажено воспроизводство скота и племенная работа. Поэтому в 1969 году поголовье крупного рогатого скота на 100 га сельхозугодий сократилось по сравнению с 1968 годом на 5,1%, свиней — на 12,2 головы. В колхозе в 1969 году на 100 га сельхозугодий было произведено 31 ц мяса (по району — 40 ц), в том числе свинины — 4,5 ц (по району — 22,6 ц).

Рост уровня заготовки мяса в хозяйстве возрос в 1969 году по сравнению с 1968 годом всего лишь на 2,8% (по району — на 16,3%)[11].

Осудив безответственное отношение к своим обязанностям заведующих МТФ И. Н. Жутина, СТФ А. С. Денисова, ПТФ М. И. Демкиной, приведшее к снижению производства и заготовки продуктов животноводства, бюро райкома приняло постановление, направленное на улучшение всей работы партийной организации колхоза. Для контроля за исполнением этого постановления и оказания практической помощи в работе в колхозе продолжительное время находились инструктор райкома партии, специалисты сельхозуправления исполкома райсовета. Они помогли наладить социалистическое соревнование, разработали мероприятия по устранению недостатков, отмеченных на бюро райкома КПСС.

Деятельность первичных партийных организаций, а также руководство ими со стороны райкомов, горкомов партии постоянно находилось в центре внимания областного комитета партии. Так, в сентябре 1965 года бюро обкома рассмотрело деятельность Зубово-Полянского райкома партии по повышению

авангардной роли коммунистов[12]. В сентябре 1966 года бюро обкома партии заслушало вопрос о том, как Старошайговский райком повышает боеспособность первичных парторганизаций, как использует для этого имеющиеся возможности[13], а в октябре 1969 года слушало вопрос о работе Ромодановского райкома по приему в партию и воспитанию молодых коммунистов[14]. На бюро обкома партии обсуждалась деятельность и отдельных партийных организаций. В июне 1968 года бюро заслушало отчет секретаря парткома колхоза «Россия» Ковылкинского района П. И. Кулагина «О работе партийного комитета».

В своем постановлении бюро обкома партии обратило особое внимание парткома на повышение уровня идейно-воспитательной и культурно-массовой работы, на воспитание у тружеников села бережливости, хозяйственного отношения к земле, общественной и государственной собственности, на непримиримость к аморальным проявлениям и дальнейшее улучшение трудовой дисциплины[15].

Глубокое рассмотрение отчетов на пленумах, бюро райкомов, горкомов и обкома партии является большой школой для секретарей и всей партийной организации. Они помогают низовым партийным активистам глубже осмысливать свою деятельность, лучше уяснять и решать стоящие перед ними основные задачи. Этим самым райкомы, горкомы и обком партии прививали секретарям партийных организаций навыки партийной работы, учили их принципиальности, самокритичности, воспитывали в них чувство ответственности за порученное дело, предупреждали от повторения ошибок.

Приносит это пользу и самим райкомам, горкомам и обкому партии, поскольку в процессе обсуждения они получают точную и подробную информацию о состоянии дел в коллективах.

Следует отметить, что районные, городские и областной комитеты КПСС вскрывали не только недостатки, но и положительное в работе низового актива. Поэтому в рассматриваемый период обком, райкомы и горкомы партии внимательно изучали все новое, что появлялось в формах и методах работы первичных парторганизаций. Наиболее плодотворные начинания обобщались и рекомендовались для повсеместного применения с учетом специфики той или иной организации. Например, в 1966 году обком партии обобщил положительный опыт работы парткома колхоза имени М. Горького Атяшевского района. Он был изложен в справке и разослан во все партийные организации колхозов и совхозов республики.

Для распространения передового опыта в партийной работе отдел организационно-партийной работы обкома партии выпускает «Информационный бюллетень»[16]. В нем заведены постоянные рубрики: «Из опыта партийной работы», «О приеме в КПСС и изменениях в составе областной партийной организации», «На пленумах партийных комитетов», «На заседаниях бюро райкомов

и горкомов партии», «Новинки литературы по партийной работе» и др. На страницах бюллетеня выступают ответственные работники областного комитета партии, секретари и заведующие отделами райкомов и горкомов, секретари первичных партийных организаций. Только за последние полтора года на его страницах выступили: инструктор обкома партии И. Ф. Небайкин со статьей «Бюджет времени и стиль работы инструктора райкома партии»[17], секретарь Атяшевского райкома партии А. И. Макеев — «Эффективность партийных постановлений, методика организации и проверки их исполнения»[18], второй секретарь Дубенского РК КПСС — «Комсомолу — партийную заботу и внимание»[19], секретарь парткома колхоза «Восход» Атяшевского района П. П. Швецов — «Соревнование — важнейший участок партийной работы»[20], секретарь парткома колхоза «Победа» Чамзинского района Е. Ф. Акимова — «Работа по росту рядов партии и воспитание молодых коммунистов»[21]. Эти и другие статьи, опубликованные в «Информационном бюллетени», оказывают существенную помощь в совершенствовании партийной работы не только низовым звеньям, но и районным, городским комитетам партии.

По примеру обкома партии второй год практикуют выпуск информационных бюллетеней Атяшевский, Ардатовский и Ромодановский райкомы КПСС[22].

Немалая заслуга в поисках дальнейшего совершенствования форм и методов партийной работы принадлежит партийной печати. На страницах республиканских газет «Советская Мордовия», «Эрзянь правда», «Мокшень правда» и районных газет постоянно поднимаются вопросы совершенствования стиля работы райкомов и горкомов партии, первичных партийных организаций, подбора, расстановки и воспитания кадров, повышения их ответственности за порученное дело.

Газеты под рубрикой «Твоя партийная организация» стали больше помещать материалов о повышении роли и усилении боеспособности первичных и цеховых парторганизаций, партийных групп. Так, в 1968 году газета «Советская Мордовия» предоставила слово 47 партийным работникам, рассказавшим о тех переменах, которые произошли в работе партийных организаций после XXIII съезда КПСС, об опыте, приобретенном ими за это время[23].

Большую роль в обобщении и распространении положительного опыта в работе первичных партийных организаций играют методические советы, созданные при кабинетах организационно-партийной работы. Из практики видно, что при серьезном отношении к делу они играют заметную роль в улучшении организаторской и внутрипартийной работы.

Действенную помощь первичным партийным организациям оказывает методический совет при Ельниковском райкоме партии, состоящий из партийных, советских работников и сотрудников редакции. Возглавляет его персональный пенсионер М. В. Никишев. За сравнительно короткий срок члены совета обобщили и распространили положительный опыт работы парткома колхоза имени Ильича по руководству цеховыми партийными организациями, парторганизации «Сельхозтехника» — по руководству комсомолом и другими общественными организациями, колхоза «Восход» — по росту рядов партии. В конце 1969 года совет путем социологического исследования выявил мнение коммунистов партийных организаций колхозов имени Ильича и «Дружба» об отношении их к выполнению партийных поручений. Оказалось, что в партийных организациях колхоза имени Ильича добросовестно относятся к выполнению партийных поручений 42% коммунистов, а в колхозе «Дружба» — 37[24]. По результатам исследования в этих партийных организациях были проведены партийные собрания.

Социологические исследования проводятся и в ряде других районов республики. Опыт последних лет показал целесообразность использования конкретной социологии в партийной работе. Они позволяют партийным работникам научно проанализировать явления и тенденции современного общественного развития, обогащают партийные органы оперативной, разнообразной информацией, дают возможность довольно быстро выяснить мнение коммунистов и широких масс трудящихся по самым различным вопросам.

«Социологические исследования, основанные на материалистическом понимании истории и обобщающие конкретные факты жизни социалистического общества, — подчеркивалось на XXIII съезде КПСС, — с каждым днем играют все большую роль в решении практических вопросов — политических, производственных, воспитательных»[25]. Но до сих пор, как нам кажется, еще мало разработан вопрос о методах проведения социологического эксперимента в партийной работе.

В последние годы, в целях дальнейшего повышения активности коммунистов, широкое распространение получила практика регулярной информации первичных партийных организаций о деятельности районных и городских комитетов партии в период между конференциями. Например, в 1969 году с отчетами о своей работе из 23 райкомов и горкомов партии выступили 18[26].

Значительную роль в распространении передового опыта, на наш взгляд, должны сыграть утвержденные секретариатом обкома партии в конце 1969 года 14 базовых сельских первичных партийных организаций, накопивших положительный опыт в той или иной области партийного строительства[27].

Работа первичных организаций как вожаков масс в решающей степени зависит от секретарей, от их инициативы, умения организовать и возглавить людей.

В рассматриваемый период районные и городские комитеты партии Мордовии более внимательно подходили к подбору

людей для рекомендации их на должность секретарей колхозных и совхозных парторганизаций. К руководству парторганизациями выдвигались коммунисты, обладающие опытом организаторской и политической работы в массах.

Это отвечало требованиям партии, которые указаны в резолюции X съезда РКП(б): «Работа ячеек должна быть признана важнейшей областью партийной деятельности, и для непосредственной работы в ячейках должны быть выделены лучшие из находящихся на партработе товарищи»[28].

Кропотливый труд партийных органов дал свои результаты. Если в 1964 году только 63,4% секретарей колхозных и совхозных парторганизаций имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование, то на 1 января 1970 года они составили уже 88,2%[29]. Особенно хорошо работали по подбору кадров Ковылкинский горком, Дубенский, Ельниковский, Ичалковский, Краснослободский и Инсарский райкомы партии[30].

В прошлом серьезным препятствием планомерной работы с этой категорией партийных кадров была их обязательная заменяемость. Согласно требованиям устава партии только за 1963 год в республике, в связи с истечением срока, определенного уставом, было заменено 72,6% секретарей первичных организаций колхозов и совхозов[31]. XXIII съезд КПСС внес в соответствующий параграф устава партии дополнение, согласно которому коммунисты сами решают, кто достоин избрания на руководящую партийную работу. Такой порядок способствует формированию опытных партийных кадров и дальнейшему улучшению работы первичных организаций.

Одновременно с совершенствованием подбора секретарей колхозных и совхозных парторганизаций республики обком, райкомы и горкомы партии в годы пятилетки стали больше уделять внимания их идейно-политическому уровню, обучению практике партийной работы. Известно, что партийное строительство воплощает в себе единство теории и практики. В этом трудность и сложность его изучения. Здесь недопустимы школярство, чисто книжный подход.

Большую роль в обучении партактива сыграло постановление ЦК КПСС «Об организации в республиках, краях и областях постоянно действующих курсов по переподготовке партийных и советских работников»[32]. За последние два года постоянно действующие курсы при Мордовском обкоме КПСС окончили 345 секретарей партийных организаций колхозов и совхозов[33]. Перед слушателями выступают секретари обкома КПСС, заведующие отделами и другие ответственные работники, руководители Совета Министров и Президиума Верховного Совета республики, министры, секретари райкомов и горкомов, секретари парторганизаций, руководители колхозов.

Важное место в работе курсов занимает изучение актуальных вопросов теории и практики партийного строительства и

прежде всего организационных основ партии, норм партийной жизни.

В лекциях и докладах раскрываются главные направления организаторской и идеологической работы партии на современном этапе, дается анализ практической деятельности сельских партийных организаций по осуществлению решений XXIII съезда и пленумов ЦК КПСС. Большое внимание уделяется изучению стиля, методов партийной работы, опыта партийного руководства хозяйственным и культурным строительством.

Важное место на курсах занимают семинарские занятия, которые, как правило, проходят при активном участии слушателей. В своих выступлениях они показывают не только знание изучаемого материала, но и обмениваются опытом работы.

Со слушателями курсов проводят практические занятия непосредственно в колхозах и совхозах. Так, одно из них состоялось в колхозе имени Калинина Большеберезниковского района. Председатель колхоза, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Н. В. Камаев и секретарь парторганизации А. В. Исаев рассказали об организации труда в полеводстве и животноводстве, о постановке массово-политической, воспитательной работы в бригадах и на фермах, особенно среди молодежи. На конкретных фактах слушатели проследили, как этот колхоз из отстающего превратился в лучшее хозяйство Мордовии.

Изменились характер и содержание учебы секретарей партийных организаций и на местах. До недавнего времени некоторые райкомы партии ограничивали свою работу с секретарями лишь семинарами, которые подчас напоминали пресловутую «накачку». Причем на семинары собирали всех секретарей скопом, не учитывая специфики отдельных партийных организаций. Мало проявлялось заботы об учебе секретарей цеховых партийных организаций и партийных групп.

В 1968 году отдел оргпартработы обкома партии обобщил деятельность школы партийного актива при Атяшевском райкоме. Справка о ее делах была разослана во все райкомы и горкомы партии[34]. И надо заметить, что опыт школы партийного актива в Атяшевском районе во многом помог устранению имевших ранее пробелов в работе других райкомов.

Стремясь поднять научный уровень идейной подготовки секретарей парторганизаций, многие райкомы и горкомы партии республики стали регулярно проводить теоретические конференции по вопросам партийного строительства. Здесь коммунисты рассматривают конкретные вопросы марксистско-ленинского учения о партии, изучают нормы и принципы партийной жизни, обмениваются опытом организаторской и политической работы. Так в 1968 году во всех районах республики прошли конференции на тему: «О ленинском стиле в партийной работе»[35].

Конференции, как правило, проходят живо, содержательно, при большой активности коммунистов. Это объясняется тем, что они тщательно готовятся партийными комитетами: заблаговременно определяются темы докладов и некоторых выступлений, намечаются докладчики, разрабатываются методические советы, составляются списки рекомендуемой литературы и т. д.

Ценность теоретических конференций в том, что на них идет предметный разговор о ленинском стиле в работе, о нормах и принципах жизни партии, об ответственности каждого коммуниста за неукоснительное соблюдение этих норм и принципов, за укрепление и повышение боеспособности парторганизаций.

Но какой бы совершенной ни была система организационной учебы, все же главным в повышении теоретического уровня и расширении кругозора партийного работника является, на наш взгляд, самообразование.

Очень метко высказал свою мысль по этому поводу С. М. Киров: «Когда мы касаемся вопросов самообразования, у нас чаще всего один аргумент — некогда, целый день беготня, целый день язык на плече. А я советую, вот попробуйте этот язык с плеча снять хотя бы на час, и вы увидите, что ничего страшного не произойдет... Мы хотим так наладить нашу работу, чтобы каждый из нас находил время и для газеты, и для книги, и для изучения ленинизма, и для повышения своего культурного уровня. Это будет огромным вкладом в нашу практическую работу и вознаградится сторицей»[36].

Говоря об учебе секретарей первичных парторганизаций, нельзя забывать и о том, что главной ее формой является повседневная практическая помощь со стороны местных партийных комитетов.

В свое время В. И. Ленин советовал: «*во что бы то ни стало* нужно оторваться от сутолоки и суматохи ... говорения и писания бумажек, ... а побольше заниматься главным — проверять, что выходит на деле»[37].

Учитывая эти ленинские советы, многие райкомы и горкомы партии, перейдя по опыту ленинградцев на перспективное планирование своей работы, добились заметного сокращения количества заседаний, совещаний и тем самым высвободили значительное время для непосредственного общения с первичными партийными организациями, контроля и исполнения партийных решений.

Если до 1965 года заседания бюро райкомов и горкомов партии проходили, как правило, еженедельно, то в настоящее время — два раза в месяц и рассматривается на них по одному основному вопросу.

Известно, что до октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС распространенным недостатком партийного руководства сельским хозяйством являлся отрыв решений от их исполнения, перепоручение выполнения принятых решений руководителям

нижестоящих партийных организаций. При таком порядке, когда орган, принимавший решение, одновременно не являлся главным организатором его исполнения, решения на местах нередко не выполнялись.

Учитывая это, местные партийные комитеты Мордовии в последние годы заметно усилили поиски новых методов проверки исполнения директив вышестоящих партийных органов и собственных решений.

В свое время В. И. Ленин писал: «Надо организовать это дело правильно: всегда иметь папку или табличку *неисполненных*, или требующих постоянного надзора (за исполнением), постановлений»[38]. Сейчас такую роль в обкоме, райкомах и горкомах партии выполняют специально заведенные карточки, в которые систематически заносятся материалы и данные, характеризующие ход выполнения принимаемых решений. Такая форма работы обеспечивает оперативность в реализации решений.

Но никакая картотека не может заменить проверку исполнения, осуществляемую непосредственно на местах путем живого общения с людьми. Следовательно, ее нужно понимать не в узком, а в широком смысле, как организацию выполнения принятых постановлений, оказание практической помощи на месте.

В настоящее время партийные комитеты стремятся так организовать деятельность партийного аппарата и актива, чтобы они больше занимались живой организаторской работой непосредственно в первичных партийных организациях, меньше сидели в кабинетах.

На наш взгляд, заслуживают внимания систематические выезды отдельных групп работников в первичные партийные организации для оказания им практической помощи. Группы комплектуются из работников партийного аппарата, райкома комсомола, отдела культуры, специалистов сельского хозяйства. Ее, как правило, возглавляет секретарь райкома партии.

Вот как, например, была организована работа группы Темниковского райкома партии при выезде в парторганизацию колхоза «Якстерь тяште», которую возглавлял первый секретарь райкома партии. В нее вошли секретарь РК ВЛКСМ, два инструктора райкома партии, секретарь парторганизации.

Спокойно, по-деловому, не подменяя руководителей хозяйств, они помогли вскрыть и устранить недостатки, оказали конкретную помощь первичным партийным организациям в улучшении постановки организационно-партийной и партийно-политической работы. Поэтому коммунисты и колхозники положительно отзываются об их работе.

«Поменьше командуй, поменьше изображай ревизора,— учил работников партийного аппарата С. М. Киров,— помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь»[39].

Стремление районных и городских комитетов партии руководить первичными партийными организациями конкретно, деловито подняло роль и значение инструкторов. Основные методы действия инструкторов — живая связь с первичными партийными организациями, деловая помощь на месте, распространение передового опыта, выявление и устранение недостатков.

Именно так понимает свои задачи инструктор Рузаевского райкома партии В. И. Грязнова. Зная, что партком колхоза «Россия» недостаточно уделяет внимания цеховым партийным организациям, В. И. Грязнова запланировала поездку в эту партийную организацию. При знакомстве с делами на месте было вскрыто ряд недостатков. Особенно много упущений имелось в деятельности цеховой партийной организации второй производственной бригады. Секретарь цеховой парторганизации В. В. Ударов работу парторганизации не планировал, собрания проводились редко и наспех, протоколы партсобраний не оформлялись, в запущенном состоянии находилась воспитательная работа с колхозниками.

В. И. Грязнова высказала секретарю свои замечания, разъяснила, как надо наладить работу, оказала соответствующую помощь и взяла эту партийную организацию под контроль.

Позднее В. И. Грязнова еще раз побывала в бригаде, проверила, как выполняются намеченные ранее мероприятия. В настоящее время эта цеховая парторганизация является одной из лучших в колхозе и районе[40].

Инструкторы партийных комитетов стараются действовать не как уполномоченные по проведению очередной кампании, а как политические организаторы, помогающие первичным партийным организациям найти верные пути партийного влияния на коллективы. Не сразу определила свое место в решении задач, поставленных мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, партийная организация колхоза «Большевик» Ромодановского района. Партком шел проторенной дорожкой, нередко дублировал и подменял правление колхоза, и как результат, в запущенном состоянии оказалась организационно-политическая работа. На этот недостаток обратил внимание инструктор райкома партии П. Н. Родин.

Члены парткома колхоза вместе с инструктором начали думать, как повысить действенность партийной работы. Пришли к выводу, что многое надо изменить. И прежде всего отказаться от попыток подменять хозяйственников. По совету инструктора в тракторной бригаде была создана партийная группа, проведено партийное собрание с вопросом «Устав КПСС об обязанностях коммуниста». П. Н. Родин принял активное участие в его подготовке, выступил со своими замечаниями и предложениями. И жизнь партийной организации оживилась, возросла активность коммунистов, что положительно сказалось на хозяйственных делах артели[41].

Партийная работа — это прежде всего работа с людьми — коммунистами и беспартийными. Поэтому она требует постоянного совершенствования стиля и методов деятельности местных партийных организаций.

После XXIII съезда КПСС, мартовского (1965 г.) Пленума и постановления ЦК КПСС «О работе Добренского райкома партии Липецкой области» в деятельности местных партийных органов бесспорно появилось много поучительного.

Во-первых, изменился стиль работы. Сократилось количество заседаний и совещаний. Секретари и инструктора райкомов и горкомов партии большую часть времени находятся в хозяйствах, в первичных парторганизациях, помогают им на месте, сосредоточивают внимание на работе с людьми.

Во-вторых, в основу работы райкомов и горкомов партии легли такие принципы, как неразрывная связь с массами, развитие их инициативы и самодеятельности, умение убеждать и вести массы за собой; систематическая проверка исполнения директив вышестоящих партийных органов и своих собственных решений, подбор и воспитание кадров, реалистическая оценка достигнутых результатов.

Из всего сказанного не следует, конечно, делать вывод о том, что в деятельности райкомов и горкомов партии Мордовии уже все совершенно. Можно ещё встретить вместо деловитости — парадность, вместо практической работы — заседательскую суетню, вместо опоры на первичные парторганизации — в ряде случаев допускается подмена и мелочная опека хозяйственных руководителей.

У местных руководящих партийных органов, разумеется, немало различных забот, зачастую они бывают загружены большой оперативной работой, но было бы неправильно с головой уходить в текучку, целиком подчиняться ей. В партийной, как и в другой работе очень важно постоянно иметь в виду коренные, перспективные вопросы, уметь определять основные направления в работе и тем самым правильно ориентировать партийные организации в борьбе за выполнение задач, выдвигаемых партией.

XXIII съезд КПСС особо подчеркнул, что на современном этапе строительства коммунизма, как никогда, партийные, хозяйственные органы в своей практической работе должны неукоснительно соблюдать ленинское требование: поставить как свою первую, очередную и главнейшую задачу именно практичность и деловитость организаторской работы.

Первостепенное значение имеет работа с кадрами, воспитание их в духе высокой идейности, четкости, соблюдения партийной и государственной дисциплины, персональной ответственности за исполнение директив партии и правительства, как этого требует XXIV съезд КПСС.

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, стр. 96.
[2] АМОК КПСС, ф. 1235, оп. 9, д. 1, стр. 3.
[3] Там же, ф. 87, оп. 2, д. 127, стр. 4.
[4] Там же, ф. 1236, оп. 14, д. 4, стр. 33.
[5] «Советская Мордовия», 20 июня 1967 года.
[6] Текущий архив Мордовского ОК КПСС.
[7] АМОК КПСС, ф. 677, оп. 3, д. 69, стр. 177.
[8] Текущий архив колхоза им. Ленина Кочкуровского района.
[9] АМОК КПСС, ф. 443, оп. 4, д. 283, стр. 50.
[10] Годовые отчеты колхоза «Искра» Атяшевского района Мордовской АССР.
[11] «Новая жизнь», орган Дубенского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся, 14 февраля 1970 года.
[12] Текущий архив Мордовского ОК КПСС.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Текущий архив Мордовского ОК КПСС.
[16] Там же, отдел оргпартработы.
[17] Текущий архив Мордовского ОК КПСС. «Информационный бюллетень», № 4, 1969.
[18] Там же.
[19] Там же, № 2, 1968.
[20] Там же, № 3, 1969.
[21] Там же.
[22] Текущий архив Мордовского ОК КПСС, отдел оргпартработы.
[23] «Вопросы истории КПСС», 1969, № 12, стр. 71.
[24] «Трибуна колхозника», орган Ельниковского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся, 27 марта 1970 года.
[25] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, стр. 56.
[26] Текущий архив Мордовского ОК КПСС, отдел оргпартработы.
[27] Там же.
[28] КПСС в резолюциях и решениях съездов и конференций, ч. 1, стр. 524.
[29] Текущий архив Мордовского обкома КПСС, отдел оргпартработы.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] «Партийная жизнь», 1967, № 22.
[33] Текущий архив Мордовского ОК КПСС, отдел оргпартработы.
[34] Текущий архив Мордовского ОК КПСС, отдел оргпартработы.
[35] Там же.
[36] С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1939, стр. 692—693.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 364.
[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 53.
[39] С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934 гг.). М., 1957, стр. 650.
[40] «Информационный бюллетень» ОК КПСС, 1969, № 4, стр. 13.
[41] «Советская Мордовия», 21 сентября 1965 года.

Г. И. ЛЕСОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ МЕХАНИЗАТОРСКИХ КАДРОВ — ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПОДЪЕМА КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Вопросы развития сельского хозяйства Коммунистическая партия всегда разрабатывала и решала в связи с общими задачами строительства социализма и коммунизма в СССР. Особенно большие задачи были поставлены перед сельским хозяйством мартовским (1965 г.) и июльским (1970 г.) Пленумами ЦК КПСС.

В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти обратил самое серьезное внимание партии на необходимость создания хорошо подготовленных специалистов, способных успешно применять электричество не только в промышленности, но и в земледелии. Выступая на III Всероссийском съезде РКСМ, В. И. Ленин говорил: «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут...»[1]

Коммунистической партии пришлось приложить немало усилий, чтобы создать из неграмотного в прошлом крестьянского населения России квалифицированных работников социалистического сельского хозяйства. В основу этой деятельности были положены ленинские идеи о развитии производительных сил сельского хозяйства, поднятии культурно-технического уровня тружеников деревни, укреплении союза рабочего класса и крестьянства.

Наша страна в плановом порядке стала готовить из колхозного крестьянства разнообразных специалистов для сельского хозяйства, в том числе большое количество механизаторских кадров.

В результате оснащения села самой разнообразной техникой происходит быстрый рост удельного веса труда механизаторских кадров в сельскохозяйственном производстве. Механизаторы становятся, по существу, ведущими работниками в сельском хозяйстве. Учитывая это, партия уделяет большое

внимание поднятию культурно-технического уровня колхозного крестьянства в соответствии с ростом технической оснащенности и механизации сельскохозяйственного производства.

К 1959 году на полях Мордовии уже работало 11195 механизаторов[2]. Они являлись наиболее организованной, квалифицированной частью тружеников колхозного села.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение реорганизовать школы механизации в училища механизации сельского хозяйства и развернуть в них подготовку трактористов-машинистов и других механизаторов широкого профиля по системе, применяемой в промышленных профессионально-технических учебных заведениях.

Переход от трех- и шестимесячного к годовому сроку обучения, от подготовки трактористов и комбайнеров узких специальностей к подготовке механизаторов широкого профиля завершился в 1957 году. Укрепление материально-технической базы училищ, установление стипендии учащимся, зачисление их на государственное обеспечение способствовало улучшению подготовки механизаторских кадров.

Оснащение сельского хозяйства новейшей техникой требует от механизатора знания устройства и правил технической эксплуатации основных марок тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Кроме того, механизатор должен усвоить передовую технологию возделывания сельскохозяйственных культур и агротехнику с получением дополнительной специальности слесаря III разряда.

В Мордовской АССР с 1956 по 1959 год в училищах механизации сельского хозяйства и ремесленных училищах по механизации сельского хозяйства из числа сельской молодежи было подготовлено 10,1 тыс. механизаторов[3]. Такое пополнение механизаторских кадров благоприятно повлияло не только на развитие сельского хозяйства республики, но и на профессиональный рост колхозного крестьянства.

Оснащение сельского хозяйства новейшими машинами и механизмами повышает требования к квалификации сельского механизатора. Так, промышленность только в 1964 году поставила сельскому хозяйству 640 наименований машин и механизмов, против 154 наименований в 1953 году[4]. Отсюда важное значение приобретает развитие профессионально-технического обучения сельской молодежи и улучшения подготовки механизаторских кадров.

В рассматриваемый период профессионально-техническое образование развивалось на основе закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятого Верховным Советом СССР в декабре 1958 года. Закон определил пути формирования и воспитания молодых строителей коммунизма и наметил направления и формы профессионально-технического образования. Так,

закон установил, что основной задачей профессионально-технического образования является планомерная и организованная подготовка для всех отраслей народного хозяйства культурных и технически грамотных рабочих и тружеников сельского хозяйства, коммунистическое воспитание учащихся, формирование у учащейся молодежи коммунистического отношения к труду. Закон предусматривал в течение 3—5 лет преобразовать существующие училища трудовых резервов, школы других ведомств и министерств в профессионально-технические учебные заведения единого типа. Практические меры, проведенные по выполнению закона, обеспечили организованную и планомерную подготовку технически образованных механизаторских кадров для колхозного села.

Изменения, происшедшие в процессе подготовки механизаторских кадров, повысили интерес сельской молодежи к профессии механизатора. Поступавшая в училища молодежь в своем большинстве имела общеобразовательный уровень более высокий по сравнению с учащимися бывших школ механизации. Число учащихся с образованием выше семи классов в 1969 году составило 54% против 27,2% в 1963 году[5]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что ряды механизаторов колхозов и совхозов нашей республики ежегодно пополняются молодежью с более высоким образовательным и культурным уровнем.

Большое значение в деятельности сельских училищ механизации имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 января 1962 года «Об улучшении дела подготовки механизаторских кадров для сельского хозяйства»[6], где были отмечены недостатки в подготовке специалистов для села.

Бюро Мордовского обкома КПСС и Совет Министров Мордовской АССР, изучив вопрос о подготовке механизаторских кадров в республике, отметили, что недостатки, вскрытые в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, имели место и в училищах механизации сельского хозяйства МАССР. Областной комитет партии и Совет Министров обязали Мордовское республиканское управление профтехобразования, райкомы КПСС и райисполкомы обеспечить подготовку, начиная с 1962 года, механизаторов сельского хозяйства в училищах механизации и в сельских профессионально-технических училищах по следующим основным специальностям: тракторист-машинист широкого профиля, механизатор животноводческих ферм с квалификацией электромонтера, механизатор мелиоративных и ирригационных работ, электромонтер сельской электрификации и связи, слесарь по ремонту тракторов, автомобилей и сельхозмашин[7].

Подготовка механизаторских кадров по этим специальностям способствовала повышению производительности труда в сельском хозяйстве и профессионального роста тружеников села.

Переход на подготовку по указанным специальностям с соответствующим сроком обучения осуществлялся постепенно в течение 1962—1965 годов.

Кузницей рабочих кадров для сельского хозяйства являются сельские профессионально-технические училища. В 1970 году в республике было 11 сельских профтехучилищ. С 1960 по 1970 год для сельского хозяйства ими было подготовлено более 40 тыс. специалистов[8]. Только за последнее пятилетие (1966—1970 гг.) сельские профтехучилища выпустили трактористов-машинистов широкого профиля 3497 человек, трактористов-машинистов III класса — 6406 человек, электромонтеров сельской электрификации с квалификацией слесаря — 1366 человек, шоферов с квалификацией слесаря — 1582 человека, механизаторов животноводческих ферм — 315 человек, слесарей по ремонту тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин — 649 человек[9].

В рассматриваемое время увеличивается охват обучения сельской молодежи училищами системы профессионально-технического образования. Это можно видеть из таблицы 1.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в училища профтехобразования в 1970 году было принято учащихся из сельской молодежи более чем в два раза по сравнению с 1960 годом. Всего за эти годы готовилось механизаторов и квалифицированных рабочих 58564 человека, в том числе 52325 человек из колхозной молодежи. Из них 14290 человек готовились в городских профессионально-технических училищах и влились в ряды рабочего класса.

Качество подготовки высококвалифицированных кадров сельских механизаторов во многом зависит от учебно-материальной базы училищ, которая растет из года в год. Только за три года (с 1967 по 1970) сельские профтехучилища приобрели различной сельскохозяйственной техники на сумму 960 тыс. рублей. Их машинно-тракторный парк пополнился 65 гусеничными и 60 колесными тракторами, 42 комбайнами и 15 автомобилями. Все 10 сельских профтехучилищ, готовящих механизаторские кадры, в основном обеспечены кабинетами для лабораторно-практических занятий, слесарными и ремонтными мастерскими. Об этом свидетельствует таблица 2.

В сельских профтехучилищах продолжается работа по дальнейшему укреплению учебно-производственной базы, созданию условий для полного прохождения учебных программ. Только в 1969 году кабинеты теоретических и лабораторно-практических занятий пополнились 63 комплектами учебно-наглядных пособий для предметов профессионально-технического цикла[10].

Ежегодно улучшается качественный состав инженерно-педагогических работников. Если на начало 1967 года в сельских профтехучилищах из 143 преподавателей высшее образование

Таблица 1[11]

	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970 *
Всего принято из сельской местности	2986	4188	4441	4731	4961	4929	5955	5906	7003	7429	7486
В том числе колхозной молодежи	2501	3794	4112	4415	4931	4125	4728	4799	6250	6685	3812
Из них учились:											
а) в сельских профтехучилищах по подготовке механизаторов для сельского хозяйства	2101	3337	3412	3155	3740	3784	3391	3110	3636	3644	3473
б) в городских профтехучилищах по подготовке квалифицированных рабочих для промышленности	400	457	700	1261	1191	341	1332	1689	2614	3021*	2339

Таблица 2[13]

Наименование кабинетов	Количество кабинетов и мастерских для лабораторно-практических занятий
По тракторам	12
По комбайнам	10
По с/х машинам	9
По автоделу и правилам движения автотранспорта	9
Ремонтному делу и ремонтным мастерским	12
По горячей регулировке	3
Слесарные мастерские	11

имели 44 человека (30,7%), незаконченное высшее — 3 человека (2,1%), среднеспециальное — 87 человек (60,9%), то к 1970 году из 135 преподавателей высшее образование имели 51 человек (38%), незаконченное высшее — 11 человек (9%) и среднеспециальное — 69 человек (51,1%). Эти данные показывают, что состав преподавателей с высшим образованием за 3 года увеличился на 20,6%. Аналогичное явление наблюдается и в росте качества мастеров производственного обучения[14].

С улучшением состава преподавательских кадров повышается качество подготовки специалистов в сельских профтехучилищах. Например, в 1968/69 учебном году средняя успеваемость учащихся сельских профтехучилищ равнялась 99,2%, т. е. было выше, чем в 1966/67 учебном году (90,3%). В 1968/69 учебном году хорошие и отличные оценки по теории имели 47,3%, из 3579 учащихся сдали выпускные экзамены 3546, или 99,67%, а в 1966/67 учебном году соответственно 37,9%, 98,9%[15].

Важным и ответственным периодом обучения сельских механизаторов является производственная практика, где будущий механизатор проявляет свои способности в практических условиях. Во время практики учащиеся выполняют самостоятельно все операции и приобретают навыки эксплуатации по всей программе.

Итоги производственной практики за последние 5 лет показывают, что объем сельскохозяйственных работ, выполняемых учащимися из года в год, растет, что является важным показателем улучшения профессиональных навыков и применения передового метода труда. Это видно из таблицы 3.

В 1969 учебном году производственную практику прошли 2053 учащихся, из них 1693 человека в колхозах и совхозах Мордовской АССР, 300 человек в Павлодарской области и 60 человек в Калмыцкой АССР. Всего за время производственной практики учащиеся выполнили объем работ на 452540,9 га в переводе на мягкую пахоту (или по 220,4 га м. п. на одного

Таблица 3[16]

	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Всего выполнено сельскохозяйственных работ (га м. п.)	595326	411107	447190	411159,6	452540,9	474434
Число учащихся, проходивших практику	3095	2537	2143	1893	2053	2641
Выработано на 1 уч-ся (га м. п.)	192,3	162	208,6	217,2	220,4	179[17]

учащегося). Из них вспахано — 219894 га, засеяно — 100972 га, забороновано — 330599 га, прокультивировано — 101835 га, убрано хлебов прямым комбайнированием — 31078 га, подобрано валков при раздельной уборке — 28147 га, скошено хлебов — 46158 га и сделано прочих сельскохозяйственных работ — 83513 га[18].

Многие учащиеся во время практики показали отличные результаты. Так, ученик Курмачкасского СПТУ № 7 Н. Куликов, работая помощником комбайнера на СК-4 с жаткой ЖВН-10, скосил 450 га, подобрал валков с площади 200 га. Н. Барсуков, работая трактористом на пахоте, вспахал 250 га, подобрал валков на площади 205 га. А учащийся Сабур-Мачкасского СПТУ № 2 А. В. Пышков вспахал 150 га, подобрал валков с 250 га, убрал прямым комбайнированием 105 га, намолотил 3563 ц[19].

За хорошую работу многие учащиеся-практиканты получили награды и премии. Всего награждено грамотами 42 учащихся, ценными подарками и премиями 35, объявлена благодарность 215 учащимся.

Руководителями совхоза «Улан-Хесчи» Яшкульского района Калмыцкой АССР за хорошую работу были награждены Похвальными грамотами и денежной премией учащиеся Торбеевского СПТУ № 3. В совхозе «Тавн-Гашунский» этого же района награждены грамотами, денежными премиями и объявлена благодарность 13 учащимся[20].

Однако в проведении производственной практики допускаются серьезные недостатки, которые снижают качество подготовки квалифицированных механизаторов. Так, в 1967 году проходили практику 2143 человека, выполнили ее полностью 1906 человек, или 88,9%. Работали на прочих работах, не предусмотренных программой, 122 человека, или 5,7%[21].

Большое значение в подготовке механизаторов имеют учебные хозяйства. Они позволяют проводить занятия на машинно-тракторных агрегатах непосредственно в производственных

условиях, приобретать навыки по техническому обслуживанию машин и основам агротехники, соблюдая при этом все необходимые учебные требования. Такие хозяйства в настоящее время имеют 8 СПТУ. Земельный фонд этих учебных хозяйств составляет 2696,3 га, в том числе 2052,15 га пашни.

Лучшие сельские профтехучилища по урожайности отдельных культур с учебных хозяйств превосходят колхозы и совхозы. Это можно проследить на примере учебного хозяйства Ардатовского СПТУ № 8[22].

Таблица 4

	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
Внесение удобрений (ц/га)	1,3	2,2	3,0	4,0
Урожайность зернобобовых (ц/га)	13	18,3	18	19
Урожайность по району (ц/га)	12,4	13,7	16,9	18,4

Однако имеются и такие СПТУ, в учебных хозяйствах которых наблюдаются низкие урожаи, плохая организация животноводства, что влияет на качество подготовки специалистов. Многие хозяйства малы по размерам земельной площади. Это не обеспечивает обучение учащихся начальным производственным навыкам. А в Темниковском СПТУ № 1 и Зубово-Полянском СПТУ № 6 учебные хозяйства отсутствуют совсем.

Желает лучшего учебно-материальная база большинства учебных заведений. Недостает автомобилей, гусеничных тракторов, прицепов, сельхозмашин, специальных комбайнов, вертикальных сверлильных станков. Недостаточна ремонтная база. Обучение будущих механизаторов зачастую производилось на морально устаревших и физически изношенных тракторах и сельскохозяйственных машинах. Сроки поступления новой техники в училища отстают по сравнению с поступлением ее в колхозы и совхозы. Поэтому выпускники вынуждены осваивать эту технику на производстве после окончания училища. Такое положение с техникой не отвечает требованиям июльского Пленума ЦК КПСС (1970 г.) и замедляет выполнение его решений. Для успешного выполнения решений Пленума ЦК КПСС необходимо: значительно улучшить материальную базу профтехучилищ; производственную практику учащихся следует проводить в составе групп под руководством мастера, что положительно повлияет на качество практики; укрепить учебно-материальную базу; в связи с увеличением наезда часов по отработке упражнений по вождению с 50 до 70 часов увеличить фондовое выделение автомобилей в год с 6 ед. до 10 ед.; увеличить поставку киноаппаратов, диапроекторов и магнитофонов; заменить морально и физически устаревшую технику и оборудование.

Задачей сельских профессионально-технических училищ является не только подготовка квалифицированных кадров, но и их коммунистическое воспитание. Формы воспитательной работы различны, но все они играют важную роль в формировании морального облика будущего труженика села. Большое значение имеет курс «Эстетическое воспитание», введенный в 1962/63 учебном году. Учащиеся, изучая этот курс, получают сведения о коммунистической этике и морали. На основе морального кодекса строителя коммунизма учащимся прививается преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, коммунистическое отношение к труду, высокое сознание общественного долга, коммунистическая нравственность в отношениях между людьми, основанных на труде, товариществе и братстве. Изучив курс эстетического воспитания, будущие механизаторы колхозного села смогут в дальнейшем самостоятельно воспитывать в себе качества нового, духовно богатого, морально чистого человека — строителя коммунизма.

Мордовское республиканское управление профессионально-технического образования придает важное значение коммунистическому воспитанию. Ежегодно проводятся конкурсы на лучший кабинет эстетического воспитания. В 1962/63 учебном году в этом конкурсе приняли участие 6 городских и 4 сельских профессионально-технических училища. Итоги конкурса показали хорошую постановку работы кабинетов эстетического воспитания при Темниковском СПТУ № 1, Сабур-Мачкасском СПТУ № 2[23]. Этот конкурс способствует организации культурно-массовой работы. Через кабинеты, во внеклассное время, большое внимание уделяется развитию творческих способностей учащихся, участию в работе кружков художественной самодеятельности. Проводятся лекции, вечера встреч, конференции, помогающие углубить знания учащихся и интересно организовать их досуг. Так были организованы встречи с мордовскими писателями — Л. Ф. Макуловым, Ф. К. Андрияновым. Рядом сельских профтехучилищ проводились экскурсии в картинную галерею им. Сычкова и Эрьзи[24]. Все эти мероприятия способствуют культурному росту учащихся.

В воспитании у учащейся молодежи коммунистического отношения к труду важное значение имеет обществоведение. Этот предмет в популярной форме излагает основные положения марксистско-ленинской философии, политики КПСС и Программы партии. Материал этого курса вооружает будущих механизаторов умением применять марксистско-ленинскую теорию в своей практической деятельности.

В учебных заведениях профессионально-технического образования Мордовской республики широко используется такая эффективная форма идеологического воздействия на учащихся, как лекционная пропаганда. На наш взгляд, правильно организованное чтение лекций помогает решению основной задачи —

подготовке высококвалифицированных молодых механизаторов, способствует расширению технического и культурного кругозора учащихся, воспитанию у них коммунистической морали, укреплению дисциплины. За 1964/65 учебный год в училищах профтехобразования прочитано 500 лекций: на общественно-политические, естественно-научные, научно-технические и сельскохозяйственные темы. Хорошо поставлена эта форма воспитания в лекторских группах в Сабур-Мачкасском СПТУ № 2, Зубово-Полянском СПТУ № 6, Ичалковском СПТУ № 10 и др.[25]. Например, в Ардатовском СПТУ № 8 создан кружок политинформаторов из числа учащихся, руководит которым преподаватель обществоведения. 54 члена этого кружка самостоятельно готовили материал и проводили политинформации во всех группах училища, проводили беседы и доклады в колхозах[26].

В сельских профтехучилищах изучается опыт работы передовиков-механизаторов. Традицией стали встречи с передовиками производства, промышленности и сельского хозяйства; воспитание юных механизаторов на трудовых традициях рабочего класса и колхозного крестьянства.

Так, с целью изучения передового опыта работы новаторов сельскохозяйственного производства Ичалковского СПТУ № 10 часто проводит встречи с передовиками сельского хозяйства района. Очень интересно прошла встреча учащихся с бывшими выпускниками этого училища: Героем Социалистического Труда Н. И. Кулаковым — трактористом колхоза «По заветам Ленина», бригадиром комплексной бригады конезавода № 27 Е. А. Кейль, награжденным орденом Ленина.

Перед учащимися Ардатовского СПТУ № 8 имени И. А. Пожарского также регулярно выступают бывшие выпускники училища, ныне знатные люди Мордовской республики. Это Герои Социалистического Труда И. С. Китайкин — бригадир комплексной бригады и А. А. Узойкин — комбайнер. Они передают свой богатый производственный и жизненный опыт молодым механизаторам. И. С. Китайкин провел беседу с учащимися на тему «О влиянии технических уходов на эксплуатацию тракторов», при этом дал сравнительную оценку выработки на каждый трактор в районе и бригаде. Выпускник этого училища Н. Ф. Уваров провел беседу с учащимися «О влиянии качества ремонта на эксплуатацию тракторов в Ардатовском районе»[27].

Несомненно, все эти встречи позволяют воспитывать у учащихся глубокое понимание значения труда в обществе. Одной из форм коммунистического воспитания является социалистическое соревнование. Коллективы училищ широко развернули соревнование за звание группы резерва бригад коммунистического труда. Так, в юбилейном, ленинском 1970 году это звание присвоено 106 учебным группам[28]. В честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Инсарскому СПТУ № 4 присвоено звание «Училище высокой культуры труда», комсомольской организации Темниковского СПТУ № 1 было вручено памятное знамя Мордовского обкома комсомола. Пушкинское СПТУ № 9 награждено Почетной грамотой Государственного комитета профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР.

Большое развитие в училищах Мордовии получили техническое творчество, изобретательство и рационализация. Так, в 112 технических кружках в 1965 году занималось 933 учащихся, в 77 предметных кружках — 1261 человек. Силами работников и учащихся изготовлено 1195 различных наглядных пособий[29].

В 1969/70 учебном году проведены четыре республиканские выставки технического творчества, посвященные 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 30-летию государственной системы профтехобразования. На этих выставках экспонировались лучшие работы учащихся и работников городских и сельских профтехучилищ. Они вызвали большой интерес не только у учащихся и работников учебных заведений, но и школьников общеобразовательных школ, рабочих, колхозников. Выставку технического творчества, которая была организована в июне 1970 года в городском парке культуры и отдыха им. А. С. Пушкина в г. Саранске, только за 10 дней работы посетило около 6000 человек[30]. Выставки показали рост технической культуры учащихся сельских профтехучилищ, стремление будущих механизаторов сельского хозяйства к овладению новой техникой и передовыми методами труда.

Для большего развития технического творчества, изобретательства и рационализации во всех сельских профессионально-технических училищах созданы организации ВОИР. Начиная с 1962 года комитет по профтехобразованию при Совете Министров МАССР совместно с Мордовским обкомом комсомола и Мордовским республиканским советом ВОИР проводит республиканские смотры-конкурсы среди учащихся и работников профтехобразования на лучшие рационализаторские предложения и изобретения. Результаты этих конкурсов подводятся на слетах. Так, в 1967 году в первичных организациях ВОИР сельских профтехучилищ занималось 1282 человека. В ходе смотра-конкурса на лучшее профтехучилище по развитию технического творчества, рационализации и изобретательства было подано 33 рацпредложения, из которых 29 внедрено в производство[31].

За лучшие показатели в общественном смотре Темниковскому СПТУ № 1 была присуждена 2-я премия среди сельских профтехучилищ Российской Федерации.

Большое внимание в СПТУ Мордовии уделяется военно-патриотическому воспитанию. Регулярно проводятся тематические вечера и читательские конференции. Организуются походы по местам героических сражений Советской Армии. В сельских профтехучилищах стали традиционными встречи с участниками Великой Отечественной войны.

Интересно прошли встречи с Героями Советского Союза М. П. Девятаевым, М. В. Захаровым, Б. И. Зайцевым. В Сабур-Мачкасском СПТУ № 2 была организована встреча с Героем Советского Союза, выпускником того училища В. М. Михеевым, в честь которого на здании училища установлена мемориальная доска. Эта встреча оказала огромное влияние на учащихся.

В сельских профтехучилищах создаются и работают клубы революционной и трудовой славы. Под лозунгом «Никто не забыт и ничто не забыто» большую работу проводят коллективы Темниковского СПТУ № 1 и Ичалковского СПТУ № 10.

Учащиеся профтехучилищ встречаются с бывшими воинами 326-й Краснознаменной Раславльской стрелковой дивизии, в составе которой были и наши земляки.

С каждым годом растет художественное и исполнительское мастерство участников художественной самодеятельности. В 1970 году в кружках самодеятельности по всем учебным заведениям было занято более 3500 учащихся и работников. Так, в Ардатовском СПТУ № 8 73,5% учащихся принимают участие в групповой и общеучилищной самодеятельности. А в Темниковском СПТУ № 1 это число достигает 75, в Инсарском СПТУ № 4 — до 100%[32].

При подготовке будущих механизаторов большое внимание уделяется физическому воспитанию.

Лишь в 1970 году коллективами физкультуры подготовлено 2766 человек значкистов ГТО и ГЗР, 1084 спортсмена-разрядника, 432 общественных инструктора, 579 судей по различным видам спорта[33].

Следующим этапом в развитии системы подготовки рабочих кадров в системе профессионально-технического образования является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 апреля 1969 года «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования»[34]. Главная идея данного постановления — соединение профессионально-технического образования с общим средним обучением — является развитием ленинских требований к советскому профессионально-техническому образованию применительно к особенностям современного периода коммунистического строительства.

В соответствии с этим постановлением из 1287 действующих в стране сельских профтехучилищ 92[35] в 1970 году перешли на трехлетний срок обучения, в том числе по Мордовской АССР Ардатовское СПТУ № 8[36]. Учащиеся по окончании этих училищ получают не только удостоверение трактористов-машинистов, но и аттестаты о среднем образовании.

Подъем образовательного уровня механизаторов приведет к улучшению показателей использования машинно-тракторного парка. Больше того, молодой механизатор со средним образованием проявит себя не только как производственник, но и как

общественный деятель на селе. Он станет добиваться более совершенных форм организации труда и улучшения культурно-бытовых условий и претворять их в жизнь. А это будет способствовать закреплению кадров на селе.

Большое значение для подъема культурно-технического уровня колхозного крестьянства имеет постановление Совета Министров СССР «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве»[37]. В нем предусмотрены меры к более широкому привлечению женщин к участию в квалифицированном труде в качестве трактористов-машинистов, механизаторов животноводческих ферм, электромонтеров, шоферов для работы на легковых автомашинах, машинах грузоподъемностью до 2,5 т и других специальностей, на которых разрешается применение женского труда в сельском хозяйстве.

Этот важный вопрос 12 февраля 1969 года был рассмотрен Советом Министров Мордовской АССР, который принял постановление «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве». Затем Совет Министров обязал Министерство сельского хозяйства, республиканское объединение «Сельхозтехника», Управление мелиорации и водного хозяйства при Совете Министров, райисполкомы, районные производственные управления сельского хозяйства и руководителей колхозов и совхозов создать в каждом хозяйстве необходимые условия для труда женщин-механизаторов, обеспечить им первоочередное предоставление тракторов и других сельскохозяйственных машин; пересмотреть для женщин-механизаторов, работающих на тракторах, комбайнах и сложных сельскохозяйственных машинах, существующие в хозяйствах нормы выработки в сторону снижения на 10%, а премиальные награждения за качество работ, высокопроизводительное использование техники, экономное расходование ремонтных средств, нефтепродуктов, дополнительную оплату за классность и стаж работы в сторону повышения. Кроме того, для женщин предусмотрены и другие льготы[38].

Поэтому за последние годы число девушек, поступающих в сельские профтехучилища, заметно увеличилось. Если в 1967—1968 году было принято 246 человек, то в 1969—1970 годы — уже 588 (рост более чем в 2 раза)[39].

Девушки, оканчивающие сельские профтехучилища, будут ежегодно пополнять ряды колхозного крестьянства квалифицированными кадрами и способствовать дальнейшему профессиональному росту тружеников колхозного села.

Таким образом, важным условием подъема культурно-технического уровня тружеников села является увеличение численности механизаторских кадров. Они представляют собой ведущую и наиболее организованную силу колхозного производства, по характеру труда близко стоящую к рабочему классу.

Источником пополнения колхозов наиболее квалифицированными механизаторскими кадрами является система профессионально-технического обучения, которая наилучшим образом осуществляется в сельских профтехучилищах.

---

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 307.
[2] Число механизаторов подсчитано нами на основе статсборника «Народное хозяйство Мордовской АССР». Саранск, 1960, стр. 72.
[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статсборник. Саранск, 1965, стр. 97.
[4] «Сельская жизнь», 11 февраля 1964 года.
[5] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Отчеты формы № 3, за соответствующие годы.
[6] Справочник партийного работника. Вып. 4-й. М., 1963, стр. 305.
[7] АМОК КПСС. Постановление бюро Мордовского ОК КПСС от 13 марта 1962 года.
[8] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка о состоянии работы по подготовке кадров в системе профессионально-технического образования Мордовской АССР.
[9] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Подсчет сделан нами на основе отчетов формы 11-по за соответствующие годы.
[10] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка о состоянии работы по подготовке кадров в системе профессионально-технического образования МАССР за 1969 год.
[11] Таблица составлена по отчетам училищ механизации сельского хозяйства и сельских профтехучилищ за соответствующие годы.
[12] Большой рост принятых из сельской молодежи в городские училища профтехобразования в 1969 г. объясняется преобразованием Рузаевского СПТУ № 13 на ГПТУ № 3, Лямбирского СПТУ № 12 на ГПТУ № 12.
[13] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка о состоянии работы по подготовке кадров в системе профессионально-технического образования МАССР. 1969 г.
[14] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка о состоянии работы по подготовке кадров в системе профессионально-технического образования МАССР. 1969 г. Годовые отчеты. Форма 11-по за 1967, 1970 гг. по сельским профтехучилищам.
[15] Там же. Отчеты за соответствующие годы.
[16] Таблица составлена на основе сводных отчетов Управления ПТО МАССР за 1965—1970 годы.
[17] Снижение выработки на одного учащегося 179 га мягкой пахоты в 1970 году объясняется тем, что снижение получилось за счет организации учебы в филиалах, так как время, отводимое на производственную практику учащихся в филиалах, на 50% меньше, чем для учащихся 2-годичного срока обучения. Средняя выработка на одного учащегося, без учета обучаемых в филиалах, составляет 220,7 га м. п.
[18] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Итоги производственной практики за 1969 год.
[19] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Итоги производственной практики за 1969 год.
[20] Там же, за 1970 год.
[21] Там же. Отчет за 1967 год.
[22] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Годовые отчеты ф. 11-по за 1970 г.
[23] Текущий архив Управления ПТО МАССР, д. И-8, л. 83.
[24] Там же, л. 84.
[25] Текущий архив Управления ПТО МАССР, д. И-8, л. 92.
[26] Там же.
[27] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка о состоянии работы по подготовке кадров Мордовской АССР. 1969 год.

[28] Там же. Годовые отчеты по учебной работе за 1970 год.
[29] Текущий архив Управления ПТО МАССР, д. И-6, л. 1, 1968 год.
[30] Там же, данные за 1970 год.
[31] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Справка к отчету по форме 11-по 1967 года.
[32] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Данные за 1970 год.
[33] Там же. Итоги учебно-воспитательной работы сельских профтехучилищ за 1970 год.
[34] Справочник партийного работника. Вып. IX, 1969, стр. 201.
[35] «Профессионально-техническое образование», 1970, № 9, стр. 1.
[36] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Данные за 1970 год.
[37] «Известия», 15 января 1969 года.
[38] Постановление Совета Министров Мордовской АССР от 12 февраля 1969 года.
[39] Текущий архив Управления ПТО МАССР. Стат. отчеты № 3 за соответствующие годы.

Г. И. ЛЕСОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПОДЪЕМУ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ КОЛХОЗНОГО СЕЛА

Учреждения культуры на селе играют важную роль в коммунистическом воспитании трудящихся, в подъеме культурно-технического уровня тружеников колхозного села.

Деятельность культурно-просветительных учреждений Коммунистическая партия рассматривает как важный участок идеологической работы. Учреждения культуры принимают активное участие в формировании коммунистического сознания советских людей, проводят работу по повышению квалификации, распространению научных, технических и сельскохозяйственных знаний, достижений науки, передового опыта. В основе культурно-просветительной работы лежит политика Коммунистической партии, которая опирается на марксистско-ленинское учение о культуре и коммунистическом воспитании.

Коммунистическая партия и Советское правительство на всех этапах развития Советского государства уделяли и уделяют большое внимание подъему культурно-технического уровня всех трудящихся, организации культурно-просветительной работы в широких масштабах. Наибольший размах культурно-просветительная работа получила в настоящее время.

К 1970 году в РСФСР насчитывалось 78,3 тысячи только клубных учреждений, из них 68,6 тысячи в сельской местности[1].

В период строительства коммунистического общества перед культурно-просветительными учреждениями поставлена задача ликвидации различия между городом и деревней в сфере культуры. «Культурное развитие,— подчеркивается в Программе КПСС,— в период развернутого строительства коммунистического общества явится завершающим этапом великой культурной революции. На этом этапе обеспечивается создание всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма»[2].

Учреждения культуры Мордовии в рассматриваемое время перестроили свою работу на основе исторических решений XXI, XXII и XXIII съездов партии, тесно увязывали её с жизнью и задачами коммунистического строительства. Они, вдохновляя

тружеников колхозных полей на самоотверженный труд, сыграли важную роль в подъеме культурно-технического уровня. Сельские учреждения культуры находили действительные формы в массово-политической работе на селе.

Большое внимание уделялось укреплению материальной базы культурно-просветительных учреждений. В результате экономического укрепления колхозов в селах возводились типовые здания культурно-просветительных учреждений, по удобству и архитектурному оформлению многие из них не уступают городским Дворцам культуры. Важно, что при строительстве этих объектов учитывалась равномерность их размещения. «Партия считает,— записано в Программе КПСС,— необходимым равномерно размещать культурные учреждения по территории страны с тем, чтобы постепенно поднять уровень культуры деревни до уровня города»[3].

Важное значение в укреплении материальной базы учреждений культуры имели решения октябрьской (1960 г.) сессии Верховного Совета РСФСР, направленные на улучшение работы культурно-просветительных учреждений, обеспечение их квалифицированными кадрами, осуществление радиофикации сел[4]. Выполняя решения этой сессии, партийные, советские, общественные организации, работники культуры республики добились определенных успехов.

Важно отметить, что в Мордовии с каждым годом все шире развертывается строительство клубных помещений в селах за счет средств колхозов. Так, только в 1965 году введено в эксплуатацию 23 клуба на 3,5 тысячи мест, из них только три клуба — за счет средств государственных капитальных вложений. А всего за годы семилетки построено более двухсот клубных помещений[5] на 29692 места[6], тогда как в 1914 году на территории уездов, вошедших в состав Мордовии, было четыре библиотеки, пять клубов[7]. Да и эти клубы были дворянские, купеческие и офицерские, которые были недоступны широким массам трудящихся. Хороший Дом культуры построен в колхозе им. 40 лет Октября (Старошайговский район). Здесь есть зрительный зал на 250 мест, помещения для кружковой работы и сельской библиотеки. Современные здания Домов культуры возведены в колхозах «Рассвет», им. Дзержинского (Атяшевский район), «Россия», «Красное знамя» (Чамзинский район), «Луч правды» (Большеберезниковский район) и другие.

Особенно большое строительство культурно-просветительных учреждений происходило в последнее пятилетие (1966—1970 годы).

Принимая участие в социалистическом соревновании в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 40-летия Мордовской АССР, колхозы и совхозы принимали самое активное участие в строительстве культурно-просветительных учреждений

Ежегодно инициативным путем колхозами и совхозами строилось 35—40 клубных помещений, преимущественно по типовым проектам[8]. С 1966 по 1970 год за счет средств колхозов введены в действие клубы и Дома культуры на 21297 мест. Государственными и кооперативными предприятиями (без колхозов) построены кинотеатры, клубы и Дома культуры на 10045 мест[9]. Типовые клубы и Дворцы культуры стали неотъемлемой частью облика современного мордовского села. Однако еще многое предстоит сделать в предстоящем девятом пятилетии в укреплении материальной базы культурно-просветительных учреждений. Например, на конец 1970 года 484 сельских клуба не имели комнат для культурно-массовой работы. Не во всех сельских библиотеках имеются читальные залы.

Недостаточное обеспечение строительными материалами нередко приводит к затяжке возведения этих очагов культуры. Имеет место строительство клубов по случайным проектам, без грамотного технического руководства. Многие сельские клубы и библиотеки все еще размещаются в тесных, малоприспособленных помещениях.

Успешное проведение культурно-просветительной работы на селе прежде всего зависит от кадров, от их образовательного уровня, специальных знаний, инициативы и добросовестного отношения к обязанностям. Именно поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют неослабное внимание обеспечению культурно-просветительных учреждений кадрами. Выражением заботы о работниках учреждений культуры является повышение им заработной платы и учреждение почетного звания заслуженного работника культуры[10].

В Мордовской АССР работает огромная армия штатных культпросветработников. Все они несут культуру в массы. В большинстве своём это инициативные, энергичные, талантливые люди, энтузиасты своего дела. В нашей республике кадры для культурно-просветительной работы готовит Саранское музыкальное училище имени Л. П. Кирюкова и республиканское культурно-просветительное училище. Ежегодно они выпускают для работы в учреждениях культуры и искусства республики свыше ста квалифицированных специалистов. Высшее образование работники культуры получают в Москве, Ленинграде, Горьком и других вузах страны. Только в 1970 году заочно в высших и средних учебных заведениях страны обучалось более 200 работников культуры[11].

Партийные и советские органы нашей республики немалую работу проводят по подбору, подготовке и воспитанию кадров для учреждений культуры и искусства.

В декабре 1964 года бюро Мордовского обкома партии и Совет Министров Мордовской АССР приняли постановление «О подготовке кадров для сельских учреждений культуры Мордовской АССР»[12]. В этом постановлении предлагалось организовать

постоянно действующие курсы при Саранском музыкальном училище имени Л. П. Кирюкова, музыкально-драматическом театре, республиканской культпросветшколе, республиканском Доме народного творчества. Выполняя это постановление, вскоре на базе республиканской культпросветшколы были открыты курсы по подготовке клубных работников, на базе музыкального театра — курсы по подготовке руководителей драматических коллективов, при республиканском Доме народного творчества — курсы руководителей танцевальных коллективов, при детской музыкальной школе № 3 — курсы по подготовке руководителей хоровых коллективов, баянистов для сельских клубов.

За 1965—1968 годы на этих курсах подготовлено 147 заведующих клубами и библиотеками, 327 руководителей кружков художественной самодеятельности[13].

В районах республики есть хорошие начинания по подготовке кадров культурно-просветительных работников. Например, в Атяшевском районе работали курсы по подготовке руководителей хоровых и танцевальных коллективов, Чамзинском районе — курсы по подготовке баянистов для сельских клубов. Все расходы по подготовке руководителей художественной самодеятельности в этих районах колхозы взяли на себя. Это начинание заслуживает всесторонней поддержки и распространения во все районы республики.

В рассматриваемый период улучшился и качественный состав работников сельских учреждений культуры. Если в 1959 году в них работало со средним специальным образованием 212 штатных работников[14], то в 1970 году — 399 человек[15].

В Мордовии широкое развитие в культурно-просветительной работе получило общественное начало, что обогащает формы и методы деятельности учреждений культуры. Только к концу 1965 года в нашей республике на общественных началах работало 11 университетов и школ культуры, 54 общественные библиотеки, 2 народных театра, 2 народных музея, танцевально-хоровой коллектив при республиканском Доме народного творчества, темниковский оркестр народных инструментов. При Мордовском государственном университете работал факультет художественных профессий. В библиотеках на общественных началах работало 860 передвижек, 8724 чтеца и книгоноши. В состав библиотечных советов было избрано свыше 3078 человек общественников[16].

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что в деле подготовки, расстановки и воспитания кадров культурно-просветительных работников имеется немало серьёзных недостатков. Во многих районах во главе учреждений культуры стоят слабоподготовленные люди, наблюдается текучесть кадров. До сих пор в сельских учреждениях культуры работают более двухсот человек с незаконченным средним образованием. Все это отрицательно сказывается на работе культпросветучреждений.

Улучшение работы с кадрами является важным условием повышения роли учреждений культуры в коммунистическом воспитании сельского труженика.

Сельские клубы и Дома культуры в рассматриваемое время всей своей деятельностью активно способствовали формированию коммунистического мировоззрения, патриотическому, трудовому и нравственному воспитанию, повышению образованности и культуры тружеников колхозных полей, распространению передового опыта.

Вся политическая, культурно-массовая работа на селе в этот период была направлена на досрочное выполнение хозяйственных планов и социалистических обязательств, на воспитание у колхозников и рабочих совхозов чувства ответственности за дела коллектива, коммунистической убежденности. Большое внимание уделялось разъяснению и изучению решений XXIII съезда партии, пленумов ЦК КПСС, международного Совещания коммунистических и рабочих партий, документов и материалов, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Важное место в идейно-воспитательной работе на селе занимало разъяснение Примерного Устава колхоза, материалов III Всесоюзного съезда колхозников.

Широкое распространение в нашей республике получили Ленинские чтения и постоянно действующие лектории. Ленинские чтения, как правило, сопровождались показом диафильмов, кинокартин, световых газет и тематических концертов художественной самодеятельности. Только в 1968 году на Ленинских чтениях трудящимся республики было прочитано более 16 тысяч лекций[17]. Повсеместно в учреждениях культуры проводились тематические вечера, устные журналы, читательские конференции, встречи трёх поколений и другие массовые мероприятия, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Так, в 1970 юбилейном году в районных, сельских Домах культуры и сельских клубах проведены тематические вечера, диспуты и устные журналы, где присутствовало 1019 тысяч человек[18].

Интересную работу проводил хованщинский сельский Дом культуры Рузаевского района. Здесь по вечерам всегда многолюдно. Труженики села приходят сюда послушать интересную лекцию, доклад, посмотреть новую кинокартину или выступление участников художественной самодеятельности. Большая работа была проведена Домом культуры в дни подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Еженедельно, по пятницам, организовывались Ленинские чтения, читались доклады, лекции, проводились тематические вечера и устные журналы. С большим вниманием прослушали труженики села лекции: «В. И. Ленин — вдохновитель и организатор социалистического строительства», «Программа КПСС — программа построения коммунизма», «Коммунистическая партия — наш рулевой», с которыми выступил директор средней школы. Преподаватели

школы провели интересные тематические вечера и устные журналы на темы: «Ленин и искусство», «С именем Ленина в сердце», «Мордовия моя — край родной». У жителей села большой популярностью пользуются проводимые в Доме культуры «Беседы за круглым столом», «Огоньки».

Большой интерес у односельчан вызывают лекции на международные и атеистические темы, читаемые лекторами из местной лекторской группы. Как всегда, лекции и беседы сопровождаются просмотром концертов художественной самодеятельности или диафильмов.

В Доме культуры работают кружки: хоровой, танцевальный, драматический и секция тяжелой атлетики.

С помощью актива Дома культуры успешно внедряются новые советские безрелигиозные обряды: торжественная организация бракосочетания, проводы молодежи в Советскую Армию[19]. Дом культуры села Хованщина — подлинный очаг культуры для тружеников села.

Важное место в работе культурно-просветительных учреждений занимала пропаганда и внедрение в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта.

В. И. Ленин в своё время поставил задачу — связать культурно-политическое просвещение масс с вопросами хозяйственного строительства. «Пропаганда старого типа рассказывает, даёт примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства»[20].

Ленинские тезисы о производственной пропаганде определяют установку Коммунистической партии в области массово-политической работы на современном этапе. «В Центр воспитательной работы,— подчеркивается в Программе КПСС,— партия ставит развитие коммунистического отношения к труду у всех членов общества. Труд на благо общества — священная обязанность каждого человека»[21].

Мордовская областная партийная организация на основе ленинской идеи о социалистическом соревновании проводит большую политическую и организаторскую работу по развитию патриотического движения за коммунистическое отношение к труду, использование его как средства мобилизации широких трудящихся масс на выполнение задач, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма.

Сельские культурно-просветительные учреждения накопили определенный опыт в работе по коммунистическому воспитанию, по мобилизации трудящихся на самоотверженный труд в сельском хозяйстве.

В республике создана атмосфера уважения и почета передовикам труда. Это побуждает тружеников колхозных полей и ферм изучать опыт их работы. Значительную роль в этом деле

играют проводимые клубами, Домами культуры и библиотеками тематические вечера, чествования передовиков, вечера новаторов, «Огоньки», Дни животновода и механизатора и другие мероприятия. Их главная цель заключается в том, чтобы научить всех тружеников села передовому опыту новаторов производства. Вот некоторые наиболее интересные названия тематических вечеров: «Заглянем в 1965 год», «Заглянем в 1970 год», «Изучай опыт лучших», «С ними можно строить коммунизм» и другие. Эти вечера, как правило, сопровождались демонстрацией кинокартин и светозвуковых газет, показом художественной самодеятельности.

Большую и разнообразную работу проводит, например, поводимовский сельский клуб Дубенского района. Здесь умело пропагандируют решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС. Клуб проводит работу по организации тематических вечеров. За последнее время состоялись вечера: «Чествуем передовиков колхозного производства», «Твоё счастье в богатстве колхоза». Проведен кинофестиваль на темы: «Наша Родина», «Партия — наш рулевой». В честь кукурузоводческой бригады, носящей высокое звание бригады коммунистического труда, был подготовлен вечер «Работать и жить по-коммунистически». В клубе систематически демонстрируются кинофильмы, посвященные зимним агромероприятиям, зимовке скота, передовому опыту колхозов. Перед фильмом читаются лекции[22]. В республике стали традиционными праздники урожая и животновода. Главной темой этих праздников является борьба за высокий урожай, за повышение производительности труда. Интересно прошел праздник животновода в ковылкинском Доме культуры, на котором чествовались передовики сельскохозяйственного производства. Дом культуры в этот день был празднично украшен. У входа висело красное полотнище с надписью «Добро пожаловать». В фойе — лозунг: «Товарищи животноводы! Равняйтесь на передовиков животноводства управления». Здесь же был оформлен стенд с портретами передовиков сельскохозяйственного производства: чабана колхоза «Светлый путь» П. Н. Моисеева, получившего по 110 ягнят от 100 овцематок; свинарки колхоза «Большевик» Н. Н. Кузнецовой, получившей по 16 поросят от основных свиноматок; птичницы колхоза «Заветы Ильича» М. С. Чарышкиной, собравшей по 111 яиц от курицы-несушки; доярки совхоза им. Желябова Н. И. Бурнаевой, надоившей по 3013 кг молока от каждой коровы[23].

Праздник был открыт первым секретарём Ковылкинского горкома партии. Начальник производственного управления в своей речи подвёл итоги социалистического соревнования за 1963 год. На празднике выступили специалисты сельского хозяйства, руководители колхозов и передовики колхозного производства. В заключение праздника силами участников художественной самодеятельности был дан концерт.

Большое значение в трудовом воспитании молодых тружеников села имеет проведение праздников «Посвящение в земледельцы». Интересно проводятся эти праздники в Доме культуры с. Шугурова (колхоз им. Калинина) Большеберезниковского района. Вот как проходил этот праздник в декабре 1968 года.

Красочными стендами были оформлены фойе и залы Дома культуры. Они рассказывали о лучших людях колхоза, об их трудовых делах. Колхозное радио заранее известило жителей села о празднике. Колхозники группами и в одиночку спешили в Дом культуры. Зал, рассчитанный на 300 мест, не вместил всех желающих участвовать в церемонии. В Дом культуры к указанному времени явились двенадцать девушек-комсомолок, которые посвящались в хлеборобы. Сцена в праздничном убранстве. В центре сцены установлен большой сноп пшеницы, олицетворяющий урожай. На красной ленте опоясывающей сноп, надпись: «Урожай 1968 года — 48500 центнеров». Следует сказать, что шугуровцы сделали большой вклад в мордовский каравай, продав государству 20 тысяч центнеров добротного зерна, или два плана-заказа.

Под звуки духового оркестра вносится знамя колхоза, на котором прикреплен орден Ленина. Праздник открывает председатель колхоза депутат Верховного Совета РСФСР Н. В. Камаев. Он обращается к молодым хлеборобам с наказом заботиться о земле, старательно ухаживать за ней, увеличивать её силу и плодородие.

Затем пожилые хлеборобы повязывают девушкам алые ленты, на которых начертаны слова: «Посвящается в земледельцы». Девушки дают клятву: «Мы горды доверием, которое нам оказали, приняв в свою дружную колхозную семью. Торжественно клянемся быть достойными высокого звания хлебороба». Девушки целуют ларец с землей и вносят свои имена в Книгу почета молодых земледельцев. Участник первой мировой, гражданской и Отечественной войн Василий Степанович Суняйкин преподносит посвященным в земледельцы огромный каравай хлеба. Обращаясь к молодым хлеборобам, он сказал: «Приумножайте богатство нашего родного колхоза, выращивайте большие хлеба, всегда и во всем берегите честь земледельца»[24].

Большие задачи перед работниками учреждений культуры в области сельского хозяйства определились в связи с решениями июльского (1970 г.) Пленума ЦК КПСС. Сразу же после опубликования решений Пленума работниками учреждений культуры были разработаны конкретные мероприятия в помощь колхозному селу. В республике были созданы лектории и кинолектории. Тематика циклов лекций ставила своей задачей глубокое ознакомление тружеников колхозных полей с решениями июньского Пленума ЦК КПСС, с достижениями науки и передового опыта. Так, в 1970 году в сельских Домах культуры и клубах на производственно-технические и сельскохозяйственные

темы было прочитано 5906 лекций и докладов с охватом 428 тысяч человек[25]. При клубных учреждениях были созданы кружки по изучению сельскохозяйственной науки и опыта передовых колхозов. В одних только сельских клубах и Домах культуры в 1970 году работало около 100 сельскохозяйственных и производственных кружков, которыми было охвачено 1704 человека[26]. Во многих клубных учреждениях получило большое распространение создание сельскохозяйственных уголков. Важная и интересная работа по повышению культурного уровня и агрозоотехнических знаний ведется в красных уголках животноводческих ферм, где самое активное участие принимают работники сельских очагов культуры. Так, в красном уголке животноводческой фермы колхоза «Красная Мордовия» Чамзинского района в свободное от работы время собираются работники животноводческих ферм, чтобы почитать газеты, журналы, послушать радио или беседу агитатора. Перед животноводами часто выступают с лекциями и докладами секретарь партийной организации и председатель колхоза, а также учителя и медицинские работники. На конкретных примерах из жизни колхоза агитаторы показывают, что колхоз затрачивает еще много труда на производство мяса и молока.

Важную работу по пропаганде экономических знаний, по оказанию помощи сельскохозяйственному производству, главным образом по распространению передового опыта, проводят передвижные автоклубы. В 1970 году в республике работало 29 автоклубов. Ими проведено 262 тематических вечера, диспута и устных журнала с охватом 33 тысячи человек, 913 лекций и докладов, из них на общественно-политические темы — 452, производственно-технические и сельскохозяйственные — 268[27].

Как правило, вместе с автоклубом выезжают в хозяйства передовики сельскохозяйственного производства, специалисты. Они рассказывают о своём опыте работы, о прогрессивных приёмах и методах труда. Эти клубы постоянно используют киножурналы и кинофильмы, звукозаписи, диаграммы, брошюры о новинках науки и техники. Все это создаёт возможность разнообразить формы пропаганды передового опыта и активно воздействовать на труженика колхозного села.

Активным средством коммунистического воспитания является советская кинематография. В нашей стране непрерывно растет число художественных, документально-хроникальных, научно-популярных и учебных кинофильмов.

В Мордовской АССР имеется 880 киноустановок, из них 822 находятся в сельской местности[28], где ежегодно демонстрируются десятки тысяч киносеансов. В республике стали организовываться выставки, посвященные мастерам советского кино, кинолектории, кинофестивали художественных, научно-популярных и сельскохозяйственных фильмов, встречи зрителей с артистами кино.

Например, большую заботу о тружениках колхозного села проявляют кинофикаторы Дубенского района. Здесь ежегодно для них демонстрируется не менее 1000 сеансов научно-популярных, хроникально-документальных и учебных фильмов на самые различные темы. Регулярно практикуется показ кинофильмов непосредственно на животноводческих фермах[29].

В период строительства коммунистического общества быстрыми темпами развивается художественное творчество советского народа. В Программе КПСС записано: «Партия будет неустанно заботиться о расцвете литературы, искусства, культуры, о создании всех условий для наиболее полного проявления личных способностей каждого человека, об эстетическом воспитании всех трудящихся, формировании в народе высоких художественных вкусов и культурных навыков. Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека»[30].

Большой размах художественной самодеятельности в сельской местности является ярким показателем культурного роста сельских тружеников. Художественная самодеятельность оказывает большую помощь в деле коммунистического воспитания масс на селе.

В нашей стране в коллективах художественной самодеятельности всех видов (в клубах, учреждениях Министерства культуры СССР, в культурно-просветительных учреждениях профсоюзов и колхозов) участвует ежегодно более 12 миллионов человек[31]. Сельские коллективы художественной самодеятельности по исполнительному мастерству приближаются к уровню профессионального искусства.

Фестивали, смотры сельской художественной самодеятельности, проведенные в рассматриваемое время в Мордовии, вылились в яркие торжества народных талантов и художественного мастерства. Они явились питательной почвой для профессионального художественного искусства. Из среды участников самодеятельных коллективов вышли талантливые артисты, музыканты, художники, деятели искусства. Так, в коллективах художественной самодеятельности начали свой путь в искусство народный артист Мордовской АССР И. М. Яушев, заслуженная артистка РСФСР, народная артистка Мордовской АССР М. Антонова, заслуженный артист РСФСР, народный артист Мордовской АССР Д. Еремеев и многие другие.

Промышленные предприятия, колхозы и совхозы проявляют большую заботу по обеспечению художественной самодеятельности музыкальными инструментами и инвентарем. Только в 1967 году было приобретено для клубов 166 баянов, 135 гармоний, 35 радиол, 19 пианино и 9 оркестров[32].

В Атяшевском районе через сеть потребкооперации за три года (1965—1967) продано 57 гармоний, 68 баянов, 10 пианино, 1314 радиоприёмников и радиол[33]. Многие районные и сельские

учреждения культуры, а также колхозы имеют эстрадные и духовые оркестры. Например, колхоз им. М. Горького (Атяшевский район) имеет не только духовой оркестр, но и колхозную музыкальную школу. В ней учатся дети колхозников, которые после окончания школы играют в колхозном духовом оркестре.

Важным показателем роста культуры тружеников колхозного села является массовость художественной самодеятельности. Если в 1959 году кружки художественной самодеятельности системы Министерства культуры МАССР объединяли 19922 человека[34], то в 1970 году — уже 25058 человек[35].

Крупным и важным мероприятием в деле дальнейшего подъёма культурно-воспитательной работы, улучшения художественного обслуживания населения городов и сёл Мордовии явился республиканский смотр художественной самодеятельности, посвященный 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В первом туре смотра приняло участие 1267 различных кружков художественной самодеятельности с числом участников более 40 000 человек. Во втором туре смотра приняло участие 488 различных коллективов (8800 человек). Третий тур смотра проходил в г. Саранске, где принимало участие 75 коллективов с числом 1887 человек[36].

Особенно активно на смотре выступили коллективы художественной самодеятельности и индивидуальные исполнители Атяшевского, Краснослободского, Темниковского, Кочкуровского, Ковылкинского районов. Следует отметить активное, хорошо организованное выступление коллективов сельской художественной самодеятельности Атяшевского района, где выступили все сельские клубы и Дома культуры. В первом туре смотра участвовало 76 различных кружков, в том числе 12 драматических, 30 хоровых, 20 танцевальных и других кружков, с числом участников 1980 человек. Из них: 1225 колхозников, 682 человека интеллигенции, 79 рабочих[37]. Выездное республиканское жюри отобрало из 20 коллективов 9 лучших с числом участников около 300 человек на третий тур в г. Саранск.

Очень важно отметить, что почти во всех коллективах художественной самодеятельности района приняли участие председатели колхозов, секретари партийных организаций, директора школ, председатели сельских Советов и сельская интеллигенция. Коллективы художественной самодеятельности района в 1965—1967 годах дали трудящимся сёл 1265 концертов и спектаклей, на которых присутствовало 205 тыс. человек[38].

За период проведения смотра хороших результатов добились хоровые коллективы ичалковского Дома культуры, мордовский хор семилейского сельского клуба Кочкуровского района, хор старотеризморгского сельского клуба Старошайговского района и многие другие.

В ходе проведения смотра сложились хорошие женские во-

кальные ансамбли в тургеневском сельском клубе Ардатовского района, чукальском, дюркинском, аловском, атяшевском, сабанчеевском сельских клубах Атяшевского района.

Село Дюрки Атяшевского района славится не только высокими показателями сельскохозяйственного производства, но и талантами участников художественной самодеятельности. При сельском клубе работают 7 кружков: хоровой, драматический, хореографический, выразительного чтения, фотокружок, спортивно-массовый и агитационно-художественная бригада. Большинство участников художественной самодеятельности — производственники, колхозная молодежь, сельская интеллигенция.

Дюркинцы успешно участвовали в республиканском смотре самодеятельного искусства, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 40-летию Мордовской АССР. Работа клуба высоко оценена республиканским жюри смотра и обкомом ВЛКСМ[39].

Более высокой ступенью развития художественной самодеятельности является возникновение народных театров. В августе 1959 года в Ардатове был открыт первый в республике самодеятельный народный театр. В настоящее время в республике работают более двадцати народных театров и любительских музыкальных коллективов[40].

Успешно работает ардатовский народный театр. Каждое выступление этого театра перед тружениками сельского хозяйства с новой пьесой становится радостным событием в культурной жизни. Театр показал спектакли «Васса Железнова» М. Горького, «Уходящие тени» А. Софронова.

Большим событием в культурной жизни республики явился фестиваль профессионального и самодеятельного искусства, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 40-летию Мордовской АССР. В этом фестивале участвовали коллективы самодеятельности Министерства культуры, профессиональных союзов, учебных заведений. Это придавало фестивалю массовость, помогало расширять контакты сельской и городской самодеятельности.

В фестивале приняло участие свыше 45 тысяч человек, они дали около 11 тысяч концертов и обслужили около трёх миллионов человек[41]. Фестиваль проводился по этапам и отдельным жанрам. Девизом первого этапа было «Город — селу». Перед тружениками колхозной деревни с творческими отчетами выступили профессиональные и самодеятельные коллективы, артисты, писатели; художники, композиторы. Только за два месяца труженикам села было дано свыше тысячи спектаклей и концертов[42].

Параллельно прошли в республике смотры-конкурсы хоровых коллективов, драматических коллективов, выставки прикладного и изобразительного искусства, фотолюбителей, смотр-конкурс массовиков. Смотры-конкурсы по перечисленным

жанрам свидетельствуют об общем подъёме культуры и широком эстетическом кругозоре труженика колхозных полей. С интересным и разнообразным репертуаром на фестивале выступили исполнители и коллективы художественной самодеятельности из Ардатовского, Кочкуровского, Рузаевского, Теньгушевского и других районов. Важное значение в культурном росте и коммунистическом воспитании труженика села имеют выступления агитационно-художественных бригад. В основном они обслуживают тружеников села во время весенне-полевых работ и уборочной кампании. Репертуар их строится на местном материале, программам придают национальный колорит мордовские народные песни и песни местных авторов на русском, мокшанском, эрзянском языках.

По обслуживанию тружеников сельскохозяйственного производства в нашей республике ежегодно работает более 200 агитационно-художественных и концертных бригад. Только в 1968 году силами этих бригад в период весенне-летних полевых работ было дано более 2,5 тысячи концертов и обслужено 50 тысяч тружеников колхозного и совхозного производства[43].

Желанный гость у тружеников колхозного села Атяшевского района агитбригада дюркинского сельского клуба. Она удачно выступила со сценарием «Славься, наша земля колхозная!». Дюркинцы поставили перед собой цель: рассказать о лучших тружениках мордовского села. И, надо сказать, сделали это мастерски. Много слов было высказано по адресу Героя Социалистического Труда заведующей свиноводческой фермой Т. В. Гутриной, кавалера ордена Ленина, депутата Верховного Совета РСФСР, председателя колхоза имени Калинина А. Т. Куняева, знатных животноводов Н. В. Гутриной, Н. В. Орловой, Е. И. Кузнецовой, Е. Т. Кукиной, М. В. Черновой и многих других. И не случайно, что агитбригада заняла первое место в республике[44].

О возросшем культурном уровне сельского населения свидетельствует число поставленных концертов и спектаклей силами сельских и районных коллективов художественной самодеятельности. Так, в 1961 году в клубных учреждениях Министерства культуры МАССР ими было дано 5507 концертов и спектаклей с охватом 814,9 тысячи человек[45], в 1970 году — уже 8608 концертов и спектаклей для 1300 тысяч зрителей[46].

Большую помощь в организации художественной самодеятельности оказывает республиканский Дом народного творчества. Он проводит совещания, семинары и курсы. Им организовываются смотры, конкурсы, фестивали. Дом народного творчества занимается подготовкой руководителей кружков, издаёт репертуарные сборники и методическую литературу. Только в 1967 году он размножил и разослал следующие материалы: шесть сценариев для агитбригад, литературно-музыкальный монтаж к 50-летию Советской власти (на русском и мордовском

языках), отрывок из пьесы Н. Погодина «Человек с ружьём» (на мордовском языке), сборник пьес А. Щеглова (на мордовском языке), пьесу Г. Ладонщикова «На заре счастья» и др.[47].

При Доме народного творчества работает мордовский танцевально-хоровой коллектив, который ежегодно выступает в районах республики.

Художественная самодеятельность Мордовии была представлена во всех зональных смотрах РСФСР. Свыше трехсот человек успешно выступили в Горьком, на смотре агитационно-художественных бригад в Пензе и в других городах.

В Москве, на заключительных концертах Всероссийского смотра художественной самодеятельности, с успехом выступили мордовский народный хор старотеризморгского сельского Дома культуры и агитационно-художественная бригада ардатовского районного Дома культуры.

Как видно из приведенных примеров, художественное творчество тружеников села претерпело важные качественные и количественные изменения, что является выражением подъёма общей культуры колхозного села. Характерным для сельской художественной самодеятельности в рассматриваемое время являлась массовость, усовершенствование исполнительского мастерства с тенденцией все большего приближения к профессиональному искусству. Это стало возможным благодаря улучшению материального благосостояния, повышению образовательного и культурного уровня тружеников колхозного села.

Успехи, достигнутые в развитии сельской художественной самодеятельности, являются одним из условий преодоления культурного отставания села от города.

Важную роль в повышении культуры трудящихся села играют художественные выставки, экспонируемые в селах. Республиканская картинная галерея им. Ф. В. Сычкова в 1966—67 годах организовала 12 передвижных выставок, которыми обслужено 20 районов республики. Их посетило 95 тысяч сельских тружеников[48].

Во многих сельских клубах и Домах культуры появляются картинные галереи, фойе и комнаты отдыха оформляются лучшими произведениями советского и мирового искусства.

В подъеме культуры села немаловажную роль играют сельские музеи. В республике работают Дом-музей заслуженной учительницы МАССР А. П. Лавровской в с. Сабаеве Кочкуровского района, темниковский Дом-музей заслуженного деятеля искусств, народного артиста МАССР Л. И. Воинова, Дом-музей народного художника МАССР Ф. В. Сычкова в с. Кочелаеве Ковылкинского района. Только в 1970 году эти музеи посетило 30774 человека[49], большинство из них были тружениками колхозной деревни. Огромная роль в подъёме культурно-технического уровня колхозного крестьянства принадлежит библиотекам.

В. И. Ленин видел в библиотеках источник культурного

роста и политического просвещения трудящихся. Не случайно он, по словам Н. К. Крупской, «чуть не полжизни провел в библиотеках». А. В. Луначарский вспоминает, что на второй день после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин потребовал от него как от народного комиссара просвещения уделить особое внимание библиотечному строительству в стране и широкому продвижению книги в массы[59]. «В этом малом деле,— подчеркивал В. И. Ленин,— отражается основная задача нашей революции»[51].

Руководствуясь ленинским указанием, Коммунистическая партия способствовала обеспечению страны сетью библиотек, которые успешно претворяют идею доведения книги до каждой семьи, до каждого читателя. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1970 году в стране насчитывалось свыше 400 тыс. библиотек всех видов (массовых, научных, технических, учебных и др.), располагающих фондом более 2,5 миллиарда книг и журналов. В общественных библиотеках на каждого жителя страны приходится в среднем более десяти экземпляров.

Три четверти всех массовых библиотек обслуживают культурные нужды сельского населения. На 100 сельских жителей приходится в среднем 519 книг[52]. СССР по сети библиотек далеко обогнал все капиталистические страны. Уже к 1964 году в нашей стране одна библиотека приходилась на 600 жителей, тогда как в США — более чем на 2700.

За годы Советской власти в Мордовской АССР создана разветвленная сеть массовых библиотек. К 1950 году их было 392 с книжным фондом 1034 тыс. экз., в том числе в сельских местностях —359 с книжным фондом 590 тыс. экземпляров[53].

Если в 1917 году в сёлах Мордовии не было ни одной массовой библиотеки, то только с 1934 по 1966 год в сёлах и посёлках Мордовской АССР было открыто 413 сельских государственных массовых библиотек, в районных центрах — 25 детских библиотек, в городах — две республиканские и 9 городских библиотек системы Министерства культуры. Так, в 1966 году были открыты сельские библиотеки в селах с мокшанским населением 111, с эрзянским — 87, с татарским — 22, с русским — 193[54].

На начало 1968 года в республике насчитывалось 596 библиотек с книжным фондом 5682 тыс. экземпляров, из них в сельской местности было 487 библиотек с книжным фондом 3 млн. 787 тыс. экземпляров[55], или столько, сколько было в 1914 году во всех массовых сельских библиотеках на территории РСФСР в дореволюционной России[56].

В рассматриваемое время растет число читателей и значительно увеличивается выдача книг населению. В 1970 году из массовых библиотек Министерства культуры МАССР было выдано книг и журналов 7312 тыс. экземпляров против 3738 тыс. в 1959 году. Число читателей за этот период возросло более чем в два раза и составило 411680 человек[57].

Развитие сети библиотек в Мордовской АССР в последние десять лет и рост их книжных фондов видны из следующей таблицы (на конец года)[58].

	1959	1962	1964	1966	1970
Число массовых библиотек	796	766	565	587	614
В том числе в сельской местности	714	668	476	477	508
Книги в массовых библиотеках (тыс. экз.)	3953	4548	4824	5379	5931
В том числе в сельской местности (тыс. экз.)	2911	3378	3402	3635	3917

Достаточно сказать, что только с 1966 по 1969 год прирост книжных фондов в сельских библиотеках составил 281,6 тыс. экземпляров[59].

Большое значение в укреплении библиотек сыграло постановление ЦК КПСС 1959 года «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране»[60]. В нем указывалось на то, чтобы превратить библиотеки в действенные центры массовой пропаганды политических, сельскохозяйственных, общественных и профессиональных знаний.

Важное место в дальнейшем улучшении работы библиотек по коммунистическому воспитанию трудящихся имело постановление ЦК КПСС 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», где подчеркивалось, что культурно-просветительные учреждения, в том числе и библиотеки, являются активными помощниками партии, опорными базами в массах[61].

Библиотеки республики, выполняя постановления партии, проделали большую работу по пропаганде книги. Библиотечная книга доведена до каждого населенного пункта, каждого производственного участка колхозов и совхозов. В этих целях были созданы 262 выдачных пункта, 27 филиалов, 750 передвижных библиотек, привлечено более 10 тыс. книгонош, чтецов и беседчиков[62]. Ежегодное увеличение читателей выражает рост образовательного уровня и большой тяги трудящихся к знаниям, к культуре. Книги государственных библиотек читают 90% семей, или 66% грамотных жителей Мордовии.

Применяя разнообразные формы передвижения книги к читателям, сельские библиотеки достигли некоторых результатов в распространении сельскохозяйственной литературы. Если в 1959 году было выдано 116 тыс. экз.[63], то в 1970 году — 162 тыс. экземпляров[64]. Эти цифры показывают возросший интерес труженика колхозных полей к сельскохозяйственным знаниям.

Большой интерес проявляют сельские читатели к научно-технической литературе. В этом выражается и изменение

характера труда в сельскохозяйственном производстве, вызванного техническим процессом. Только в 1970 году сельскими библиотеками было выдано труженикам сельского хозяйства 140 тыс. экземпляров технической и сельскохозяйственной литературы[65].

В их работе большое место занимает коммунистическое воспитание трудящихся, пропаганда решений съездов Коммунистической партии, мобилизация тружеников села на их успешное претворение в жизнь.

Постоянно растет тяга сельского населения к произведениям классиков марксизма-ленинизма, политической литературе. Об этом свидетельствует тот факт, что выдача их с 188,2 тыс. экз. в 1959 году возросла до 276,6 тыс. экземпляров[66] в 1964, а в 1970 году достигла до 550 тыс. экземпляров[67].

За последнее время значительно увеличилось число библиотек, которые строят свою работу в тесной связи с жизнью колхозов и совхозов. Они помогают внедрению нового, передового, способствуют повышению производственной квалификации колхозников и рабочих совхозов, помогают в подъёме культуры сельскохозяйственного производства, в выполнении взятых социалистических обязательств.

Например, в колхозе «Советская Россия» создан красный уголок, где заведующая Новокарьгинской сельской библиотеки Е. Д. Блахнова, заслуженный работник культуры РСФСР, регулярно проводит громкие читки и обсуждения книг о передовом опыте в животноводстве. Вместе с заведующей фермой она подобрала литературу по свиноводству и рекомендовала её работникам СТФ. В результате этого все работники фермы за короткий промежуток времени прочитали по две-три книги по своей профессии, что помогает им повышать квалификацию[68]. Кажлодская сельская библиотека Торбеевского района организует книжные выставки: «Для вас, полеводы», «В помощь механизаторам», «Химия в полеводстве», «Химия в животноводстве».

В 1970 году сельские и районные библиотеки, находящиеся в сельских местностях, провели 29782 литературных вечера, читательские конференции, обзора литературы и книжные выставки[69]. В целях оказания более квалифицированной помощи сельским труженикам в выборе производственной литературы большее распространение в республике получает опыт хабаровских библиотекарей по созданию отраслевых передвижек на производственных участках, которыми руководят специалисты сельского хозяйства. Очень важно, что такие передвижки стали создаваться и по пропаганде медицинской, атеистической литературы, книг по воспитанию детей и т. д.

В республике создано 200 отраслевых передвижных библиотек с сельскохозяйственной и технической литературой. Хорошо работают передвижки в библиотеках Атяшевского, Ардатовского, Ичалковского районов[70]. Работа этих передвижек положительно сказывается на улучшении производственных показателей обслуживаемых библиотеками хозяйств, на более эффективном использовании книжных фондов специальной литературы.

Большую и содержательную работу с колхозниками на производственных участках проводит Тат.-Шебдасская сельская библиотека Рузаевского района. Все проводимые библиотекой мероприятия тесно увязываются с практическими делами колхоза. Здесь регулярно проводятся читательские конференции. Например, доярки колхоза обсудили брошюры Заботиных «Обслуживаем 300 коров», А. Денисовой «По 3938 килограммов молока от первотелки» и др.

С полеводами и механизаторами колхоза проведена читательская конференция по книге Д. Коренькова и Н. Михайлова «Бережно хранить и правильно использовать удобрения». Когда в колхозе появились случаи заболевания телят, по инициативе библиотеки было организовано обсуждение книги П. Голышенкова «Предупреждение заболеваний и падежа телят». Обсуждение книги помогло телятницам улучшить уход за молодняком и кормление, а для слабых телят был введен подсосный метод содержания[71]. Это конкретный пример, когда книга помогает в работе, а таких примеров по республике много.

В пропаганде передового опыта большое место занимает литература о передовом опыте местного издательства. Особенно та, авторами которой являются передовики сельского хозяйства Мордовии. Так, широко обсуждается среди тружеников опыт механизатора Г. Сизганова, доярок Е. Суханкиной и Е. Девяткиной, описанный в книгах «Заслон потерям» и «Говорят колхозные доярки»[72].

Многие библиотеки республики оформляют книжные выставки: «Что читать механизатору, колхозникам», «Что читать животноводу», «Коммунизм создаётся сегодня», «Новые книги по сельскому хозяйству» и др.

Библиотеки республики проводят диспуты, читательские конференции, вечера по воспитанию любви и уважения к труду. Например, кочелаевская зональная библиотека Ковылкинского района провела вечер «Человек будущего воспитывается сегодня», в большеберезниковской зональной библиотеке успешно прошел вечер «Каким ты представляешь труд при коммунизме?». Проведены вечера и устные журналы «Дорожите честью хлебороба», «Труд и честь неотделимы», «Труд — владыка мира»[73].

В последние годы в республике стали постоянно проводиться Дни культуры на животноводческих фермах, в тракторных бригадах, организаторами которых являются клубные и библиотечные работники, интеллигенция села. Особенно активно Дни культуры проводятся в Старошайговском и Ардатовском районах.

Библиотеки республики проводят большую работу по патриотическому воспитанию. В дни подготовки к 50-летию Советской власти они использовали все средства массовой и индивидуальной работы с читателями. Пропагандировали книги о великих завоеваниях нашего народа за годы Советской власти, о героических событиях Великого Октября, гражданской войны, первых пятилеток, Отечественной войны, о трудовых подвигах советского народа в послевоенный период. Особый интерес читателя к героико-патриотической литературе был вызван мероприятиями, проведенными в связи с 25-летием победы над фашистской Германией. В ряде сельских библиотек проведены вечера: «Они сражались за Родину», «Бойцы вспоминают минувшие дни», на которых выступали участники Великой Отечественной войны. Читателям рекомендовались книги на выставках: «Герои и подвиги», «Никто не забыт и ничто не забыто», «Бессмертный подвиг народа». Библиотеки организовывали выставки: «Полвека под знаменем Октября», «Октябрь шагает по планете», «Страницы героического прошлого»[74] и т. д.

Определенную работу библиотеки проводят по краеведению. Во многих библиотеках организованы краеведческие уголки, в которых показано прошлое и настоящее нашей республики, рассказывается о передовых людях Мордовии, района, города, села. Заслуживают внимания краеведческие уголки, организованные в Зубово-Полянском, Краснослободском, Темниковском районах, в Новокарьгинской и других сельских библиотеках. Организуются книжные выставки: «Знаешь ли ты свою республику?», «Книги о нашем крае», «Великий Октябрь в Мордовии».

Интересные мероприятия проводит ромодановская районная библиотека. Здесь успешно прошел журнал «Знаешь ли ты свою республику?», вечер «Мордовская литература», радиовечер «Крепнут голоса поэтов Мордовии»[75]. У читателей большой любовью пользуются книги мордовских писателей и поэтов: К. Абрамова, С. Фетисова, Л. Макулова, Н. Эркая, И. Пиняева. По их книгам библиотеки проводят читательские конференции, организуют вечера встреч писателей с читателями. Творческая интеллигенция во время этих встреч разъясняет труженикам сельского хозяйства решения съездов и пленумов ЦК КПСС, проводит беседы о развитии советской и мордовской литературы, делится своими творческими планами на будущее. В январе 1969 года, например, писатели А. К. Мартынов, И. М. Девин, И. Д. Пиняев, критик И. К. Инжеватов совершили поездку по Большеигнатовскому району, где встречались с колхозниками, читали отрывки из собственных произведений. А другая группа из трёх человек — С. С. Ларионов, А. П. Тяпаев, Ю. Ф. Кузнецов[76] — побывала в Инсарском районе, где выступала с лекцией «Образ Ленина в мордовской литературе», а также познакомила колхозников с произведениями, которые они посвятили 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Таким образом, составной частью идейно-политического и культурно-технического роста тружеников колхозной деревни является работа культурно-просветительных учреждений на селе. Она осуществляется через деятельность различных учреждений культуры — клубов, Домов культуры, библиотек, музеев, учреждений и организаций лекционной пропаганды. Рост культурно-технического уровня колхозного крестьянства во многом зависит от помощи городов, рабочего класса, научно-технической и творческой интеллигенции.

---

[1] Народное хозяйство РСФСР в 1969 году. Статистический ежегодник. М., 1970, стр. 442.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1971, стр. 129.

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 131.

[4] «Советская Россия», 20 октября 1960 года.

[5] Заседания Верховного Совета Мордовской АССР, шестого созыва. Шестая сессия. Стеногр. отчет. Саранск, 1966, стр. 74.

[6] Подсчитано нами по данным статсборника «Мордовская АССР за годы Советской власти», стр. 120—121.

[7] Советская Мордовия. Очерки, посвященные 20-летию республики. Саранск, 1950, стр. 286.

[8] Дело всей партии, всех коммунистов. Саранск, 1970, стр. 111.

[9] Советская Мордовия. Делегату XXI Мордовской областной партийной конференции. Саранск, 1971, стр. 18, 19, 20.

[10] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы отдела культпросветработы за 1970 год.

[11] В. П. Бочкарев. Культура на марше. Саранск, 1970, стр. 46.

[12] «Мокшень правда», 4 декабря 1964 г.

[13] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 183, л. 164.

[14] ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 22, д. 609, л. 5, 6.

[15] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Сводка годовых отчётов учреждений клубного типа Министерства культуры и сводка годовых отчётов массовых библиотек Министерства культуры СССР.

[16] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 138, л. 2.

[17] Объединенный архив при Министерстве культуры МАССР (дальше ОА при МК МАССР), ф. р.-1, оп. 4, д. 240, л. 163.

[18] Текущий архив ЦСУ МАССР. Материалы сектора статистики культуры, населения, здравоохранения.

[19] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, июнь, № 11, 1970, стр. 27.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 407.

[21] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 118.

[22] ЦГА МАССР, ф. р.-1122, оп. 2, д. 242, л. 21.

[23] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 69, л. 8.

[24] Подробно смотри в книге «Черты нового». Саранск, 1970, стр. 20—29.

[25] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы культпросветотдела.

[26] Там же.

[27] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы отдела культпросветработы за 1970 год.

[28] Текущий архив Управления кинофикации МАССР. Данные за 1970 год.

[29] Кино в Мордовии. Саранск, 1970, стр. 69.

[30] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1971, стр. 130.

[31] «Агитатор» за 1970, № 24, стр. 24.

[32] В. П. Бочкарев. Указ. работа, стр. 48.
[33] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 237, л. 27.
[34] ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 22, д. 609, л. 6.
[35] Текущий архив ЦСУ МАССР. Материалы отдела статистики культуры населения, здравоохранения.
[36] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 190, л. 229.
[37] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 237, л. 35.
[38] Там же.
[39] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС. Июнь, № 12, 1970, стр. 38.
[40] В. П. Бочкарев. Указ. работа, стр. 42.
[41] «Блокнот агитатора», № 15, август 1970, стр. 40.
[42] В. П. Бочкарев. Указ. работа, стр. 63.
[43] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 240, л. 128.
[44] Текущий архив атяшевского отдела культуры. Данные за 1970 год.
[45] ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 27, д. 3105, л. 11.
[46] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы отдела культпросветработы.
[47] Текущий архив республиканского Дома народного творчества.
[48] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 183, л. 161.
[49] Советская Мордовия. Саранск, 1971, стр. 72—73.
[50] И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 183.
[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 332.
[52] «Агитатор» 1970, № 24, стр. 23.
[53] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статсборник. Саранск, 1965, стр. 135.
[54] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 151, л.64.
[55] Текущий архив ЦСУ МАССР. Материалы сектора статистики культуры, населения, здравоохранения.
[56] Народное хозяйство РСФСР в 1963 г. Статистический ежегодник. Статистика. М., 1964, стр. 501.
[57] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы годовых отчетов библиотек за 1959—1970 гг.
[58] Таблица составлена по данным статсборника «Народное хозяйство Мордовской АССР». Саранск, 1965, стр. 135 и сводных годовых отчетов библиотек за 1966, 1970 годы.
[59] В. П. Бочкарев. Указ. работа, стр. 86.
[60] Справочник партийного работника. Вып. II, М., 1959, стр. 478.
[61] Справочник партийного работника. Вып. III, М., 1961, стр. 486—506.
[62] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 183, л. 150.
[63] ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 22, д. 609, л. 5.
[64] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Материалы годовых отчетов библиотек.
[65] Текущий архив ЦСУ МАССР. Материалы отдела статистики культуры, населения, здравоохранения.
[66] Текущий архив ЦСУ МАССР. Материалы отдела статистики культуры, населения, здравоохранения.
[67] ЦГА МАССР, ф. р.-662, оп. 22, д. 609, л. 5; оп. 27, д. 3175, л. 9.
[68] Библиотеки Мордовии — труженикам села. Саранск, 1965 стр. 13.
[69] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Сводка годовых отчетов массовых библиотек Министерства культуры. Данные за 1970 г.
[70] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 183, л. 87.
[71] Библиотеки Мордовии — труженикам села. Саранск, 1965, стр. 4.
[72] ОА при МК МАССР, ф.р.-1, оп. 4, д. 183, л. 88.
[73] Библиотеки Мордовии — труженикам села. Саранск, 1965, стр. 9.
[74] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп 4, д. 183, л. 83.
[75] ОА при МК МАССР, ф. р.-1, оп. 4, д. 183, л. 83.
[76] «Советская Мордовия», 24 августа 1971 г.

А. В. СОРОКИН

К ВОПРОСУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прошло более четверти века с тех пор, как отгремело эхо войны. Изгладились шрамы на теле Родины и людей. Но величественный подвиг, совершенный советским народом в годы Великой Отечественной войны, всегда будет являться негаснущим маяком для поколений, вынесших на своих плечах тяжелую ношу более чем одной тысячи четырехсот военных дней и ночей.

Трудящиеся Мордовской АССР, как и весь советский народ, в июньские дни 1941 года жили творческой жизнью. Рабочие, служащие и инженерно-технические работники, воодушевленные историческими решениями XVIII съезда ВКП(б), успешно претворяли в жизнь директивы третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства. С большим патриотическим подъемом трудилось колхозное крестьянство и сельская интеллигенция. Перед ними открывались широкие перспективы социалистического строительства.

Но 22 июня 1941 года мирный труд был прерван вероломным нападением фашистской Германии на нашу Родину.

Опираясь на учение В. И. Ленина о защите Советского государства, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство разработали мероприятия по мобилизации сил на отпор врагу, на достижение победы, призвали армию, флот и весь советский народ к освободительной Отечественной войне против фашистских поработителей.

В первый же день войны Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о мобилизации военнообязанных на территории четырнадцати военных округов, в том числе и Приволжского[1], куда территориально относится и Мордовская АССР.

30 июня 1941 года постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров был создан Государственный Комитет Обороны. Вся полнота власти сосредоточивалась в его руках.

Председателем ГКО был назначен Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель СНК СССР И. В. Сталин[2].

Такие же чрезвычайные органы власти были созданы в 1941 году во многих городах прифронтовой зоны — городские комитеты обороны. Государственный Комитет Обороны имел своих уполномоченных в краях, областях, автономных республиках, на важнейших предприятиях и стройках.

Ввиду обстоятельств военного времени Президиум Верховного Совета СССР вынужден был Указом от 5 декабря 1941 года отменить выборы в Верховный Совет СССР и продлить полномочия Верховного законодательного органа страны. Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР от 4 февраля 1942 года по этой же причине были отменены выборы и в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся[3]. Центр тяжести в деятельности Советов депутатов трудящихся был перенесен в основном на исполкомы и их постоянные комиссии.

Война поставила перед Советским государством крайне сложные задачи. Она потребовала перестройки всей жизни страны на военный лад. Практическая работа местных Советов также максимально была подчинена задачам военного времени. С первых дней войны перед партийными органами и местными Советами встала задача: обеспечить потребности промышленности и сельского хозяйства в рабочей силе. Призыв в армию значительной части квалифицированных рабочих промышленности, а также механизаторов сельского хозяйства поставил эти ведущие отрасли народного хозяйства страны, в том числе и Мордовии, в весьма затруднительное положение.

В условиях военного времени вопросы учета и распределения трудовых ресурсов, набора и подготовки рабочих кадров приобрели исключительно большое значение. В связи с этим решением Советского правительства 30 июня 1941 года при СНК СССР был создан Комитет по учету и распределению рабочей силы. На местах, в частности при Совнаркоме Мордовской АССР, было организовано бюро по учету и распределению рабочей силы. При райисполкомах и Рузаевском горсовете была введена должность заведующего мобилизацией[4]. На него возлагалось ведение учета городского и сельского трудоспособного населения и его мобилизация для работы на производстве и строительстве, привлечение населения к трудовой повинности, а также призыв городской и сельской молодежи в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО.

По данным бюро учета и распределения рабочей силы, при СНК МАССР было мобилизовано за пределы республики в 1943 году 31,9 тыс. человек, в 1944 году — 27,7 тыс. человек. С учетом удовлетворения всех потребностей в рабочей силе республика в 1945 году мобилизовала за свои пределы еще 23,2 тыс. человек[5].

Мобилизованная рабочая сила направлялась в первую очередь на предприятия и стройки тяжелой и военной промышленности. Так, с 6 ноября 1942 по март 1943 года из республики на строительство уральских гидроэлектростанций было отправлено из каждого района около 50 человек[6]. Для работы на предприятиях наркомата черной металлургии в 1943 году направлено 1000 человек, в наркомат боеприпасов — 500 человек[7]. В апреле того же года для работы на торфопредприятиях наркомата электростанций только по сельским Советам Инсарского района сроком на 7 месяцев было мобилизовано 1100 человек:[8] Майданским — 50 человек, Адашевским — 55, Сиял-Пятинским — 70, Кр.-Шадымским — 75, Шад.-Рыскинским и Ямщинским по 60 человек. Эта работа усиленно проводилась и в других районах.

В целом республика в 1943 году план мобилизации рабочих в торфяную и лесную промышленность перевыполнила. За успешное выполнение государственного плана по мобилизации рабочей силы председатель Ковылкинского райсовета и секретарь Теньгушевского РК ВКП(б) были награждены орденом «Знак Почета»[9].

В годы Великой Отечественной войны особо остро чувствовался недостаток топлива. В первые же месяцы враг захватил значительную часть территории страны, на которой добывалось 63% всего угля.

В этих условиях железнодорожники вынуждены были приспособить топки локомотивов под дрова, торф и угольную пыль. Мордовия с ее значительными лесными богатствами стала одним из источников снабжения топливом Ленинской, Казанской и Куйбышевской железных дорог, города Москвы, государственной и кооперативной промышленности республики. В лесах Мордовии во время войны круглый год шла заготовка дров.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 21 февраля 1942 года республике был установлен план заготовки дров железным дорогам 195 тыс. м³ и для города Москвы 25 тыс. м³. Для выполнения этого плана из колхозов республики было мобилизовано 3027 человек лесорубов и 2120 человек возчиков с лошадьми[10]. На 1 июля ими было заготовлено для железных дорог 198930, для города Москвы — 25275 м³ дров[11]. План ГКО трудящиеся Мордовии выполнили успешно. В этом немалая заслуга и местных Советов республики.

29 июля 1943 года Государственный Комитет Обороны для Мордовии устанавливает новое задание по заготовке и вывозке дров на период с 1 июля 1943 по 1 июля 1944 года. Для Казанской железной дороги — 90 тыс. м³, Куйбышевской — 65 тыс. м³, Ленинской — 495 тыс. м³ дров. Это требовало мобилизации новых контингентов трудящихся и тягловой силы на заготовку и вывозку дров. Местные Советы республики энергично принялись за дело. Новый план также был выполнен с честью.

Партийные и советские органы республики с первых дней Великой Отечественной войны уделяли большое внимание подготовке рабочих кадров для промышленных предприятий. За

годы войны только ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Мордовии подготовили около 15 тыс. молодых специалистов. Кроме того, большая армия квалифицированных рабочих подготовлена промышленными предприятиями путем прикрепления обучающихся к квалифицированным рабочим и мастерам на предприятиях. Токарь Саранского пенькового комбината Д. Ф. Ивенин за первые два года войны обучил 7 человек своей профессии, мастера Теплостанского мехлесопункта Г. Г. Якимович и Т. И. Киселева обучили по 10 человек, бригадир артели «Красный кожевник» В. Ф. Глушков подготовил к работе по своей профессии также 10 человек. Подобных примеров за годы войны было немало. Промышленные предприятия республики только в одном 1943 году подготовили 3416 квалифицированных специалистов[12].

Массовый призыв трудоспособного мужского населения в действующую армию создал серьезную угрозу для своевременной уборки урожая. Многие трактористы, комбайнеры, ремонтные рабочие, а с ними и часть техники были мобилизованы. Заменить ушедших на фронт не везде представлялось возможным. Такое положение было не только в МТС, но и в совхозах. Нужно было принимать срочные меры по подготовке механизаторских кадров. Исполкомы районных Советов депутатов трудящихся приложили максимум усилий, чтобы при МТС и школах механизации были организованы краткосрочные курсы комбайнеров и трактористов. Уже в августе 1941 года ими было охвачено 2339 человек, из них женщин — 1839[13]. Кроме того, 548 человек обучалось на межрайонных курсах, в том числе женщин 244. Женщины с большим желанием овладевали профессиями трактористов и комбайнеров. Многие специальности, до войны считавшиеся мужскими, стали достоянием женщин.

Большую помощь в подготовке кадров сельскому хозяйству оказали общеобразовательные и средние специальные учебные заведения республики, в которых в январе 1942 года работало 158 групп по изучению сельхозтехники с охватом 4732 учащихся[14].

Принятые местными партийными и советскими органами республики меры по подготовке сельскохозяйственных кадров оказались своевременными и действенными. Они позволили колхозам и совхозам преодолеть трудности, вызванные военной обстановкой, успешно справиться с сельскохозяйственными работами и выполнить планы поставки хлеба и других сельхозпродуктов.

Патриотические чувства советских людей в годы Отечественной войны, их ненависть к немецко-фашистским захватчикам проявлялись в самых разнообразных формах. Трудящиеся нашей страны жертвовали во имя победы над врагом подчас самым необходимым. В этом существо вопроса, в этом особенность советского патриотизма.

С первых дней вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз партия и правительство призвали советский народ мобилизовать все силы и средства на борьбу с фашизмом. Трудящиеся не только поддерживали мероприятия правительства по увеличению ассигнований на укрепление обороноспособности, но и сочли своим долгом внести личный вклад в это дело.

Наиболее распространенной формой проявления политической активности трудящихся явилось массовое движение за создание фонда обороны. Идея его организации возникла еще на первых митингах, проводимых повсюду после получения известий о нападении на СССР гитлеровской Германии.

Трудящиеся вносили предложения о передаче своих сбережений, ценностей, облигаций для укрепления вооруженных сил. На эти же цели сдавались средства, заработанные на воскресниках, полученные от сдачи сверхплановой продукции и т. д. Коллективы предприятий и учреждений Мордовии единодушно приняли решение и практически приступили к созданию фонда обороны. 14 августа 1941 года в сберегательные кассы от трудящихся города Саранска поступило денежных средств 48 тыс. руб., облигаций госзаймов на сумму 356800 руб., но уже через 6 дней эта сумма достигла 740 тысяч рублей.

Примером в этом были жители Саранска Белобородова, внесшая облигаций на сумму 7960 руб., Черногубов — на 7660 руб., Купцов — на 7375 руб[15]. Орденоносец заведующая Инсарским райпарткабинетом М. П. Боровицкая из своих сбережений внесла 1000 рублей. Колхозники колхоза «Знамя труда» Козловского района сдали 100 ц сена и решили ежемесячно отчислять в фонд обороны страны 2% своего заработка до окончания войны[16].

На 1 сентября 1941 года в зубово-полянскую райсберкассу поступило в фонд обороны наличными 146472 руб. и облигаций на сумму 670000 руб.

В июле и августе 1941 года по всей республике проводились воскресники. Заработанные средства, как правило, передавались в фонд обороны. 17 августа воскресник превратился в мощную демонстрацию готовности трудящихся Мордовии всеми возможными путями помочь Родине в борьбе с врагом. В воскреснике участвовало более 120 тысяч патриотов. Только в 19 районах участниками воскресника заработано и перечислено в фонд обороны 100833 руб. и 110887 трудодней[17].

Во втором воскреснике, 7 сентября, принимало участие 105407 человек. Было заработано 59238 руб. и 91658 трудодней. Все это также было перечислено в фонд обороны страны[18].

В первый период Великой Отечественной войны движение за создание фонда обороны носило стихийный характер. Патриотические начинания еще не вылились во всенародное движение, каким оно стало впоследствии.

Только в конце июля 1941 года газета «Правда» впервые поместила обзор писем под заголовком «Трудящиеся предлагают создать фонд обороны». В этом же номере говорилось, что по решению правительства во всех отделениях Госбанка открыты специальные счета, на которые можно вносить взносы. В связи с этим определенные задачи ставились перед партийными и советскими органами.

Таким образом, патриотический почин трудящихся получил соответствующую организационную форму.

В Мордовской АССР инициаторами этого ценного патриотического начинания явились комсомольские организации Саранского консервного комбината, НКВД и колхозники сельхозартели им. Ворошилова Николаевского сельсовета Саранского района. В своем обращении к трудящимся республики николаевцы писали: «Мы единодушно решили помочь нашим самоотверженным бойцам, чтобы они ни в чем не нуждались на фронте, чувствовали в своем сердце нашу отцовскую и материнскую заботу»[19].

Предложения комсомольцев и николаевских колхозников подхватили трудящиеся всей республики.

Ни один рабочий, служащий, колхозник не остался в стороне от великого дела, во имя которого с оружием в руках поднялся двухсотмиллионный советский народ. 108 хозяйств из колхозов «Кзыл-Байрак» и «Волжская коммуна» Лямбирского района были освобождены от всех видов поставок государству. Но когда Родине нужны были каждый килограмм мяса, литр молока, десяток яиц, колхозники отказались от льгот и организованно досрочно рассчитались с государством[20].

Даже престарелые колхозники и пенсионеры села Богдановки Ширингушского района М. Г. Шкуренков, Н. Е. Максимов, Е. Я. Якунина, освобожденные от мясопоставок, отказались от льгот.

«Мы не хотим оставаться в стороне, когда кровавый Гитлер бросился на нашу Родину»,— заявили они и привели в заготскот по овце[21].

По данным наркома финансов СССР, на 11 сентября 1941 года в фонд обороны Родины поступило 450,1 млн. руб. наличными, 800 граммов платины, 32,1 кг золота, 1484 кг серебра, на 1314012 руб. инвалюты и 228,3 млн. руб. облигаций госзаймов.

Вклад трудящихся Мордовии в эту сумму в 1941 году составил 7727 тыс. руб. В последующие годы сумма взносов мордовского народа продолжала возрастать. В 1942 году она уже составила 22169 тыс. руб. В том числе 18290 тыс. руб. внесены наличными[22].

В апреле 1942 года был выпущен первый военный государственный заем. Он был встречен с большим патриотическим подъемом трудящимися Мордовской АССР. На предприятиях, в

колхозах подписка прошла организованно и превысила плановые наметки. Трудящиеся Ковылкинского района за первые дни подписались на 2449 тыс. руб. В Зубово-Полянском районе подписка дала 2478 тыс. руб. Рабочие и служащие столицы республики в заем государству дали 5426 тыс. руб., а Мордовия в целом — 54360 тыс. руб.[23].

Немало было получено денег от реализации денежно-вещевых лотерей. Трудящиеся города Саранска с 1941 по 1944 год выкупили лотерейных билетов на 4479 тыс. руб., Рузаевки — 3979 тыс. руб., Зубово-Полянского района — 2381 тыс. руб. Всего же за это время мордовским народом было приобретено лотерейных билетов на 40304 тыс. руб.[24]. По всем районам республики средства от реализации лотереи направлялись на укрепление обороны. Приобретение лотерейных билетов рассматривалось как большое патриотическое дело.

В годы Великой Отечественной войны широкое распространение получило движение по сбору средств на покупку вооружения. Патриотический поступок саратовского колхозника Ферапонта Головатого, внесшего на покупку боевого самолета 100 тыс. руб., был широко подхвачен тружениками Мордовской АССР.

В Мордовии это движение началось еще летом 1941 года. В информационной записке заведующего оргинструкторским отделом Мордовского обкома ВКП(б) от 3 августа 1941 года говорилось, что на предприятиях, в учреждениях и колхозах республики проходили собрания и митинги, на которых с огромным подъемом принимались решения об отчислении в фонд обороны своих средств. В первых числах ноября собрание учителей города Саранска приняло решение отчислить 3-дневный заработок на строительство танков. Примерно в то же время коллектив Саранского консервного комбината встретился с героем Советского Союза Мичуриным, который рассказал участникам встречи о героической борьбе воинов Красной Армии на фронтах Отечественной войны. После его выступления коллектив принял решение отчислить однодневный заработок на строительство танков[25].

С 15 ноября по 15 декабря 1941 года по решению бюро Мордовского обкома комсомола был проведен месячник по сбору денежных средств в сумме одного миллиона руб. на строительство танков[26].

Таким образом, еще осенью 1941 года это движение стало всенародным, в него включались огромные массы рабочих, служащих и колхозников. С каждым годом оно росло и крепло, увеличивался вклад, вносимый трудящимися. На 31 декабря 1941 года только в пурдошанское районное отделение Госбанка на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» (впоследствии так стало именоваться это патриотическое движение) трудящимися района было внесено 183710 руб. 47 коп.

Колхозами «Труд» и «20 лет Октября» на эти цели отчислено 103 ц 20 кг зерна[27]. За годы войны трудящимися республики было внесено в фонд обороны СССР (счет № 14) и в фонд Красной Армии на строительство танков и самолетов 55778 тыс. руб.[28].

Не менее важное место по своей значимости занимала и такая форма помощи фронту, как сбор теплых вещей для воинов Красной Армии.

Коммунистическая партия и Советское правительство уже с первых дней предвидели, что война с таким коварным врагом, как фашистская Германия, принимает затяжной характер, поэтому принимались необходимые меры по обеспечению бойцов и командиров теплой зимней одеждой. Но одеть многомиллионную армию в короткое время было нелегко. 5 сентября 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление о сборе теплых вещей. В нем говорилось, что эта кампания в стране уже началась, патриотический подъем трудящихся требовал руководства в организации. ЦК обязывал областные, краевые партийные комитеты и местные Советы уделить этому делу первостепенное внимание, разъяснить населению важность сбора теплых вещей.

Для руководства патриотическим движением бюро Мордовского обкома ВКП(б) 6 сентября 1941 года создало при обкоме комиссию в составе секретаря обкома ВКП(б) (председатель), заместителя председателя СНК, военкома республики, секретаря обкома ВЛКСМ, председателей обкомов профсоюза работников земорганов и политпросветучреждений. При всех райкомах и горкомах ВКП(б) создавались районные комиссии.

Ход сбора теплых вещей широко освещался в районной и республиканской печати[29].

Это была поистине всенародная кампания. В ней практически участвовало все население страны. Инициатором этой патриотической кампании в нашей республике выступила группа работников Саранского пенькокомбината, которая обратилась ко всем рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий и учреждений Мордовии с призывом принять активное участие в сдаче теплых вещей для воинов действующей армии. Поддерживая этот почин, заведующая железнодорожной поликлиникой станции Рузаевка М. В. Ютландова сдала две пары валенок, одну шинель, две простыни[30].

По инициативе передовых рабочих Рузаевского железнодорожного узла более ста машинистов, кочегаров, ремонтников причитающуюся по зимнему плану спецодежду сдали городской приемочной комиссии[31].

Активное участие в организации сбора тёплых вещей для воинов Красной Армии принимали исполкомы районных и сельских Советов депутатов трудящихся. Члены исполкома, депутаты, члены постоянных комиссий разъясняли населению значение проводимой кампании, изыскивали возможности переработки сдаваемого сырья, своим участием показывали населению пример выполнения патриотического долга.

В волнующую демонстрацию преданности советской Родине и Коммунистической партии превратилось общее собрание граждан Ускляйского сельского Совета Рузаевского района, состоявшееся 6 февраля 1942 года. На этом собрании в качестве докладчика выступил представитель действующей армии батальонный комиссар М. И. Шмельков, который рассказал о героической борьбе Красной Армии на фронтах Отечественной войны, призвал тружеников села еще лучше трудиться и помогать своей армии — защитнице Родины. В единогласно принятом решении участники собрания торжественно клялись еще лучше работать на колхозных полях и животноводческих фермах, дать «...нашим доблестным воинам теплые вещи». На этом собрании патриотический почин проявил сельский активист В. П. Фадеев, который внес 2 овчины и призвал других последовать его примеру. Его поддержали А. И. Гагарина, Д. М. Подгорелкин, С. А. Железнов и многие другие, также внесшие теплые вещи для воинов Красной Армии.

Благодаря большой организационной работе, проведенной среди населения, в Теньгушевском районе уже в конце октября 1941 года 80% населения приняло участие в сдаче теплых вещей, к этому времени теплые вещи сдали 85% взрослого населения г. Рузаевки.

В Торбеевском районе по сбору необходимых вещей ведущее место занимали Жуковский сельсовет (председатель сельсовета Елин), где за короткий промежуток времени было собрано 500 кг шерсти, более 100 овчин; Виндрейский сельсовет (председатель Баканов), где населением было сдано 250 пар валенок, 10 тулупов, около 100 овчин[32].

Большой активностью отличались труженики Ичалковского района, которые уже на 5 октября сдали на приемные пункты 2300 кг шерсти, 1000 овчин, более 50 пар валенок и много других теплых вещей. В Рыбкинском районе было собрано 3026 кг шерсти, более 500 овчин, 53 пары валенок и т. д.[33]

Посильный вклад в это дело внесли колхозы Мордовии. Уже на 1 ноября 1941 года колхозы и колхозники республики сдали на приемные пункты свыше 70 тыс. кг шерсти, 21315 овчин.

Встал вопрос об организации производства и изготовлении теплых вещей на месте, чтобы отправить их воинам в готовом виде. СНК республики 15 сентября 1941 года принял постановление об изготовлении зимней одежды и обуви для Красной Армии из сырья, сдаваемого населением и организациями.

И здесь местные Советы проявили гибкость и оперативность. В городах, районных центрах и в сельских населенных пунктах возникли новые мастерские — вальни, шерсточесалки, цеха по выделке кож и т. д. В качестве мастеров выступили рабочие, служащие и колхозники, когда-то занимавшиеся этим делом.

Колхозники села Жабино Урусовского сельсовета Ардатовского района на собрании взяли на себя обязательство свалять 300 пар валенок, силами староардатовских колхозников было изготовлено 358 пар, 307 пар сваляли урусовские колхозники[34].

60-летний колхозник села Напольная Тавла Кочкуровского района И. А. Зыбкин менее чем за две недели изготовил 50 пар валенок. «Для победы над гитлеризмом я готов отдать все свои силы»,— заявил он членам приемной комиссии[35].

Ускоренными темпами шла во всех районах переработка овчин. К празднику 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции эта работа была закончена в Кадошкинском и Ардатовском районах. В 13 районах республики усиленно шла работа по пошивке полушубков и меховых жилетов.

В грозные для Родины дни октября 1941 года, когда советские воины, обливаясь кровью, отстаивали каждую пядь земли на подступах к Москве, в лямбирскую районную комиссию пришли комсомолки и заявили: «Отпустите нам шерсть, мы будем для бойцов фронта вязать варежки и носки».

Вскоре «красные посиделки» заработали в Домах соцкультуры Лямбирского, Старосиндровского, Атюрьевского, Зубово-Полянского и других районов[36].

Так общими усилиями трудящихся Мордовской АССР на 10 декабря 1941 года было собрано 72226 кг шерсти, 25720 штук овчин и отправлено на фронт 19513 пар валенок, около 2000 полушубков, более 1000 меховых жилетов, 20493 пары варежек и меховых рукавиц, 14742 пары шерстяных носков, 9256 шапок-ушанок и много других вещей[37].

В годы Великой Отечественной войны среди трудящихся республики широкое распространение получила отправка посылок и подарков воинам. Труженики Мордовии к Новому году и ко Дню Красной Армии отправили 5 вагонов с подарками. В день 25-й годовщины Октябрьской революции солдаты двух подшефных дивизий от делегаций республики получили 12 вагонов с подарками, в том числе более 16 тонн мяса, десятки тонн картофеля, 5250 кг пшена, 2662 кг меду, 13 тонн сухарей, 50 тыс. яиц и другое продовольствие[38].

Наряду с перечисленными задачами местным Советам приходилось решать многие другие большие и сложные военно-оборонительные и военно-хозяйственные задачи. Каждая из этих задач составляла важное направление в деятельности Советов.

В годы Великой Отечественной войны особенно усилилось внимание государства к защитникам Родины. Для улучшения организации помощи семьям фронтовиков при Совете Народных Комиссаров республики был создан отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

22 февраля 1943 года СНК Мордовской АССР утвердил положение об отделах по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при районных и городских исполкомах Советов депутатов трудящихся.

Эти отделы занимались выдачей пособий и пенсий семьям военнослужащих младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота, их бытовым обслуживанием и правовой защитой, устройством детей фронтовиков в детские сады и ясли.

Отделы в соответствии со статьей 65 Конституции МАССР в своей деятельности подчинялись как районному и городскому Советам депутатов трудящихся, так и отделу по государственному обеспечению при Совете Народных Комиссаров Мордовской АССР.

Одновременно с этим во всех сельских Советах и учреждениях были созданы комиссии по оказанию помощи семьям военнослужащих[39].

За годы войны эти отделы и комиссии обследовали материально-бытовые условия десятков тысяч семей военнослужащих, проживающих в городах, поселках и сельских населенных пунктах, выявили 87453 семьи рядового и сержантского состава, которые нуждались в пособиях и пенсиях.

Из общего числа семей военнослужащих проживало в городах республики 26256 и в сельской местности 138672 семьи. 16830 семей военнослужащих в своем составе не имели ни одного работоспособного человека. Эти семьи состояли из детей, престарелых и больных[40].

Отделы при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся, комиссии сельских Советов проявляли исключительно большую заботу об этих семьях, их материальном и бытовом устройстве. Только по одному Лямбирскому району за 8 первых месяцев войны комиссиями было обследовано 1300 семей, оказана помощь 500 семьям, на что израсходовано 8895 руб. и 304 ц хлеба, подвезено 3700 м³ топлива, выдано 600 м³ стройматериалов, отремонтировано 30 домов. Четырем семьям куплены коровы.

В деле организации помощи семьям мобилизованных большую роль сыграли колхозные кассы взаимопомощи. Так, касса взаимопомощи колхоза «Янга тормыш» Лямбирского района за первые месяцы войны выдала 20 нуждающимся семьям 8000 руб. на ремонт жилищ и покупку скота, на 564 руб. купила одежду и обувь детям, приобрела и отослала на фронт теплого белья на сумму 225 рублей.

На средства кассы взаимопомощи в колхозе «Новая жизнь»[41] этого же района построен новый дом и куплено две коровы для семей военнослужащих[42].

СНК республики в марте 1943 года отметил положительную работу исполкома Ардатовского райсовета депутатов трудящихся по государственному обеспечению и бытовому устройству семей

военнослужащих, где было выдано семьям красноармейцев 215 ц хлеба, 2004 м³ дров, отремонтировано 64 дома, выдано 373 пары новой обуви и 342 пары белья[43]. Такую же помощь оказывали семьям военнослужащих местные Советы других районов республики.

В республике проводились декадники, месячники по оказанию помощи семьям военнослужащих. Только с 15 октября по 1 декабря 1944 года семьям воинов отремонтировано 23813 квартир, построено 216 новых домов, подвезено 63338 м³ дров, 8186 тонн торфа, 36079 ц соломы для топлива. Кроме того, было собрано 1 475 479 руб. денег, 10189 кг шерсти, 9070 овчин, 4072 ц хлеба, 5085 ц картофеля, 7185 ц овощей и т. д.[44]

Однако основные усилия по оказанию помощи семьям военнослужащих в годы войны государство брало на себя. В республике только за первое полугодие 1944 года выплачено государственных пособий в сумме 38 222 019 руб. и пенсии — 11 080 250 руб.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли также неослабную заботу о бывших воинах-инвалидах Отечественной войны. В соответствии с постановлением СНК СССР от 6 мая 1942 года «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» персональная ответственность за трудовое устройство, организацию обучения новым профессиям инвалидов Отечественной войны возлагалась на народных комиссаров социального обеспечения союзных и автономных республик[45].

Постановлением СНК Мордовской АССР и бюро ВКП(б) от 16 мая 1942 года при исполкомах Саранского и Рузаевского горсоветов были созданы постоянные городские комиссии по трудовому устройству инвалидов. Одновременно с этим при Наркомсобесе республики был создан сектор, а при Саранском и Рузаевском горотделах социального обеспечения введена должность инспектора по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны[46].

Отдел социального обеспечения местных Советов республики открывал специальные магазины и столовые для инвалидов, помогали им в ремонте квартир, обеспечивали топливом. За 1944 год инвалидам войны было выдано 3500 пар обуви, 1213 пальто, 4800 метров мануфактуры, 1350 пар валенок, 880 свитеров. Наркомсобесом республики в порядке одновременной помощи было выдано 104275 руб.[47] Только в одном Инсарском районе в 1946 году для инвалидов капитально было отремонтировано 53 дома, подвезено 1936 м³ дров[48].

В Мордовской АССР с первых дней Отечественной войны было развернуто 13 госпиталей. Для размещения их выделялись лучшие помещения, наиболее подготовленные кадры врачей, среднего и младшего медперсонала. В них были организованы специализированные отделения — терапевтическое, глазное, ушное, психоневрологическое и нейрохирургическое. Во главе этих отделений стояли квалифицированные врачи.

Над всеми госпиталями было установлено шефство общественных организаций, промышленных предприятий и колхозов.

Женщины Саранского консервного комбината шефствовали над госпиталем № 1341. Только в 1942 году они выстирали раненым 4500 пар белья, собрали и вручили подарков на сумму 5347 руб., закупили и передали для раненых набор музыкальных инструментов.

Большую помощь оказали госпиталям шефствующие колхозы. Только к 1 мая 1942 года колхозники прислали госпиталям 41415 шт. яиц, 1251 кг масла, 895 кг мяса, 183 кг сахару, 385 кг махорки и много других продуктов.

Партийные и комсомольские организации для политико-массового обслуживания раненых бойцов и командиров выделяли наиболее подготовленных агитаторов и чтецов из числа партийно-комсомольского актива.

С 1 января по 1 сентября 1942 года только в 9 госпиталях республики было прочитано 474 лекции и доклада, проведено более 10000 групповых бесед. За это же время для раненых показано 1282 кинокартины, дан 341 концерт. Комсомольцы республики собрали для оформления библиотек госпиталей десятки тысяч экземпляров книг[49].

Раненые бойцы и командиры в госпиталях чувствовали за собой любовный уход и материнскую заботу. Умелыми руками врачей были спасены тысячи жизней, казалось бы безнадежным больным возвращалась боеспособность. Ежедневно десятки писем поступали в адрес врачей и медсестер госпиталей из армии и трудового фронта со словами благодарности. Разрывными пулями в ноги был ранен сержант Коробочка. Положение создавалось очень серьезное. Большинство врачей признавало неизбежной ампутацию левой ноги. Но по-другому решил вопрос хирург Г. Н. Писарев.

— Ногу мы вам сохраним, вы получите возможность возвратиться на фронт.

И действительно, через два месяца сержант уже занимался физзарядкой, а спустя несколько времени с фронта он писал: «Большое спасибо хирургу-патриоту Г. Н. Писареву». С благодарностью и большой теплотой раненые воины отзывались о врачах В. П. Шерстневой, И. А. Крестиной, Ф. И. Баранове, К. И. Кусковой и многих других, о медсестрах М. Парусенковой, В. Малаховой, Л. Фадеевой, Е. Безруковой и других[50].

Для выздоравливающих защитников Родины, потерявших возможность вернуться к старым специальностям, при госпиталях были созданы курсы счетоводов, киномехаников, фотографов, часовщиков и т. д. Таким образом, раненые при выходе из госпиталя могли включиться в работу.

В организации снабжения госпиталей большую роль сыграли подсобные хозяйства, создаваемые при каждом из них. Для этой цели местные Советы республики выделяли госпиталям

19375 га земли. В 1942 году одного картофеля было посажено более 5000 га.

Благодаря самоотверженному труду медицинских работников госпиталей, непрестанной заботе трудящихся республики о раненых бойцах, командирах и политработниках ежегодно возвращалось в действующую армию более 80% лечившихся в госпиталях Мордовской АССР. Следует отметить и то, что процент возвратившихся в армию бывших фронтовиков из госпиталей республики был сравнительно выше, чем в других республиках и областях страны[51].

Таким образом, завет В. И. Ленина «помогать Красной Армии всем, чем только может помогать каждый»[52], нашел горячий отклик в сердцах трудящихся Мордовской АССР. Все это связывало фронт и тыл, превращало Советское государство в единый боевой лагерь.

---

[1] «Правда», 23 июня 1941 года.
[2] Ведомости Верховного Совета СССР, 10 июля 1941 года.
[3] ЦГА МАССР, ф. р.-234, оп. 6, д. 17, л. 324.
[4] ЦГА МАССР, ф. 410, оп. 2, д. 143, л. 126.
[5] Там же, ф. р.-662, оп. 29, д. 81, лл. 12—15.
[6] Там же, ф. 410, оп. 2, д. 110, лл. 1—2.
[7] ЦГА МАССР, ф. 410, оп. 2, д. 143, лл. 30—31, 702.
[8] Там же, ф. р.-163, оп. 4, д. 198, л. 2.
[9] АМОК КПСС ф. 269, оп. 3, д. 187, лл. 2—3.
[10] ЦГА МАССР, ф. р.-228, оп. 6, д. 47, л. 216.
[11] Там же, л. 426.
[12] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 2, л. 56.
[13] Там же, оп. 3, д. 24, л. 110.
[14] Там же, ф. 956, оп. 1, д. 1141, лл. 1—2.
[15] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 3, д. 143, лл. 167—169.
[16] Там же, ф. 269, оп. 3, д. 141, лл. 26—28.
[17] «Красная Мордовия», 5 сентября 1941 года.
[18] АМОК КПСС, ф. 956, оп. 1, д. 1134, л. 117.
[19] «Красная Мордовия», 11 сентября 1941 года.
[20] Там же, 2 августа 1941 года.
[21] «Красная Мордовия», 5 июня 1941 года.
[22] РФ МНИИЯЛИЭ, И-537, л. 9.
[23] Там же, л. 6.
[24] РФ МНИИЯЛИЭ, И-537, л. 6.
[25] «Красная Мордовия», 16 ноября 1941 года.
[26] АМОК КПСС, ф. 956, оп. 1, д. 1000, лл. 11—12.
[27] Там же, ф. 269, оп. 1, д. 60, л. 9.
[28] РФ МНИИЯЛИЭ, И-537, л. 9.
[29] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 3, д. 64, лл. 23—24.
[30] «Красная Мордовия», 18 ноября 1941 года.
[31] «Красная Мордовия», 22 декабря 1941 года.
[32] «Красная Мордовия», 2 ноября 1941 года.
[33] «Красная Мордовия», 10 и 22 октября 1941 года.
[34] «Красная Мордовия», 25 ноября 1941 года.
[35] «Красная Мордовия», 16 декабря 1941 года.
[36] «Красная Мордовия», 7 ноября 1941 года.
[37] Там же, 16 декабря 1941 года.
[38] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 54, лл. 28, 41.
[39] ЦГА МАССР, ф. 410, оп. 2, д. 143, л. 46.

[40] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 3, д. 601, лл. 1, 82—88.
[41] Так назван колхоз в 1957 году.
[42] «Красная Мордовия», 17 марта 1942 года.
[43] ЦГА МАССР, ф. р.-410, оп. 2, д. 143, лл. 119—121.
[44] АМОК КПСС, ф. 269-6, оп. 2, д. 21, л. 58.
[45] Решения партии и правительства по хоз. вопросам (1917—1967 гг.), т. 3, стр. 67—68.
[46] ЦГА МАССР, ф. р.-228, оп. 6, д. 46, лл. 266—267.
[47] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 3, д. 601, лл. 82—88.
[48] ЦГА МАССР, ф. р.-163, оп. 4, д. 202, лл. 164—168.
[49] ЦГА МАССР, ф. 269, оп. 3, д. 601, лл. 130—133.
[50] «Красная Мордовия», 20 февраля и 5 июня 1942 года.
[51] ЦГА МАССР, ф. р.-234, оп. 4, д. 458, лл. 109—118.
[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 152.

А. В. КЛИМКИНА

ДЕЛЕГАТСКИЕ СОБРАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА ВОВЛЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ (1919—1925 гг.)

Задачи укрепления Советской Республики требовали активизации деятельности всех трудящихся масс страны. Необходимо было поднять и уровень руководства работой среди женщин. В этих целях при партийных комитетах вместо комиссий по агитации и пропаганде были созданы отделы по работе среди женщин (женотделы). В сентябре 1919 года ЦК РКП(б) принимает специальное постановление «О работе среди женского пролетариата». В нём подчеркивалось, что «ЦК РКП(б) еще раз подтверждает всю важность и необходимость работы среди женского пролетариата и вменяет в обязанность всем партийным комитетам (губернским, городским, районным, волостным) создать отделы для работы исключительно среди женщин»[1].

Основная задача женотделов состояла в «привлечении работниц и крестьянок к партийной и советской работе и воспитании в них активных борцов за идеалы своего класса и работников в деле переустройства нашей жизни на новых коммунистических началах»[2]. Женотделы обязаны были вести партийную агитацию и пропаганду среди работниц, крестьянок, жен рабочих, организовывать митинги, лекции, беседы, пробуждая у женщин интерес к политической жизни.

ЦК РКП(б) в постановлении особое внимание уделил делегатским собраниям. Идея создания делегатских собраний была выдвинута еще I Всероссийским съездом работниц и крестьянок. В данном постановлении ЦК РКП(б) указывалось, что делегатские собрания являлись «первой ступенью к объединению женщин на почве разрешения вопросов общегосударственного значения... и живой связью между отсталой массой женщин с партией и Советами»[3]. Это постановление для партии явилось программой работы среди женщин. Следовало немедленно выделить партийным комитетом ответственного товарища для практической работы с женщинами; в губернском, городском, уездном комитетах партии это были заведующие женотделами, в партийных ячейках — женорганизаторы. В сентябре 1919 года был организован отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин[4].

Через эти органы Коммунистическая партия в течение нескольких лет проводила огромную плодотворную работу по идейно-политическому воспитанию женщин, вовлечению их в государственное, хозяйственное и культурное строительство.

В данной статье на основе архивного материала и периодической печати делается первая попытка показать деятельность женотделов уездных комитетов партии с их сетью делегатских собраний в уездах, волостях и селах, ныне входящих в Мордовскую АССР.

Советская власть своими первыми декретами узаконила равноправие женщины с мужчиной. Но одних декретов, даже очень хороших, было мало. Требовалось на местах повести практическую работу среди трудящихся женщин так, чтобы все то огромное, что дано им социалистической революцией, Советской властью, шаг за шагом претворять в жизнь. Это являлось нелёгким делом, если учесть, что громадная масса женщин была безграмотной, отсталой и забитой. Отсутствовал у коммунистов и опыт работы с женщинами. Серьёзным препятствием на пути организации этой работы являлось отсутствие грамотных работников. Если ко всему этому добавить трудности войны, эпидемии, голод и др., то можно представить, в какой невероятно сложной обстановке приходилось партийным ячейкам налаживать работу среди женщин.

Для вовлечения женщин в советское строительство Коммунистическая партия использовала особую форму организации женского пролетариата — делегатские собрания. Делегатские собрания начали функционировать в Москве спустя два месяца после Всероссийского съезда работниц и крестьянок, а затем были созданы во всех губернских и уездных городах страны. В городе Саранске уездный женотдел организован 27 января 1920 года. Заведующей была утверждена Климова, секретарём — Кудровская, членами Ганцева и Бахтарова[5]. Первое делегатское собрание женщин г. Краснослободска состоялось 29 октября 1920 года[6]. Делегатские собрания в г. Саранске избирались в первое время на 3 месяца. Норма представительства: от 5 работниц избиралась одна делегатка, от 30 женщин-служащих — одна делегатка[7]. Делегатские собрания состояли из 30 и более представительниц от различных предприятий и учреждений и созывались еженедельно. Работа их проходила по планам, составленным вместе с отделами агитации и пропаганды укомов, в соответствии с установками, которые давались в циркулярных письмах и рекомендациях губженотделов. Позднее 3-е Всероссийское совещание заведующих губженотделами приняло единую обязательную программу занятий городских и волостных делегатских собраний. В Программу включались доклады по советскому и хозяйственному строительству, о международном положении и внутренней политике Советского государства, о задачах трудящихся женщин. Большое место в

программах занимали вопросы гигиены женщин и воспитания детей, общественного питания, охраны материнства и младенчества[8].

Женские делегатские собрания Мордовии развернули свою работу в тяжелые годы гражданской войны, когда лозунг «Всё для фронта» составлял главное содержание их работы. И не удивительно, что почти на каждом собрании женщин стояли вопросы «О работе в госпиталях», проведение дня красных казарм, недели фронта, рассмотрение заявлений о нуждах семей красноармейцев и др.[9].

Делегатские собрания занимались не только политико-просветительной работой, но и организаторской. Делегатки принимали участие в обследовании советских учреждений, изучали методы их работы, участвовали в проведении различных хозяйственно-политических кампаний. Женщины-делегатки организовывали на своих предприятиях дежурства, во время которых проводили приём посетительниц, помогали создавать детские ясли, сады, столовые, следили за тем, как работали общественно-бытовые и детские учреждения. О проделанной работе они отчитывались на делегатских собраниях и собраниях женщин своих предприятий и учреждений[10].

В циркулярном письме от 16 ноября 1919 года губернским партийным организациям, определяя задачи делегатских собраний, ЦК партии указывал, что они «дают полную возможность руководителям этих делегатских собраний в процессе систематического общения с женщинами-работницами, крестьянками выделить наиболее активных из них, которые могли бы быть сразу вовлечены в партийную работу в советских учреждениях и заместить там мелкобуржуазные бюрократические элементы»[11].

Разносторонняя деятельность делегаток просвещала их политически, будила творческую инициативу, постепенно втягивала их в государственную деятельность. В отчете Саранского уездного отдела по работе среди женщин за март 1920 года сообщалось, что «женщина зашевелилась, в ней пробудился интерес к этой работе»[12].

В г. Саранске широко использовались формы работы с различными группами женщин. Проводились общие собрания коммунисток[13], материнские собрания в школах[14], общие собрания женщин-работниц[15], в г. Инсаре — собрания женщин — советских служащих[16].

Оправдавшей формой работы среди широких масс работниц и крестьянок были беспартийные конференции. Отдел ЦК РКП(б) в своих указаниях губернским комитетам партии (а последние — уездным комитетам) рекомендовали созывать их регулярно через каждые 3—4 месяца[17]. Женские беспартийные конференции в городе охватывали определенный круг работниц, а в деревне — крестьянок волости или района. На городские

женские конференции нередко приглашались крестьянки ближних сёл и деревень. На конференциях работниц и крестьянок рассматривались самые разнообразные вопросы: оказание помощи фронту, международное положение страны, оказание помощи голодающим, борьба с беспризорностью, организация детских учреждений и т. д.

В одном из отчетов о работе среди женщин г. Саранска в 1920 году сообщается, что городская беспартийная конференция работниц прошла очень хорошо. На ней присутствовало 75 человек, рассмотрены следующие вопросы: о текущем моменте, о социальном обеспечении, о продовольственной политике Советского государства и др.[18].

20 декабря 1920 года проведена 2-я беспартийная конференция женщин-работниц г. Саранска, которая обсудила вопросы: о военном положении и помощи фронту, продовольственный вопрос, о народном образовании, охране материнства и младенчества, о работе среди женщин-крестьянок, о профессиональном движении[19]. Наряду с делегатскими собраниями и конференциями, в работе среди женщин в первые годы Советской власти широко практиковались митинги на предприятиях, в общежитиях, торжественное празднование международного дня женщин 8 Марта, 1 Мая, годовщины Октябрьской революции, Дня кооперации и др. Делегатки являлись активными организаторами этих мероприятий. Вопросы подготовки и проведения праздников тщательно рассматривались на заседании коллегии женотдела, где, как правило, намечались комиссии. Во все волости, уезды посылали уполномоченных, которые предварительно инструктировались и снабжались листовками, специально посвященными праздникам.

Например, организованно провели 8 Марта в 1920 году женщины-работницы г. Саранска. Они с музыкой пришли на Советскую площадь, где открывался митинг. Вечером в рабочем клубе провели концерт-митинг[20]. Интересно отметили 8 Марта в 1921 году в селе Кочкурове Кочкуровской волости. На собрание съехались женщины соседних деревень и сел. В 8 часов вечера открыли митинг-спектакль. Все граждане встали и спели «Интернационал». Затем выступила с докладом инструктор уженотдела Мещерякова. После этого силами местного драмкружка поставили инсценировки по рассказам А. П. Чехова «Злоумышленник», «Хирургия». Участники собрания угощались чаем с конфетами и пирожками. Здесь же раздавались листовки о 8 Марте[21].

Воспитательная работа Коммунистической партии среди женщин была направлена на преодоление отсталости самих женщин, на то, чтобы научить их пользоваться правами, которые дала им социалистическая революция и Советская власть. Интерес, активность женщин были огромны.

Почти на всех конференциях, съездах, проводимых в губернии, уездах по различным вопросам, ставились доклады о необходимости работы среди женщин и о методах этой работы. Для связи с организациями и ведомствами женотделы посылали своих представителей, которые разъясняли советские законы о равноправии женщин и защищали интересы их, ставили многие вопросы, касающиеся трудящихся женщин, перед партийными и советскими органами[22].

Особой, исключительно действенной формой политического воспитания являлся выпуск специальной литературы-приложений к газетам, так называемых печатных «Страничек работниц и крестьянок». В них писали о жизни работниц города, рассказы и стихотворения о крестьянках, о том, что их интересует, как проходит работа с ними; о всех наиболее выдающихся событиях, различных кампаниях, собраниях, конференциях, субботниках, о новых начинаниях в работе, о росте сознания работниц и крестьянок; помещали статьи и заметки партийных товарищей о формах работы среди женщин и недостатках этой работы. Обо всем этом, как правило, писали сами женщины, в первую очередь делегатки[23].

Работа женских уездных отделов партийных комитетов, делегатских собраний направлялась и постоянно контролировалась губернскими женотделами. С первых месяцев деятельности женотделов в Пензе, Симбирске, Тамбове, Нижнем Новгороде периодически проводились совещания заведующих уездными отделами, на которых обсуждались самые насущные вопросы политики Коммунистической партии и Советского государства.

Огромная по широте и необычная своей новизной работа с женщинами в первые годы Советской власти имела серьезные недостатки. Нередко тематика лекций, докладов усложнялась, не учитывалась при этом слабая, и общая, и политическая подготовка слушательниц. На делегатских и общих женских собраниях читались лекции, малодоступные по своему содержанию и далекие от практических задач трудящихся женщин.

Сложность работы, консервативный взгляд отдельных партийных, советских и хозяйственных руководителей на вопросы фактического раскрепощения труженицы породили волну ликвидаторства особой работы среди женщин. Настроение ликвидировать женотделы особенно усилилось после X съезда партии. 4-е Всероссийское совещание заведующих губернскими отделами по работе среди женщин положило конец этим настроениям. Оно сыграло огромную роль в решении новых задач, возникших в связи с переходом к НЭПу. 22 ноября ЦК РКП(б) обращается с письмом к губкомам, в котором определены были новые задачи женотделов[24]. В этом письме говорилось: «Содержание работы женотделов, сводившееся до сего времени в большей степени к пропаганде идей советского строительства в области государственного воспитания детей, охраны материнства и младенчества и других возможностей раскрепощения женщины, с момента перехода на рельсы НЭП должно было существенно измениться. Переход на хозяйственный расчет всех учреждений, сокращение бесплатной помощи матерям, сокращение числа детских домов, домов матери и ребенка, с одной стороны, сокращение штатов, производившиеся почти всюду за счет удаления с фабрик и заводов работниц, как наименее квалифицированного элемента, с другой стороны, должно было совершенно естественно вызвать необходимость новых методов работы женотделов, поставив её в зависимость от практических задач работниц и крестьянок при новых экономических условиях»[25].

Четвертое Всероссийское совещание обсудило вопрос о делегатских собраниях женщин. В принятой резолюции по этому вопросу совещание так определило их задачи: «Делегатские собрания имеют своей задачей объединить вокруг партии, Советов, профсоюзов отсталые слои работниц и крестьянок, втянуть их в круг общественного производства, профессиональных и партийных интересов, научить вести определенную практическую работу по советскому, партийному и профессиональному строительству и сделать работницу и крестьянку активными членами партии и работниками во всех общественных и государственных органах и учреждениях»[26].

Эти установки стали программными в дальнейшей работе партии с широкими массами трудящихся женщин в новых условиях.

Таким образом, менялось несколько содержание работы, а основными формами по-прежнему оставались женотделы и институт делегатских собраний.

Взяв курс в работе среди женщин на укрепление делегатских собраний, партийные организации пришли к выводу, что необходимо удлинить срок их работы. Это соответствовало пожеланиям самих женщин, этого требовали и новые задачи, которые встали теперь перед делегатскими собраниями. Учитывая, что 6-месячный период недостаточен для полной и детальной проработки программ делегатского собрания и секций, срок работы делегатского собрания устанавливался 1 год[27]. Повсеместно вводился единый минимальный план бесед на делегатских собраниях. Он включал в основном три группы вопросов по общеполитическим, научным и производственным проблемам. При этом учитывалась особенность городских и сельских делегатских собраний[28].

Для обучения делегаток навыкам практической работы в общественных и государственных учреждениях делегатские собрания разбивались на секции по советскому, профсоюзному, кооперативному строительству и по охране материнства и младенчества. При этом не каждое делегатское собрание делилось на все четыре секции. Некоторые имели по две, три, в зависимости от целесообразности, необходимости и возможностей.

В 1923 году Саранский уездный женотдел укома партии состоял из заведующего, трех инструкторов. При отделе была образована коллегия из представителей партийных, советских, комсомольских органов. Работники уженотдела принимали участие в работе постоянных и временных комиссий: здравоохранения, народного образования, крестьянского комитета взаимопомощи и др[29]. Уженотдел всю свою работу проводил в тесной связи с комсомольскими, профсоюзными, советскими органами и кооперацией. Осуществлялась такая связь методом посещения собраний, заседаний, участия в проверке организаций, постановкой докладов о работе среди женщин[30].

Для работы среди женщин-крестьянок выделялись ударные пункты. К 1 июля 1923 года в Саранском уезде такими были села: Лемдяй, Ромоданово, Лямбирь, Аксеново, Николаевка, Саловка. Работа 30 делегаток во всех шести пунктах заключалась в представительстве в волостных и сельских Советах, крестьянских комитетах взаимопомощи[31].

Делегатки принимали деятельное участие в обследовании детских домов, яслей, семейной жизни сокращенных с работы подростков[32]. Делегатки секции народного образования к 8 Марта выпустили журнал; секция охраны материнства и младенчества выделила из числа коммунисток-делегаток заведующего детскими яслями; секция кооперации заслушала ряд докладов. Из делегаток выделены корреспонденты по освещению жизни делегатских собраний уезда в центральных журналах, а также на страницах губернской партийной газеты «Трудовая правда».

Главное внимание уполномоченного по работе среди женщин в профсоюзах было направлено на ликвидацию неграмотности женщин; в производстве — на содействие поднятию квалификации женщин-работниц, на выполнение правил охраны труда женщин и детей в частных предприятиях, организацию учреждений охраны материнства и младенчества с тем, чтобы освободить женщин-матерей для работы на предприятиях[33].

Делегатки, работающие при инспекторах труда, периодически заслушивали доклады по теории и практике охраны труда, на местах входили в комиссию охраны труда своего завода и в ней проводили работу. Они принимали участие в обследовании материального положения и условий домашней жизни малолетних рабочих, посещения ими школ, а также следили за тем, чтобы подростки работали не более 6 часов. Делегатки знакомили работниц со всеми постановлениями по охране труда, выступали с докладами по этому вопросу. Инспектор труда давал поручения делегаткам; они обязаны были докладывать ему о его выполнении[34].

Работники аппарата уездных женотделов решали самые различные вопросы, которые ставили перед ними работницы и крестьянки. Например, в октябре 1923 года Саранский УЖО ежедневно посещали от 5 до 10 городских работниц; в базарные

дни, два раза в неделю, приходили крестьянки. Женщины города в основном обращались с просьбой помочь устроиться на работу; сельские женщины нуждались в консультациях о налогах, льготах семьям погибших и красноармейцев, принятии детей в детские дома, о семейных делах. На все вопросы женщины получали удовлетворительные ответы[35]. С апреля по сентябрь 1923 года 156 крестьянок лично обращались в уженотдел. Помимо рассмотрения просьб, с ними проводились беседы о школе, о воспитании детей[36].

О разнообразном характере вопросов, рассматриваемых на женских делегатских собраниях, говорит резолюция, принятая в июле 1923 года женщинами города Саранска. Обсуждая вопрос об истории своего города, они решили всячески содействовать работе общества по изучению родного края; помочь в сборе экспонатов одежды, предметов домашнего обихода русских, мордвы, татар; силами делегаток привести в порядок имеющийся архив музея[37].

Активно велась работа с женщинами в городе Краснослободске. Здесь регулярно проводились собрания делегаток с постановкой вопросов, способствующих развитию женщин, пробуждающих интерес к политической жизни страны, связанных с задачами трудящихся уезда[38].

Работа Ардатовского уездного отдела по работе среди женщин была насыщена вопросами об охране труда работниц, роли комитета взаимопомощи в жизни крестьянок, значении налогов, основ земельного кодекса, социального страхования, значении профсоюзов, группой вопросов по анатомии и физиологии человека, медицине и гигиене. Уженотделы совместно с органами народного образования проводили огромную работу по оказанию помощи школам и детским домам. Введение трудовых процессов в детских домах, проведение вместе с комсомолом субботников по пошивке белья детям, устройство дней помощи детдомам — вот перечень лишь некоторых практических дел делегаток города Ардатова[39]. Отдел по работе среди женщин принимал активное участие во всех проводимых в уезде кампаниях. Для того чтобы улучшить работу среди крестьянок, отдел провел десятидневные курсы с волорганизаторами партийных ячеек, женскими работниками. Уездный партийный комитет, заслушав на своем заседании отчет о работе женотдела, признал его работу удовлетворительной[40].

В связи с переходом к новой экономической политике увеличилась армия безработных. Сокращались с работы в первую очередь женщины как малоквалифицированная рабочая сила. Поэтому отделам партийных комитетов по работе среди женщин приходилось уделять особое внимание вопросам трудоустройства безработных женщин. В планах работ уженотделов они стояли в числе первых. Например, в решении общего собрания делегаток города Саранска в феврале 1923 года обращалось

внимание на то, чтобы при сокращении штатов удерживали женщин в производстве, принимали меры по повышению квалификации работниц, широко группировали их вокруг кооперации как органа самозащиты, ибо работа в кооперации облегчала материальное положение женщин[41]. Для безработных женщин «достать огород, соорганизовав их в артель» — намечает Саранский уженотдел в мае 1923 года[42].

В партийных решениях по работе среди трудящихся женщин особое место занимала работа с крестьянкой[43]. Так, в резолюции XI съезда РКП(б) сказано: «Учитывая роль крестьянок в поднятии сельского хозяйства и развитии сельскохозяйственной кооперации, съезд считает необходимым усилить работу среди них, для чего должен быть увеличен кадр уездных и районных организаторов из крестьянок[44].

Волостные организаторы по работе среди женщин совместно с партячейками через делегатские собрания знакомили крестьянок с важнейшими решениями партии и правительства по сельскому хозяйству. В организациях, ведающих вопросами землеустройства и землепользования, работали делегатки-крестьянки. На делегатских собраниях и в специальных кружках крестьянок учили правилам домоводства. При волисполкомах были организованы курсы по ликвидации сельскохозяйственной неграмотности. Уездные женотделы проводили огромную работу по вовлечению беднейших крестьянок в кооперацию, по разъяснению сущности продналога. Общая линия работы среди крестьянок сводилась к тому, чтобы всеми средствами добиться наибольшего производства сельскохозяйственных продуктов[45].

Усилиями партийных отделов по работе среди женщин-крестьянок постепенно, преодолевая большие трудности, укреплялись делегатские собрания на селе, крестьянка все больше и больше приобщалась к общественной деятельности. Так, в Рузаевском уезде двухнедельник по перевыборам делегатских собраний в 1925 году дал следующие результаты: всего по селам избрано 8 делегатских собраний, в них 209 человек, на женских собраниях участвовало 896 крестьянок[46].

В Темниковском уезде на 1 марта 1924 года было 136 делегаток, из них в г. Темникове — 40 чел., в Теньгушеве — 31 чел., на Кондровской бумажной фабрике — 43 чел., в Старом городе Темникове — 22[47].

В 12 волостях Ардатовского уезда в 1925 году было 52 делегатских пункта, в них 1412 делегаток. В их числе: беднячек — 866 чел., служащих — 68, девушек — 304 чел., мордвы — 606 чел.[48]

О чём говорят эти данные отчета? Беднячки, преимущественно вдовы, составляют основной костяк сельских делегатских собраний, активизировалась работа среди женской молодежи, стали избирать девушек; пассивная в первые годы сельская интеллигенция, главным образом учительство, стала принимать

деятельное участие в общественной работе, и, наконец, женщина мордовской национальности смело потянулась к борьбе за свои права, данные ей Советской властью.

Характеризуя состояние работы с трудящимися-женщинами в уездах, входящих в современную Мордовию, невозможно пройти мимо очень важного вопроса — работы с женщиной-мордовкой.

Отсталость, забитость, невежество женщины-мордовки требовали специальной работы с ней, больших усилий, умения со стороны партийных органов. Задача заключалась в том, чтобы определить особые формы и средства работы с мордовкой. Серьёзным недостатком в проведении мероприятий среди женщин мордовских сёл явилась: нехватка национальных кадров, отсутствие литературы на родном языке и незнание языка. Заведующая Ардатовским уженотделом Т. Е. Смирнова сообщала в 1923 году о больших неудобствах, связанных с тем, что громадный процент женщин-мордовок села Атяшева плохо говорит по-русски. Поэтому на конференциях женщин говорить, давать ответы на вопросы приходилось через переводчика[49].

В феврале 1925 года в отчете о работе Рузаевского уженотдела сообщалось о том, что работа среди нацменов ведется слабо за неимением работников[50].

Однако, несмотря на трудности, партийные органы вели разностороннюю работу, систематически улучшали ее. Она имела разнообразные формы. Здесь и делегатские собрания, и индивидуальные беседы среди женщин из мордвы и татар и др. Во всех директивах особое внимание уделялось работе с женщинами национальных меньшинств. Так, бюро Саранского укома РКП(б) своим решением от 4 августа 1923 года обязывало женотдел, партийные ячейки вести плановую работу, обратить внимание на инструктирование работников из мордвы и татар[51].

Рассматривая вопрос «О национальной политике партии», собрание ответственных работников Пензенской губернии в декабре 1924 года отмечало настоятельную необходимость усиления внимания партийных, советских и др. организаций к вопросам вовлечения мордвы и татар в партию, комсомол, выдвижения их в облисполкомы, укомы, уисполкомы, земельные органы и органы народного образования, нарсуды, прокуратуру, милицию, кооперацию. Усилить работу среди мордовок и татарок[52].

В плане работы Пензенского губкома РКП(б) за ноябрь 1924 года намечено произвести обследование ударных уездов Краснослободского и Саранского с проведением в них уездных конференций нацменов, провести подготовку к губернскому съезду женщин-нацменок,... открыть в Доме крестьянина уголок нацменов[53]. В плане работы Пензенского губженотдела на последний квартал 1924 года и первый квартал 1925 года работа с женщинами-нацменками выделена в особые пункты. Формы и

методы те же, что с русскими, но упор сделан на подготовку национальных кадров. Кроме того, разработан план работы ячейковых организаторов национальных сёл и волостей, дается программа проведения бесед и докладов ячейковым организаторам по работе среди женщин-мордовок и татарок. Вся проводимая работа освещалась на страницах газет «Од веле» и «Сабанче»[54].

В плане работы ячейкового организатора по работе среди женщин-нацменок намечалось изучение быта каждой вдовы-домохозяйки через личные посещения. В случае выявления больных вопросов, касающихся как личности (несправедливое оскорбление), так и материального положения (неправильное взимание налогов, неимение возможности из-за отсутствия средств быть членом потребкооперации, сельхозсоюза и т. п.)... всесторонне обсудить их на собрании коммунистов с последующим принятием практических мер[55]. Нелегко было решать вопросы о подготовке кадров из мордовской национальности вообще, а еще труднее из женщин-мордовок. Потому партийные органы и их отделы по работе среди женщин уделяли ему максимум внимания.

Для подготовки организаторов по работе с женщинами нерусской национальности 10 апреля 1925 года губкомом РКП(б) и губженотделом в Пензе были открыты месячные курсы по подготовке волорганизаторов из крестьянок национальных меньшинств. Всем укомам предлагалось откомандировать из своего уезда 3 мордовок и 3 татарок, проявивших себя на какой-либо общественной работе[56].

Бюро губкома РКП(б) 19 марта 1925 года заслушало отчеты инструкторов губкома, обследовавших краснослободскую организацию. В своем решении бюро требовало усиления работы по разъяснению национальной политики партии, по вовлечению нацменов в ряды РКП(б) и РКСМ, в особенности женщин и девушек, перенесения центра тяжести работы среди женщин в деревню[57].

Следуя указаниям В. И. Ленина о том, чтобы привлечь к управлению государством широкие массы беспартийных трудящихся, партийные организации неуклонно проводили линию на вовлечение женщин в Советы. Этот курс партии встретил противодействие со стороны мужской части населения. Выдвижение женщин в органы власти рассматривалось как посягательство на права мужчин, и они делали всё, чтобы помешать женщине стать активной общественницей. Препятствием на пути вовлечения женщин в Советы служила и обострившаяся классовая борьба. Покушения и убийства кулаками сельских активистов вызывали опасение у отсталой части сельского населения, желание крестьянок подальше уйти от общественной жизни.

В атмосфере укоренившихся обычаев и предрассудков, взглядов на женщину как на человека второго сорта, партийные

организации проводили работу по привлечению женщин в Советы и другие выборные органы. При этом необходимо было, во-первых, подготовить общественное мнение к избранию женщин и, во-вторых, разъяснить самим женщинам их права, предоставленные Конституцией РСФСР.

Опорой партийных организаций в этой работе был женский актив — городские и сельские делегатки. Их выдвигали во все комиссии, связанные с выборами в местные Советы. По инициативе отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок Совнарком постановлением от 11 апреля 1921 года ввел при советских учреждениях институт практикантов. Работницы, посылаемые практикантками, освобождались от своей работы и прикреплялись к тому или иному советскому отделу, который оплачивал их труд. Чтобы руководить работой практикантов, в отделах здравоохранения, народного образования, социального обеспечения и других выделялись общественные инструктора. Кандидатуры инструкторов выдвигались отделом работниц. Работу свою они вели под руководством отделов работниц и руководителей советских учреждений. С переходом к новой экономической политике, с сокращением штатов оплата труда инструкторов и практикантов была прекращена. Практикантство проводилось бесплатно.

Работа в отделах советских учреждений давала им хороший опыт и понимание дела. Учёба делегаток строилась так: сначала знакомили их с принципами советского строительства путем лекций, докладов на делегатских собраниях, беспартийных конференциях и общих собраниях женщин, затем уже в отделе советского учреждения практикантка обязана была ознакомиться со всеми декретами и постановлениями Советской власти, относящимися к работе данного отдела, с положением дел в отделе в полном объёме.

Центральный отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин в журнале «Коммунистка» давал обстоятельные указания местным органам по всем вопросам работы практикантов, освещал опыт их работы.

Большое внимание вопросам участия женщин в Советах уделяла Н. К. Крупская. В статье «Работницы в советском строительстве», помещенной в «Коммунистке», она писала: «...работница должна знакомиться со всеми отраслями советской работы. Возьмём такую отрасль советской работы, как работа в Советах Народного Хозяйства. Почему не работать в них делегаткам? Разве производство не является той областью, которая так же близка работнице, как и воспитание детей? Разве работниц не касается план экономического строительства России в ближайшие годы, и разве они не должны принимать в осуществлении его самое непосредственное участие?.. Разве важно только устраивать курсы по дошкольному образованию, а не важно устраивать курсы по экономическому строительству?

Отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин считает это своей задачей»[58].

Институт практикантства в то время являлся основной школой подготовки делегаток к работе в государственных и общественных учреждениях и получил широкое распространение повсеместно. Если учесть, что практикантки в отделах менялись через каждые 2—3 месяца, то можно представить, какая огромная масса женщин прошла практическую школу советского строительства.

Особо следует отметить привлечение крестьянок в работу Советов. Вот яркий пример активного участия женщин-крестьянок в работе государственных хозяйственных и культурных органов. В 12 волостях Ардатовского уезда в 1925 году было 52 делегатских пункта, в них 1412 делегаток. Всего к разным учреждениям прикреплено было 954 человека, в том числе к сельским Советам — 268, селькрестkомам взаимопомощи — 54, ревизионным комиссиям кооперации — 32, школьным советам — 129, советам изб-читален — 39, ВИКу — 3, волостным земельным комиссиям — 11, больничному совету — 9, волкрестkому взаимопомощи — 6, волполитпросвету — 22 делегатки[59]. Наиболее деятельные и способные делегатки по истечению срока практики переводились на постоянную работу в отделы Советов и другие учреждения. Из них же женотделы черпали кадры работниц детских и других учреждений.

Таким образом, делегатские собрания работниц и крестьянок и связанный с ними институт практикантства сыграли большую роль в деле привлечения женщин к советскому строительству, непосредственному знакомству их с советским государственным аппаратом. С помощью делегатских собраний Коммунистическая партия решала и другую проблему: из числа наиболее сознательных и политически грамотных делегаток она пополняла свои ряды, готовила женские кадры для государственных и общественных учреждений.

Главной формой работы по вовлечению женщин в советское строительство были выборы их в Советы, комитеты взаимопомощи в кооперативные организации. Будучи избранными депутатами Советов, членами исполкомов и в другие общественные организации работницы и крестьянки приобретали большой опыт государственного строительства.

В результате настойчивой, систематической работы партийных органов медленно, но неуклонно растет число членов Советов. Если в первые годы Советской власти количество женщин в Советах и других организациях исчислялось единицами, то в 1924 году только по селам Саранского уезда было избрано в Советы 126 делегаток, в комитеты взаимопомощи — 103, в волземкомы — 17, школьные советы — 30, советы изб-читален — 13, в правления и ревизионные комиссии низовых кооперативов — 31 женщина[60].

В докладе губернского женотдела по отчету Ардатовского женотдела в декабре 1924 года говорилось о том, что в перевыборную кампанию Советов Торгово-Талызинской волости избрано женщин: в сельские Советы — 10, комитеты взаимопомощи — 11, волостной ККОВ — 1, ревизионную комиссию — 4, ...женщин народных заседателей было 15, общественных обвинителей — 3; количество женщин, избранных по уезду в Советы и комитеты, увеличилось против прошлого года в 4 раза[61].

По Саранскому уезду в 1921—1922 годах женщины в горсовете составляли 7,2%, а в 1922—1923 годах — 11,3%. В сельсоветах крестьянок было до того мало, что число их даже не учитывалось, и только в 1923—1924 годах женщины — члены сельсоветов — составили 1%. Имелись уже крестьянки председатели сельсоветов и волисполкомов[62]. По Краснослободскому уезду в сельсоветы избрали 1,8% женщин, в горсовет — одну членом и 3 кандидатками[63]. В селе Токмово Инсарского уезда перевыборы сельсоветов в марте 1925 года прошли с необыкновенным подъёмом. В сельсовет наряду с мужчинами избрано 5 женщин[64]. В статье «Общественная жизнь крестьянки по Саранскому уезду», помещенной в журнале «Под знаменем ленинизма» в 1925 году, отмечается, что, если за 1923 год имели всего 4 женщины в Советах, то в 1924—1925 годах при перевыборах проходит 181 женщина... Крестьянство безо всякого давления само проводило этих женщин. Из них в волисполкомах — 6 женщин, в УИКе — 3 (из которых 2 нацменки: одна мордовка, а другая татарка). Из 181 женщины 115 русских, 52 мордовки и 14 татарок[65]. Крестьянка из села Евлашево Н.-Троицкой волости — председатель комитета взаимопомощи. До неё комитетская земля сдавалась в аренду кулакам, теперь она обрабатывалась самим комитетом. Председатель Екатериновского сельсовета Атемарской волости тоже женщина. Про неё мужики говорят: «Вот баба, так баба! Все мосты починила, а при мужиках-председателях лошади гибли на старых мостах!»[66]

В селах Рузаевского уезда в 1924 году членов Советов женщин было 30, членов ККОВ — 73, членов горсовета — 7[67].

Избранные в Советы и комитеты взаимопомощи женщины умело, со знанием дела осуществляли политику партии. Так, председатель Краснослободского уездного исполкома Тарасов писал, что женщина в Советах играет весьма нужную роль, что она гораздо лучше выполняет задания волисполкомов. Она как-то по-особому умеет подойти к населению. Взять сельхозналог. У неё без сучка, без задоринки, а у мужчин — волынка. Или земельные вопросы — женщина и тут перещеголяла мужика[68].

В последние выборы в сельсоветы по Краснослободскому уезду избрано 103 женщины, тогда как в прошлом, 1923 году, их было всего 16[69].

Но важно было не только обеспечить избрание женщин в Советы, но и научить их работать в них.

Выполняя решения партийных и советских органов, женотделы стремились закрепить достигнутые при выборах результаты, учили делегаток, избранных в Советы, работать.

Чтобы предоставить работнице реальную возможность участвовать в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, необходимо было облегчить её положение в быту.

В строительстве бытовых учреждений, в развитии общественного питания и общественного воспитания детей В. И. Ленин видел непременные условия раскрепощения женщин[70].

Коммунистическая партия, Советское государство с первых дней установления Советской власти все делали для облегчения бытовых условий трудящихся женщин.

Несмотря на трудности, связанные с гражданской войной, по всей стране создавалась сеть детских домов, яслей, площадок. Только по Саранскому уезду на 1923 год детских домов, подведомственных отделу народного образования, было 4, из них 3 в городе Саранске и 1 — в деревне[71]. Детские учреждения были в г. Инсаре — дом малюток на 30 коек, в Саранске — дом ребенка на 30 коек, в Краснослободске — дом ребенка на 20 коек, в Рузаевке — дом ребенка на 10 коек[72].

Летние ясли и детские площадки открывались и в деревне. Так, в селе Тургеневе Ардатовского уезда женщины на своем собрании на время страдной поры решили открыть ясли[73].

Следует отметить огромные трудности при организации детских учреждений. Не хватало детского белья, одежды, инвентаря, были большие затруднения с продуктами питания. Не хватало молока, сахара и других продуктов. Не было квалифицированных кадров воспитателей, медицинских работников. В те тяжелые годы Советское государство лишь частично могло возместить затраты на содержание детских учреждений. Многое зависело от инициативы самих женщин. Женотделы партийных комитетов вопросы, связанные с организацией детских учреждений, с охраной материнства и младенчества, считали одними из основных в своей работе.

В феврале 1922 года на съезде работниц и крестьянок Саранского уезда по инициативе делегаток обсуждался вопрос о помощи детским домам уезда. В решении съезда записано: «Посетив детские дома, убедившись в тяжелом материальном и продовольственном положении, съезд постановляет: провести по волостям уезда добровольный сбор пособий в пользу детских домов... Делегатки съезда дают слово принять активное участие в этой работе»[74].

Отчеты руководителей детских учреждений часто заслушивались на коллегии женотдела, на делегатских собраниях. Специальные субботники по пошиву белья, уборке помещений нередко проводились по решению делегатских собраний.

В работе по организации детских учреждений надо было преодолеть трудности и другого порядка, а именно: разъяснить

женщинам необходимость и пользу их, преодолеть непонимание, особенно крестьянками, важности создания детских яслей, площадок для раскрепощения женщины-труженицы. В селе Турдаки Ардатовского уезда вопрос об организации детских площадок пришлось снять с повестки дня мартовской волостной конференции, так как «бабы и слушать не хотели, боялись, возьмут детей в коммунию, они там работу и мать забудут»[75]. Нужна была настойчивая целенаправленная работа среди женщин, чтобы преодолеть эти трудности. С этой целью проводились недели материнства и младенчества, недели помощи беспризорному ребенку, открывались уголки матери и ребенка при кооперативных организациях и пункты женских консультаций. Во всех уездах в 1923 году в связи с Международным днём работницы 8 Марта проходила неделя охраны материнства и младенчества. В эти дни лекторы-врачи выступали с докладами, открывались консультации для матерей и рожениц, собирались пожертвования на помощь материнству и младенчеству, делались отчисления от спектаклей, концертов, кино, организовывались сверхурочные работы с тем, чтобы заработанные деньги перечислить в фонд помощи материнству и младенчеству. Так, актом комиссии по проведению недели охраны материнства и младенчества в Ардатовском уезде женотделу было передано: сбор с двух концертов — 438 руб., от ответственных работников — 595 руб., от хозяйственных органов — четыре пуда хлебных продуктов на 200 руб. и 170 руб. деньгами, отчисления с членов профсоюза — 210 руб[76]. Эти средства шли на оказание помощи беспризорным детям и нуждающимся семьям.

Большое значение в деле привития навыков гигиены и оказания первой медицинской помощи женщинам оказывали уголки матери и ребенка. Они комплектовались товарами личной гигиены и самыми необходимыми медикаментами. Вот, например, что было в уголке матери и ребенка при Ромодановском обществе потребителей: бинты, вата, хинин, аспирин, вазелин, мыло, зубная паста и др. На этот товар не было никаких накладных расходов; комитеты взаимопомощи выделяли средства для бесплатного отпуска товара беднячкам[77].

Чтобы привлечь большее число женщин к делу охраны материнства и младенчества, по постановлению Всероссийского совещания заведующих отделами по охране материнства и губернских женотделов в декабре 1920 года во всех губерниях и уездах создавались особые комиссии содействия, которые состояли из представительниц партийных, профсоюзных и других общественных организаций. Они решали широкий круг вопросов, связанных с улучшением работы существующих и организацией новых детских учреждений.

Широкое распространение в эти годы получило общественное питание, в организации которого по стране было занято до 75 тысяч женщин[78].

Значение общественных столовых, яслей, детских садов состояло в том, что они были, по выражению В. И. Ленина, «ростками коммунизма»[79], ускоряли и углубляли революционный переворот в сознании людей, в том числе и женщин города и деревни.

В. И. Ленин говорил, что переход к социализму невозможен без «целого переворота, целой полосы культурного развития всей народной массы»[80]. Задачи культурного развития особо остро стояли в нашей стране, так как царская Россия была одной из самых отсталых стран мира по развитию образования и культуры. До революции 87% женщин не умели читать и писать и лишь 0,8% имели образование выше начального[81]. Еще неприглядней была картина среди женщин нерусских народов. По переписи 1897 года в Пензенской губернии среди мужчин мордовской национальности грамотных было 11, а среди женщин — всего лишь 1,1%[82]. Борьба за всеобщую грамотность населения, за культуру стала одной из основных задач, которую необходимо было решить Коммунистической партии, Советскому государству.

О значении грамотности часто в своих выступлениях говорила Н. К. Крупская: «И не только надо грамоте научиться, надо учиться эту грамоту применять к улучшению жизни, к тому, чтобы сделать жизнь разумной, светлой... Знание — сила. Без знания и работница, и крестьянка бессильны выйти из старого закрепощенного состояния.

Как бы хороши ни были советские законы, как бы они ни охраняли права трудящейся женщины, какие бы политические права ни давала Советская власть работнице и крестьянке, она не сумеет ими воспользоваться, если не будет уметь читать и писать, не будет упорно учиться. Темнота так же крепко держит в своих лапах трудящуюся женщину, как и домашняя работа»[83].

10 февраля 1920 года ЦК РКП(б) было утверждено циркулярное письмо для губернских отделов работниц по ликвидации безграмотности среди трудящихся женщин[84]. Центральный отдел по работе среди женщин, организуя выполнение этой директивы партии, в первую очередь добивался ликвидации неграмотности делегаток, женщин — членов Советов, комитетов взаимопомощи, кооперации, членов профсоюзов. Женотделы систематически обсуждали эти вопросы на своих заседаниях и делегатских собраниях, организовывали группы неграмотных работниц и крестьянок для обучения их в школах взрослых, следили за посещаемостью школ делегатками, распространяли литературу, устраивали дни, недели борьбы с безграмотностью, организовывали митинги, концерты, спектакли, экскурсии для неграмотных. Женотделы всемерно поощряли стремление работниц и крестьянок к ликвидации неграмотности и малограмотности, устраивали торжественные чествования женщин, ликвидировавших свою неграмотность, заносили их на Красную

доску; одновременно бичевали нерадивых, устраивали инсценировки судебных процессов над нежелающими ликвидировать свою безграмотность. Помимо массовой агитации, женотделы использовали метод индивидуальной, подворной агитации, что давало особенно хорошие результаты в работе среди крестьянок. Всю работу по ликвидации неграмотности проводили совместно с органами ликбеза, всемерно помогая им. Без этой тесной связи женотделов и органов ликбеза невозможна была бы ликвидация неграмотности среди многих миллионов женщин.

Вся Советская Республика была покрыта сетью школ грамоты. По данным статистики Наркомпроса на 1 ноября 1920 года в 40 губерниях РСФСР действовало 24650 ликпунктов, в которых обучалось 530318 чел. Среди этого огромного количества учащихся женщины составляли 77,8%. Таким образом, в этот период борьба с безграмотностью была более чем на три четверти работой среди женщин[85]. «Подавляющий процент неграмотности идет за счет женщин, и потому работа по ликвидации неграмотности должна быть выдвинута женотделами как боевая задача... Ликпункты будут организованы в каждой волости ...выдвинуть кадры красных ликвидаторов из среды делегаток и вообще работниц и крестьянок»,[86] — говорится в циркулярном письме Пензенского губкома РКП(б).

Для проведения работы по ликвидации неграмотности огромной массы трудящихся надо было найти кадры учителей. Коммунистическая партия принимала меры, чтобы в короткий срок подобрать и подготовить большую армию учителей красных ликвидаторов, культармейцев. К этой работе в первую очередь были привлечены передовые учителя общеобразовательных школ, студенты рабфаков, педтехникумов. В качестве красных ликвидаторов привлекались после прохождения краткосрочных курсов также грамотные рабочие и работницы, крестьянки, служащие. Почти все грамотное население уездов, вошедших позднее в состав Мордовской республики, было вовлечено в работу на пунктах ликбеза. На своём съезде 26 июня 1920 года работники просвещения и социалистической культуры Саранского уезда постановили, что считают своим нравственным долгом принять непосредственное участие в ликвидации безграмотности[87].

Наряду с огромной работой по ликвидации неграмотности взрослого женского населения, необходимо было добиться привлечения девочек в общеобразовательные школы. А эта проблема была не менее трудной, особенно на селе нужно было разъяснить в широких крестьянских массах, как важно, чтобы все девочки обучались грамоте и посещали школы. Н. К. Крупская, обращаясь к учительству, писала: «Прежде всего необходимо добиваться, чтобы матери отдавали в школу девочек наравне с мальчиками и не брали их из школы, как только грамоте выучатся... Необходимо также стремиться как можно раньше

вовлечь девочек в организацию — в пионеры, в комсомол»[88]. В ликвидации неграмотности взрослого населения самое активное участие принимали работницы и крестьянки, женщины-учителя, девушки-студентки. И совершенно справедливо утверждение Н. И. Смирновой о том, что решение этой проблемы в нашей стране почти наполовину было делом рук трудящихся женщин, мобилизованных для этой работы Коммунистической партией[89].

Задачи социалистического строительства будут успешно разрешены лишь в случае пробуждения самостоятельного творчества трудящихся, если они «сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости»[90],— говорил В. И. Ленин в 1918 году.

Делегатские собрания женщин с первых лет Советской власти являлись одной из важнейших форм проявления самодеятельного творчества женщин-работниц и крестьянок. Потому они были школой политического воспитания женщин. Их программа умело сочетала в себе вопросы общеобразовательного и политического обучения масс. При этом следует отметить, что программы делегатских собраний были очень гибкими по своему характеру: содержание их менялось в зависимости от требований времени, задач, которые решались партией и Советским государством. Направляющий же стержень, основа коммунистического просвещения женских трудящихся масс, идейная закалка наиболее сознательной её части — воспитание в духе марксистско-ленинской идеологии при всех формах во все годы оставалась неизменной. Женотделы под руководством и при помощи партийных органов, в тесной связи с агитационно-пропагандистскими отделами партийных комитетов повседневно организовывали всестороннее политическое воспитание.

Ярким примером этому является план агитпропработы Пензенского губженотдела, разосланный всем уездным отделам по работе среди женщин в 1923 году. «В связи с новым курсом экономической политики,— говорилось в нём,— коммунистическое просвещение женских трудящихся масс должно быть противопоставлено мелкобуржуазному влиянию и направлено на подъём политического и культурного уровня работницы и крестьянки. Содержание всей работы определяют вопросы поднятия сельского хозяйства и промышленности, повышение технических знаний крестьянки, её вовлечение в Советы, агитация за кооперирование беднейших крестьянок, неустанная борьба с косностью и предрассудками в крестьянском быту, развитие самодеятельности в области организации детских садов, яслей, и других учреждений, облегчающих женщине бремя материнства»[91].

Особое место в работе по политическому просвещению занимали вопросы, разъясняющие роль и значение Коммунистической партии в жизни рабочего класса и работницы в частности, пропаганда сочувствия и поддержки РКП(б).

Основным проводником, исходным пунктом всей агитационно-пропагандистской работы по-прежнему оставались делегатские собрания женщин. В плане воспитательной работы дается подробный перечень вопросов текущей агитации, пропаганды[92].

Формой политического воспитания женщин были проводимые партийными организациями общие и торжественные собрания женщин, выставки, отчетные вечера работниц и крестьянок при делегатских собраниях, экскурсии, политические суды, постановка живых картин с использованием материала из жизни и быта самих женщин[93]. Формированию политического сознания работниц и крестьянок содействовали школы политграмоты, школы-передвижки. Опорной базой культурно-просветительной и политической работы среди женщин сел были избы-читальни. В те годы в них сосредоточена была вся политико-воспитательная работа. Партийные организации заботливо подбирали и готовили кадры избачей.

В Мордовии уже в первые годы восстановительного периода в области культурно-просветительной работы были достигнуты определенные успехи. Так, в 1922 году в Инсарском уезде функционировало 32 библиотеки, 18 изб-читален, 2 клуба и 4 народных дома[94]. Число культурно-просветительных учреждений росло в Саранском, Ардатовском, Краснослободском, Рузаевском уездах. В их работу все больше и больше вовлекалась женщина.

Активной формой политического просвещения женских масс была партийная печать. Газеты и журналы губерний, уездов с первых дней Советской власти начали печатать на своих страницах материалы о работе среди женщин.

В те годы особенно надо было распространять газеты и журналы среди сельского населения. «Надо добиться того, чтобы крестьяне читали и понимали газету,[95]— говорила Н. К. Крупская...— Для того чтобы все в газете было понятно, к работе в избе-читальне надо привлекать учителя, врача, агронома, каждого хорошо грамотного человека, который сумеет объяснить то, что слушателям кажется неясным»[96].

Газеты и журналы давали материал не только о международных событиях, жизни страны, губернии, уезда, села, что, безусловно, имело первостепенное значение в политическом воспитании людей, но и освещали многогранную работу женотделов, делегатских собраний, показывали лучших производственниц и общественниц из женщин, опыт их работы.

Огромную помощь в политическом просвещении в целом в коммунистическом воспитании оказывали центральные журналы «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка». В них освещались все вопросы работы среди работниц и крестьянок. Женотделы повседневно направляли работу по подписке на эти журналы, активно распространяли их, организовывали чтение материалов; многие из работающих с женщинами и сами женщины были корреспондентами журналов.

Школой политического воспитания женских масс являлись хозяйственно-политические кампании. В первые годы Советской власти, в годы гражданской войны особо велико было воспитательное значение кампаний по оказанию помощи фронту, Красной Армии и Флоту.

В уездах Мордовии самой распространенной формой помощи Красной Армии со стороны работниц, крестьянок и домашних хозяек являлась забота о бойцах. Женотделы организовывали субботники по шитью и стирке белья, уборке госпиталей, сборы денег, продуктов и вещей среди населения в пользу фронта. Самое активное участие принимали женщины во время недели помощи больному и раненому красноармейцу, недели помощи фронту, недели красной казармы и др.

Вот пример, ярко характеризующий огромную работу женщин в деле оказания помощи фронту. В 1920 году в декабре в ходе двухнедельника помощи фронту в Краснослободском уезде собрано: 3434 аршина холста, 21 пуд табака, 153 пуда ржи, 234 пуда овса, 62 пуда муки, 32 пуда пшена, 29 пудов картофеля, 902316 рублей, перчаток — 46 пар, носков — 5 пар, башлыков — 10, полотенец — 206, овчин — 17, спичек — 108 коробок, портянок — 21 пара, онуч — 6 пар, брюк и штанов — 11, шапок — 4, шинели — 2, шарфов — 6, полушубков — 5, кисетов — 25... Делегатка Иванова с 25 дворов собрала 8000 руб. и много разных вещей; Любимова — 6000 руб. и вещи; Муромская и Крутилина — 19000 руб. Население относится сочувственно. Делегатки получили благодарность от заведующей больницей за помощь в починке белья[97]. Таков лишь один пример, в котором сухие цифры отчета говорят о большой работе женотделов и делегаток в те трудные годы.

Работа по коммунистическому воспитанию трудящихся, женщин в особенности, немыслима без продуманной научно-атеистической пропаганды. Невозможно изменить старый быт, следовательно, положение женщины в семье и обществе без борьбы с религией. Главным оружием Коммунистической партии в борьбе с религиозными предрассудками могло быть только идейное оружие[98].

Атеистическое воспитание не могло быть обеспечено только чисто марксистским просвещением. Необходимо было дать многомиллионным народным массам «...самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами»[99].

В годы восстановительного периода серьезнейшее противодействие работе по коммунистическому воспитанию оказывали церковники и сектанты. Надо было их влиянию противопоставить глубокую научно-атеистическую пропаганду.

В программе делегатских собраний как в городе, так и на селе естественно-научной тематике отводилось большое место. Ставилась цель: постепенно подводить женщин к материалистическому миропониманию, тактично опровергать религиозные верования и суеверия. Формой антирелигиозного воспитания являлись митинги, демонстрации, собрания с участием женщин. Н. К. Крупская писала: «Привлечение женщин к участию в собраниях, демонстрациях и пр. является... не только средством приобщения их к коммунистическим идеям, но и средством освобождения их от тлетворного влияния церкви»[100].

В планы работы делегатских собраний включались вопросы пропаганды новых обрядов и праздников.

Теоретическая разработка классиками марксизма-ленинизма проблем решения женского вопроса и практическое осуществление равноправия женщин по закону и в жизни в условиях Советской власти в нашей стране дали возможность советской женщине стать активным строителем социализма.

Специальными органами партийного руководства в деле обеспечения фактического равноправия работниц и крестьянок явились женотделы партийных комитетов и делегатские собрания при них. Женотделы с сетью делегатских собраний в 1919—1925 годах выступали главными двигателями повышения общественно-политической деятельности широких масс трудящихся женщин.

Сложность решения проблем, связанных с работой среди женщин, вызвали к жизни самые разнообразные формы работы: уездные, волостные конференции, собрания, институт практиканток, ударные волости, лекции, доклады, беседы, политшколы и кружки, концерты и спектакли, экскурсии и многие другие.

Через систему делегатских собраний прошло огромное количество женщин. Наиболее активная часть из них избиралась в Советы, а лучшие женщины пополняли ряды Коммунистической партии. Самоотверженная работа на всех участках социалистического строительства в сложные и трудные годы становления и упрочения Советской власти, высокая степень активности в деле создания учреждений охраны материнства и младенчества, в борьбе за ликвидацию общей и политической неграмотности, в борьбе за равноправие на производстве и в быту подтвердили правильность ленинского положения о том, что освобождение женщин стало делом самих трудящихся женщин.

---

[1] «Известия» ЦК РКП(б), 30 сентября 1919 года.
[2] Там же.
[3] «Известия» ЦК РКП(б), 30 сентября 1919 года.
[4] В. Бильшай. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959, стр. 125.
[5] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 205, л. 3.
[6] АМОК КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 33, л. 1.
[7] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, л. 17.
[8] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 200, л. 3.

[9] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 340, л. 14.
[10] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 205, л. 4.
[11] Сборник инструкций отдела ЦК РКП(б) по работе среди женщин. М., 1920, стр. 9.
[12] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 200, л. 2.
[13] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 200, л. 3.
[14] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 340, л. 14.
[15] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 205, л. 4.
[16] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, л. 17.
[17] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, л. 47.
[18] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, л. 17.
[19] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 265, л. 29.
[20] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 200, л. 1.
[21] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 394, л. 76.
[22] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, лл. 7, 8.
[23] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 192, л. 45.
[24] «Известия ЦК РКП(б)», № 36, 1921, стр. 26.
[25] «Известия ЦК РКП(б)», № 36, стр. 26.
[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 131, л. 30.
[27] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 656, л. 12.
[28] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, 494, лл. 4, 5, 6.
[29] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 492, лл. 49, 50, 51.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 658, л. 7.
[33] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 391, л. 13.
[34] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 391, л. 12.
[35] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 658, лл. 59, 60.
[36] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 659, л. 1.
[37] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 663а, л. 15.
[38] АМОК КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 122, лл. 38, 40.
[39] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 14, лл. 11, 12.
[40] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 113.
[41] Там же.
[42] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 394, л. 79.
[43] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 489, л. 6.
[44] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, 1953, стр. 648.
[45] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 394, л. 79.
[46] АМОК КПСС, ф. 27, оп. 1, д. 62, л. 51.
[47] АМОК КПСС, ф. 26, оп. 1, д. 46, л. 1.
[48] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 43.
[49] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 32.
[50] АМОК КПСС, ф. 27, оп. 1, д. 62, лл. 66, 67.
[51] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 660, л. 13.
[52] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 785, л. 71.
[53] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 691, л. 5.
[54] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 691, лл. 24, 25, 26, 27, 28.
[55] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 691, л. 16.
[56] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 784, л. 21.
[57] «Под знаменем ленинизма», № 7, 1925. Пенза, стр. 10.
[58] Н. К. Крупская. О работе среди женщин. М.—Л., 1925, стр. 23, 24.
[59] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 43.
[60] «Трудовая правда», № 293, 1924. Пенза.
[61] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 32, лл. 7, 21.
[62] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 494, л. 107.
[63] АМОК КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 165, лл. 34—39.
[64] «Новая деревня», № 24, 1925 г.
[65] «Под знаменем ленинизма», № 23, 1925. Пенза, стр. 15.
[66] АМОК КПСС, ф. 27, оп. 1, д. 62, л. 67.
[67] «Трудовая правда», № 294, 1924. Пенза.

[68] «Трудовая правда», № 294, 1924. Пенза.
[69] Там же.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.
[71] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 656, л. 22, 23.
[72] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 785, лл. 26, 27.
[73] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 45, л. 1.
[74] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 393, лл. 15, 16.
[75] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 72.
[76] АМОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 14, лл. 80, 88.
[77] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 784, л. 76.
[78] А. М. Коллонтай. Работница и крестьянка в Советской России. М., 1921, стр. 19.
[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.
[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 372.
[81] Л. Д. Филиппова. Борьба за всеобщую грамотность женщин-работниц в СССР. М., 1963, стр. 6.
[82] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 656, л. 22.
[83] Н. К. Крупская. Заветы Ленина о раскрепощении женщины. М., 1933, стр. 42.
[84] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 10, д. 44, л. 30.
[85] «Долой неграмотность», № 2/7, 1924 г.
[86] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 656, л. 105.
[87] «Под звездой Октября». Саранск, 1967, стр. 215.
[88] Н. К. Крупская. О работе среди женщин. М.—Л., 1926, стр. 129.
[89] Смирнова Н. И. В. И. Ленин и вовлечение женщин в социалистическое строительство. Рязань, 1970, стр. 103.
[90] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 171.
[91] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, ф. 656, лл. 14—19.
[92] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 656, л. 17.
[93] Там же.
[94] «Под звездою Октября». Саранск, 1967, стр. 237.
[95] Н. К. Крупская. О работе среди женщин. М.—Л., 1926, стр. 105.
[96] Там же.
[97] АМОК КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 33, лл. 12, 14, 16, 20.
[98] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.
[99] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.
[100] Н. К. Крупская. О работе среди женщин. Сб. ст. М.—Л., 1926, стр. 149.

И. А. ЮРИН

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАДРОВ МОРДОВСКОГО НАРОДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1918—1921 гг.)

С первых же дней создания Советского государства перед Коммунистической партией встала чрезвычайно трудная и вместе с тем неотложная задача по политическому воспитанию трудящихся. «По нашему представлению,— говорил В. И. Ленин на II Всероссийском съезде Советов,— государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»[1].

Именно поэтому возникла необходимость проведения планомерной идейно-воспитательной работы, которая выдвинула на первый план проблему подготовки партийных кадров. Важное значение в идейной закалке пропагандистов и всех трудящихся имела Программа партии, принятая VIII съездом и определившая генеральную линию партии. «Наша программа должна быть сводкой для агитации,— указывал В. И. Ленин.— В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся»[2].

В результате титанической работы В. И. Ленина и большевистской партии по всей стране создается широкая сеть партийных школ, кружков и курсов, которые явились основной формой подготовки агитационно-пропагандистских кадров.

Например, III Пензенский губернский партийный съезд (декабрь 1918 г.), рассмотрев вопрос «О работе в губернии и деревне», поручил «губернскому комитету создать постоянную партийную школу для подготовки опытных партийных работников»[3]. Исходя из этого решения, губком партии 5 января 1919 года открыл двухнедельные партийные курсы для работников деревенских партячеек[4].

В годы гражданской войны, когда вся работа партии проходила под лозунгом «Все для фронта!», «Все для победы!», партийные школы готовили агитаторов и пропагандистов, главным образом для армии и лишь в незначительном количестве для нужд хозяйственного строительства. Важное стратегическое положение в это время занимала территория Мордовии, которая была прифронтовым районом. Учитывая это, ЦК РКП(б) много

внимания уделял политическому просвещению трудящихся Поволжья, ибо здесь решалась судьба революции. С этой целью в прифронтовые районы, в том числе и на территорию Мордовии, было послано большое количество агитаторов и пропагандистов — посланцев Центрального Комитета, которые сыграли исключительную роль в подготовке местных кадров.

В 1918—1919 годах в уездных центрах Мордовии возникают первые партийные курсы, школы и народные университеты. В течение весны и лета партийные курсы работали в г. Саранске для воинов гарнизона и военно-революционного комитета Башкирской республики, который находился в Саранске в связи с положением на фронте[5]. Программа их включала вопросы по истории партии и ее программы, по политической экономии и истории марксистского учения и другие.

Много внимания подготовке агитационно-пропагандистских кадров и повышению идейно-политического уровня трудящихся уделял Ардатовский уездный комитет партии. В декабре 1918 года был организован Ардатовский подвижной народный университет. В уставе университета так говорилось о его целях и задачах: «На народный университет в связи с текущим моментом надо смотреть как на рассадник тех знаний и тех умений, в которых так нуждается класс беднейших крестьян и рабочих. Понимание происходящей борьбы классов России, указание того пути, по которому должны идти беднейшие крестьяне и рабочие, сообщение знаний по сельскому хозяйству, политической экономии, кооперации и прочее — вот первая и ближайшая задача пролетарского университета»[6]. При университете работали общеобразовательные курсы для взрослых по программам школ 1 и 2 ступени. Подвижной университет имел 5 секций: социальных наук, естественно-историческую и медицинскую, политическую, философско-филологическую и искусства[7].

Помимо лекций, читаемых в подвижном университете, Ардатовский уком партии много внимания обращал на чтение лекций по пропаганде марксистского мировоззрения. Для этого использовался не только клуб, но и здание уездного Совета депутатов, где с лекциями регулярно выступали как председатель укома партии В. А. Татаринов и председатель уисполкома А. М. Маштаков, так и другие руководящие работники. На страницах уездной газеты «Трудовая коммуна» заранее объявлялись темы лекций на всю неделю. Так, в период с 21 по 27 апреля 1919 года лекции читались почти ежедневно по плану:[8]

Число	Название лекции	Лектор	Место проведения
21.IV	Иисус и социалисты		В здании усовдепа
21.IV	Военный и продовольственный вопрос		В клубе

Число	Название лекции	Лектор	Место проведения
22.IV	Текущий момент и международное положение	Маштаков	В усовдепе
23.IV	III Коммунистический Интернационал	Татаринов	В усовдепе
24.IV	Интеллигенция и пролетариат	Татаринов и Мельников	В усовдепе
25.IV	Права женщин в прошлом и будущем		В клубе

Массовому развитию политической учебы способствовал и подписанный 26 декабря 1919 года В. И. Лениным декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», по которому все граждане страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющие читать или писать, обязаны были учиться грамоте на родном или русском языке по желанию. Декретом устанавливалось, что для проведения этой работы необходимо использовать все подходящие помещения на фабриках, заводах, в учреждениях, а также клубы, библиотеки, церкви, частные и народные дома[9].

Этот исторический декрет сыграл важное значение в развертывании всех видов учебы. Например, уже в декабре 1919 года Темниковским укомом партии были открыты двухнедельные партийные курсы, в программу которых были включены лекции: «О борьбе классов», «Программа РКП(б)», «Советская власть и ее история», «Конституция РСФСР», «Война империалистическая и гражданская», «О религии и ее происхождении», «О возникновении семьи, частной собственности и государства». Все выпускники направлялись для проведения массово-политической работы. «Мы, курсанты, прошедшие эти курсы,— писали выпускники,— торжественно заявляем, что в течение этого короткого времени нам удалось многое почерпнуть и все нами усвоенное мы понесем в наш народ, жаждущий света и знания... Мы приносим свою благодарность укому партии за его работу по организации партийной школы, за его стремление победить тьму, окончательно уничтожить рабство и способствовать укреплению Красного знамени с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[10].

В декабре же 1919 года была открыта партийная школа в г. Ардатове, в которой обучалось от 50 до 80 пропагандистов[11].

В эти годы проводилась большая работа и по подготовке агитационно-пропагандистских кадров из лиц мордовской национальности.

Всю работу в этом направлении координировали Мордовский отдел Народного комиссариата по делам национальностей и Центральное бюро мордовских секций при ЦК РКП(б). При их активном участии были созданы мордовские курсы и школы при многих губкомах партии. Симбирский губком РКП(б) 19

января 1920 года обсудил вопрос о политмассовой работе среди мордовского населения Симбирской губернии. По докладам инструктора подотдела национальностей губком РКП(б) постановил: «1. Принять меры к распространению широкой пропаганды среди мордвы на родном ей языке и о насаждении коммунистических ячеек... 2. Для подготовки квалифицированных работников по просвещению из мордвы, которые на основе социализма могли бы в начальных школах преподавать на родном, им понятном мордовском языке, решили открыть в Ардатове 3-годичные мордовские курсы согласно программе Наркомпроса...»[12] Кроме того, губком партии постановил занять под школу церковь в селе Кильдюшеве.

Этот документ как нельзя лучше характеризует заботу партии и правительства о детях и народном образовании. Выдвигая на первый план политическое воспитание народа, партия отдавала себе отчет в том, что деятельность в этой области может быть вполне успешной лишь при условии непрерывного повышения общеобразовательного уровня, всестороннего культурного развития трудящихся.

Уже в первые годы Советской власти, несмотря на огромные трудности военного времени, были созданы трехгодичные мордовские педагогические курсы в селе Мачкасы Петровского уезда Саратовской губернии (позднее реорганизованные в педтехникум и переведенные в г. Петровск), в январе 1920 года такие курсы были открыты в Казани (в октябре 1920 г. они были реорганизованы в центральные показательные мордовские курсы и переведены в с. Малый Толкай Бузулукского уезда Самарской губернии), в Бугуруслане были организованы трехмесячные и шестимесячные мордовские курсы.

Но, несмотря на энергичную работу партии и правительства по подготовке агитационно-пропагандистских кадров, все же на первых порах их не хватало. Большинство созданных мордовских школ было плохо укомплектовано работниками просвещения из местной национальности. Так, в 105 мордовских школах Симбирской губернии в 1921 году работало 192 учителя, из которых 32 человека из мордвы, 38 знающих мордовский язык, а остальные 122 учителя «не знали ни быт, ни язык мордвы»[13]. Об этом свидетельствуют и многочисленные просьбы и решения. Так, мордовский подотдел Наркомнаца в письме Наркомпросу просил предоставить ему 15 мест в сельскохозяйственной академии, 15 мест — на медицинский факультет, 10 — в лесной институт, 20 — в институт по народному образованию, 15 мест в технические учебные заведения и 50 — на рабфак[14].

Большое значение в подготовке агитационно-пропагандистских кадров имели решения X съезда РКП(б) (март 1921 г.). В своей резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» X съезд партии указал на необходимость помочь трудовым массам невеликорусских народов «поставить и

развить широкую сеть курсов... как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения»[15]. Выполняя решения съезда, партийные организации на местах развернули энергичную работу по подготовке кадров пропагандистов.

В 1921 году Рузаевский уком партии организовал партийные курсы из 30 лекций, в программу которых входили лекции об истории Интернационала и истории партии, Программа и Устав РКП(б), советское строительство, продовольственная и земельная политика, организация промышленности и транспорта, политическая работа на железной дороге и другие[16].

Часть лиц из мордовской национальности проходила обучение в губернских и уездных центрах при партийных школах. В августе 1921 года состоялся первый выпуск курсантов Тамбовской губсовпартшколы, которую окончило 60 человек[17].

В ноябре 1921 года Центральное бюро мордовских секций при ЦК РКП(б) приняло решение, в котором указывалось: для подготовки кадров «партийно-советских работников, способных работать среди широких масс мордовского населения... организовать губернские и уездные совпартшколы... В первую очередь открыть школы в следующих губерниях: губернского типа в Саратове, Самаре, Пензе, Симбирске, Н.Новгороде, уездного типа — в Тамбовской губ., в Татреспублике, Екатеринбургской, Челябинской с центром при Уралбюро и областную — при Сиббюро для всей мордвы Сибири и ДВР»[18].

Вся эта проведенная работа способствовала росту политической сознательности мордовского народа и вступления его в ряды ленинской партии коммунистов. Если до Октябрьской революции коммунистов из мордвы было 7 человек, то к концу 1921 года количество их увеличилось до 1632 человек, из них 43 женщины[19].

Во всей своей многогранной деятельности по подготовке кадров пропагандистов и агитаторов Коммунистическая партия неизменно руководствовалась требованием В. И. Ленина: «Жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли... уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением её нужд»[20].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.
[2] Там же, т. 38, стр. 179.
[3] «Пензенская коммуна», 19 декабря 1918 года.
[4] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 25, л. 94.
[5] «Саранская правда», 8 апреля и 22 мая 1919 года.

[6] ЦГА МАССР, ф. 58, д. 11, л. 31.
[7] Там же, д. 11, л. 26.
[8] «Трудовая коммуна», 17 апреля 1919 года.
[9] Собрание узаконений РСФСР, 1919 год, № 67, статья № 592.
[10] «Революционный народ» — орган Темниковского укома партии, 7 февраля 1920 года.
[11] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 301, л. 11.
[12] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959, стр. 343.
[13] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 61, д. 82, л. 2.
[14] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 7, д. 1015, л. 152.
[15] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. Госполитиздат, 1954, стр. 559.
[16] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 12, л. 75.
[17] Там же, д. 58, л. 5.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 61, д. 75, л. 4.
[19] Всероссийская перепись членов РКП(б), 1922 г. Национальный состав. М., 1924, ст. 26—27.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 348.

С. Н. ЩЕГЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1918—1921 гг.)

В ноябре 1921 года Центральный Комитет РКП(б) в письме «О работе среди работников просвещения», адресованном партийным организациям, определил задачи партии в отношении самого многочисленного отряда трудящейся интеллигенции. Этот важный документ подвёл итоги большой организаторской работы Коммунистической партии и профессиональных союзов по объединению и сплочению широких масс учительства на платформе активной поддержки Советской власти.

Процесс организационной консолидации работников просвещения проходил в тяжёлых условиях гражданской войны и мучительных поисках правильной формы объединения. Работники просвещения, по выражению А. В. Луначарского,—«бесконечно важная для народа часть интеллигенции»— почти на полтора года позднее других трудящихся создали своё всероссийское профессиональное объединение, то есть лишь к концу 1920 года.

Ряд причин объясняет столь позднее вступление работников просвещения в ряды профсоюзов страны.

Одной из причин было то, что неоднородное в социальном, неопределившееся в политическом отношении учительство поразному отнеслось к Великой Октябрьской социалистической революции. Лишь небольшая часть выходцев из рабочих, крестьян, передовой интеллигенции безоговорочно, с первых дней, встала на сторону Советской власти. Довольно значительная часть учителей отнеслась к социалистической революции враждебно и встала на путь саботажа мероприятий социалистического государства в области просвещения, а затем и активной борьбы с Советской властью. Основная же масса учительства на первых порах не сумела правильно разобраться в происходящих событиях и занимала выжидательную позицию.

Для строительства нового общества, для решения задач культурной революции в стране требовались тысячи работников просвещения нового типа. Подготовить их можно было только из того самого «человеческого материала», который был

оставлен в наследство капитализмом. Именно из него, выражаясь словами В. И. Ленина, нужно было создать «новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, её идеями, должен быть пропитан её духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»[1].

Предстояло решить, как практически заставить большинство трудового учительства порвать со старыми взглядами, привычками, идеями. Как объединить его. Как перевоспитать.

Уже в первые дни Октября Коммунистическая партия рассчитывала приблизить учительство к пролетариату и с помощью его организующего влияния перевоспитать учительство. Эту задачу можно было решить через профсоюзы, которые должны были и для этой многочисленной группы интеллигенции стать школой воспитания. Смысл подобной политики позднее был разъяснен в документах X съезда РКП(б): «Профессиональные союзы организуют те элементы тружеников, которые при капитализме в массе своей часто были чужды пролетарской семье... Перерабатывание всех этих элементов, сближение их с передовыми слоями пролетариата, приспособление их к делу коммунистического общества является одной из важнейших задач профессиональных союзов как школы коммунизма»[2].

Немаловажной причиной позднего вступления в ряды профессионального движения являлся ошибочный подход и просчеты отдельных представителей Союза учителей-интернационалистов и ответственных работников Наркомпроса при строительстве единого профессионального союза просвещенцев.

В постановлении Большой Государственной комиссии по просвещению, принятом в начале июня 1918 года, подчеркивалось, что «Союз учителей-интернационалистов не должен организационно противопоставлять себя этому новому профессиональному союзу, а составлять его идейное ядро», вокруг которого будет группироваться учительство[3].

Однако руководители Всероссийского Союза учителей-интернационалистов — В. М. Познер, Ю. Н. Ган и др. уже с самого начала игнорировали это требование и рассматривали его как самостоятельный профессиональный союз. Такой подход к организации единого просвещенческого союза явился отголоском ошибочных взглядов, распространенных в то время среди деятелей пролеткульта и ряда работников Народного комиссариата по просвещению.

В дальнейшем левацкие тенденции руководителей Всероссийского союза учителей-интернационалистов усиливаются. Это приводит к тому, что в течение 1918 года 106 ячейкам Союза удалось объединить всего 12 тысяч учителей, или три процента четырехсоттысячной армии просвещенцев республики[4].

Между тем, начиная с осени 1918 года, отмечается заметный поворот массы учительства в сторону Советской власти и готовность его к активной работе в школе и среди населения. Это создавало благоприятные предпосылки для превращения ячеек Союза учителей-интернационалистов на местах в настоящие массовые профессиональные организации. На местах в Союз вступали все учителя (в Пугачевском уезде — Самарской, в Порхове — Псковской, в Шацком уезде — Тамбовской, в Юхновском уезде — Смоленской губернии и др. местах)[5]. Однако стремление учительских масс войти в Союз в центре и на местах наталкивалось на активное противодействие: ячейки учителей-интернационалистов, ставшие массовыми организациями, распускались.

Деятельность Союза учителей-интернационалистов сыграла положительную роль как противовес Всероссийскому учительскому союзу в конкретной исторической обстановке первых месяцев Советской власти, когда, по словам В. И. Ленина, «учительство в громадном большинстве, если не целиком, стояло на платформе, враждебной Советской власти»[6]. Игнорирование руководством Союза учителей-интернационалистов поворота с осени 1918 года массы учителей на сторону Советской власти является крупным организационным просчетом, еще более задержавшим сплочение работников просвещения.

Вместо собирания воедино распыленного, неорганизованного учительства, руководители Всероссийского союза учителей-интернационалистов разрабатывали различные нежизненные проекты, предусматривающие трансформацию своего Союза в новую организацию, по-прежнему ориентировались на объединение только революционного авангарда учительства.

Руководители Союза учителей-интернационалистов необоснованно претендовали на роль единственной профессиональной организации работников просвещения, забывая предостережение В. И. Ленина о том, что «профсоюзы реальны только тогда, когда они объединяют очень широкие слои беспартийных рабочих»[7].

Вопрос о необходимости скорейшего перехода к новой массовой профессиональной организации работников просвещения особенно остро ставится на Втором Всероссийском съезде учителей-интернационалистов в январе 1919 года. Выступивший на этом съезде 18 января, В. И. Ленин указал на предпосылки образования широкого учительского Союза и задачи, стоящие перед ним, прежде всего в деле объединения всего учительства в общую организацию воспитания наиболее отсталых слоев его, подчинения их общепролетарской политике[8].

Однако и после этого съезда В. Познер и его сторонники неоднократно пытались протаскивать свои левацкие идеи. Их действия каждый раз получали отпор со стороны РКП(б) и ВЦСПС.

На Учредительном съезде Союза работников просвещения (28 июля — 1 августа 1919 г.) В. Познер и поддерживающие его делегаты продолжают настаивать на необходимости создания особого союза для этой категории интеллигенции. Поэтому принятые съездом резолюции по организационному вопросу носили двойственный характер. С одной стороны, был принят устав ВЦСПС, открывающий доступ в союз всем работникам просвещения без различия политических и религиозных убеждений. С другой — центральному комитету Союза поручалось избрать комиссию для внесения в устав организационных поправок согласно особенностям организации работников просвещения и (даже!) поднять на II Всероссийском съезде профсоюзов вопрос о внесении в устав профсоюзов пунктов, регулирующих организацию союзов работников интеллектуального труда[9].

Только благодаря постоянному вниманию со стороны Коммунистической партии при отстаивании правильной линии в профсоюзном строительстве в Союзе работников просвещения постепенно все более и более изживались проявления детской болезни «левизны» в организационных вопросах.

Если I съезд Союза под большим давлением ВЦСПС и с оговорками принял устав профсоюзов, то II съезд Союза (30 августа — 5 сентября 1920 года) высказался за обязательное членство всех работников просвещения, указав при этом, что его введение должно проводиться не путём обязательных постановлений или нажима, а путём широкой пропаганды и агитации.

Таким образом, из-за ошибок, допущенных при организации, объединение работников просвещения в единый производственный профессиональный союз закончилось лишь к концу 1920 года.

Несмотря на различные оттенки в аргументах и в рассуждениях, всех противников создания единого профессионального Союза работников просвещения на производственной основе, входившего полноправным членом в семью профсоюзных организаций страны, объединяет то, что все они игнорировали ленинское учение о профсоюзах как связующем звене партии с массами, школе воспитания широких масс трудящихся в условиях социалистического строительства. Разговоры о ненужности профсоюзов для интеллигенции, а также революционные фразы о необходимости работать только среди её сознательной части, означали не что иное, как подрыв влияния Коммунистической партии и влияния пролетариата на определенную часть учительства. Этим самым оказывалась помощь врагам Советской власти: меньшевикам и эсерам.

Только созданием всеобъемлющего профессионального Союза работников просвещения, твердо стоявшего на платформе Советской власти, можно было из неоднородного в социальном, неопределившегося в идеологическом отношении, чрезвычайно

сложного «человеческого материала» воспитать кадры советской интеллигенции, сознательно и активно поддерживающие рабоче-крестьянское правительство в последующие годы.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 40.
[2] КПСС о профсоюзах. М., 1967, стр. 96.
[3] Постановление Большой Государственной комиссии по просвещению от 8 июня 1918 года. Приложение к книге В. Познера «Красная армия просвещения». М., 1919, стр. 145.
[4] ЦГАОР, ф. 5462, оп. 1, д. 35, л. 4 об.; ф. 5501, оп. 1, д. 29, л. 6.
[5] ЦГАОР, ф. 5501, оп. 1, д. 5, лл. 27—28; д. 10, л. 2; ф. 5462, оп. 1, д. 26, лл. 137—137 об.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 132.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 351.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 432.
[9] С. Дулин. Союз работников просвещения СССР в резолюциях его съездов и конференций». М., 1925, стр. 36.

Н. В. ПОЛИН

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МОРДОВИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По данным подворного обследования крестьянских хозяйств, в 1909—1912 годы на территории Мордовии было 193414 крестьянских дворов с населением 1239601 человек обоего пола. В их пользовании находилось 1256716 десятин надельной и 276098 десятин вненадельной земли[1].

Абсолютное большинство всей крестьянской земли занимала пашня. Она составляла в среднем по Мордовии 73,6% всех угодий[2]. В Ардатовском уезде, по данным Земской переписи, пашня достигала 80,7% крестьянских владений[3]. Очень мало у крестьян было лугов, выгонов и леса. В 1910 году в Саранском уезде крестьянский лес составлял 11604 десятины[4], или в среднем 0,4 десятины на одно хозяйство, в Инсарском — 13312[5], или 0,4 десятины на одно хозяйство, в Краснослободском и того меньше. В этом уезде крестьяне владели 9550 десятинами леса[6]. На двор в среднем приходилось 0,3 десятины. Несколько больше леса во владении крестьян было в Наровчатском уезде. Крестьяне имели здесь 14011 десятин леса[7], или 0,6 десятины на крестьянский двор. Исключительно мало леса имели крестьяне Ардатовского уезда. В 1910 году крестьянский лес в этом уезде насчитывал 1267,5 десятины, в основном это был кустарник. Пригодного же для хозяйственного использования леса во владении крестьян было только 47 десятин[8].

Крестьянство Мордовии было исключительно малоземельным. Для пополнения пашни крестьянские хозяйства уездов Мордовского края, по данным Земской переписи 1909—1912 годов, купили 276098 десятин земли[9].

До сих пор мы рассматривали средние данные обеспеченности крестьянства Мордовии землей. Однако эти средние цифры не могут раскрыть действительной картины социального расслоения крестьянских хозяйств.

В Мордовии, так же как и в целом по России, интенсивно шло расслоение крестьянства, хотя и более задерживалось остатками крепостничества, отработками, которые широко применялись помещиками. Все более вымывалось среднее крестьянство,

составившее основу сохранения отработок. Из него выделялась, с одной стороны, зажиточная часть, которая вела свое хозяйство на покупной и арендованной земле, постепенно сосредоточивала в своих руках производство хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на продажу, с другой — деревенская беднота. Она постепенно теряла свою землю и скот и уходила в поисках заработка в помещичьи имения и города.

Рассмотрим степень социального расслоения деревни Мордовии, использовав данные Земских переписей 1909—1911 годов.

Таблица 1[10]

Расслоение крестьян Ардатовского уезда

Группы хозяйств	Хозяйств наличных			Населения		
	кол-во	в % к итогу		чел. обоего пола	в % к итогу	
Не сеющие	1917	5,7		5815	2,2	
Сеющие до 1 дес.	1790	5,3		6924	3.4	
—»— от 1,01 до 2 дес.	5178	15,3	75,2	23634	10.4	63,9
—»— от 2,01 до 4 дес.	9639	28,4		57447	25,3	
—»— от 4 01 до 6 дес.	6969	20,5		51213	22,6	
—»— от 6,01 до 8 дес.	3715	10,9	16.7	31706	13,9	22,3
—»— от 8,01 до 10 дес.	1973	5,8		18960	8,4	
—»— от 10,01 до 15 дес.	1931	5,7	8,1	20962	9,3	13,8
—»— от 15,01 и более 19 дес.	823	2,4		10343	4 5	
Итого:	33935	100		227004	100	

В. И. Ленин указывал, что для «сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 десятин»[11]. Однако для территории Мордовии характерно значительное распространение отхожих и кустарных промыслов, торгово-предпринимательской деятельности зажиточной верхушки. Так, в Ардатовском уезде промыслами занималось 62,2% всех наличных хозяйств. Следовательно, уезды Мордовии не были «чисто» земледельческими. Мы считаем, что при делении крестьянских дворов в Мордовии на социальные группы нужно руководствоваться указаниями В. И. Ленина по Екатеринбургскому уезду[12]. Так как в нашем примере невозможно отделить дворы, засевающие до 5 десятин, бедняцкими хозяйствами будем считать дворы, засевающие до 6 десятин. В этом уезде такие дворы составляли 75,2% семей (63,9% населения) уезда. Сеющие свыше 10 десятин относим к зажиточной верхушке. Они составляли 8,1% дворов (13,8% населения). Середняков было 16,7% хозяйств (22,3% населения).

Концентрация земли по социальным группам в Ардатовском уезде показывает таблица 2.

Таблица 2[13]

	Надельная земля в % к итогу	Всей удобной во владении, %	Всей удобной в пользовании, %	Средняя семья, чел.	Посев на 1 хоз-во, дес.
Бедняки	60,4	51,3	47,1	4,95	2,04
Середняки	24,1	25,1	27,6	9,07	7,89
Зажиточная верхушка	15,5	23,6	25,3	11,71	16,2

Таблицы 1 и 2 показывают, что меньшая часть хозяйств (8,1%) концентрировала в своих руках 23,6% надельной и купчей земли и 25,3% всей земли в пользовании крестьян уезда. В то же время бедняки теряли свою землю. С ростом посевов увеличивалась и семья, но она отставала от роста площади посева. Так, у зажиточной верхушки семья была больше бедняцкой в 2,2 раза, а посев на семью — в 8 раз.

Для показа социального расслоения крестьянства в уездах, вошедших в состав Мордовии из Пензенской губернии, поуездные итоги Земской переписи 1909-1911 годов не могут быть использованы. Земские статистики группировали крестьянские хозяйства по обработке земли, по важному хозяйственному признаку, но при подсчете хозяйства были разбиты только на 4 группы. Таким образом, социальное расслоение крестьянства было смазано, земцы преследовали цель увеличить среднюю группу и этим путем уменьшить две крайние группы, особенно группу бедняцких хозяйств. Поэтому для выяснения социального расслоения крестьянства в этих уездах нами проделана работа по разработке переписных листов краткого похозяйственного описания, сохранившихся в Государственном архиве Пензенской области по Рузаевской и Староверхисской волостям Инсарского уезда и Михайловской волости Краснослободского уезда. В связи с тем, что в переписных листах краткого хозяйственного описания отсутствуют данные о посевах, хозяйства группировались по наличию рабочих лошадей и вторично по наличию удобной земли во владении и пользовании. Группировка хозяйств по лошадям в этих волостях выглядит следующим образом (табл. 3, 4, 5).

Таблицы показывают, что основную массу (78,4%) крестьянства этой волости составляли безлошадники и однолошадники, а трех- и более лошадники составляли незначительную часть — всего 4,7%. Однако они держали в своих руках 13,3% крестьянского землевладения и 14,2% всей земли, находящейся в пользовании у крестьян. Еще заметнее различие между бедняцкими хозяйствами и зажиточными, когда сравниваем среднюю семью с землей в их владении и пользовании. Кулацкая семья больше семьи безлошадного крестьянина в 3,6 раза, а земли у нее в

Таблица 3[14]

Староверхисская волость Инсарского уезда

Категория хозяйств	Дворов, %	Население, %	Ср. семья	Земли во владении			Земли в пользовании		
				дес.	%	на 1 хоз-во	дес.	%	на 1 хоз-во в дес.
Безлошадные	28,8	18,4	4,2	452	15,7	5,3	264	8,7	3,1
Однолошадные	49,6	49,1	6,4	1174	40,6	8,1	1346	44,3	9,2
Двухлошадные	17,9	25,4	9,2	874	30,4	16,5	974	32,8	18,4
Трехлошадные	3,5	4,8	10,5	247	8,7	27,4	267	8,8	29,7
Четырех-и более лошадные	1,2	2,3	15,3	131	4,6	43,6	166	5,4	55,3
По волости	100	100	9,1	2876	100	9,8	3017	100	10,2

пользовании в 17,7 раза превосходит землепользование безлошадной семьи. Эти сравнения показывают ту глубину пропасти, которая образовалась между самой бедной частью села и самой богатой к началу первой мировой войны.

Таблица 4[15]

Рузаевская волость Инсарского уезда

Категория хозяйств	Дворов, %	Население, %	Ср. семья	Земли во владении			Земли в пользовании		
				дес.	%	на 1 хоз-во	дес.	%	на 1 хоз-во
Безлошадные	30,0	24,9	4,8	644	22,9	5,6	408	16,2	3,5
Однолошадные	58,6	58,4	5,9	1610	56,9	7,2	1597	64,2	7,2
Двухлошадные	8,8	11,8	8	399	12,5	10,2	341	13,6	10,3
Трехлошадные	1,6	2,9	10,7	163	5,9	27,1	94	3,8	15,6
Четырехлошад.	1,0	2,0	10,7	52	1,8	13	55	2,2	13,7
По волости	100	100	8,02	2808	100	7,4	2495	100	6,6

В Рузаевской волости по сравнению со Староверхисской больше крестьянских дворов без лошади и с одной лошадью (88,6% и 78,4%). Большая разница и в обеспеченности средней семьи землей. Так, по землевладению безлошадники Рузаевской волости были несколько лучше обеспечены землей, однако, начиная с однолошадных дворов, картина меняется. Самая верхняя группа дворов в Рузаевской волости была хуже обеспечена землей, чем подобная же группа в Староверхисской волости (13 и 43,6 десятины). Эта разница объясняется, во-первых, преобладанием в Рузаевской волости малоземельного татарского населения, занимавшегося торговлей и извозом[16]. Отнеся владельцев торгово-промышленных заведений к верхней группе хозяйств, мы получим 8,7% кулацких дворов[17].

Таблица 5[18]

Михайловская волость Краснослободского уезда

Категория хозяйств	Дворов, %	Население, %	Ср. семья	Земли во владении			Земли в пользовании		
				дес.	%	на 1 хоз-во	дес.	%	на 1 хоз-во
Безлошадные	29,7	19,3	4,3	489	16,3	3,9	392	12,0	3,1
Однолошадные	48,6	48,9	6,4	1412	47,1	6,8	1587	48,5	7,7
Двухлошадные	18,1	25,2	9	760	25,3	10,1	963	29,7	12,8
Трехлошадные	3,1	5,1	10,6	217	7,2	16,7	255	7,6	19,6
Четырехлошад.	0,5	1,5	20	121	4,1	60,5	66	2,2	33
По волости	100	100	4,6	2999	100	7,1	3263	100	7,8

В Михайловской волости, как и в других, преобладали крестьянские дворы с одной лошадью и безлошадные. Их общее количество меньше, чем в Рузаевской волости, и равно Староверхисской. Количество трех-четырехлошадных хозяйств на 1% больше, чем в Рузаевской, но их количество уступает количеству таких же дворов в Староверхисской волости. В этой волости больше, чем в других волостях, количество середняцких (двухлошадных) хозяйств — 18,1%.

Для полного выяснения степени социального расслоения крестьянства Мордовии нами проведена группировка крестьянских дворов не только по наличию поголовья лошадей в хозяйстве, но и с учетом земли и наличия торгово-промышленных заведений. В группу бедняцких дворов мы отнесли хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, владевших или пользовавшихся удобной землей до 15 десятин. Во вторую группу (середняцкие дворы) включили двухлошадников и другие хозяйства, имевшие удобной земли от 15 до 20 десятин. И в группу зажиточных дворов внесли трех- и четырехлошадников, а также хозяйства, владевшие или пользовавшиеся удобной землей от 20 и свыше десятин.

При такой группировке в Михайловской волости крестьянские хозяйства распределились в следующей пропорции: бедняцкие — 78,1%, середняцкие — 15,9% и кулацкие — 6%. В Рузаевской волости: бедняцкие дворы — 79,8%, середняцкие — 11,5% и кулацкие — 8,7%.

Изменения, которые произошли в результате группировки по поголовью лошадей и земле, подробно рассмотрим на примере Староверхисской волости (табл. 7).

При группировке по поголовью лошадей и наличию удобной земли происходит увеличение верхней группы за счет низших и средних. Группа бедняцких дворов уменьшилась с 78,4% до 73,6%, а середняцкие хозяйства — с 17,9% до 14,3%. За счет однолошадных и двухлошадных хозяйств кулацкие хозяйства

Таблица 6[19]

Социальные группы	Дворов, %	Население, %	Землевладение			Землепользование			Ср. семья
			дес.	%	на 1 хоз-во	дес.	%	на 1 хоз-во	
Бедняки	73,6	68,2	1342	46,6	6,1	1350	44,9	6,2	5,7
Середняки	14,3	14,4	468	14 0	10,9	531	17,6	12,3	9,0
Кулаки	12,1	17,4	1066	38,4	30,4	1136	37,5	32,4	8.9
По волости	100	100	2876	100	9,8	3017	100	10,2	9.1

увеличились с 4,7% до 12,1%. Они имели во владении более 20 десятин удобной земли.

В условиях Мордовии для выяснения степени классового расслоения крестьянства нужно учитывать не один какой-нибудь хозяйственный признак (только посев, удобную землю, поголовье лошадей в хозяйстве), а все виды хозяйственной деятельности. Так, в Ардатовском уезде две высшие посевные группы хозяйств (с посевом от 10,01 и более десятины) составляют 8,1%, а бедняцкие дворы (с посевом от 0—6 десятин) —75,2% всех наличных дворов. Однако в эти 75,2% дворов входит 786 хозяйств (3,2%), имеющих торгово-промышленные предприятия[20]. Это — сельская буржуазия и, несмотря на их малые посевные площади, при выявлении классового расслоения ардатовской деревни мы вправе их отнести к зажиточной верхушке. Тогда бедняцкое крестьянство в этом уезде уменьшится до 72%, а кулацкие хозяйства будут составлять 11,3% всех наличных дворов.

Степень расслоения мордовской деревни выглядит следующим образом (табл. 7).

Таблица 7

Социальные группы крестьян	Ардатов. уезд	Старо-вер. вол.	Рузаевская вол.	Михайлов. вол.	Среднее
Бедняки	72,0	73,6	79,8	78,1	75 9
Середняки	16,7	14,3	11,5	15,9	14,6
Кулаки	11,3	12,1	8,7	6	9,5
	100	100	100	100	100

Мы видим, что бедняки составляли подавляющее большинство деревни. Их хозяйства составляли от 72% до 79,8%—в среднем 75,9% всех наличных хозяйств деревни. Эти цифры говорят о том, что процесс экспроприации беднейшего крестьянства зашел очень далеко, что основная масса крестьянства жила на грани нищеты. Быстро шел и процесс «вымывания» середняка. Они составляли от 11,5% до 16,7% — в среднем 14,6% дворов

деревни. Следует отметить незначительный слой кулацких хозяйств. Они составляли от 6 до 12,1% хозяйств.

Имеющиеся в нашем распоряжении карточки краткой подворной переписи дают нам возможность показать разложение и мордовской деревни (табл. 8)[21].

Таблица 8

Разложение крестьянства-мордвы Староверхисской волости

Социальные группы	Дворов, %	Население %	Ср. семья	Землевладение			Землепользовзние		
				дес.	%	на 1 хоз-во	дес.	%	на 1 хоз-во
Бедняки	72,1	62,1	6,0	737	41.9	5,3	761	40,6	5,5
Середняки	16,4	21,2	9,2	332	18,8	10,7	387	20,6	12,5
Кулаки	11,5	16,7	10,3	695	39,3	31,6	728	38,8	33
Итого	100	100	11,7	1764	100	9,2	1876	100	9,7

Таблица показывает, что 72,1% дворов, 62,1% мордовского населения составляли бедноту. Кулацкие хозяйства составляли 11,5% всех дворов и 16,7% населения, держали в руках 39,3% всего землевладения и 38,8% земель в пользовании мордвы-крестьян. В пользовании 1 хозяйства у них находилось в среднем 33 десятины, а у бедняков—5,5 десятины, то есть в пользовании кулацкого хозяйства земли было в 6 раз больше бедняцкого двора, тогда как кулацкая семья только в 1,7 раза превосходила семью бедняка.

Если сравнивать расслоение деревни всей Староверхисской волости с деревней крестьян мордовской национальности, мы увидим некоторое уменьшение бедноты (на 1,3%) и кулачества (на 0,6). Прослойка середняцких дворов в мордовской деревне была несколько больше (14,3% и 16,4%). Процесс «вымывания» середняка у мордвы шел медленнее.

Крестьяне, имея малые наделы и живя в нужде, старались пополнить свое землевладение арендой помещичьих, удельных земель и земель Крестьянского поземельного банка.

Аренда земли широко практиковалась всеми социальными группами крестьянских хозяйств. Но если бедняки арендовали землю с целью выбиться из нужды, а середняки поправить свое хозяйство и выбиться в зажиточные, зажиточные слои прибегали к аренде в целях организации торгового земледелия, еще больше разбогатеть продажей продуктов земледелия или сдачей земли в аренду беднякам мелкими клочками.

На примере Ардатовского уезда хорошо видно, какие именно группы хозяйств принимали участие в аренде и сдаче в аренду земли в 1911 г.

Таблица 9[22]

	Хозяйств, арендующих землю	В % к их группам	Ими арендовано, дес.			В % к итогу	На 1 арендующий двор
			надельной пашни и покоса	вненадельной пашни и покоса	всего арендовано		
Бедняки	10444	47	5570	11741	17311	37,3	1,65
Середняки	3950	54,5	5210	10089	15299	33,3	3,87
Кулаки	1911	69,5	4898	8806	13704	29,4	7,19
					46314		

Таблица показывает, что бедняцкие хозяйства арендовали больше, чем кулаки. Однако в бедняцких хозяйствах прибегало к аренде только 47% всех дворов своей группы, а в кулацких — 70%. Еще разительнее даст результат сравнение аренды на двор. Бедняки-крестьяне арендовали в среднем по 1,65 десятины на двор, а кулацкие — в 4 раза больше. Эти данные говорят о том, что, с одной стороны, была аренда продовольственная, аренда из нужды, и с другой — предпринимательская аренда, аренда зажиточных крестьян, направленная на увеличение валового сбора, хлеба, на усиление эксплуатации беднейшей части крестьянства через рынок. Кулаки нередко прибегали к субаренде, сдавая землю мелкими участками бедноте на кабальных условиях, испольно или отработками. Таким образом, кулаки присваивали труд крестьян, сохраняли крепостнические пережитки в деревне.

Подобную же картину мы увидим и по данным других уездов. Например, в Михайловской волости Краснослободского уезда один бедняцкий двор арендовал в среднем 0,8 десятины, а кулацкий — 7,2 десятины, то есть в 9 раз больше. В Староверхисской волости Инсарского уезда соответственно 0,1 и 3,7 десятины. Кулацкий двор в этой волости в среднем арендовал земли в 37 раз больше, чем бедняцкий двор[23].

Противоречивый характер аренды в крестьянском хозяйстве особенно виден при сличении аренды со сдачей земли в аренду. Это противоречие мы рассматриваем на примере аренды и сдачи в аренду надельной земли по Ардатовскому уезду[24].

В этом уезде участвовали все группы хозяйств в сдаче в аренду надельной земли, но их участие неодинаково. Нижние три группы (беднейшая часть крестьянства), составлявшие 61% сдающих хозяйств, сдали 63% надельной аренды. При сравнении с арендой земли получается обратное. Они составляют $^1/_{20}$ часть арендующих хозяйств, и ими арендовано только $^1/_{50}$ часть земли. Зажиточное крестьянство составляет $^1/_5$ часть дворов, и ими было арендовано $^2/_5$ всей надельной арендованной земли[25].

Для пополнения своих наделов крестьянство прибегало к купле земли. Покупка производилась коллективно — «товариществами, обществами» или индивидуально. Купленная земля переходила в разряд крестьянской частновладельческой земли, если она была куплена у частных владельцев. Надельная земля не переходила в разряд частновладельческой земли.

По данным Земской подворной переписи 1909—1911 гг., во владении крестьянства находилось 292754 десятины купчей земли, что составляло 19,2% всего землевладения. По наличию купчей земли отличаются крестьяне Саранского уезда. В этом уезде «купчей» земли было 69296 десятин. Она составляла 39,9% всего землевладения крестьян уезда. В Инсарском уезде купчая земля составляла 23,2% и в Ардатовском — 20,2% всей крестьянской земли[26].

Процесс расслоения крестьянства усиливался в связи с насильственным проведением столыпинской аграрной реформы на территории Мордовии. Надельная земля перекочевывает из рук бедняцко-середняцких масс в руки зажиточной верхушки крестьянства, в руки сельской буржуазии.

По данным Земской подворной переписи, в 1911 году в 193416 крестьянских хозяйствах было 186199 лошадей всех возрастов (табл. 10).

Таблица 10[27]

Уезды	Хозяйств всего	Лошадей	Всех угодий, дес.	Приходится лошадей	
				на 1	на 100 дес. угодий
Ардатовский	33935	28521	252859	0,8	11,3
Инсарский	33065	31174	281437	0,9	11
Краснослободский	31680	31912	268030	1	11,9
Наровчатский	22192	17618	159657	0,8	11
Саранский	25757	22678	200815	0,9	11,2
Спасский	22955	26576	184558	1,1	14,4
Темниковский	23835	27720	185556	1,1	14,9
Итого	193416	186199	1532814	0,9	12,2

Средние цифры нам показывают, что в целом по Мордовии не все хозяйства имели лошадей, так как на одно хозяйство приходится только 0,9 лошади. Несколько меньше лошадей было в Ардатовском и Наровчатском уездах, где на двор приходилось 0,8 лошади. В Темниковском и Спасском уездах на крестьянский двор в среднем приходилось немногим более одной лошади.

На одну лошадь в 1912 году приходилось пашни в Спасском уезде 4,8 десятины, в Темниковском — 3,5[28] и в Ардатовском — 5,5 десятины[29]. Эти данные говорят о том, что в сельском хо-

зяйстве Мордовии число лошадей было ненормально высоким по отношению к культурной площади. Об этом же говорят данные соотношения числа лошадей к посевной площади. Так, в 1912 году в Спасском уезде на 1 лошадь приходилось 2,9, а в Темниковском — 2,6 десятины всех посевов[30].

Уже средние цифры говорят о неравномерном распределении поголовья лошадей между хозяйствами. В довоенное время в сельском хозяйстве Мордовии значительный слой крестьянских хозяйств составляли безлошадные и однолошадные дворы. Многолошадные дворы составляли весьма небольшую часть крестьянских хозяйств, но они сосредоточивали в своих руках большую часть поголовья лошадей.

С целью выяснения неравномерности распределения лошадей у крестьянства мы приводим таблицу 11[31].

Таблица 11

Группы хозяйств	Безлошадные	Однолошадные	Двухлошадные	Трехлошадные	Четырехлошадные	У них лошадей взрослых	На 1 двор с лошадью	1 лошадь на дес. пос.	% безлошадных
Несеющие	1847	58	9	2	1	100	1,4	—	96,3
Сеющие до 6 дес.	9873	12504	1143	54	2	15111	1,1	4,7	50,4
Сеющие от 6,01—10	126	3461	1982	107	12	7964	1,4	5,4	2,1
Сеющие от 10,01 и более	13	544	1633	457	110	5810	2,1	6 9	0,2
По уезду	11859	16567	4767	617	125	28985	1,5	5,7	34,9

Данные таблицы подводят к выводу о весьма неравномерном распределении поголовья лошадей у крестьян. Основная масса бедняцких дворов была безлошадная. Так, 96,3% наличных хозяйств не имели лошадей. Половина сеющих бедняцких дворов также были безлошадные. Из общей массы безлошадных дворов 11720, или 98,9% дворов, относились к бедняцким. Сопоставляя количество десятин посева, приходящихся на 1 лошадь, мы видим, что у бедняков на лошадь приходилось в 1,5 раза меньше земли, чем у кулаков. Это говорит о раздроблении средств производства в мелком крестьянском хозяйстве. Здесь также кроится причина того, что помещики могли использовать на кабальных условиях тягло разорившихся крестьян, могли сокращать свои расходы на содержание тягла.

Выше мы имели дело со средними данными и вывели процент безлошадных хозяйств — 34,9%. Однако в некоторых местах обезлошадение крестьянства было глубже, процент безлошадных дворов был выше. Так, в Лямбирской волости Саранского уезда в 1914 году было 795 дворов, из которых 316, или 39,6%, хозяйств не имели лошадей[32].

С общим ухудшением положения крестьянства в годы проведения аграрной реформы Столыпина увеличивается количество безлошадных дворов. Если в 1907 году в уездах Пензенской губернии, составивших почти половину Мордовии, таких хозяйств было 25035, или 24,4% наличных семей[33], то в 1911 году, по данным подворной переписи, они составляли уже 36396 хозяйств, или 32,2%[34].

В 1911 году в уездах Мордовского края в крестьянских хозяйствах было 183026 коров[35]. В среднем на один двор приходилось 0,9 коровы. И здесь средние цифры скрывают действительную картину обеспеченности различных групп крестьянских хозяйств коровами. Многие крестьяне не имели коров, были хозяйства, которые держали по 4 и более голов молочного скота.

Если сравнивать обеспеченность разных социальных групп крестьянских хозяйств рабочими лошадьми, дойными коровами, то бросается в глаза некоторое различие. Во-первых, удельный вес бескоровных был немного меньше, чем безлошадных. Это объясняется тем, что крестьяне во что бы то ни стало держали корову для нужд семьи. Малый процент многокоровных дворов свидетельствует о том, что молочное товарное хозяйство было развито слабо, ибо только 0,2—0,8% дворов держали по 4 и более молочного скота. Это подтверждается и докладом специалиста по молочному хозяйству Симбирской губернии, куда входил Ардатовский уезд. Там отмечалось, что «молочное хозяйство.... хотя еще и имеет скромный размер, но уже сдвинулось с мертвой точки»[36]. Однако бескоровных хозяйств в Мордовии было все же очень много. Почти четверть крестьянских хозяйств не имели дойных коров. Это лишний раз подтверждает о бедственном положении основной массы крестьянства перед первой мировой войной.

Все овцеводство уездов, вошедших в состав современной Мордовии, до первой мировой войны можно было разделить на грубошерстное, которое находилось у крестьянского населения, и тонкошерстное, или мериносовое,— у предпринимателей. Начиная с 1907 года, то есть с момента начала сокращения крупных латифундий и перехода части земель в руки крестьянства, мериносовое овцеводство начало быстро сокращаться. В условиях ведения крестьянского хозяйства русская грубошерстная овца наиболее отвечала тем требованиям, которые предъявляло к ней население. Кожа её идет на шубы, шерсть на различные изделия, да и мясо лучше, чем у мериноса.

По обеспеченности овцами уезды, составившие Мордовию, стояли выше, чем губернии, куда они входили. Так, в целом по Пензенской губернии на 100 душ населения приходилось 66 овец, а в Саранском уезде — 68, Наровчатском — 78, Краснослободском — 80, Инсарском — 90 овец. В Темниковском уезде на то же количество населения приходилось 89 овец, в Спас-

ском — 95, а в целом по Тамбовской губернии — только 44,5 овцы[37].

Поголовье овец концентрируется в хозяйствах кулачества. Например, в Староверхисской волости на 100 душ бедняков приходилось 46,2 овцы, а на такое же количество душ зажиточно-кулацкой верхушки — 136,3 овцы[38].

В крестьянском хозяйстве большое место занимало свиноводство. В Спасском уезде, по данным 1912 года, числилась 33491 свинья, или в среднем по 1,4 свиньи на двор, в Темниковском соответственно — 51321 и 2,2[39].

Свиноводство развивалось и в уездах, входивших в Пензенскую губернию. Продукты свиноводства служили не только для удовлетворения нужд местного населения, но и вывозились в промышленные центры. В уездах с мордовским населением — Наровчатском, Краснослободском, Инсарском — разводили исключительно простую русскую свинью. Отсюда свиные туши шли «в Москву на разрубку»[40].

Наличие тех или иных кормов определяло и откорм свиней. Там, где культивировали коноплю, кормом для свиней был жмых. В Наровчатском уезде свиней откармливали картофелем и отчасти горохом, в остальных местах кормами были мука ржаная и просяная и картофель.

Поголовье свиней, как и поголовье овец, концентрировалось в хозяйствах зажиточных крестьян. В той же Староверхисской волости кулацкие хозяйства составляли 12,1% дворов, у них числилось 37,4% всего поголовья свиней. Бедняки составляли 73,6% дворов, а числилось у них только 31,7% поголовья свиней[41].

У крестьян, особенно у бедняков, очень мало было лугов и пастбищ. Поэтому крестьянский скот голодал даже летом, был тощий, имел малую продуктивность и низкое качество. По данным подворной Земской переписи 1909—1912 годов, выгон — летнее пастбище для скота — составлял ничтожную долю всей земли. В Наровчатском уезде выгоны составляли 3,4% всех угодий, в Краснослободском — 3,2%, в Саранском — 2,4% и в Инсарском они занимали площадь в 9048 десятин, или всего 2,2% ко всем угодьям. Крестьяне не лучше были обеспечены и лугами. В Краснослободском уезде они занимали 29424 десятины, или 7,8% всех угодий, в Наровчатском — 14936 десятин, или 6,4%, в Инсарском — 23351 десятину, или 5,7%, а в Саранском — 12997 десятин, которые составляли 4,2% площади всех принадлежащих крестьянам угодий[42].

Малоземелье крестьянских хозяйств в Мордовии тормозило травосеяние. В Темниковском уезде, по отчетам участковых агрономов за 1913—1914 годы, только в одной Вознесенской волости упоминается посев небольших участков клевера в поле. В остальных встречается весьма редко «небольшими площадями в «горожниках», в садах и лишь у хуторянина Кузовкина в Починках Криушинской волости входит в правильный севооборот»[43]. В 1912 году в Спасском уезде травы занимали 118 десятин [44], или 0,1% всей посевной площади.

Крестьянский скот даже в урожайные годы страдал от бескормицы. Крестьяне, чтобы избежать падежа скота, вынуждены были продавать его осенью по дешевой цене, обогащая тем самым скупщиков и спекулянтов.

Корреспондент из сельской местности писал в «Вестнике Пензенского земства», что вопрос, как кормить коров зимой, не пустой для многих хозяев Пензенской губернии. Ежегодно перед наступлением зимы крестьян брала «тревога», как прокормить скотину, так как «сена и кормовых запасов мало, не хватит для прокорма всей скотины»[45].

Весьма тяжелым было положение бедняцких и середняцких крестьянских дворов в неурожайные годы. В такие годы эти хозяйства лишались почти всей скотины. Царское правительство, заботясь о платежеспособности крестьян, выдавало ссуду не только на продовольственные нужды, но и ссуду на прокорм рабочего скота. Беря их, крестьяне становились вечными должниками. Так, на 1 декабря 1914 года объединенная задолженность Ардатовского уезда по ссудам на прокорм скота в 1901—1902, 1906—1907 и 1911—1912 неурожайные годы составила солидную по тому времени сумму в 23902 руб. 24 коп.[46]

Остроту кормового вопроса вынуждены были признавать и земцы, ставившие вопрос улучшения лугов перед агрономической организацией земств. В 1914 году сельскохозяйственная комиссия Темниковского уездного земства отмечала, что «вопрос об обеспечении крестьянского хозяйства кормовыми средствами является, несомненно, самым крупным и важным вопросом», ибо «решение кормового вопроса открывает возможность для хозяйства и улучшения скотоводства, скотоводство же создает тот материал, которым питается все полеводство»[47].

Продуктивность и количество скота у крестьян падали и от болезней, и от эпидемий. Тощий крестьянский скот был легко восприимчив к разного рода заболеваниям.

В полеводстве почти единственной являлась зерновая система с трехпольным севооборотом, в котором были главные растения: рожь, овес, просо. Преобладал поздний пар, вспашка под зябь почти не проводилась. Орудиями обработки были главным образом сохи, местами косули, бороны с деревянными и железными зубьями, жали серпами. Сев производился главным образом разбросно-ручной, для очистки применялись сортировки кустарного производства, молотили цепами.

К началу первой мировой войны в сельском хозяйстве Мордовского края применялся в основном старый инвентарь, усовершенствованного инвентаря и машин было очень мало. Об этом можно судить по следующей таблице, показывающей применение различных орудий труда в земледелии в 1910 году.

Таблица 12[49]

Уезды	Сох и косуль	Плугов разных	Борон разных	Сеялок	Жатвенных машин	Молотилок	Веялок	Сенокосилок	Конных граб.
Инсарский	31498	4392	31654	17	197	219	742	47	70
Краснослободский	35744	617	35221	20	22	40	325	6	4
Наровчатский	18660	544	19008	72	57	135	387	10	18
Саранский	23342	2267	22791	89	101	295	1133	10	27
По 4 уездам	109244	7820	108674	350	377	689	2587	73	119

В этих уездах орудиями подъема почвы служили соха да косуля, которых в 1910 году было 109244, тогда как усовершенствованных металлических орудий пахоты — всего 7820 штук. Даже беглый взгляд на графы таблицы приводит к выводу о весьма недостаточном количестве усовершенствованного инвентаря в пользовании крестьян Мордовии до первой мировой войны, о преобладании ручного труда на севе, на молотьбе и сортировке хлеба в абсолютном большинстве крестьянских хозяйств.

Таблица 13[49]

	На 100 орудий для подъема почвы в этих уездах приходилось				Пензенская губерния
	Инсарский	Краснослободский	Наровчатский	Саранский	
Неусовершенствованных	87,7	98,3	97,1	91,1	93,5
Усовершенствованных	12,3	1,7	2,9	8,9	6,5

Расчеты показывают, что в 1910 году в Краснослободском уезде на 100 пахотных орудий приходилось только 1,7 усовершенствованного орудия, в Наровчатском — 2,9. По применению передовых по тому времени орудий труда в сельском хозяйстве Наровчатский и Краснослободский уезды отставали от Пензенской губернии. Так, если, по средним данным, в Пензенской губернии на 100 орудий приходилось 6,5 улучшенных, то в этих уездах соответственно — 2,9 и 1,7. Несколько лучше были обеспечены Саранский (8, 9) и Инсарский (12, 3) уезды.

О слабой насыщенности сельского хозяйства Мордовии накануне первой мировой войны новыми орудиями говорят и расчеты таблицы 14.

В 1910 году на каждый усовершенствованный инвентарь приходилось посевов в десятинах:

Таблица 14[50]

Уезды	Инсарский	Краснослободский	Наровчатский	Саранский	В средн. по 4 уездам	В средн. по 50 губ. евр. России
На 1 плуг	43,8	273,1	226,1	66,9	—	—
На 1 сеялку	1110,3	6030,7	1708,7	1706,5	2654,1	432
На 1 жатку	975,1	7751,9	2158,4	1503,7	3095,3	160
На 1 молотилку	877,1	4263,5	911,3	514,8	1641,7	203
На 1 веялку	258,8	524,7	343,8	134	315,4	61

Данные таблицы лишний раз доказывают весьма недостаточную обеспеченность крестьянских хозяйств новыми орудиями труда.

В результате проведения столыпинской аграрной реформы все чаще и чаще у прилавков сельскохозяйственных складов как покупатель появляется крестьянин, который постепенно начинает вытеснять помещика. Об этом говорят данные оборота рузаевского склада за 1913 год[51]. Из всех проданных орудий и машин куплено: крестьянами — на 59505 руб., помещиками — на 965 руб., лицами других сословий — на 7355 руб., то есть крестьянами было куплено 87,7% всех усовершенствованных машин и орудий.

Цены металлических орудий обработки почвы, сева и уборки урожая были очень высокими, поэтому большинство крестьянских хозяйств были не в состоянии их купить, ибо имели малые наделы, низкую доходность своих хозяйств, а также не было продажи товаров из сельскохозяйственных складов в кредит[52]. Расходы же по покупке улучшенного инвентаря были по карману только зажиточной верхушке крестьянства, которые и были вместе с помещиками главными покупателями машин и орудий. Вот почему за восемь лет существования темниковского сельскохозяйственного склада с 1906 года по 1914 год из 4914 домохозяев темниковского агрономического участка собственные плуги приобрело только 107 человек[53], или 2,1% всех домохозяев участка.

В Мордовии были целые селения, где не было ни одного металлического плуга, где землю обрабатывали исключительно примитивной сохой.

В том же уезде в темниковском агрономическом участке в 40 селениях из 54 в 1914 году не было ни одного плуга[54].

Крестьянство Мордовии, имея небольшое количество скота и плохую кормовую базу, вносило очень мало органических удобрений, не говоря уже о минеральных, в силу их дороговизны не доступных не только широким слоям крестьянских хозяйств, но и богатым хуторянам и отрубщикам. В уездах Пензенской губернии систематическое удобрение полей «практиковалось лишь во владельческих хозяйствах». Основными причинами, препят-

ствующими применению навозного удобрения крестьянских полей, были кроме недостатка скота отсутствие у крестьян леса, поэтому навоз употребляли на топливо, в виде так называемого «кизяка»[55].

Плохая обработка почвы, внесение исключительно малого количества минеральных и органических удобрений, низкая агрикультура приводили к низким урожаям, к частым, периодически повторяющимся недородам в крестьянских хозяйствах. Об этом мы можем судить по таблице 15, составленной на основе текущей статистики.

Таблица 15[56]

Урожай ржи в пудах с десятины

Уезды	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1913 г.	Среднее за 1909—1913 гг.
Инсарский	63	52	81	58	56,4
Краснослободский	49	26	71	47	44,2
Наровчатский	63	54	74	45	54,2
Саранский	63	46	85	65	56,2
По уездам	59,5	44,5	77,7	53,7	52,7

Данные таблицы показывают, что урожай ржи у крестьян в основном зависел от погодных условий, поэтому сбор ржи с десятины имел по годам резкие колебания.

Для показа низкого урожая на крестьянских землях приведем сравнение с урожаем у владельцев (табл. 16).

Таблица 16[57]

(в пудах с десятины)

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	Сред. за 5 лет
У крестьян	59	57	32	82	60	58
У владельцев	87	71	38	92	71	71,8
Разница в пудах	28	14	6	10	11	13,8

Как видно, разница в урожае значительная, от 6 до 28 пудов, эта разница по годам сокращается. В 1909 году она составила 28 пудов, а в 1913 году — только 11 пудов. За 5 лет сократилась более чем в 2 раза. В годы проведения столыпинской аграрной реформы увеличивается применение улучшенных орудий и инвентаря, улучшается агрокультура, все это влияло на подъем урожайности у крестьян, особенно у кулаков.

Изучение состояния крестьянского хозяйства накануне первой мировой войны приводит нас к выводу о том, что в Мордовии пережитки феодально-крепостнических отношений и аграрное перенаселение привели к исключительному малоземелью и пауперизации крестьянской массы. Более 75% крестьянских дворов были бедняки. Кулацкие хозяйства, составлявшие в среднем 9% всех дворов, концентрировали в своих руках значительную часть надельной арендованной и купчей крестьянской земли, усовершенствованного инвентаря, тягла, крупного рогатого и мелкого скота.

В процессе проведения столыпинской аграрной реформы в мордовской деревне несколько увеличивается урожайность культур, растет покупательная способность крестьян. Однако это относится к зажиточной верхушке, а основная масса крестян беднеет: она теряет свои земли, скот превращается в сельскохозяйственных рабочих с наделом.

В сельском хозяйстве преобладало мелкое производство, насчитывающее почти 193420 хозяйств.

Несмотря на многочисленные крепостнические пережитки, в деревню все глубже проникали капиталистические отношения. Развитие капитализма в сельском хозяйстве вело к усилению социального расслоения крестьянских хозяйств. Деревня раскалывалась на классы, шел процесс «раскрестьянивания».

Однако остатки крепостничества тормозили развитие капитализма в деревне, препятствовали росту производительных сил сельского хозяйства.

В сельском хозяйстве Мордовии накануне первой мировой войны господствовали отсталые методы земледелия в виде трехпольной системы, использовался примитивный сельскохозяйственный инвентарь, включая деревянные плуги и бороны. Перед войной 96% всех орудий, служивших для подъема почвы, составляли сохи, косули. Только часть помещиков и кулаков применяли улучшенные орудия и машины.

Научные агротехнические приемы земледелия не получали распространения. В результате всего этого в основной массе крестьянских хозяйств были низкие урожаи.

---

[1] Подсчет источников: Подворная перепись крестьянского хозяйства. Серия III, часть II, вып. II: Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913, стр. 12; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Спасский уезд. Тамбов, 1913, стр. 50, 53; То же, Темниковский уезд. Тамбов, 1913, стр. 146—153; Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1917 гг. Вып. 3, Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 116—118.

[2] Выведены по данным: Подворная перепись крестьянского хозяйства. Серия III, ч. II, вып. II, Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913, стр. 12—15; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, Спасский уезд, стр. 50, Темниковский уезд — стр. 146; Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3, Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 120.

[3] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3, Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 16.

[4] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 5476, л. 3.

[5] Там же, д. 5502, л. 3.

[6] Там же, д. 5504, л. 5.
[7] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 5505, л. 3.
[8] Подсчитаны по данным Подворной переписи Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 4—116.
[9] Подсчет сделан по источникам: Подворная перепись крестьянского хозяйства. Серия III, ч. II, вып. 11. Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913, стр. 17; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, стр. 50, 140; Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3, Ардатовский уезд, Симбирск, 1913, стр. 108. В подсчете включены Саранский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский, Темниковский и Ардатовский уезды.
[10] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3, Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 116. Проценты выведены автором.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 164.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 103.
[13] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 118. Сгруппированы и выведены проценты автором.
[14] ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762. Разработка и группировка автора.
[15] ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 211, 761. Разработка и группировка автора.
[16] ГАТО, ф. 4, оп. 122, д. 187, л. 14.
[17] Подсчитано по переписным листам, см. ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 221, 761.
[18] ГАПО, ф. 156, оп. 3, дд. 221, 782. Разработка и группировка автора.
[19] Группировка автора по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762.
[20] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 121. Подсчет автора.
[21] Группировка автора по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762. При подсчете в группу бедняков включены безлошадные и однолошадные, владеющие или пользующиеся до 15 дес. удобной земли. В группу середняков — двухлошадники и все хозяйства, владеющие или пользующиеся до 20 дес. удобной земли. В группу кулаков — трех-и четырехлошадники и все хозяйства, владеющие или пользующиеся более 20,01 десятины удобной земли.
[22] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 119. Данные сгруппированы автором.
[23] Подсчет автора по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762, 782.
[24] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 118.
[25] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 118 (подсчет автора).
[26] Подсчитано по данным: Подворная перепись крестьянского хозяйства, серия III, часть II, вып. 11. Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913, стр. 17; Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 118; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, стр. 14—15, 22—23, 50, 146. В подсчет вошли Ардатовский, Инсарский, Наровчатский, Краснослободский, Спасский и Темниковский уезды.
[27] Для составления таблицы использованы данные земских переписей: Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 120; Подворная перепись крестьянского хозяйства. Серия III, часть II, вып. 11; Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913, стр. 19; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, стр. 52, 147.
[28] Выведены по данным: Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, стр. 50—52, 146—147.
[29] Выведены по данным: Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 120, 121.
[30] Выведены автором по данным: Материалы подворного обследования животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1913, стр. 50—52, 146—147.

[31] Сгруппированы автором данные Подворной переписи Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 120, 121.
[32] ЦГА МАССР, ф. 59, оп. 1, д. 9, л. 54.
[33] Вестник Пензенского земства, 1913, № 22, 23, стр. 986, 987.
[34] Подсчет данных Подворной переписи крестьянских хозяйств. Серия III, часть II, вып. II. Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913. Учтено поголовье Инсарского, Краснослободского, Наровчатского и Саранского уездов.
[35] Данные Земской подворной переписи 1909—1911 гг. В подсчет вошли Ардатовский, Саранский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский и Темниковский уезды.
[36] Журналы и доклады Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. Симбирск, 1915, стр. 1170.
[37] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Пенза, 1922, стр. 133.
[38] Подсчет автора по карточкам краткой подворной переписи крестьянских хозяйств в 1911 г. ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762.
[39] Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии. Тамбов, 1913, стр. 53, 147.
[40] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Пенза, 1922, стр. 131.
[41] Высчитано автором по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 214, 762.
[42] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления, часть I. Пенза, 1922, стр. 1.
[43] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 годах. Темников, 1915, стр. 55.
[44] Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии. Спасский уезд. Тамбов, 1913, стр. 56.
[45] Вестник Пензенского земства, 1914, № 22, стр. 1025.
[46] Журналы и доклады Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. Симбирск, 1915 г., стр. 156.
[47] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 гг. Темников, 1915, стр. 87.
[48] Вестник Пензенского земства, 1913, № 18, стр. 786.
[49] Вестник Пензенского земства, 1913, № 18, стр. 787.
[50] При расчете посевная площадь взята за 1911 г. по данным: «Природа и сельское хозяйство Пензенского края», 1925, № 4—5, среднее по 50 губерниям европейской России взято за 1910 г. из журнала «Вестник Пензенского земства», 1913, № 18, стр. 787.
[51] Вестник Пензенского земства, 1914, № 26, стр. 1104.
[52] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 годах. Темников, 1915, стр. 51.
[53] Там же, стр. 58.
[54] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 годах. Темников, 1915, стр. 69.
[55] Районирование Средне-Волжского края. Пензенский и Саранский округи. Самара, 1925, стр. 260.
[56] Пензенское губернское земство. Сельскохозяйственный обзор за 1912—1913 гг. и свод данных текущей статистики за 1909—1913 гг. Пенза, 1914, стр. 23.
[57] Сельскохозяйственный обзор за 1912—1913 гг. и свод данных текущей статистики за 1909—1913 гг. Пенза, 1914, стр. 23.

Н. В. ПОЛИН

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По данным статистики землевладения 1905 года, земельная площадь уездов Мордовии равнялась 2459351 десятине.

Из общего количества частновладельческой и надельной земли на долю крестьян приходилось 1536309 десятин, или 62,5%, на долю помещиков — 390568 десятин[1], или 15,8%.

Крупными держателями земли были церковь, монастыри, а также казенное и удельное ведомства.

В результате проникновения капитализма в сельское хозяйство, революции 1905—1907 годов и проведения столыпинской аграрной реформы в Мордовии происходят изменения в землевладении. Помещики, напуганные революцией, продают свои земли. Таким образом, помещичьи земли уменьшаются. Они скупаются купцами, мещанами и другими категориями землевладельцев. Например, земли дворян в Инсарском уезде с 1897 года по 1905 год сократились в 1,5 раза, а с 1905 года по 1911 год — в 2,3 раза. То же самое видим и в Саранском уезде. Здесь земли дворян с 1897 года по 1905 год уменьшились в 1,9 раза, и с 1905 по 1911 год — в 2,6 раза[2].

Данные по этим уездам показывают увеличение земель купцов и мещан. В руках разбогатевших горожан Инсарского уезда в 1905 году имелось земли в 2 с лишним раза больше, чем в 1897 году, а в Саранском — почти в 3 раза[3].

В мобилизации дворянской земли активное участие принимала разбогатевшая верхушка деревни. Частновладельческие крестьянские земли за три года увеличились в Инсарском уезде в 2,2 раза и в Саранском — в 3,7 раза[4].

Особенно быстро росли владения монастырей. В Инсарском уезде они с 1897 года по 1911 год увеличились в 5 раз, в Саранском — в 4 раза[5].

Однако, несмотря на такое быстрое сокращение землевладения дворян, в их руках находилась большая часть земель личного пользования. Например, дворяне Наровчатского, Краснослободского, Саранского уездов в 1912 году держали в своих руках 36997 десятин, или 59,3% всего личного землепользования[6].

В Мордовии до первой мировой войны преобладали крупные помещичьи владения, размером 500 и свыше десятин. Для показа латифундиального характера помещичьего землевладения мы приводим таблицу 1, составленную по данным переписи частновладельческих хозяйств Наровчатского, Саранского и Краснослободского уездов в 1912 году.

Таблица 1[7]

Размеры имений, дес.	Число имений	Площадь, дес.	% к итогу
50—100	9	764	1,2
100—200	50	7192	11,6
200—500	60	10218	30,8
500—1000	18	12108	19,5
свыше 1000	13	23020	36,9
	150	62302	100

Данные таблицы показывают в этих уездах высокую степень концентрации частновладельческой земли. Так, на латифундии размером свыше 1000 десятин приходилось 36,9% помещичьей земли. Имения размером свыше 500 десятин концентрировали 56,4% всей частновладельческой земли.

Однако степень концентрации земли в действительности была выше. Крупные землевладельцы имели по нескольку имений. Например, у помещика Водарь было два имения, из которых одно (297 дес.) проходило по категории имений до 500 десятин, а другое (796 дес.)—по категории до 1000 десятин. У Начаркина также было два имения, составлявшие вместе 2360 десятин, одно из которых проходило по категории до 1000 десятин, так как имело 858 десятин. У помещиков Федоровых одно имение учитывалось по категории до 200 десятин, так как в нем было всего 150 десятин. В действительности же их владение составляло 1047 десятин.

При переходе к изучению помещичьего землепользования в Мордовии сразу же возникают несколько очень трудных вопросов, одними из которых были: каким способом велось хозяйство, в какой части помещик вел свою запашку?

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о помещичьем землепользовании по всем уездам Мордовии. Поэтому мы лишены возможности давать характеристику в целом о соотношении тех частей помещичьего землевладения, на которых велось собственное хозяйство того или иного типа, форм арендных отношений. Единственными источниками для описания частновладельческих хозяйств являются оценочные описи дворянского банка имений, заложенных или перезаложенных в этот банк. Весьма ценным материалом являются переписные бланки частновладельческих хозяйств 1912 года по Саранскому,

Наровчатскому и Краснослободскому уездам бывшей Пензенской губернии, сохранившиеся в Пензенском областном архиве.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что в этих трех уездах на 150 частновладельческих имений в 138 сами владельцы вели свое хозяйство. В имениях размером до 100 десятин во всех 9 велся экономический сев, хозяева имений до 200 десятин—в 4 (8%), до 500 десятин — в 3 (5%), до 1000 десятин — в 4 (22,3%), свыше 1000 десятин в 1 (7,7%) предпочитали полностью сдавать их в аренду[8]. Но отсюда вовсе не следует, что в остальных имениях владельцы на всей земле вели свое хозяйство.

Большие площади своих земель частновладельцы сдавали в аренду. Чем крупнее было имение, тем больше земли раздавалось в аренду (табл. 2).

Таблица 2[9]

Группа хозяйств по размерам земли, дес.	Эксплуатируется за счет владельцев, дес.	Сдано в аренду, дес.		В %
		пашни	покоса	
до 100	764	—	—	—
от 100—200	7192	578	40	8,6
от 200—500	19218	515	—	2,7
от 500—1000	12108	3801	127	32,5
свыше 1000	23020	3803	631	19,2
Итого	62302	8677	698	15,2

Данные показывают, что наиболее приспособленными были владения до 500 десятин. Такие имения сдавали 2,7—8,6% своих земель. Больше земли сдавали в аренду хозяйства размером до 1000 десятин. Более крупные имения увеличивают свои запашки. Однако их доля в общей массе сданной в аренду земли составляла 45,7%.

Весьма редко арендаторами помещичьих земель выступали крупные предприниматели. Как правило, собственной запашки у них не было. Крупные участки они дробили и сдавали в субаренду крестьянам. Например, помещик Кондыров в 1912 году сдал 118 десятин в аренду одному предпринимателю, тот, в свою очередь, сдал эти земли в субаренду местным крестьянам[10].

Основными арендаторами помещичьей земли в Мордовии выступали крестьяне, которые арендовали ее мелкими участками на весьма тяжелых условиях. Преобладала аренда исполу, за отработки. Например, крупный землевладелец и заводчик Арапов в 1911 году сдал 242 десятины краткосрочной на 1 год и 315 десятин долгосрочной арендой за отработки. Арендаторы-крестьяне должны были отработать столько же десятин экономии[11].

Большая часть помещиков сдавала свои земли в аренду исполу. Например, дворянка Е. С. Молостова (Ардатовский уезд)

450 десятин пашни обрабатывала своими рабочими и 388,5 десятины сдавала исполу крестьянам[12].

Аренда исполу в его чистом виде встречалась довольно редко. Зачастую крестьяне вынуждены были соглашаться на «верхи», т. е. отдавали и половину урожая, и отрабатывали у владельца. Так, купец Голов сдавал 41 десятину исполу. Кроме того, крестьяне выполняли работу на 27 руб., 50 коп. (вспахать, сборонавать 10 десятин пара). А за другие 20 десятин крестьяне из экономии должны были вывезти на эту землю своими лошадьми по 100 возов навоза на десятину[13]. В 1911 году владельцы — дворяне Водарь — сдавали исполу 102 десятины пашни. Кроме полной обработки, уборки крестьяне обязаны были свезти экономическую половину и сложить в экономии, да за каждую десятину арендатор вывозил 15 возов навоза на своей лошади из двора хозяина[14].

Немало было случаев, когда арендная плата выражалась в денежной форме, а платилась отработками. Крестьяне села Слободки Наровчатского уезда в 1909 году брали в аренду у владельца Солодовникова 40 десятин по 8 руб. за десятину. Расплатились возкой картофеля своим тяглом в Тумаево (12 верст) из расчета 60 коп. за воз в 25 пудов. Харчи свои. А в 1911 году за 20 десятин по 8 руб. за десятину заплатили возкой навоза на своих лошадях. Каждый из 20 крестьян-арендаторов работал с темна до темна от 5 до 8 дней[15].

Особенно кабальные условия были при сдаче сенокосов, выгонов и пастбищ. Например, владелец имения в Темниковском уезде (описанное К. К. Вебером «хозяйство № 10») до 1914 года сдавал 320 десятин лугов из части: 2/5—крестьянам, а 3/5 сена — в пользу владельца[16]. За сданные исполно 196 десятин покоса Головым крестьяне должны были еще доплатить деньгами 132 руб. да сжать 18 десятин ржи и скосить 20 десятин овса[17]. Купчиха Ерофеева сдавала покосы из расчета $^2/_3$ сена крестьянам, но арендаторы должны были вывезти 400 возов навоза на 4 десятины или привезти из леса 20 куб. сажен дров[18].

По срокам аренда частновладельческих земель представляла весьма пеструю картину, однако преобладала аренда на один срок. Например, в Наровчатском, Краснослободском и Саранском уездах долгосрочной арендой в 1911 году было сдано только 974 десятины из 9495 десятин всей сданной в аренду земли[19]. Подобное мы видим и в других уездах. Так, в 1914 году в Ардатовском уезде об одногодичной аренде сообщали 94,7% корреспондентов, а об аренде на 3—6 лет только 5,3% корреспондентов[20]. Земские статистики Симбирской губернии в 1914 году отмечали, что «господствующей формой аренды во всех категориях землевладения, кроме удела, является краткосрочная одногодичная аренда»[21].

Господствующей формой аренды земель в Мордовии была отработочная и испольная формы. По данным переписи

частновладельческих хозяйств, по трем уездам в 1911 году за деньги было сдано 2934 десятины, или 30,7% всей сданной земли. Сдавать землю в аренду было выгоднее, чем вести свое хозяйство, ибо без затраты труда, без капиталовложений помещики получали большую долю крестьянского труда.

Если мы выразим арендную плату в пудах ржи, то получим следующую картину (табл. 3).

Таблица 3[22]

Уезды	Арендная плата за десятину						% к урожайности у крестьян		
	в рублях			в пудах ржи					
	1910	1911	1913	1910	1911	1913	1910	1911	1913
Инсарский	15,27	16,53	20,56	25,8	16,8	31,1	49,6	60	53,6
Краснослободский	7,28	11,09	25,59	10,7	10,9	36,1	41,1	39	78,9
Наровчатск.	20,44	17,98	33,08	25,2	19,4	47,9	46,6	55,4	106
Саранский	15,94	16,09	24,17	25,3	15,7	37,2	55	71,3	37,2

Рассматривая таблицу, мы видим повсеместный рост арендной платы. Особенно быстро растет она в Краснослободском и Саранском уездах. За арендную плату крестьяне должны были отдавать 53—78% всего урожая. Были случаи, когда урожая с арендной десятины не хватало на уплату. В Наровчатском уезде в 1913 году стоимость урожая с десятины была ниже арендной платы. Все эти данные говорят о кабальном характере аренды частновладельческой земли.

Помещики в Мордовии слабо внедряли технические улучшения в зерновое хозяйство. Об этом говорят данные обеспеченности частновладельческих хозяйств Пензенской губернии. В этой губернии, а следовательно, и в уездах Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском для разрыхления почвы в 1910 году приходилось орудий:[23] неусовершенствованных — 98,5%, усовершенствованных — 1,5%.

В 1910 году в таких хозяйствах было 5436 сох и 325 косуль[24]. Помещичьи имения, особено мелкие, вели свое хозяйство с помощью сох и косуль, применялось в них много и ручного труда.

Лучше были обеспечены усовершествованным сельскохозяйственным инвентарем имения, имевшие экономический посев. Так, в хозяйстве Барсуковых в Ардатовском уезде на 370 десятин пашни в 1914 году было 12 плугов, 5 борон, 6 сеялок, 3 жнейки[25]. В имении Лачиновых в Наровчатском уезде пашня составляла 1102 десятины. В хозяйстве насчитывалось 39 плугов, 9 сеялок, 10 жнеек. Этого инвентаря явно не хватало для обработки и уборки хлебов, поэтому владельцы сдавали в аренду 227 десятин. Фактически Лачиновы вели экономический сев на 761,5 десятины, так как каждый, взявший 2 десятины в аренду,

обрабатывал 1 десятину картофеля. В имении ощущался недостаток в плугах, поэтому владельцы использовали 25 сох. Имея такое количество инвентаря, хозяйство обходилось без найма работников со своим инвентарем[26].

Опишем для примера еще одно крупное хозяйство — владение И. А. Арапова. У него было 1473 десятины пашни, 49 плугов, 9 сеялок, 4 жнейки. Фактически владелец вел свое хозяйство на 601 десятине, так как 242 десятины сдавались исполу и 315 десятин — за обработки такого же количества в экономии. В хозяйстве 1 плуг приходился на 12,3 десятины, 1 сеялка — на 66,7 десятины и 1 жнейка — на 150 десятин. Имение по сравнению с хозяйствами Барсукова и Лачиновых было лучше обеспечено плугами, но и здесь видим наличие сох — 44. Несмотря на такое насыщение инвентарем, хозяйство не могло обходиться без инвентаря крестьян. На все сдельные работы крестьяне приходили со своим инвентарем, исключение составляла только молотьба[27].

Техническое улучшение в зерновом хозяйстве коснулось прежде всего молотьбы и очистки зерна. Почти все хозяйства имели молотилки конные и сортировки конные и ручные. Крупные хозяйства приобретали механические молотилки. Так, в имении Новосильцевых имелась паровая, сложная молотилка — кейс[28]. Употребление молотилок и сортировок было вызвано требованиями хлебного рынка. Помещики производили много хлеба для продажи. Крупным потребителем зерна выступало военное ведомство. Только в Саранском и Инсарском уездах с 1910 года по 1913 год на нужды армии было закуплено 242400 пудов ржи[29]. Немало зерна, особенно овса, шло за границу.

Имея недостаточное количество инвентаря, помещики все же мало покупали машины, плуги и другой усовершенствованный инвентарь. В 1913 году из Рузаевского сельскохозяйственного склада ими было куплено товара лишь на сумму 965 руб.[30], или 1,4% всех товаров в денежном выражении.

Основной причиной слабого внедрения усовершенствованных машин и инвентаря в помещичьем хозяйстве являлось малоземелье окрестного крестьянского населения. Страдая от малоземелья и нищеты, они шли на работы в имения за очень низкую плату. А низкая плата, как отмечал В. И. Ленин, «составляет одно из важнейших препятствий к введению машин»[31].

У помещиков мало было не только инвентаря, но и тягловой силы. У Арапова, например, на 601 десятину экономического засева приходилось только 26 лошадей, или 1 лошадь на 23,1 десятины. Такого количества было недостаточно, и владельцы пользовались не только инвентарем крестьян, но и их тягловой силой. Кроме того, Арапов вынужден был закупить 9 лошадей из-за недостатка их[32].

Использование тягловой силы крестьян происходило повсеместно, вот почему в уездах, вошедших в Мордовию, при-

обследовании состояния сельскохозяйственного производства земцами очень часто встречается такой вид найма, как наем работника с лошадью. А это и есть полуфеодальная форма эксплуатации крестьян — прямое продолжение барщины с той только разницей, что теперь крестьянин получал за свою работу деньги.

Организацию помещичьего хозяйства рассмотрим по описанию нескольких имений, по которым имеем достаточно полный материал. Например, имение помещика Хохлова, находившееся в восьми верстах от Торбеева, имело 207 дес. удобной земли, из которых под усадьбой было занято 14 дес., под пашней—165, под сенокосом — 23 и под пастбищами —5 дес.[33]

Все хозяйственные постройки помещика оценивались в 20000 руб., весь наличный скот — в 2000 руб. Владельцу принадлежала водяная мельница с 3 поставами. У него отсутствовал какой бы то ни был сельскохозяйственный инвентарь[34]. Все удобные земли помещик сдавал в аренду крестьянам хохловского общества села Усть-Парца сроком на 3 года на условиях: за аренду крестьяне должны были выплачивать ежегодно Хохлову по 2640 руб. Взнос денежной платы был приурочен к 1 октября и 1 января. Кроме того, крестьяне обязаны были к 1 октября каждого года давать еще и натуральную плату. Она определялась 225 пудами сухой чистой отделки ржи, 150 пудами такого же качества овса, 25 телегами ржаной соломы, 30 телегами овсяной. В исправной плате натурой крестьяне ручались круговой порукой. Арендаторы обязаны были удобрять ежегодно 6 дес. пара по 200 возов навоза на десятину. В продолжении всей аренды крестьяне должны были пасти в своем стаде без всякой платы 9 коров владельца. По арендному договору, составленному 27 июня 1913 года, помещик обязывался платить все повинности с земли[35].

Как видно из обязанностей крестьян, аренда имения Хохлова имела кабальный характер, но крестьяне этого села вынуждены были арендовать имение на таких условиях ввиду крайнего безземелья. В 1913 году в селе Усть-Парца проживало 1340 человек обоего пола. Они располагали 1449 дес. надельной земли, или 1,08 дес. на душу населения.

В соседних селах земель было еще меньше. Так, в селе Дракино ее приходилось по 0,97 дес., в селе Кочетовка — по 0,92, в селе Кажлодка — по 0,7 дес. на душу. А в селе Кошелевка на душу населения приходилось только по 0,59 дес.[36]

Данные показывают большой спрос на землю в районе этого имения, в чем и причина крайне тяжелых условий аренды.

В имении имелся сад в 6 дес., который сдавался по погодной аренде за плату от 500 до 700 руб.[37] 14 дес. покоса сдавались в аренду вместе с пашней. А из остальных 9 дес. заливного луга 5 сдавались в аренду, а 4 дес. из 1/3 убирались в пользу владельца, что доставляло ему до 400 пудов сена[38]. Водяная мельница сдавалась в аренду на 6 лет на следующих условиях:

ремонт мельницы и плотины производился за счет арендатора, кроме этого, арендующий обязан был ежегодно платить по 185 рублей и бесплатно молоть от 30 до 50 четвертей ржи.

Расходы по имению были: содержание приказчика и мальчика 240 руб. в год, плата повинностей 377 руб. 07 коп., расходы по саду 200 руб., в целом по имению 817 руб. 07 коп. Весь доход составлял 3915 руб. Имение приносило чистую прибыль 3097 руб. 93 коп.[39]

Хохлов, пользуясь крайней малоземельностью окружающих его имение крестьян, мог не вести своего хозяйства и жить за счет их. Это помещичье хозяйство ясно носило форму отработочного хозяйства.

Второе хозяйство принадлежало М. Е. и Ю. Ю. Новосильцевым и состояло из 2 имений. Одно из имений располагалось при селе Кулаевы Починки Темниковского уезда и имело 660 дес.[40] Другое примыкало к первой, но имело больший размер — 5780 дес. Располагалось оно при селе Кочетыровка того же уезда[41].

В селе Кочетыровка владение состояло из следующих угодий: усадьба —36 дес., пашня —1211 дес., сенокос —550 дес., лес— 3744 дес.

Недвижимое имущество помещиков оценивалось в 300000 руб. Владелец имел винокуренный завод и работали две паровые мельницы (при с. Кочетыровка и хуторе Сергиевском).

Вся пашня, за исключением 100 дес., сданных в аренду, обрабатывалась годовыми и поденными рабочими сельскохозяйственными орудиями помещика. Для этой цели имелся следующий инвентарь: 2 локомобиля с молотилками, 1 пресс паровой, 2 простые молотилки, 1 ручная, 5 дисковых, 4 разбросных и 1 комбинированная сеялка, 8 сортировок разных, 3 веялки, 3 картофелесажалки и 1 картофелеуборщик, 2 соломорезки и 1 дробилка. Плугов и культиваторов в имении было на 1500 руб. Севооборот был четырехпольный с посевом ржи, овса, картофеля, ячменя, проса, вики и клевера.

Ежегодно удобрялся паровой клин. На каждую десятину вывозилось по 160 возов навоза. Имение покупало и минеральные удобрения, расходуя на эти цели по 7400 руб. ежегодно.

Владельцы уделяли большое внимание животноводству. В имении имелось 112 голов рабочих лошадей и 71 голова молодняка, 71 корова, 29 телок и 88 голов молодняка крупного рогатого скота, 64 овцы, 24 свиньи, 36 рабочих волов и 5 племенных быков. Разводились кролики. Имение поставляло на рынок шерсть. От 71 дойной коровы ежегодно получали около 140 пудов масла.

Кормовой базой скоту служил клевер в севообороте и 550 дес. хорошего заливного луга. Из всего количества покоса 275 дес. убиралось наемными рабочими и 275 сдавали косить окрестным крестьянам исполу. Одной из статей дохода была рыбная ловля.

Владельцы были не прочь прикупить землю и продать по более высокой цене. Так, ими было куплено в 1912 году 660 дес. за 92000 руб., или по 142 руб. за десятину удобной земли. В то же время они сами продали в 1910—1913 годах 1017 дес. по 200 руб. за десятину.

Расход по эксплуатации имением распределялся следующим образом: на управление —14200 руб. На эти средства содержались: 1 управляющий, 6 приказчиков, 3 конторщика и 1 ключник, штат по охране леса. Ремонт построек обходился в 4000 руб., исполнение повинностей — в 6050 руб., содержание рабочего и молочного скота —30590 руб., ремонт сельскохозяйственого инвентаря —1115 руб., покупка удобрений —7400 руб., наем поденных работников—500 руб. Всего расходовалось 91535 руб. 40 коп.

Владельцы от имения имели чистую прибыль в 199315 руб. 20 коп.

Описание имения Новосильцевых приводит к выводу о том, что оно было исключением среди других помещичьих хозяйств. Это высокоразвитое капиталистическое сельскохозяйственное предприятие. Однако и здесь владельцы до конца не отказались от полукрепостнических форм эксплуатации крестьянства. Половина сенокоса убиралась испольно, что лишний раз подчеркивает дешевизну труда крестьян. Поэтому владельцы предпочитали использовать их труд и не покупали сеноуборочных машин.

Рассмотренный материал о помещичьем землевладении и землепользовании позволяет нам сделать следующие выводы.

Крупное землевладение в Мордовии составляло значительную часть всей земельной площади. Огромные площади концентрировались в руках земельных магнатов-латифундистов.

Несмотря на сокращение помещичьего землевладения, оно и в рассматриваемое время оставалось сословно-дворянским, сохраняя полукрепостническую природу, медленно перестраиваясь на капиталистический лад.

Крестьянское малоземелье, избыток рабочей силы в результате аграрного перенаселения в Мордовии, а отсюда исключительная дешевизна рабочих рук давали возможность помещикам вести свое хозяйство путем полукрепостнических отработок.

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, стр. 423.
[2] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Пенза, 1922, стр. 259.
[3] Там же.
[4] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Пенза, 1922, стр. 259.
[5] Там же.
[6] Подсчитаны автором по данным переписи частновладельческих хозяйств Пензенской губернии в 1912 г. См. ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 1556—1562, 1564, 1565, 1588—1594, 1612—1626.
[7] Сгруппированы автором по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 1556—1562, 1564, 1565, 1588—1594, 1612—1626.
[8] Подсчитано по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 1556—1562, 1564, 1565, 1588—1594, 1612—1626.

[9] Там же.
[10] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1588, лл. 10—15.
[11] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1591, лл. 26—39.
[12] ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 866, л. 7.
[13] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1660, л. 39.
[14] Там же, д. 1593, д. 87.
[15] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1591, л. 36.
[16] К. К. Вебер. Отчет по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств Тамбовской губернии летом 1916 года. Тамбов, 1916, стр. 3.
[17] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1592, л. 65.
[18] Там же.
[19] Подсчитано по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 1556—1562, 1564, 1565, 1588—1594, 1612—1626.
[20] Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 год (год пятый). Симбирск, 1916, стр. 26.
[21] Подсчитано по данным ГАПО, ф. 158, оп. 3, дд. 1556—1562, 1564, 1565, 1588—1594, 1612—1626.
[22] Сельскохозяйственный обзор за 1912—1913 гг. и свод данных текущей статистики за 1909—1913 гг. Пенза, 1914, стр. 23, 54, 56, 60.
[23] Вестник Пензенского земства, 1913, № 18, стр. 787.
[24] Там же, стр. 786.
[25] ГАУО, ф. 1255, оп. 1, д. 1216, лл. 3, 4.
[26] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1594, лл. 1—8.
[27] Там же, д. 1591, лл. 26—39.
[28] ГАТО, ф. 168, оп. 32, д. 75, л. 10.
[29] Доклады Пензенской губернской земской управы земскому собранию очередной сессии 1914 г. Пенза, 1915, стр. 17.
[30] Вестник Пензенского земства, 1914, № 26, стр. 1104.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 223.
[32] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 1594, д. 8.
[33] ГАТО, ф. 168, оп. 3, д. 39, л. 1.
[34] Там же, лл. 1—4.
[35] ГАТО, ф. 168, оп. 32, д. 39, лл. 7—8.
[36] Там же, л. 19.
[37] Там же, л. 21.
[38] Там же, л. 22.
[39] ГАТО, ф. 168, оп. 32, д. 39, лл. 23, 24.
[40] Там же, д. 74.
[41] Там же, д. 75, лл. 1—10.

Л. Г. ФИЛАТОВ

БОРЬБА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ЗА РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В 1910—1912 ГОДЫ

Рабочее движение в годы нового революционного подъема до настоящего времени освещено исследователями пока неполно, и литературы по этому важнейшему периоду все еще далеко недостаточно[1].

Особенно это относится к истории революционной борьбы железнодорожников, по которой имеются лишь отдельные сведения в статьях и общих работах[2].

В данной статье делается попытка выявить наиболее характерные формы рабочего движения железнодорожников в период оживления революционного движения в России, т. е. в 1910—1912 годы; проследить динамику его развития и особенности в общем потоке растущей революционной борьбы пролетариата России.

В. И. Ленин, анализируя динамику рабочего движения в годы нового революционного подъема, четко определил хронологические рамки этого необратимого процесса, дал его периодизацию и вскрыл основные тенденции «годов подъема (1910—1914)». «Сначала подъем был невероятно медленный,— подчеркивал Владимир Ильич,— потом, после ленских событий 1912 года, несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года...»[3]

Начало подъема, или как более точно определял В. И. Ленин, оживление рабочего движения стало неоспоримым фактором в политической жизни России где-то в середине 1910 года, хотя психологический перелом и изменения в настроениях масс наметились в начале того же года. В рассматриваемое время начинают проходить апатия и усталость пролетарских масс, особенно в передовых слоях рабочего класса и железнодорожников, все чаще и резче проявляется растущее недовольство гнетом царизма и империалистической буржуазии, усиливается пассивное сопротивление наступлению финансового, промышленного и железнодорожного капитала и на так уже тяжелые условия жизни

и труда рабочих и железнодорожников: в 1909 году в фабричную инспекцию было подано 110917 жалоб рабочих, а в 1910 году 117925 жалоб[4].

Большевистская партия, вооруженная ленинским научным подходом к проблемам рабочего движения, быстро уловила перемены в настроении масс и умело использовала их для дальнейшего развития и роста революционной борьбы. Центральный орган большевистской партии газета «Социал-демократ» констатировала, что есть основание считать январь 1910 года «началом конца той дезорганизации революционных сил, на которую обрекло их поступательное шествие неслыханно кровавой, неслыханно жестокой и истребительной контрреволюции»[5]. В различных концах необъятной России, на заводах и фабриках, рудниках и шахтах, в железнодорожных мастерских и депо все более определенно проявлялось оживление рабочего движения, росла потребность рабочих и железнодорожников в большевистских газетах и листовках. Одним из важных показателей этого стало распространение «Социал-демократа» и «Рабочей газеты», поступавших в 1910—1912 годах в 125 пунктов России по 356 адресам, не считая районов Прибалтики и Польши[6]. Об оживлении рабочего движения и подъема революционного настроения среди рабочих и железнодорожников в 1910 году писали местные большевистские газеты, отмечали большевистские комитеты и группы Петербурга, Москвы, Н. Новгорода, Одессы, Тифлиса, Юзовки и т. д.[7].

Подъем в настроениях пролетариата и железнодорожников заметили и некоторые наиболее проницательные представители блока реакции. В январе 1910 года лидер кадетов П. Н. Милюков с тревогой писал: «Возрождается революционное настроение... увеличивается острота борьбы и опасность столкновений»[8].

Необходимо подчеркнуть, что нарастание революционного настроения в массах все же медленно выливалось в революционные действия масс: сходки, митинги, стачки, демонстрации и т. д. Между тем некоторые авторы склонны изображать этот процесс в более динамичном плане, но не аргументируя его конкретными фактами и событиями из рабочего движения[9].

Документы показывают, что до начала июня 1910 года стачечная борьба по сравнению с 1909 годом даже несколько уменьшилась. В течение пяти месяцев, с января по май включительно, произошло до 100 забастовок, в которых приняло участие свыше 22 тыс. рабочих. В основном это были мелкие экономические стачки, закончившиеся в своем большинстве поражением рабочих. В первомайских стачках участвовало более 2,5 тыс. рабочих[10]. «Трехлетие 1908—1910 годов,— указывал В. И. Ленин,— было эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тыс. в 1909 году и до 50 тыс. в 1910 году»[11].

Одним из первых оправились от поражения в первой русской революции рабочие Москвы. В июле 1910 года в Москве и Московской губернии бастовало до 15 тыс. рабочих нескольких фабрик и заводов, поднявшихся на экономическую борьбу. В основном это были предприятия легкой промышленности, некоторые из них являлись небольшими фабриками: красильно-аппаратная фабрика Федорова, фабрика «Товарищества кружевной мануфактуры Говартовского», его же дрожжево-винокуренный завод, ткацкая фабрика торгового дома «Михаил Брунов» и т. д.[12].

Самой крупной и продолжительной стачкой 1910 года во всей России стала стачка рабочих мануфактуры Каретниковой в селе Тейкове Владимирской губернии. Непосредственным поводом выступления явилось введение администрацией более тяжелых условий труда. 15 октября началась забастовка, охватившая вскоре рабочих ткацкой и прядильной фабрик в количестве 5 тыс. человек. 55 дней продолжалась упорная борьба. Голод и лишения, репрессии властей, привлечение на работу штрейкбрехеров явились причинами поражения стачки. 9 декабря 1910 года рабочие приступили к работе на прежних условиях[13].

Последующее оживление борьбы проходило в накаленной обстановке в связи с откликом на смерть Л. Н. Толстого, ушедшего из жизни 7 ноября 1910 года. Кончина великого писателя вызвала глубокую скорбь прогрессивных демократических слоев общества, рассматривавших Л. Н. Толстого как жертву дикого произвола царизма и жестокого антинародного режима. В ряде городов страны вспыхнули антиправительственные студенческие выступления, которые слились с борьбой рабочего класса. В ноябре—декабре 1910 года в Петербурге, Москве, Киеве, Николаеве и других городах России прошли бурные митинги, собрания, забастовки и уличные демонстрации студенчества, учащихся, служащих и рабочих в память великого писателя с мировым именем. «Русские рабочие,— писал в ноябре 1910 года В. И. Ленин,— почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого»[14]. Требование отменить смертную казнь сочеталось с призывом большевиков к рабочим сплотить свои ряды, укрепить нелегальные организации, создавать профсоюзы[15].

В. И. Ленин, анализируя сложный процесс оживления революционного движения в России, отмечал в ноябре 1910 года: «Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908—1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это»[16]. Несколько позже, в декабре того же года, В. И. Ленин еще более определенно указывает: «С лета 1910 года начинается опять подъем... Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909

год, собирается с силами и начинает переходить *в наступление*... Характеризуя место, роль и значение революционных сил в процессе оживления, В. И. Ленин четко выделяет: «пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают... Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок»[17]. Рабочие стачки 1910 года, как определила Пражская конференция большевистской партии, явились «первыми ласточками возрождающейся весны»[18].

В 1911 году рабочее движение продолжало постепенно нарастать[19]. Все больше проходила усталость и оцепенение, порожденные торжеством контрреволюции[20], растет вера пролетариата в революцию. В растущее движение втягивались новые отряды и слои рабочего класса. «Бодрящие голоса нарастают в рабочих предместиях,— писала большевистская газета «Звезда»,—Становится на рельсы «Локомотив истории», и пошли по России опять рабочие забастовки»[21]. По последним уточненным подсчетам советских исследователей, в 1910 году произошло 392 стачки, в которых участвовало 78623 рабочих, а в 1911 году — 850 стачек и 195300 рабочих[22]. Это без учета железнодорожников. В основном это были экономические стачки, главным их требованием было увеличение заработной платы.

Но все чаще стали происходить и политические забастовки: в 1910 году их было 20 с числом участников 6 тыс., а в 1911 году — 62 и в них участвовало уже 39200 рабочих[23]. В 1911 году, указывал В. И. Ленин в 1912 году, число стачечников возросло вдвое против 1910 года (100 тыс. против 50), но все же это число было крайне мало; чисто экономические стачки оставались сравнительно «узким» делом, не получая еще общенародного значения. Напротив, все и каждый видит теперь, что именно такое значение получило стачечное движение текущего года после известных апрельских событий[24]. По официальным, весьма занижженным данным, подчеркивал В. И. Ленин, в 1911 году в России произошло 466 стачек, а в 1912 году — 1918 стачек. Учитывая ранее сказанное, подводил итог Владимир Ильич, налицо количественный и качественный сдвиг во всем рабочем движении России — новый революционный подъем, начавшийся ленскими событиями. «Ленский расстрел,— указывал В. И. Ленин,— явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»[25]. «1912—1914 годы,— уточнял он,— обозначили собой начало нового грандиозного революционного подъема в России. Мы вновь стали свидетелями великого стачечного движения, какого не знает мир»[26].

В. И. Ленин, рассматривая динамику рабочего движения в 1910—1914 годы, подчеркивал, что анализировал этот сложный

и многогранный процесс в основном на материалах забастовочной борьбы фабрично-заводского пролетариата, так как официальная статистика того времени не давала сведений о борьбе рабочих других отраслей народного хозяйства, в том числе и о железнодорожниках. Между тем работники железнодорожного транспорта тоже участвовали в этом мощном движении в силу тех общих и главных закономерностей, о которых речь шла выше. В то же время рабочее движение железнодорожников в период оживления и нового революционного подъема имело свою специфику, что явилось следствием своеобразия положения железнодорожного транспорта в жизни страны и особенностей социальной структуры железнодорожников.

Так же, как и фабрично-заводские рабочие, железнодорожники вначале стали проявлять свое недовольство третьеиюньским режимом в форме петиционного движения, которое в их среде приняло более широкий размах: сказались традиции и психологический настрой некоторых слоев железнодорожников, особенно служащих, продолжавших еще надеяться на удовлетворение их просьб хозяевами железных дорог. Но произошло это не сразу и не на всех магистралях. Анализ рабочего движения показывает, что петиционное движение железнодорожников возродилось еще в конце 1909 года, охватив многие магистрали страны. На следующий год, когда рабочие других отраслей промышленности стали подавать все больше и больше жалоб и прошений,[27] на железнодорожном транспорте, наоборот, произошел спад. Раньше других поднявшись на эту пассивную форму борьбы и получив сокрушительный отпор со стороны царизма и монополий еще в условиях продолжавшейся реакции, железнодорожники вначале заметно охладели к петиционной кампании. В 1910 году она имела место лишь на некоторых железных дорогах, наиболее сильно проявляясь на Московско-Киево-Воронежской, Рязано-Уральской и Московско-Казанской магистралях. В конце октября 1910 года служащие Московско-Киево-Воронежской дороги обратились с петицией к администрации, в которой обращали внимание на затруднение с заработной платой (несвоевременную ее выдачу) и «вообще на непринятие мер к улучшению быта»[28]. Почти одновременно с ними анонимную жалобу подали кондукторские бригады станции Кашира Рязано-Уральской дороги «о несоблюдении положения о работе и отдыхе»[29]. Рабочие депо станции Рузаевка Московско-Казанской дороги пошли дальше своих товарищей, решительно потребовав повышения зарплаты[30]. 1911 год прошел относительно спокойно. Петиции продолжали писать на отдельных дорогах, но больше служащие. Особенно активно вели себя в этом отношении служащие Екатерининской дороги[31]. Но постепенно положение начинало меняться. Сказалось влияние рабочих фабрично-заводской промышленности, где число жалоб неуклонно росло, а также то обстоятельство, что в 1911 году на железных дорогах резко увеличилось число аварий и происшествий. Они были следствием роста хищнической эксплуатации железнодорожного транспорта и крайне низкой постановки техники безопасности. Однако царизм и железнодорожные монополии объяснили это по-своему: халатностью работников, т. е. свалили все на «стрелочников». 24 января 1911 года сошел с рельс и упал под откос паровоз на перегоне Таббифер — Юрьев северо-западной дороги, в марте столкнулись два поезда на станции Потьма Рязано-Уральской дороги, в мае сгорел пакгауз на станции Граево Привислинской дороги и сошел с рельс почтовый поезд на 194 версте от г. Иркутска на Забайкальской дороге[32]. В апреле 1911 года сошли с рельс 9 вагонов на станции Кандей Сызрано-Вяземской дороги: 5 человек было ранено, двое из них — тяжело; в августе произошло крушение пассажирского поезда на 10 версте перегона Свистуново—Апостолово Екатерининской дороги: получили сильные ушибы 11 пассажиров и 4 железнодорожника[33]. В октябре 1911 года произошел взрыв поезда на 363 версте Северо-Донецкой дороги, имелись жертвы; в декабре на станции Пута закавказских дорог столкнулись паровоз с поездом, несколько человек получили ранение и т. д.[34] Это лишь отдельные и, как говорят, рядовые примеры, а их было сотни.

Железнодорожники не хотели мириться с подобным положением, они стали активнее протестовать и бороться, что нашло отражение и в петиционном движении: с 1912 года оно вновь заметно оживает. Весной 1912 года вдова машиниста, погибшего во время маневров паровоза на станции Красноводск потребовала выплаты пособия, а таксировщик станции Есентуки подал прошение, в котором протестовал против незаконного увольнения со службы[35]. Постепенно число таких индивидуальных жалоб и заявлений сокращается, но резко возрастает количество коллективных петиций по крупным вопросам жизни и труда железнодорожников. Перелом в этом отношении наиболее четко определился после ленских событий, в мае — июне 1912 года. Все больше менялся характер и форма петиций, от прошений и нередко унизительных ходатайств железнодорожники все чаще начинают переходить к требованиям и добиваться улучшения условий труда и жизни.

Большевики, преодолевая тлетворное влияние меньшевиков-ликвидаторов и эсеров, терпеливо и последовательно учили рабочих и служащих сочетать борьбу за мелкие местные уступки с общими вопросами революционного движения, призывали железнодорожников к единству и совместным действиям. Меньшевики, наоборот, отстаивали правомерность узкой профессиональной борьбы. Но жизнь брала свое. Железнодорожники все больше убеждались в правоте политики большевистской партии. В мае 1912 года кондукторы товарных бригад Южной дороги твердо заявили свой протест по поводу невыдачи премий[36]. В июне осмотрщики вагонов станции Ховрино

Николаевской дороги потребовали введение 3-сменного дежурства[37]. В августе рабочие главных мастерских Екатерининской дороги в городе Екатеринославе выступили против снижения расценок[38]. В октябре железнодорожники станции Сорочинской Ташкентской дороги подали петицию на имя администрации, в которой требовали пресечения незаконных действий местного начальника станции и дорожного мастера. И подобных примеров было сотни и тысячи. Железнодорожники и в последующие годы пытались использовать петиционное движение в общей борьбе против царизма и империалистической буржуазии. Постепенно опыт жизни и разъяснительная работа большевиков показали рабочим и служащим второстепенный подчиненный характер этой пассивной формы рабочего движения. Петиционное движение стало заметно спадать, уступая место стачкам, волнениям, сходкам и другим более высоким формам активной открытой революционной борьбы, но все же петиции продолжали бытовать среди железнодорожников вплоть до начала первой мировой войны, больше ими увлекались служащие[39].

Следовательно, петиционное движение железнодорожников России в годы нового революционного подъема являлось значале одной из распространенных форм борьбы. Оно возникло на транспорте несколько раньше, чем в других отраслях экономики, прошло ряд стадий развития и заняло затем второстепенное положение в растущем рабочем движении работников железнодорожного транспорта.

В 1910—1914 годах развивалось и кооперативное движение железнодорожников, совершенствовали свою работу уже действующие и открывались новые страховые кассы, общества взаимопомощи, просветительные организации, собрания библиотеки и т. д. Наиболее успешно было поставлено дело в этом отношении на Рязано-Уральской, Риго-Орловской, северо-западной, Средне-Азиатской, Либаво-Роменской, южных железных дорогах[40]. В 1913 году открылось новое «Общество вспомоществования при управлении Забайкальской дороги»[41], аналогичные организации появлялись и на нескольких других магистралях. Большевики широко и умело использовали эти легальные организации для сплочения и политического просвещения рабочих и служащих. Но им мешали меньшевики. Нужно также признать, что царизм и железнодорожные монополии сумели привить определенной части железнодорожников — машинистам, кондукторам пассажирских поездов, станционным служащим — повышенный, а говоря классовым языкам, нездоровый интерес к некоторым формам кооперативного движения. Социальная политика обработки железнодорожников принесла определенные плоды, особенно в среде средних слоев железнодорожных служащих, которые и в 1910—1914 годах большую часть своих усилий сосредоточивали на работе ссудно-сберегательных касс, обществ взаимопомощи и т. д.

В этих своеобразных организациях, имевших лишь отдаленное отношение к кооперативному движению, хотя силы реакции настойчиво твердили об этом, железнодорожные служащие все больше и дальше переходили на рельсы реформизма и синдикализма, отходили от пролетарских слоев работников железнодорожного транспорта, мешали и тормозили общий процесс оживления и развития революционного движения всех железнодорожников. Число ссудно-сберегательных касс на железных дорогах России было весьма солидным. На 38 железных дорогах общего и 17 местного значения к концу 1913 года их насчитывалось 119[42]. Причем в текущем году такие кассы открылись: на Николаевской, Забайкальской и Рязано-Уральской дорогах по одной, на Ташкентской дороге — две, а также еще две для служащих в канцеляриях Воронежского и Самарского железнодорожных узлов[43]. Все эти организации были рассадником оппортунизма среди железнодорожников. Больше того, ссудно-сберегательные кассы средних и высших служащих неотвратимо сползали на открыто реакционные позиции.

Большевики разъясняли железнодорожникам псевдокооперативный характер ссудно-сберегательных касс, разоблачали их как тонкую подделку буржуазии в их разнообразной социальной среде, призывали объединяться рабочих и низших служащих в истинно пролетарские кооперативы. Меньшевики, наоборот, всячески защищали ссудно-сберегательные кассы.

Несмотря на эти теневые моменты, кооперативное движение на железных дорогах России прогрессировало, развиваясь в основном под сильным влиянием большевиков, хотя и здесь имелись свои трудности и недостатки. Так, более успешно шло дело на государственных железных дорогах: в 1913 году из 105 кооперативных организаций различного просветительного характера 90 действовало на этих магистралях и лишь 15 — на частных дорогах[44]. В рассматриваемое время в России было 23 государственных и 15 частных магистралей[45], т. е. на каждую государственную дорогу в среднем приходилось почти 4 организации названного типа, а на частных всего одна. Кроме того, действовало еще около 32 потребительских обществ и 8 «обществ взаимного вспоможения» служащих, а также 11 прочих организаций: кассы взаимопомощи, похоронные кассы и т. д.[46].

Значительно медленее восстанавливались и налаживали свою работу отдельные профсоюзные организации железнодорожников. В этом отношении они намного отставали от передовых отрядов фабрично-заводского пролетариата, в среде которых большевики, руководствуясь решениями Пражской конференции, развернули большую и успешную работу по дальнейшему развитию профсоюзного движения. Меньшевики-ликвидаторы, считавшие, что после установления столыпинского режима и созыва Государственной думы Россия вступила на

путь «европеизации», стремились приостановить революционную борьбу и подменить ее петиционной кампанией под лозунгом «Свобода коалиций». Меньшевики-ликвидаторы и Л. Троцкий стали призывать рабочих подписать «петиции» на имя Государственной думы с просьбой отменить ограничения по отношению к профсоюзам, разрешить «законные» забастовки и т. д.

«Петиционная кампания» меньшевиков и троцкистов не нашла поддержки в рабочем классе, так как была искусственно выдумана оппортунистической интеллигенцией без всякого учета реальной обстановки в стране и совершенно не отвечала запросам и интересам рабочих. Подавляющее большинство пролетариата с негодованием отвергло меньшевистскую оппортунистическую тактику и продолжало под руководством большевистской партии революционную борьбу, умело используя в ее целях и профсоюзы. «В 1910 году,— писал В. И. Ленин,— начали группки интеллигентов кампанию *петиций* за свободу союзов. Это была *выдуманная* кампания. Рабочие массы остались равнодушны. Нельзя зажечь этой пустой затеей пролетариат. Либералам пристало верить в политические реформы *при* царском самодержавии. Рабочие видели сразу фальшь затеи и остались глухи»[47].

Подъем рабочего движения и активизация деятельности большевистских партийных организаций вызвали оживление профсоюзного движения в России. На фабриках и заводах под руководством большевиков из передовых рабочих создавались профсоюзные организации и ячейки. Наряду с легальными профсоюзами действовали и нелегальные. В. И. Ленин и ЦК партии направили для работы в профсоюзах ряд видных большевистских деятелей: А. А. Андреева, М. И. Калинина, Н. М. Шверника, М. Ф. Шкирятова и многих других. Для подготовки и воспитания кадров профсоюзных работников большевики использовали рабочие клубы, курсы и кружки, связываясь через них с рабочими массами.

Наиболее крупными и жизнедеятельными в годы нового революционного подъема были профсоюзы металлистов, текстильщиков, нефтепромышленных рабочих[48]. Особенно выделялись своей организованностью и успехами в развитии рабочего движения металлисты, которые, по мнению В. И. Ленина, являлись в рассматриваемое время самыми развитыми и передовыми рабочими не только в Петербурге, но и во всей стране, и даже во всем мире[49]. К ним все больше подтягивались текстильщики, передовая часть которых объединялась в двух профсоюзах: «Союзе мануфактуристов» в Москве и «Профессиональном обществе рабочих и работниц на обработке волокнистых веществ Северного промышленного района» в Петербурге[50].

После ленских событий деятельность профсоюзов еще больше окрепла, развернулась, профсоюзное движение в целом

шагнуло вперед. Если в 1909 году в России насчитывалось всего 63 профсоюза, объединявших около 16 тыс. человек, в 1913 году — 119 профсоюзов, в которые входило около 43 тыс. членов[51], т. е. число организаций увеличилось почти вдвое, а количество их участников почти в три раза, что убедительно свидетельствовало о значительных количественных и качественных достижениях всего рабочего движения страны.

Профсоюзы под руководством большевиков вели большую организаторскую и просветительную работу, руководили стачечной борьбой рабочего класса, связывали большевистскую партию с передовыми рабочими и трудящимися массами России. Значение их в общей революционной борьбе было велико.

Однако среди железнодорожников России профсоюзное движение оставалось весьма незначительным. Всероссийский железнодорожный союз был разгромлен еще в конце столыпинской реакции, его руководящий орган — Центральное бюро — полностью прекратил свою деятельность, местные организации погибли под ударами полиции и провокаторов. Говоря о нелегкой судьбе ВЖС, необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что во многом в его развале повинны меньшевики и эсеры, в руках которых находилось ЦБ, руководство дорожными организациями, многие местные ячейки и группы. Ошибочность оппортунистов в самом подходе к профсоюзному движению, неизженность их тактических установок, неумение понять интересы рабочих — привели ВЖС к краху и существенным образом тормозили и затрудняли возрождение и развитие профсоюза железнодорожников. Чрезвычайно узкой оказалась социальная база ВЖС, эсеро-меньшевистские лидеры которого еще в 1905 году все сделали для того, чтобы расколоть рабочих от служащих и объединить в своих рядах главным образом средние слои железнодорожных служащих и небольшую часть высокооплачиваемых рабочих — машинистов, особенно пассажирских поездов, кондукторов и т. п. В годы столыпинской реакции железнодорожники этих категорий отошли от революционной борьбы, что еще больше ускорило распад ВЖС. В годы нового революционного подъема они также остались глухими к революционной борьбе, усиленно увлекаясь, как было показано выше, деятельностью ссудно-сберегательных касс, просветительных обществ, собраний и т. п.

Большевикам приходилось работать в чрезвычайно трудных и сложных условиях: давала знать о себе социальная структура железнодорожников, растущий оппортунизм средних служащих, тлетворное влияние меньшевиков-ликвидаторов, неусыпное око полиции, которая по-прежнему самым внимательным образом следила в масштабах всей страны и каждой дороги в отдельности за политической благонадежностью железнодорожников. Ежемесячно губернские управления полиции и жандармерии давали в центр сводки о настроении железнодо-

рожников. Один из главнейших пунктов довольно подробных отчетов непосредственно касался ВЖС. Царизм и железнодорожные монополии со страхом ожидали возрождения на местах его организации и не переставали требовать точной информации о состоянии дел в этом отношении. В главном жандармском управлении и в губерниях действовали специальные железнодорожные отделы[52], ведавшие борьбой с рабочим движением железнодорожников.

Однако опасение реакции насчет ВЖС, по нашему мнению, было если не беспочвенным, то безусловно завышенным. Меньшевики и эсеры не имели объективных условий и субъективных возможностей для восстановления ВЖС с размахом и силой 1905 года. Причины, о которых говорилось выше, обуславливали появление или малочисленного профсоюза служащих, под руководством меньшевиков и эсеров, или развитие профсоюзного движения рабочих и низших служащих под руководством большевистской партии. Царизм и железнодорожные монополии, напуганные ВЖС в 1905 году, и в годы нового революционного подъема явно переоценивали значение предполагаемого возрождения ВЖС.

Большевики, умело использовав этот просчет реакции, развернули активную деятельность по сплочению и развитию профсоюзного движения железнодорожных рабочих и низших служащих. Но дело подвигалось вначале очень медленно, далеко не так как среди фабрично-заводских рабочих. Все более явственно проявлялось и другое его отличие: если профсоюзы промышленного пролетариата быстрее восстановили свои силы и пошли вперед в первую очередь в Петербурге, Москве и других крупных индустриальных центрах, то профсоюзы железнодорожников вначале ожили на периферии, в небольших городах и крупных железнодорожных станциях.

Обычно костяком возрождающихся организаций и профсоюзных ячеек были рабочие депо и мастерских. Первые отдельные профсоюзные организации и инициативные группы стали возникать лишь в 1912 году. В феврале была восстановлена профсоюзная организация железнодорожников в Ташкенте, 20 апреля состоялось организационное собрание рабочих депо станции Туркестан, на котором было решено создать профсоюзную ячейку, установить связь с рабочими организациями других железных дорог и готовиться к стачке[53]. Весной 1912 года несколько железнодорожников города Курска, состоявшие раньше в ВЖС, вновь объединились, стремясь организовать профсоюзную группу[54]. Тогда же возобновил свою работу профсоюз железнодорожников города Витебска, но дела его шли очень вяло[55].

Необходимо подчеркнуть, что профсоюзное движение железнодорожников в рассматриваемое время носило локальный местный характер, объединяя в группах и ячейках передовых

рабочих и низших служащих отдельных железнодорожных узлов и станций. Довольно редкими были случаи, когда профсоюзные организации координировали свою деятельность в масштабе всей дороги. Но все же они были. Наиболее успешно развивалось профсоюзное движение на Северо-Западной железной дороге, где успешно действовал «союз железнодорожников и телеграфистов»[56]. Летом 1912 года была предпринята попытка восстановить профсоюз железнодорожников на Уссурийской железной дороге, для чего была избрана специальная инициативная группа[57].

Все больше овладевала передовыми рабочими и служащими идея сплочения в профсоюзы и в некоторых крупных городах страны. В конце 1911 года полиция сообщала из Н. Новгорода, что здесь пока нет профсоюза, но настроение среди железнодорожников неуклонно поднимается, профсоюзные организации могут появиться в любое время[58]. Летом 1912 года стали возникать профсоюзные группы и ячейки в Москве. Наиболее активно было поставлено дело на Московско-Брестской дороге[59].

Однако в целом профсоюзное движение железнодорожников России не получило широкого размаха в годы нового революционного подъема и было в силу ряда причин, о которых уже говорилось выше, значительно слабее, чем в 1905 году, когда профсоюз железнодорожников был одним из самых крупных и активных в России. Мы считаем, что это, однако, не дает основания совершенно сбрасывать со счета профсоюзное движение железнодорожников в 1910—1914 годах, как это трактуется в нашей исторической литературе, когда даже в специальных работах, учебниках и сборниках документов по продвижению о нем абсолютно ничего не говорится[60].

Несколько позже и медленнее, чем фабрично-заводские рабочие, втягивались железнодорожники и в стачечное движение, которое постепенно становилось главной и ведущей формой рабочего движения. Забастовки среди железнодорожников начались лишь поздней осенью 1910 года, когда произошло несколько отдельных выступлений рабочих. Так, 31 октября 1910 года сто железнодорожников станции Пенза-2, среди которых было много строительных рабочих, начали стачку, добиваясь повышения зарплаты. Выступление было заранее подготовлено, им руководил рабочий Шабалин. Хозяева Сызрано-Вяземской дороги с помощью полиции подавили стачку. Шабалин был арестован[61]. Но брожение железнодорожников не прекратилось. Они снова стали готовиться к стачке, теперь уже не на одной станции Пенза, а на всей дороге. Движение возглавил контролер-механик Царевский, на местах у него были помощники: на станции Адикаевка — телеграфист Соловцев, на станций Воейково — рабочий Макаров, в Пензе — телеграфист Лазарев. Охранному отделению удалось заранее узнать о

готовившемся выступлении, выявить и арестовать его организаторов и сорвать стачку[62].

В декабре 1910 года прекратили работу семнадцать ремонтных рабочих 12-го участка службы пути у станции Бурятская Забайкальской железной дороги. Они также требовали повышения зарплаты. Администрация же наотрез отказалась даже вступать в переговоры со стачечниками, и всех их уволили[63]. В Самаре железнодорожники в конце 1910 года поднялись на стачку и потребовали повышения расценок и ликвидации сверхурочных работ. Забастовка закончилась поражением[64]. Аналогичные выступления имели место и на других дорогах[65]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в первых экономических стачках оборонительного характера больше и активнее участвовали железнодорожники низшей квалификации: службы пути, строительные и ремонтные рабочие, которые особенно остро ощущали тяготы материального положения и политическое бесправие. Вместе с тем они меньше пострадали от репрессий контрреволюции в годы реакции и вот сейчас, в период оживления революционной борьбы, первыми ринулись против гнета царизма и империализма.

В следующем, 1911 году, отмечал В. И. Ленин, начался «медленный переход в *наступление* со стороны рабочих масс»[66]. Наступление проявлялось в нескольких количественных и качественных факторах и явлениях. О возрастающем наступательном духе забастовок убедительно говорило увеличение числа стачек и их продолжительность, боевитость требований рабочих, нередко выступления заканчивались победой бастующих. Ведущая роль в стачечном движении принадлежала металлистам. Наступательному характеру их стачек благоприятствовал кадровый состав и высокая концентрация рабочих на предприятиях металлообрабатывающей промышленности. Большевистское руководство способствовало организованности и упорству борьбы.

На железнодорожном транспорте в рассматриваемое время сложилась иная обстановка. Вследствие чего железнодорожники в 1911 году слабо участвовали в забастовочной борьбе. Лишь на отдельных железных дорогах произошли небольшие выступления[67]. В целом, 1911 год можно отметить как время брожения и приближения железнодорожников к новому революционному подъему.

Резко изменилось положение после Ленского расстрела, который, указывал В. И. Ленин, «явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»[68]. На железнодорожном транспорте этот переход осуществился особенно резким рывком, характеризующимся значительными количественными и качественными сдвигами. Если в 1911 году наблюдались отдельные экономические стачки в основном линейных рабочих на некоторых железных дорогах, то

в 1912 году развернулись массовые экономические и политические стачки, митинги, сходки и сборы средств для пострадавших на Ленских приисках. Попытаемся проанализировать важнейшие аспекты этого процесса.

В организации и распространении идей борьбы и протеста в масштабах всей России в связи с ленскими событиями большую роль сыграла социал-демократическая фракция в Думе. Большевикам удалось повести за собой рабочих депутатов и трудовиков. В запросе о Ленском расстреле, ставшем широко известным в стране, социал-демократическая фракция отмечала: «Кровавая Ленская трагедия является одним из наиболее ярких выражений общей правительственной политики, политики наступления на рабочий класс»[69].

Социал-демократическая фракция не ограничилась запросом. Расширяя свою деятельность в этом направлении, она вместе с трудовиками внесла в Думу законодательное предложение об ассигновании из средств Государственного казначейства особого кредита на «вознаграждение рабочих, служащих и их семей, пострадавших на Ленских приисках 4 апреля 1912 года»[70]. Правые силы Думы при открытой поддержке царского правительства обрушились на большевиков, социал-демократическую фракцию и трудовиков. Их законодательное предложение не было рассмотрено реакционной Думой, что еще раз показало пролетариату, железнодорожникам и всем трудящимся России истинное лицо Думы и способствовало дальнейшему росту революционного движения в стране.

Первыми в России на новое чудовищное злодеяние царизма гневно откликнулись пролетарии столицы. Весть о расстреле рабочих на Ленских приисках получили в Петербурге 7 апреля 1912 года. На следующий день газета «Звезда» вышла в траурной рамке и почти вся была посвящена ленским событиям[71]. Большевистские комитеты и группы на заводах и фабриках, в железнодорожных мастерских и депо развернули кипучую деятельность среди рабочих и железнодорожников по разъяснению очередного злодеяния царизма и империалистической буржуазии, по организации широкого движения протеста. 15 апреля в Петербурге прошла мощная демонстрация протеста рабочих и студентов, которая была разогнана крупными полицейскими силами. Вместе с митингами и демонстрациями протеста рабочие и железнодорожники начали стачечную борьбу. Впереди шли металлисты. С 14 по 22 апреля в столице бастовало 400 фабрик, заводов и мастерских, в борьбе активно участвовало около 140 тыс. рабочих, т. е. почти 60% всего фабрично-заводского населения Петербурга[72].

Среди железнодорожников столицы наиболее упорная и крупная забастовка произошла на Николаевской дороге, где рабочие и низшие служащие, гневно протестуя против Ленского расстрела, поднялись на борьбу за улучшение своего

материального и правового положения. Необходимо подчеркнуть, что выступление железнодорожников готовилось большевиками уже с зимы 1912 года. Полиция догадывалась о зреющем событии. Она попыталась устроить в марте 1912 года на работу в железнодорожные мастерские своего осведомителя. Но его быстро разоблачили[73]. Обстановка продолжала накаляться. 20 апреля 240 рабочих погрузочного двора потребовали повышения зарплаты. К ним присоединились 260 рабочих выгрузочного двора. Администрация категорически отказала железнодорожникам. 21 апреля началась стачка[74]. К бастующим присоединились некоторые станционные рабочие, сторожа и т. д.[75] Хозяева твердо решили не уступать и 25 апреля уволили 600 забастовщиков[76]. Часть железнодорожников дрогнула, прекратила борьбу и стала просить о приеме на работу, но им отказали. Одновременно среди наиболее активных железнодорожников полицейские провели аресты[77]. Однако и это не сломило боевого духа большинства рабочих — борьба продолжалась. Она слилась с революционными выступлениями всего пролетариата Петербурга.

Быстро нарастали события в Москве. Наивысшего накала они достигли в двадцатых числах апреля. 25 апреля во второй столице состоялась мощная демонстрация. Более тысячи рабочих и железнодорожников с пеннем революционных песен прошли через театральную площадь к Кузнецкому мосту и Петровке, где их встретил сильный полицейский заслон. Демонстрация была рассеяна, 13 человек оказались арестованными. В эти же дни на заводах и фабриках, в железнодорожных мастерских и депо проходили митинги протеста, выносились постановления об отчислениях из зарплаты рабочих и железнодорожников в помощь пострадавшим на Ленских приисках. Особенно напряженная обстановка возникла на Московской станции Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, где железнодорожники начали стачку протеста, но были разогнаны полицией[78]. Брожение среди железнодорожников второй столицы продолжалось. Оно началось еще ранней весной 1912 года. В марте царское правительство попыталось запугать железнодорожников Москвы, организовав суд над членами местного железнодорожного профсоюза, приговорив двух железнодорожников (Хохлова и Исакова) к ссылке на поселение[79]. Но маневр реакции не удался. Железнодорожники вместе с рабочими Москвы продолжали борьбу. Всего в Москве и Московской губернии по официальным данным бастовало в апреле 1912 года в знак протеста против Ленского расстрела 54 тыс. рабочих[80]. 300 фабрик, заводов и железнодорожных мастерских[81].

Стачка протеста в связи со зверской расправой над рабочими Ленских золотых приисков приняла исключительно большой размах по всей России. По приблизительным подсчетам, отмечал В. И. Ленин, в забастовках протеста участвовало до 300

тыс. рабочих[82]. В некоторых районах страны борьба железнодорожников против царизма и империалистической буржуазии началась еще раньше — зимой 1912 года и слилась затем с общим движением рабочего класса. В этом отношении характерна экономическая стачка 270 рабочих депо станции Самара, которые еще 12 февраля 1912 года поднялись на стачку и потребовали повышения расценок. Им отказали. Забастовка продолжалась. Она грозила втянуть в борьбу железнодорожников других профессий. Тогда администрация перешла в наступление: уволила всех забастовщиков и установила в депо и на станции жесткий полицейский режим[83].

Выше отмечалось, что в годы оживления революционного движения в нем наиболе активно участвовали железнодорожники периферии, рабочие и низшие служащие линии и небольших станций. В период нового революционного подъема, как показывает анализ, инициатива вновь перешла в руки железнодорожников Петербурга, Москвы и других ведущих железнодорожных центров России, хотя и ранее названные категории и слои рабочих и служащих также вели упорную борьбу. В сочетании этих двух факторов состояла еще одна из особенностей рабочего движения железнодорожников в рассматриваемое время.

Таковы некоторые важнейшие аспекты и особенности рабочего движения железнодорожников России в 1910—1912 годов.

---

[1] Л. М. Иванов. Некоторые итоги и задачи изучения истории нового революционного подъема (1910—1914 гг.).— Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1965, стр. 9, 11 и др.

[2] Л. И. Лескова. О статистике стачек рабочих Урала в 1910—1914 гг.— «История СССР», 1960, № 4; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ульяновск, 1964; История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966 и др.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 11.

[4] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910—1911 гг., стр. 10.

[5] «Социал-демократ», 24 января 1910 года.

[6] Г. А. Арутюнов. Распространение «Социал-демократа» и «Рабочей газеты» в России в 1910—1912 гг. Сб. Рабочая печать. Материалы к сессии, посвященной 50-летию «Правды» и ленской стачке. М., 1962, стр. 19.

[7] ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1910 г., д. 5, ч. 51, «Б», лл. 3, 4, 4 об.; «Рабочая газета», 30 октября 1910 года. «Тифлисский пролетариат», 5 января 1910 года и т. д.

[8] «Речь», 1 января 1910 года.

[9] В. М. Злобина. Большевики во главе массовых политических стачек в годы нового революционного подъема. М., 1960, стр. 4—5; Л. В. Метелица. А. Л. Угрюмов. Большевики во главе нового революционного подъема. М., 1963, стр. 9—11 и др.

[10] Первое Мая в царской России. 1890—1916 гг. Сборник документов М., 1939, стр. 206.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

[12] Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в России в 1910—1912 гг. (до ленских событий).— Рабочий класс и рабочее движение в России, стр. 243.

[12] Г. А. Арутюнов. Рабочее движение в России в 1910—1912 гг. (до ленских событий).— Рабочий класс и рабочее движение в России, стр. 244—245.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 38.
[15] Рабочее движение на Украине в годы нового революционного подъема. Киев, 1959, стр. 11.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 31—32.
[17] Там же, стр. 74.
[18] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1. М., 1954, стр. 267
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.
[20] «Звезда», 30 апреля 1911 года.
[21] «Звезда», 30 апреля 1911 года.
[22] Г. А. Арутюнов. Указ. работа, стр. 249.
[23] Там же.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.
[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.
[27] Об этом уже конкретно говорилось в начале данной статьи.
[28] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 1083, лл. 1—3.
[29] Там же, д. 1092, лл. 6—9.
[30] АМКЖД, д. 4020, л. 17.
[31] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 1190, лл. 1—3.
[32] ЦГИАЛ, ф. 269, оп. 1, д. 52, лл. 157, 204, 224.
[33] Там же, лл. 8, 8 об., 10, 237.
[34] Там же, лл. 44, 47, 232, 233.
[35] ЦГИАЛ, ф. 269, оп. 2, д. 55, лл. 11, 43.
[36] Там же, д. 1323, л. 1.
[37] Там же, л. 4.
[38] Там же, л. 6.
[39] ЦГИАЛ, ф. 269, оп. 2, д. 161, лл. 8, 10, 17 и др.
[40] Там же, ф. 273, оп. 12, д. 716, лл. 15, 16 об., 17, 20, 24, 25.
[41] Всеподданнейший отчет о деятельности МПС за 1913 г., стр. 131.
[42] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 49, л. 71.
[43] Всеподданнейший отчет о деятельности МПС за 1913 г., стр. 130—131.
[44] Всеподданнейший отчет о деятельности МПС за 1913 г., стр. 131.
[45] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 49, л. 71.
[46] Всеподданнейший отчет о деятельности МПС за 1913 г., стр. 131.
[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 10.
[48] История профдвижения в СССР, стр. 79.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 100.
[50] История профдвижения в СССР, стр. 80.
[51] Там же, стр. 79.
[52] ЦГАОР, ф. 102, оп. 242, 1912 г., д. 3, ч. 57, лл. 2—3, 4.
[53] ЦГАОР, ф. 102, оп. 242, 1912 г., д. 120, «Б», л. 5.
[54] Там же, д. 3 г. 38 л., «В», л. 20.
[55] Там же, д. 3 г., 110, л. «Б», л. 32.
[56] ЦГАОР, ф. 102, оп. 242, 1912 г., д. 3 г., 57, л. 2.
[57] Из истории организаций КПСС на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1962, стр. 17.
[58] ГАГО, ф. 916, оп. 1, д. 96, л. 1.
[59] ЦГАОР, ф. 102, оп. 242, 1912, г., д. 3, ч. 57, л. 1.
[60] История профдвижения в СССР. М. 1961, стр. 73—90; Профсоюзы СССР. Документы и материалы, т. 1. М., 1963, стр. 243—315 и др.
[61] Из истории партийных организаций Поволжья. Волгоград, 1967, стр. 12.
[62] Там же, стр. 13.
[63] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 1087, лл. 3—4.
[64] Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1960, стр. 132.
[65] АМКЖД, д. 4017, лл. 1—3.
[66] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

[67] АМКЖД, д. 4018, лл. 11, 17, 21.
[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.
[69] ЦГИАЛ, ф. 1278, д. 2796, л. 346.
[70] Там же, ф. 118, д. 4473, л. 1.
[71] «Звезда», 8 апреля 1912 года.
[72] «Правда», 7 мая 1912 года.
[73] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 282, л. 61.
[74] «Правда», 5 мая 1912 года.
[75] «Живое дело», газета от 25 апреля 1912 года.
[76] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 282, л. 99.
[77] «Правда», 9 мая 1912 года.
[78] «Правда», 16 мая 1912 года.
[79] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 282, л. 63.
[80] «Правда», 16 мая 1912 года.
[81] Ф. Александров. В годы революционного подъема. М., 1960, стр. 74.
[82] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 342.
[83] ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 282, л. 51.

И. И. ФИРСТОВ

УДОБРЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПОРЕФОРМЕННОЙ МОРДОВИИ

Главной задачей земледелия является поддержание и прогрессивное повышение плодородия почвы. Наиболее важная мера воздействия на почвенное плодородие состоит в достаточном внесении в почву удобрений.

Правильное и достаточное внесение удобрений способствует повышению урожайности сельскохозяйственных культур. В урожайности, как подчеркивал В. И. Ленин, суммируются все различия в хозяйственной организации, в технике, в приёмах обработки почвы, в качестве скота, в удобрении почвы и т. д.[1]. Вопрос об удобрении полей в пореформенной Мордовии впервые был затронут в работе профессора Г. Г. Данилова «Из истории земледелия в Мордовии» (Саранск, 1964).

В этой работе имеется специальный параграф «Удобрения» (стр. 36—42). Но вопрос об удобрении рассматривается в книге только с агротехнической стороны.

В экономической и исторической литературе по Мордовии периода капитализма вопрос об удобрении совершенно не рассматривался.

Наша работа является первой попыткой изучения вопроса об удобрении крестьянских полей в историко-экономическом плане.

Мы поставили перед собой задачу показать степень удобряемых земель крестьянами в связи с размерами их хозяйства, формирование экономических и агрикультурных типов в деревне, возникновение различий в системе и способах ведения земледелия.

* * *

Основным удобрением земли в пореформенном крестьянском хозяйстве Мордовии являлся навоз, получаемый от домашних животных. Минеральные удобрения стали вноситься в землю лишь после столыпинской аграрной реформы, но в очень малых размерах и лишь в некоторых кулацких хуторских и отрубных хозяйствах. «Главное и почти единственное удобрительное средство в большей части губернии,— писал земский обследователь Нижегородской губернии,—есть удобрение навозное»[2]. Земский статистик Н. С. Дудин подчеркивал, что удобрительным средством в Темниковском уезде «является исключительно навоз, запасы которого накопляются в собственном хозяйстве, в хлевах, на дворах»[3]. В отчете Инсарского уездного исправника за 1912 год указывалось, что за последнее время крестьяне начали больше вводить удобрение полей, исключительно навозное[4]. Подобные же свидетельства мы встречаем и по другим уездам Мордовии[5].

Наличие навозного удобрения является одним из условий расширенного земледелия. Количество навозного удобрения теснейшим образом связано с хозяйственной состоятельностью крестьянского двора и в первую очередь с развитием скотоводства. К. Маркс подчеркивал, что «скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения»[6].

Однако скот в различных местностях и хозяйствах играет совершенно различную роль. В прибалтийских, западных, северных, промышленных и отчасти некоторых центральных губерниях разведение крупного рогатого скота имеет молочно-хозяйственное направление, на крайнем юге и юго-востоке — нагульно-мясное направление, в северных районах — рогатый скот применяется как рабочая тягловая сила, а в средней черноземной полосе, куда входила основная часть территории Мордовии, он «держится преимущественно для производства навоза»[7].

В. И. Ленин отмечал, что «в зависимости от количества и качества скота находится так же уход за землёй, в частности удобрение её»[8].

Подобную же зависимость между размером скотоводства и количеством навозного удобрения заметили официальные и земские обследователи губерний, из уездов которых составилась Мордовия. Так, ещё в 60-х годах XIX века полковник А. Липинский, обследовавший Симбирскую губернию, писал, что «при настоящем состоянии скотоводства думать о введении правильного удобрения невозможно, потому что навоза от настоящего количества скота слишком недостаточно»[9]. «Об удобрении пашни, — подчеркивал Пензенский губернатор в своём отчете за 1876 год,— не может быть и речи, так как в большей части имений совсем нет скотоводства, а навоза с крестьянских дворов едва достаёт на удобрение их собственных конопляников и огородов, остатки же навоза крестьяне везут на свои поля, которые стали удабриваться с тех пор как поделились между отдельными домохозяйствами на продолжительные сроки»[10]. Земский обследователь 90-х годов XIX века по Нижегородской губернии заключал, что «размеры удобрительных средств, идущих на крестьянскую пашню, повсеместно находятся в зависимости от размеров крестьянского скотоводства»[11]. В подворном

обследовании 1882 года земский статистик Темниковского уезда отмечал, что «количество удобрения, получаемого крестьянскими пашнями в уезде, прямо зависит от размеров крестьянского скотоводства»[12].

Крестьянское скотоводство в пореформенной Мордовии было развито слабо, причем по некоторым видам скота наблюдается резкое количественное сокращение[13]. По подсчету И. Вильсона, для удобрения одной десятины пара необходимо в хозяйстве иметь 6 голов скота[14].

Таблица 1

Доля пара на одну голову скота в уездах Мордовии[15]

Уезды	Всего скота (голов)	Всего пара (дес.)	На 1 дес. пара приходилось скота (голов)
Ардатовский	172403	57679	3,0
Инсарский	250584	58825	4,4
Краснослободский	194853	64157	3,0
Наровчатский	147266	42348	3,5
Саранский	128337	38483	3,3
Спасский	148775	41158	3,6
Темниковский	152065	30665	5,0
Итого по Мордовии	1194283	333315	3,6

Следовательно, скота для получения навозного удобрения у крестьянства Мордовии было совершенно недостаточно.

Важное значение имеет определение возможного производства навозного удобрения в пореформенном крестьянском хозяйстве Мордовии. В оценочном обследовании 1899 года в Темниковском уезде навозный скоп определен в 14 возов по 18 пудов в каждом, т. е. 252 пуда с каждой головы крупного скота (взрослая лошадь даёт 12 возов, корова —15,5 воза)[16]. По Спасскому уезду годовой скоп навоза определен в 300 пудов[17]. В подворной переписи 1911 года по Ардатовскому уезду скоп навоза принят в 13,3 воза по 20 пудов, т. е. 266 пудов с каждой головы крупного скота[18]. В оценочном обследовании конца XIX века скоп навоза с каждой головы крупного (условного) скота определен: в Лукояновском уезде 16 возов по 25 пудов, т. е. 400 пудов, в Сергачском —15,7 воза, или 392,5 пуда, в целом по Нижегородской губернии —20 возов, или 500 пудов[19].

Скоп навоза с одной головы крупного (условного) скота в Мордовии можно определить в среднем в 14 возов по 20 пудов каждый, т. е. в 280 пудов.

Производство навоза в крестьянских хозяйствах Мордовии в начале XX века увеличилось. Если в 1900 году средний скоп навоза составил 5860378 возов, или 117,3 млн. пудов, то в 1911—1912 годы — 7383194 воза или 147,7 млн. пудов, а в 1917 году — 7777420 возов, или 155,5 млн. пудов (табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовое производство навоза в уездах Мордовии[20]

Уезды	Год обследования	Всего голов скота в переводе на крупный	Возможный скоп навоза с 1 головы	Общий скоп навоза: возов	Общий скоп навоза: пудов
Ардатовский	1900	69127	Средний скот навоза с каждой условной головы крупного скота 14 возов или 280 пудов	867778	17355560
	1911	82905		1160670	23213400
	1917	93425		1307950	26159000
Инсарский	1900	82115		1149610	22992200
	1911	89128		1227792	24555840
	1917	96932		1357048	27140960
Краснослободский	1900	65250		943500	18870000
	1911	90766		1270724	2541480
	1917	94329		1321606	26432120
Наровчатский	1900	45944		643216	12864320
	1911	60136		841972	16835440
	1917	53662		751268	15025360
Саранский	1900	51799		725186	14503920
	1911	63996		895944	17918880
	1917	71293		998102	19962040
Спасский	1882	57010		793140	15862800
	1900	50788		711032	14220640
	1912	65440		916160	18323200
	1917	65155		912170	18243400
Темниковский	1882	62191		870674	1741380
	1900	54004		756056	15121120
	1912	74998		1049972	20999440
	1917	80734		1130276	22605520
	1911—1912	527371		5866378	117327560
	1917	555530		7383194	147663880
Итого по Мордовии	1900	419027		7777420	155548400

Примечание: Перевод на условный крупный скот произведен по расчету: рабочая лошадь и корова = 1; жеребята и телята = $^1/_2$, мелкий скот (овцы и свиньи) = $^1/_{10}$.

Но в конце XIX века происходил обратный процесс: скоп навоза сокращался. В 1882 году навоза производилось в Темниковском уезде 870674 воза, в Спасском — 793140 возов, к 1900 году скоп навоза сократился: в первом уезде на 114618 возов (или на 15,2%), во втором — на 82108 воза (на 11,5%). Скоп навоза зависел не только от количества, но и от качества скота. Крестьянская буржуазия имела, как правило, не только больше голов скота, но и лучшего качества. В. И. Ленин подчёркивал, что «полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и

держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может»[21].

Следовательно, производство навоза по социальным группам крестьянства было совершенно различно (табл. 3).

Количество навозного удобрения находилось в прямой зависимости от состоятельности крестьянского двора. Чем состоятельнее двор, тем больший запас навоза он имел.

Если в группе крестьянской бедноты запас навоза на двор составлял 434,6 пуда, то в группе крестьянской буржуазии — 2094,4 пуда, или в 4,6 раза больше. Особенно большая разница была между крайними посевными группами. В первой посевной группе на двор приходилось навоза в 58,5 раза меньше, чем в последней, самой высшей.

Чем беднее крестьянский двор, тем меньше скопа навоза давала голова скота. В группе крестьянской бедноты одна голова скота давала в год 224 пуда навоза, а в группе крестьянской буржуазии —308 пудов (в 1,4 раза больше).

«Потребность в значительном количестве навоза,— писал исследователь Симбирской губернии полковник А. Липинский,— заставляет крестьян прибегать к искусственному его приготовлению: подстилка бросается под скот на дворе, наполненном обыкновенно лужами от скота, служит не столько для удобства отдохновения скоту, сколько для увеличения навоза и составляет, с другой стороны, одну из причин той неприятности, в котором скот содержится в деревнях»[23].

Навоз обыкновенно складывался во дворе в большие кучи, специальных навозохранилищ у крестьян Мордовии не было, не практиковалось и компостирование навоза. Земский обследователь Темниковского уезда отмечал, что для сохранения навоза «никаких мер не принимается»[24].

Однако не всегда весь скоп навоза шел на удобрение полей. Иногда крестьяне вынуждены были употреблять солому и навоз на отопление и даже продавать навоз. Но в нечерноземных уездах, где без навозного удобрения невозможно получить удовлетворительных урожаев, солома и навоз на отопление почти не употреблялись. Земский обследователь Темниковского уезда писал, что «каждый домохозяин вывозит ежегодно со своего двора весь навоз сколько его накопится... крестьяне соломы и навоза на отопление почти не употребляют, за исключением самых бедных»[25]. «Вследствие скудости почв,— подчеркивал земский обследователь Спасского уезда,— здесь везде у крестьян давний обычай удобрять поля навозом. Весь навоз со дворов ежегодно вывозится»[26].

В черноземных уездах значительное количество навоза шло на отопление. В некоторых случаях навоз даже сваливали в овраги, на улицы, на берега рек и т. п.

По материалам подворной переписи 1911 года весь запас навоза у крестьян Ардатовского уезда составил 1223609 возов. Из

Таблица 3

Производство навоза в Ардатовском уезде по социальным группам крестьянства[22]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Посева на двор	Покоса на двор	Скота на двор (голов в переводе на круп.)	Скоп навоза с головы крупного скота		Скоп навоза на двор, пуд.
					возов	пудов	
Крестьянская беднота	Без посева	—	0,06	0,24	9,6	192	46,0
	С посевом до 1 дес.	0,8	0,12	0,80	10,4	208	166,4
	—»— от 1,01 до 2 дес.	1,5	0,20	1,16	11,2	224	259,8
	—»— от 2,01 до 4 дес.	3,0	0,34	2,09	12,0	240	501,6
	—»— с 4,01 до 6 дес.	4,9	0,44	3,09	13,1	262	809,6
	Итого с посевом до 6 мес.	2,8	0,30	1,94	11,2	224	434,6
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	6,9	0,54	4,04	13,1	262	1058,5
	—»— от 8,01 дес.	8,9	0,64	4,79	13,5	270	1293,3
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	7,6	0,57	4,30	13,3	266	1143,8
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10 до 15 дес.	12,0	0,84	6,11	14,7	294	1706,3
	—»— свыше 15 дес.	20,4	1,22	8,3	16,2	324	2689,2
	Итого с посевом свыше 10 дес.	14,5	0,96	6,8	15,4	308	2094,4
	Всего по уезду	4,6	0,4	2,73	13,3	266	726,2

этого количества 21,6% навоза шло на отопление и другие цели. Причём удельный вес навоза, употребляемого на отопление и другие цели, был совершенно различным по отдельным социальным группам крестьян (табл. 4).

Чем состоятельнее крестьянское хозяйство, тем меньшая доля запаса навоза употреблялась на отопление и другие цели. И, наоборот, чем беднее крестьянский двор, тем большая доля навоза употреблялась не на удобрение полей. Если в группе крестьянской бедноты на отопление и другие нужды употреблялось 29,8% запаса навоза, то в группе крестьянской буржуазии — всего лишь 10,6%, или в 2,8 раза меньше. «Беднота,— подчеркивал В. И. Ленин,— вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.»[27]

Основными покупателями навоза в первые два десятилетия после реформы являлись исключительно помещики. Из Тамбовской губернии сообщали, что «землевладельцы стараются по возможности удобрять большую часть парового поля и, за недостатком навоза в собственном хозяйстве, нередко даже прикупают его у крестьян», которые «зачастую бывают вынуждены обстоятельствами и его даже или продавать, или употреблять для каких-либо других целей»[28].

Но в конце XIX — начале XX века покупка навоза помещиками у крестьян идет на убыль, и основными покупателями становились деревенские буржуа, кулаки-мироеды.

«Состоятельные крестьяне,— отмечалось в земском обследовании 1882 года по Спасскому уезду,— стараются и прикупить навоза, потому что бедные домохозяйства иногда продают его»[30]. В оценочном обследовании 1899 года указывалось, что в Темниковском уезде «более состоятельные домохозяйства находят выгодным и покупать навоз; покупают у бедных односельцев и сами вывозят его на свои пашни»[31]. Продажа и покупка навоза практиковалась и крестьянами черноземных уездов, правда гораздо в меньшей степени и по более дешевым ценам. Земский обследователь Нижегородской губернии подчеркивал, что «продажа навоза в крестьянском быту производится лишь в незначительных размерах: продают навоз главным образом безхозяйственные дворы, неимеющие запашину, затем только, как исключение, хозяйственные крестьяне некоторых селений юго-восточной части губернии, в которых не применяется еще удобрение полей»[32]. Так по данным подворной переписи 1890 года, состоятельные крестьяне Лукояновского уезда прикупили из других селений 13239 возов навоза, что составляло около 1% к общему запасу, Сергачского уезда — 24955 возов, или 2,5% общего запаса[33].

Земский обследователь Темниковского уезда отмечал, что стоимость навоза зависела как от совокупности общих условий спроса и предложения, так и от интенсивности практикуемого удобрения пашни[34].

Таблица 4

Употребление навоза на удобрение и отопление между крестьянами Ардатовского уезда по социальным группам[29]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Возможный сбор навоза (возов)	Из которого употреблено на:			
			отопление и другие цели		удобрение пара и усадьбы	
			возов	%	возов	%
Крестьянская беднота	Без посева	5425	4936	91,0	489	9,0
	С посевом до 1 дес.	14855	9480	63,8	5375	36,2
	—»— от 1,01 до 2 дес.	67007	35412	52,8	31595	47,2
	—»— от 2,01 до 4 дес.	241565	72443	30,0	169122	70,0
	—»— от 4,01 до 6 дес.	282387	60084	21,3	222303	78,7
	Итого с посевом до 6 дес.	611239	182355	29,8	428884	70,2
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	198835	33960	17,1	164875	82,9
	от 8,01 до 10 дес.	127686	17632	13,8	110054	86,2
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	326521	51592	15,9	274929	84,1
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	173511	18541	10,7	154970	89,3
	—»— свыше 15 дес.	112337	11762	10,5	100575	89,5
	Итого с посевом свыше 10 дес.	285848	30303	10,6	259545	89,4
	Всего	1223608	264250	21,6	959358	78,4

Известно, что наиболее интенсивное удобрение практиковалось в местностях с преобладанием песчаных и серых суглинистых, т. е. самых неплодородных почв. В оценочном обследовании 1899 года по Темниковскому уезду приводятся следующие данные о средних ценах воза навоза в зависимости от интенсивности удобрения[35].

Таблица 5

Почвенные разряды	На 100 дес. запашки навоза (возов)	Число случаев продажи навоза	Средняя цена 1 воза навоза (коп.)
Песчаная	844	24	11,6
Серые суглинки	652	26	11,7
Подзолистые супеси	572	10	9,3
Суглинистый чернозем	457	13	6,5
Итого	698	73	10,4

Чем больше вносилось удобрения в почву, тем выше была стоимость навозного удобрения и, наоборот, чем меньше удабривалась почва, тем ниже стоимость навоза. Если в местностях с преобладанием песчаной и серой суглинистой почвах воз навоза оценивался в среднем по 11,6 коп., то в местностях с преобладанием суглинистого чернозема — всего лишь 6,5 коп., или почти в 1,8 раза дешевле. Средняя цена воза навозного удобрения в уезде составляла 10,4 коп. (при колебании от 3 до 20 коп.).

В Спасском уезде в 80-х годах XIX века воз навоза продавался от 3 до 10 коп. По 3 коп. воз продавался крестьянской беднотой[36]. В конце XIX века навоз продавался в Лукояновском уезде по 5 коп., Сергачском — по 6 коп. воз[37]. Таким образом, крестьянская буржуазия для лучшего удобрения своих полей покупала навоз, а крестьянская беднота была вынуждена продавать навозное удобрение. В. И. Ленин подчеркивал, что продажа навоза является результатом «самой крайней крестьянской нужды»[38].

Крестьянская беднота много теряла также от неудачного времени вывоза навозного удобрения на поля. Навоз на поля вывозился весной, летом и зимой. В нечерноземных уездах навозное удобрение вывозилось главным образом весной или в начале лета, после окончания яровых посевов, и отчасти лишь зимой. В подворном обследовании 1882 года указывалось, что навоз «на паровое поле крестьяне Темниковского уезда вывозят в начале лета, в первой половине июня, по окончании яровых посевов или в промежутках между ранними и поздними из этих посевов. В юго-восточных волостях уезда практикуется отчасти и зимняя вывозка навоза»[39]. Подобное же положение с вывозкой навоза отмечалось и в оценочном обследовании 1899 года[40]. «Навоз,— отмечал земский обследователь Спасского уезда,— обыкновенно вывозится только на паровое поле до первой его вспашки весной, нередко практикуется еще у крестьян уезда вывозка навоза в начале зимы на ту пашню, которая весной засевается просом. Предназначаемый под просо навоз летом преет в кучах на дворах. Под озимый посев зимней вывозки навоза почти никем не практикуется»[41].

В черноземных уездах практиковалась в основном зимняя вывозка навоза. Так, корреспондент Лукояновского уезда Ф. И. Томашевский подчеркивал, что о вывозке навоза крестьяне «мало стараются, вывозят зимой на поле»[42]. Зимняя вывозка навоза практиковалась и в Сергачском уезде[43]. Навоз для зимней вывозки хранился в крестьянских дворах, в кучах, где он прел. Никаких особых навозохранилищ крестьяне не имели При весенней вывозке навоз на некоторое время лежал в небольших кучах на поле, затем разбрасывался и тотчас же запахивался. При зимней вывозке «разбивка навоза производится за день до начала пашни или в самый день её»[44].

Зимняя вывозка крестьянами считалась невыгодной, так как весенняя вода выполаскивала навоз и уносила вещества, необходимые для произрастания растений. В земских обследованиях повсеместно указывалось, что крестьяне считают лучшим «весь навоз вывозить весной и летом»[45]. Крестьяне Спасского уезда высказывали мнение, что «от зимнего навоза только трава растет, весенний сочнее»[46].

Земские обследователи указывали, что зимняя вывозка практиковалась главным образом крестьянской беднотой, потому что она не имела исправных телег, избегала расхода на смазку колёс, не имела «к лету для лошадей ни овса, ни сена, скармливая остатки того и другого во время обработки яровых посевов». К зимней вывозке прибегали и богатые крестьяне, но совершенно по другим причинам. «Богатые,— подчеркивал земский статистик,— вывозят навоза много, потому они практикуют как зимнюю, так и летнюю его вывозку, боясь не успеть вывезти весь запас летом и избегая лишнего расхода на наём лошадей при одновременной вывозке всего запаса»[47].

Распространение зимней вывозки навоза корреспондент Лукояновского уездного земства Ф. Т. Томашевский считал одним из факторов низкого уровня техники крестьянского земледелия[48].

Навозное удобрение полей крестьянами практиковалось издавна. Но гораздо раньше оно практиковалось в нечерноземных местностях.

В подворном обследовании 1882 года указывалось, что удобрение полей навозом «повсеместно практикуется крестьянами Темниковского уезда издавна», так как «без него тощие почвы... уезда дают лишь самые слабые урожаи»[49]. Причем земские статистики отмечали, что «даже безлошадные домохозяева нанимают лошадей, чтобы вывезти хотя бы несколько возов навоза, а

уходящие «на сторону» сдают свои наделы «на года», чтобы арендатор имел расчет применять удобрение»[50].

В оценочном обследовании 1900 года подчеркивалось, что по Спасскому уезду крестьяне как русские, так и мордва «издавна практикуют удобрение полей навозом»[51].

Совершенно другую картину мы наблюдаем в черноземных местностях Мордовии. В конце 60-х годов XIX века Сталь писал, что в плодороднейшей Пензенской губернии «государственные крестьяне, владевшие узкими переделяемыми полосами, вовсе не делают удобрений», а помещичьи крестьяне «удабривают свои поля только там, где наделены постоянными участками», удобрение «введено лишь в некоторых помещичьих хозяйствах, хотя и на незначительном пространстве»[52]. «Несмотря на то,— писал корреспондент Саранского уезда,— что черноземная почва, оставляемая без удобрений, истощилась, до сих пор почти не унаваживают полей, исключая одних конопляников... Крестьянин не заботится здесь об удобрении и свозит навоз не на поля, а в овраги и на берега рек»[53].

Большим тормозом для интенсивности навозного удобрения являлось общинное землевладение с его обязательным трёхпольным севооборотом. По данным поземельной статистики 1877 года, в Мордовии под общинной формой землевладения находилось 94,5%, а на 1 января 1917 года — 90,7% всей надельной удобной земли[54].

Очень яркую характеристику пороков общинного землевладения дал в своей записке помещик Алатырского уезда К. М. Патканов. «Общинное владение,— писал он,— привело крестьянское население к обнищанию со всеми его ужасными последствиями; оно создало застой в хозяйстве и делает немыслимым переход от однокультурного хозяйства к многокультурному или, иными словами, переход от трехпольной системы к многопольной, вследствие чего недороды и голодовки стали обычными явлениями; оно же создало малоземелье, ибо при общинном владении трехполье является неизбежным злом, заставляющим население использовать лишь $^2/_3$ культурной площади и оставлять ежегодно целую треть её вне эксплуатации, что при высоких качествах нашего чернозема следует считать прямо преступлением... При общинном землевладении невозможно применять технические познания»[55].

В пореформенном крестьянском полеводстве Мордовии господствовала трехпольная система, которую В. И. Ленин назвал консервативнейшей системой земледелия[56].

Трехполье создавало исключительную бедность выгонными и пастбищными угодьями, так как они ввиду малоземелья крестьянами распахивались. Исследователь сельского хозяйства Пензенской губернии А. Бурлуцкий отмечал, что при господстве трехпольной системы «удобрение полей играет просто случайную роль (случается нередко, что навоз валят в овраги)»[57].

Паровое поле использовалось крестьянами для пастьбы своего скота, что способствовало поздней вспашке и зимней вывозке навоза, отрицательно сказывающейся на урожайности полей. Причем «мир», «общество» очень строго соблюдало трехпольный севооборот, принудительно заставляя каждого домохозяина производить одновременную вспашку, запрещая поднятие зяби, засевать в яровом поле хлеба, вызревающие слишком поздно, в озимом поле засевать яровых хлебов, исключение «доставляет только тот случай, когда озимое пропадает, тогда на их место разрешается сеять скоровызревающие яровые хлеба»[58].

Земский обследователь Краснослободского уезда в 1911 году отмечал, что при трехпольном севообороте в технике крестьянского полеводства никаких улучшений не допускается[59].

Подобную же картину мы наблюдаем при описании крестьянского хозяйства села Лады Саранского уезда.

14 декабря 1911 года земский статистик писал, что в этом селе у крестьян везде севооборот трехпольный, который «миром» соблюдается очень строго, травосеяние не введено, новые культуры не сеялись; в выборе культур отдельные домохозяева связаны общинным порядком, поздно поспевающие культуры снимать «не позволяют, а травят скотом». Особый севооборот не вводится, в обычной технике полеводства «никаких улучшений не происходит», только у 3—4 домохозяев имеются плуги. При общинном землевладении «для отдельных хозяев известные способы обработки почвы являются принудительными»; не позволяет общество пахать пар раньше определенного срока, и на зябь пахать тоже нельзя, так как скот негде пасти»[60].

Большим злом в организации правильного удобрения являлись пороки крестьянского землепользования: чересполосица, многополосье, дальноземелье и длинноземелье. Исключительно яркую характеристику крестьянского землепользования дала Темниковская уездная земская управа. В земском обследовании 1908 года указывалось, что картина землепользования в уезде «представляет собой удручающее положение. Страшнейшая чересполосица с соседями усугубляется еще более страшной чересполосицей внутри надельной земли... Есть селения, где у отдельных домохозяев вся земля находится в 60 и даже свыше 80 отдельных участках... Если прибавить к этому еще случаи злоумышленного нарушения границ, отрезки, огибающие надельную землю кольцом, длинноземелье, отсутствие пастбищ, водопоев и многое другое, то можно представить себе, в каком ужасном положении находится крестьянское хозяйство»[61]. При таком землепользовании крестьяне не имели возможности удабривать свои земли.

Земские обследователи считали выгодным вносить удобрение на участки, находившиеся на расстоянии не более 3-х верст от усадьбы. «Но если пашни какого-нибудь селения в дальних частях лежат от него далее трёх верст,— указывалось в земском

обследовании 1882 года по Темниковскому уезду,— то навоз на эти места пашни уже не вывозится, разве только наиболее богатые скотом домохозяева находят возможным удобрять и такие дальние полевые загоны... У большого села Атюрьева одно поле растянуто на 5 верст, другое на 9, третье на 10, и крестьяне этого села заявляют, что самые состоятельные между ними никогда не вывозят навоза далее 5 верст»[62].

Мешали удобрению полей и частные переделы надельных земель. По этому поводу Пензенский губернатор в своем отчете за 1880 год писал, что удобрение крестьянами не вносится на общинные земли по причине ежегодного передела их по душам, так как получая участок «лишь для посева одного хлеба, каждый земледелец смотрит на него как на чужой и не удобряет даже в том случае, когда имеет к этому возможность, ибо знает наперед, что плодами удобрения, которое оказывает большое влияние на рост хлеба лишь в следующих годах, воспользуется при переделе земли другой общинник»[63]. Краснослободская земская уездная управа в отчете за 1910 год отметила, что «подлежащие через известный срок переделу общинные крестьянские надельные земли удобряются мало, засевают в большинстве случаев совсем неудобренными»[64]. «Частые переделы и дробление земли на мелкие полосы, по которым иногда и борона не проходит, и многополосье (до 15 полос в поле),— подчеркивал из Карсунского уезда корреспондент П. Д. Пырин,— вот истинный бич нашего крестьянина. Невозможно поэтому правильное удобрение земли, затрачиваются лишняя работа и излишние семена, да и много других (имеется) неудобств с переделами и мелкими полосами»[65].

Передел надельной земли на более продолжительный срок по закону 8 июня 1893 года способствовал некоторому улучшению удобрения крестьянской пашни. «Передел земли сравнительно на долгие сроки,— писал в своём отчете Пензенский губернатор,— оказал почти повсеместно влияние на улучшение обработки земли, а следовательно и на увеличение урожайности крестьянских земель. Крестьяне, пользуясь одним и тем же участком земли довольно продолжительное время, начали обращать внимание на удобрение её, чего раньше никогда не делали»[66]. В своём отчете за 1911 год Краснослободский уездный исправник отмечал, что применение закона 8 июня 1893 года «оказывает влияние на более тщательное удобрение крестьянами своих наделов и на увеличение через удобрение, урожайности земли»[67]. Подобные же свидетельства имеются в отчетах Саранского уездного исправника за 1911 год[68] и Наровчатского — за 1909 год[69].

Исключительный интерес в этом отношении представляют приговоры крестьянских сходов. 10 марта 1894 года крестьянский сход деревни Кульмеж Инсарского уезда в своем приговоре отмечал, что «земля, находящаяся в нашем владении, ежегодно нами переделяется и вследствие этого земля не удобряется, от

чего и получаются скудные урожаи хлебов. Подобное пользование, признавая для себя вредным, мы нашли нужным всю землю разделить на более продолжительный срок, в течение которого многие из нас могут удобрять оную»[70]. Причем при переделах крестьяне делали предпочтение той части земли, которая была удобрена.

В приговоре крестьян мордовской деревни Нагорного Алексова Инсарского уезда от 14 марта 1894 года так же указывалось на неудобство ежегодных переделов земли. Они единогласно решили: «Всю землю, находящуюся в нашем пользовании, за исключением удобренной, которую домохозяева имеют право оставить за собой без раздела, разделить сроком на 12 лет... В течение вышеизложенного времени никаких переделов земли не производить. Доставшуюся землю каждый домохозяин должен удобрить»[71]. Подобное решение было принято крестьянами мордовской деревни Глушкова Инсарского уезда[72].

Некоторое влияние на удобрение крестьянских полей кроме переделов на более долгие сроки оказало проведение в жизнь столыпинской аграрной реформы. По данным подворной переписи 1911 года, в Ардатовском уезде из 33935 наличных крестьянских дворов к удобрению земель прибегали 18771 двор, что составляло 55,3%[73].

В мордовских селениях, удобряющих свои земли, крестьянских хозяйств было несколько меньше, чем в русских и татарских. Это можно видеть из данных подворного обследования 1911 года по Ардатовскому уезду. Если в мордовских селениях, удобряющих свои поля, было 53,6% крестьянских дворов, то у русских таких дворов имелось 56,3%, а у татарских —58,8%[74].

Корреспондент Пензенского земства писал в 1913 году, что почва в Сиалеевско-Майданской волости Инсарского уезда «малоплодородная, очень скудно и бедно оплачивающая труды земледельца. Местное население темное, косное, невежественное, не доросло еще до сознания важности в земледелии удобрения...»[75]

В отчете Инсарского уездного исправника за 1912 год указывалось, что возделывание земли, в смысле искусственного удобрения её, в сравнении с прошлыми годами, хотя в незначительной степени, но улучшилось; крестьянство за последнее время «начало больше вводить удобрение полей навозом»[76]. Однако все эти улучшения касались не всего крестьянства в целом, а лишь меньшинства его, кулацкой верхушки. В. И. Ленин подчеркивал, что «все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть...»[77]

Удобрение полей находилось в полной зависимости от состоятельности крестьянского двора. В Пензенской губернии по

данным 1887 года из 100 корреспондентов 70 заявили, что корреспонденты, как правило, были «более передовые, имеющие благоустроенные хозяйства». И если взять в расчет это обстоятельство, то «вопрос об удобрении в Пензенской губернии представится нам еще более в печальном виде»[78].

«У состоятельных крестьян, имеющих сравнительно больше голов скота,— подчеркивалось в подворном обследовании 1882 года по Темниковскому уезду,—больше земли удобряется и больше кладется на удобренные участки навоза, поэтому и урожаи получаются лучше, чем у бедных крестьян»[79].

В оценочном обследовании Спасского уезда указывалось, что «богатые крестьяне кладут на одну десятину вдвое большее количество навоза»[80]. Крестьянских хозяйств, удобряющие свои земли, в Ардатовском уезде было 55,3%, остальные 44,7% засевали свои поля без всякого удобрения. Однако удобряющие хозяйства по социальным группам распределялись совершенно неравномерно (табл. 6).

В группе крестьянской бедноты удобряли свои земли всего лишь 46,2%, в группе среднего крестьянства —80,6%, а в группе крестьянской буржуазии — 88,1%. Процент удобряющих хозяйств в группе крестьянской буржуазии был почти в два раза больше, чем в группе крестьянской бедноты.

Особенно большая разница была между малопосевными и многопосевными крестьянскими хозяйствами. Если в группе с посевом до 1 дес. удобрение вносили всего лишь 8,3% дворов, то в группе с посевом свыше 10 дес.— 88,1%, т. е. почти в 11 раз больше.

Крестьянская буржуазия, составлявшая всего 8,1% всех хозяйств и сосредоточившая в своих руках $^1/_5$ часть всего крестьянского скота, вывозила на поля почти треть (26,6%) всего вывозимого в уезде навоза. На долю же $^3/_4$ крестьянской бедноты приходилось всего лишь около 45% всего вывозимого навоза. Если на один удабривающий кулацкий двор приходилось 105,3 воза навоза, то на бедняцкий — всего 36,3 воза, или почти в 3 раза меньше.

Среднее крестьянство на вывозящий двор имело в 1,8 раза меньше навоза, чем кулачество. В первых двух посевных группах на удобряющий двор приходилось всего 19,1 воза, а в двух высших —105,3 воза, или в 5,5 раза больше.

В. И. Ленин при анализе подворных данных об удобрении по Красноуфимскому уезду Пермской губернии подчеркнул, что «здесь мы видим глубокое различие в системе и способе хозяйства у бедноты и у зажиточных крестьян. И такое различие должно быть везде, ибо зажиточное крестьянство везде сосредоточивает в своих руках большую часть крестьянского скота и имеет больше возможности расходовать свой труд на улучшение хозяйства»[82].

Подобное положение мы наблюдаем и по Ардатовскому

Таблица 6

Интенсивность удобрения крестьянами Ардатовского уезда своих земель по социальным группам[81]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	На наличный крестьянский двор приходилось					Всех наличных крестьянских дворов	Из них удобряющих		Вывезено навоза (возов)		
		десятин посева	десятин всей пахоты	голов скота в переводе на крупный	в том числе рабочих лошадей	в том числе коров		абс.	%	всего	% к итогу	на 1 удобр. двор
Крестьянская беднота	Без посева	—	0,06	0,24	0,04	0,14	1917	31	1,6	489	0,1	15,7
	С посевом до 1 дес.	0,8	0,12	0,80	0,11	0,47	1790	276	15,4	5375	0,5	19,5
	—»— от 1,01 до 2 дес.	1,5	0,20	1,16	0,25	0,58	5178	1336	25,8	31595	3,3	23,6
	—»— от 2,01 до 4 дес.	3,0	0,34	2,09	0,66	0,78	9639	3137	53,3	169122	17,6	32,6
	—»— от 4,01 до 6 дес.	4,9	0,44	3,09	1,02	0,97	6969	4881	71,5	222303	23,2	44,6
	Итого с посевом до 6 дес.	2,8	0,30	1,94	0,59	0,72	25493	11791	46,2	428884	44,7	36,4
Среднее крестьянство	С посевом от 5,01 до 8 дес.	6,9	0,54	4,04	1,29	1,13	3715	2944	79,2	164875	17,2	56,0
	—»— от 8,01 до 10 дес.	8,9	0,64	4,79	1,52	1,27	1973	1641	83,2	110054	11,5	67,0
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	7,6	0,57	4,30	1,37	1,18	5688	4585	80,6	274929	28,7	59,9
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	12,0	0,84	6,11	1,87	1,53	1931	1695	87,8	154970	16,0	91,4
	—»— свыше 15 дес.	20,4	1,22	8,30	2,49	1,97	823	730	88,7	100575	10,6	137,7
	Итого с посевом свыше 10 дес.	14,5	0,96	6,8	2,06	1,66	2754	2425	88,1	255545	26,6	92,8
	Всего по уезду	4,6	0,4	2,73	0,84	0,88	33935	18771	55,3	959358	100,0	51,1

уезду. Здесь видим также различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от состоятельности крестьянского двора, в зависимости от размеров хозяйства.

Важное значение для нашей работы имеет определение доли удабриваемой земли и количества вносимого удобрения на единицу земельной площади.

Крестьянство пореформенной Мордовии стремилось в первую очередь унавозить свои конопляники и огороды, из пахотной земли навоз вносился лишь на ту, которая засевалась самыми ценными для хозяйства полевыми культурами. Корреспонденты из Пензенской губернии сообщали, что у крестьян «почти все удобрение поступает на огороды и конопляники и в полевом клину удобряется лишь весьма незначительная часть озимого поля. Удобрение под яр составляет вообще весьма редкое явление и лишь кое-где навоз кладут иногда под просо и еще реже под картофель»[83]. В оценочном обследовании Темниковского уезда также подчеркивалось, что навоз крестьянами «вывозится обыкновенно на паровой клин под рожь, а иногда, бывает довольно редко, удобрение кладется и под просо. Совсем без удобрения остаются... пахотные участки, на которые по чему-либо неудобно вывозить навоз» (отдаленность полей от усадьбы или овраги)[84].

Подобное же высказывание имеется и в оценочном обследовании Спасского уезда[85].

По данным подворного обследования 1911 года крестьяне Ардатовского уезда всего вывезли навоза 959358 возов, из которых 613812 возов, или 64%, на паровое поле и 345546 возов, или 36%, на усадьбу[86].

В обследованных крестьянских хозяйствах Темниковского уезда было вывезено навоза всего 687 тыс. возов, из них на надельную пашню около 500 тыс. возов (72,3%) и на усадьбу — около 144 тыс. возов (20,8%)[87].

В конце XIX века у крестьян Лукояновского уезда имелось 1607155 возов навоза, из которых на огороды и конопляники вывозили 710830 возов, или 44,2%, и на пашню 840255 возов, или 52,3%[88]. В Сергачском уезде из 1041344 возов общего производства навоза на огороды и конопляники вывозили 138520 возов, или 13,3%, и на пашню —774168 возов, или 74,3%[89].

Следовательно, в среднем по Мордовии крестьяне расходовали на удобрение огородов и конопляников не менее 30% всего навозного запаса (в нечерноземных уездах — около 20%, в черноземных — около 40%).

Кроме того, на отопление (поделку кизяков) употреблялось не менее 10% общего запаса. В нечерноземных уездах на эти цели редко расходовался навоз, а в черноземных — не менее 20%.

Крестьяне стремились унавозить в основном лишь свою надельную пашню, на купчую и особенно арендованную пашню

навоз вывозился редко. Арендованную пашню крестьяне удабривали лишь в том случае, когда об этом было оговорено в арендном договоре. В Лукояновском уезде из 1607155 возов навозного удобрения на купчие земли вывозилось 27168 возов, или 1,7%, на арендованную—28902 воза, или 1,8%; в Сергачском уезде из 1041344 возов на купчую пашню вывозилось 95805 возов, или 9,2%, а на арендованную — всего 32851 воз, или 3,2%[90]. В Темниковском уезде из 687 тыс. возов на арендованную пашню крестьяне вывозили 43 тыс. возов, или 6,9%, общего навозного запаса[91]. В Ардатовском уезде на такую пашню навозное удобрение совершенно не вносилось[92].

На арендованной пашне земледелие велось в основном без навозного удобрения. В 1907 году Симбирский вице-губернатор в своей записке «О правительственной сельской земельной реформе» писал, что «нынешняя практика помещичьей аренды представляет из себя нечто весьма плачевное с точки зрения культурной агрономии. Обработка земли является самой небрежной... Конечно, при таких условиях о каком-нибудь удобрении, систематической улучшенной обработки и речи быть не может, хозяйничанье на арендной помещичьей земле есть нечто еще низшее, чем хозяйничанье на наделе...»[93].

Испольная пашня крестьянами совершенно не удабривалась. В обзоре Пензенской губернии за 1876 год указывалось, что при испольной обработке земли об удобрении пашни «не может быть и речи».

Таблица 7

Возможный увал навозного удобрения на десятину крестьянской озимой пашни в Мордовии[94]

Уезды	Год обследования	Общие скоп навоза (тыс. пуд)	Расход на удобрение огородов конопляников и отопление (тыс. пуд.)	Осталось навоза на удобрение парового поля (тыс. пуд.)	Всего надельного паров (дес.)	Возможный увал навоза на дес. пара (пудов)
Ардатовский	1900	17365	7710	9655	52628	183,3
	1911—12	23213	10446	12767	53125	240,3
	1917	26159	11772	14387	70578	203,8
Инсарский	1900	22992	10347	12645	57422	220,2
	1911—12	24556	11050	13506	60930	221,6
	1917	27141	12214	14927	61568	242,4
Краснослободский	1900	18870	7548	11322	66463	170,4
	1911—12	25414	10166	15248	66158	230,4
	1917	26432	10573	15859	60832	260,7
Наровчатский	1900	12864	5147	7717	43782	176,3
	1911—12	16839	6736	10103	45228	223,4
	1917	15025	6010	9015	38373	234,9

Продолжение таблицы 7

Уезды	Год обследования	Общий скоп навоза тыс. пуд.	Расход на удобрение огородов конопляников и отопление (тыс. пуд.)	Осталось навоза на удобрение парового поля, тыс. пуд.	Всего надельного пара (дес.)	Возможный увал навоза на дес. пара (пудов)
Саранский	1900	14504	5802	8702	36185	240,5
	1911—12	17919	7168	10751	36397	295,3
	1917	19962	7985	11977	46266	258,8
Спасский	1882	15863	3173	12690	41158	308,3
	1900	1422	2844	11377	40610	280,1
	1912	18323	3665	14658	40666	360,4
	1917	18243	3649	14594	40961	356,3
Темниковский	1882	17413	3483	13930	30665	454,2
	1900	15121	3024	12097	31173	388,0
	1912	21000	4201	16799	32286	520,3
	1917	22605	4521	18084	33323	542,6
Итого по Мордовии	1900	115928	42422	73506	328265	223,9
	1911—12	147665	53471	94234	334792	281
	1917	155548	56723	98825	351901	280

Анализ таблицы показывает, что возможный увал навоза на десятину озимой пашни в Мордовии с 1900 по 1912 год возрос, но незначительно. Этот процесс наблюдается по всем уездам Мордовии. В годы войны увал навоза несколько сократился[95]. Больше всех вносили на свои паровые земли крестьяне нечерноземных Темниковского и Спасского уездов. Из других уездов больший увал практиковался крестьянами Саранского уезда.

В конце XIX века исследователи считали хорошей нормой удобрения на десятину пашни 2400 пудов навоза, сильной — 3000 пудов и слабой — 1000 пудов.

На территории же Мордовии в начале XX века вносилось всего от 228 до 282 пудов навозного удобрения, что явно было недостаточно для получения более или менее сносных урожаев сельскохозяйственных культур.

По подсчетам А. Бурлуцкого, в Пензенской губернии на одну десятину посева в конце XIX века вносилось 3500 пудов навоза. Это количество удобрения он считал «вполне достаточным, но если обратить внимание на годовое количество навоза, приходящегося на десятину (140 пудов), то оказывается обратное: удобрение попадает на одну и ту же десятину более чем через 24 года.

По сведениям добровольных корреспондентов, в 1887 году крестьяне Пензенской губернии удабривали 20% озимого поля, 3,3% всей удобной и 6% пахотной земли. Поэтому А. Бурлуцкий

пришел к выводу, что удобрение крестьянских земель «носит случайный характер»[96].

В 1910 году в Ардатовском уезде было обследовано 2606 типичных крестьянских хозяйств, из них удобряли землю 1394 хозяйства, или 54%. В среднем на удобряющее хозяйство приходилось 2,08 дес. озимой пашни, на которые вносилось 56 возов, или 538,4 пуда на десятину[97].

По данным подворной переписи 1911 года крестьяне в том же уезде на 65596 дес. надельной и купчей паровой земли вывезли 613820 возов, или 12276400 пудов. На десятину пара вывозилось 9,4 воза, или 188 пудов[98].

По данным оценочного обследования конца XIX века, крестьяне Лукояновского уезда на 219458 дес. надельной пашни вывозили 840255 возов навоза, или 3,8 воза (76 пудов) на десятину. На паровую десятину вывозилось 228 пудов навоза. Всего в уезде вносилось удобрения на 30935,2 десятины, или на 14% всей надельной пашни; ежегодно удабривалось только 4847 дес., или 6,5% парового клина. Надельная паровая пашня получала удобрение один раз в 15—16 лет.

Купчей пашни у крестьян было 6198 дес., на которые вывозилось 27168 возов, или 4,4 воза (88 пудов) на дес. всей земли, и 264 пуда на паровую десятину. Крестьяне арендовали 28296 дес. пашни (вненадельной и в чужих обществах), на которые вносили 28908 возов навоза. На десятину арендованной пашни приходился всего лишь один воз, т. е. 20 пудов навоза или 60 пудов на паровую десятину. На десятину удабриваемой надельной пашни приходилось 27,2 воза, или 544 пуда навоза.

В Сергачском уезде по тем же данным крестьяне на 131907 дес. надельной пашни вывозили 774168 возов навоза, что составляет 5,9 воза, или 118 пудов на всю, и 354 пуда на паровую десятину. Из всей надельной пашни удабривалось 46431 дес., или 35,2%, а ежегодно с пара 6496 дес., т. е. 14,9%. Паровые поля удабривались один раз в 6—7 лет. На 18456 дес. купчей пашни вывозилось 95805 возов, или 5,2 воза, т. е. 114 пудов на десятину всей и 342 пуда на десятину паровой пашни.

Крестьяне арендовали пашни (вненадельной и в чужих обществах) 25283 дес., на них вывозили 32851 воз навоза, или 1,3 воза, т. е. 26 пудов на десятину всей и 78 пудов на десятину паровой пашни[99].

В подворном обследовании 1882 года указывалось, что в Спасском уезде «имея поля вообще небольшие и удобряя только часть их, крестьяне, если имеют достаточный запас навоза, кладут его очень значительное количество на небольшие загоны, например, возов 80 на третью часть десятины (на полкола), иногда возов 15 на загон в 2 саж. ширины, т. е. на $^1/_5$ десятины...»[100]. Следовательно, на удабриваемую пашню крестьяне уезда вносили от 240 до 270 возов навоза (от 4800 до 5400 пудов). «Для удовлетворительных урожаев,— подчеркивал земский обследо-

ватель Спасского уезда,— признается необходимым возобновлять удобрение в каждый трехлетний севооборот»[101].

Для оценочных целей в 1900 году было обследовано 72 общества Спасского уезда с 102872 дес. надельной пашни, из которых ежегодно удобрялось всего лишь 3710 дес., или 3,6%[102]. Земские обследователи пришли к выводу, что «в таком нечерноземном уезде, как Спасский, крестьяне удобряют лишь очень малую часть своей пашни. Но обычай давать, по возможности, навозное удобрение полям существует у крестьян уезда повсеместно. Удобрение вывозится на одно из трех полей — паровое, т. е. приблизительно на третью часть пахотной площади»[103].

Крестьяне уезда ежегодно удобряли 10,8% парового поля[104]. Паровое поле получало удобрение через 9—10 лет. Земский обследователь заключал, что такое совершенно незначительное «удобрение полей крестьянами Спасского уезда зависит от недостатка навоза при очень ограниченном крестьянском скотоводстве»[105].

В 72 обследованных сельских обществах обыкновенный увал навоза крестьянами уезда определен в 150 возов на удабриваемую десятину (в четырёх обществах — от 225 до 300 возов, в одном — лишь 75 возов, а в 67 — от 100 до 200)[106].

В подворном обследовании 1882 года по Темниковскому уезду указывалось, что крестьяне удобряют лишь «паровые поля, поэтому на каждое место пашни навоз кладется не ранее, как через два года. Большая часть крестьянских земель уезда такова, что поистине нужно возобновлять удобрение. По отзывам крестьян, у них лучшие земли требуют удобрения через пять лет, т. е. после двух севооборотов»[107]. По подсчету земского статистика на удабриваемую десятину крестьяне вывозили в среднем от 50 до 80 возов, а «богатые крестьяне кладут на одну десятину вдвое большее количество навоза, именно от 100 до 150 и даже до 200 возов. Последнее, по-видимому, нужно признать высшей предельной нормой, до какой крестьяне доводят количество навоза на одну десятину, если имеют к тому возможность. Большой недостаток у крестьян домашнего скота, конечно, заставляет их практиковать удобрение полей гораздо в меньших размерах в отношении количества навоза на каждую десятину»[108].

По данным оценочного обследования 1899 года, в Темниковском уезде из 71500 дес. обследованной пашни ежегодно крестьянами удобрялось 4564 дес., что составляло всего 6,4%, в паровом поле удобрялось 19,2%. На удабриваемую десятину крестьяне в среднем клали 109 возов навоза (от 40 до 300 возов), а на каждую десятину запашки приходилось почти 7 возов[109]. Следовательно, на паровую десятину попадало удобрение через каждые 5—6 лет.

В некоторых волостях уезда удобрение крестьянских полей было еще в более ограниченных размерах.

В Атюрьевской, Барашевской и Кушкинской волостях было обследовано 13259 дес. пашни, из которых крестьяне удобряли всего лишь 221 дес., или 1,7% всей пашни; на каждую удабриваемую десятину запашки клали только 2,91 воза навоза[110].

Внесение навозного удобрения зависело от качества крестьянской пашни. В нечерноземных уездах крестьяне стремились удобрить в первую очередь плохие по качеству земли.

Таблица 8

Интенсивность навозного удобрения надельной пашни в нечерноземном Темниковском уезде по почвенным разностям[111]

№№ почвенных разностей	Почвенные разности	% удобряемой пашни	В среднем внесено навоза	
			возов	пудов
I	Песчаная	8,2	8,4	168
II	Серые суглинки	6,1	6,5	130
III	Подзолистая супесь	4,5	5,7	114
IV	Суглинистый чернозем	3,11	4,6	92
	В среднем по уезду	6,4	7,0	140

Чем лучше была по качеству надельная пашня, тем меньшая её часть получала удобрения. Если на десятину самых плохих песчаных пахотных земель вносилось 168 пудов навоза, то на десятину самых лучших суглинистых черноземных земель всего лишь 92 пуда, или в 1,8 раза меньше.

В черноземных уездах крестьяне интенсивно удабривали лучшие по качеству земли, а худшие — значительно меньше.

В таблице 9 приведены сведения об интенсивности навозного удобрения от лучших по качеству почв к худшим. Чем лучше была по качеству почва, тем интенсивнее её удобряли. Если в лучшем черноземном разряде на 1 дес. пашни вносилось 264 воза, то в самом худшем песчаном — 156 возов, или в 1,7 раза меньше. Если в черноземном разряде удабривалось от 21,1% до 36,4% всей пашни, то в песчаном — от 4,7% до 14,1%. Ежегодно удабривалось пара в черноземных почвах от 9,8% до 18,1%, а в песчаных — всего лишь от 2,2% до 7,4%. Таким образом, в черноземных уездах крестьянин стремился имеющийся запас навоза внести на самую лучшую пашню, с которой получался хороший урожай и, как правило, она засевалась самыми ценными культурами. Недостаток навозного удобрения вынуждал крестьянина оставлять худшие земли совсем без удобрения или удабривать только самые ближние участки.

Различно было и соотношение удабриваемых земель, а также увал навоза на единицу посевной площади (табл. 10).

Крестьяне в первую очередь стремились унавозить свои усадебные земли (конопляники, овощники и др.). По подворной пе-

Таблица 9

Интенсивность навозного удобрения надельной пашни в черноземном Лукояновском уезде по почвенным разностям[112]

Почвенные разряды		На 100 дес. надельной пашни приходилось возов навоза			густота увала (возов навоза на 1 дес. пашни)	% удобряемой надельной пашни	
название почв	№№	на всю пашню	на одну старопашню	на одну удобряемую пашню		всей вообще	ежегодно удобряемого пара
Чернозем	I	598	624	2836	264	21,1	9,8
	II	882	971	2427	128	36,4	18,1
Коричнево-темный суглинок	III	347	349	2701	217	12,8	5,4
Коричнево-серый суглинок	IV	392	394	2675	188	14,6	6,7
	V	325	338	2366	173	13,7	5,9
Серый суглинок	VI	283	301	2987	171	9,4	5,1
Серый суглинок, суглинки и супеси	VII	226	322	2518	163	9,0	4,8
Супеси и пески	VIII	412	433	2922	154	14,1	7,4
	IX	122	122	2567	156	4,7	2,2
В среднем по уезду		387	408	2716	208	14,2	6,5

реписи 1911 года в уезде числилось 15767 дес. усадебной земли, следовательно, на десятину её в среднем крестьяне вносили 21,9 воза, или 438 пудов, тогда как на десятину пара — 9,4 воза, или 188 пудов, т. е. в 2,3 раза меньше. В общей сложности более трети всего произведенного навоза крестьяне вносили на свои усадьбы, несколько менее $^2/_3$ (64%) — на паровое поле. Но и в этом наблюдаются характерные различия между отдельными социальными группами крестьян. Беднота свой запас навоза распределяла между усадебной и паровой землей почти поровну, а кулачество, наоборот, почти $^3/_4$ навоза вносило на паровое поле, а $^1/_4$ — на усадьбу. Сельская буржуазия в итоге удабривала и усадебную, и паровую земли гораздо лучше бедноты. Если кулацкий двор вносил на усадьбу 26,7 воза, то бедняцкий — 15,8 воза. Относительно паровой земли наблюдалась еще большая разница. Кулацкий двор на пар вывозил 78,7 воза, а бедняцкий — 20,6 воза, или в 3,8 раза меньше. На десятину парового поля беднота вносила 7,4 воза, а кулачество — 11,9 воза.

Следовательно, и здесь мы видим различные агрикультурные типы хозяйства: сельская буржуазия удабривала свои земли гораздо лучше, чем крестьянская беднота.

Таблица 10

Интенсивность навозного удобрения в Ардатовском уезде по социальным группам крестьян[113]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Всего вывезено навоза (возов)	В том числе на: усадьбу		паровое поле		На 1 удобряющий двор приходилось вывезенного навоза		Вся собственной (неарендной и купленной) пашни дес.	На 1 дес. пара вывезено навоза (возов)
			возов	%	возов	%	на усадьбу	на паровое поле возов		
Крестьянская беднота	Без посева	489	302	61,8	187	38,2	9,7	6,0	994	0,2
	С посевом до 1 дес.	5375	2717	50,5	2658	49,5	9,8	9,6	756	3,5
	—»— от 1,01 до 2 дес.	31595	15895	50,3	15700	49,7	11,9	11,8	4163	3,8
	—»— от 2,01 до 4 дес.	169122	77383	45,8	91739	54,2	15,1	17,9	12911	7,1
	—»— от 4,01 до 6 дес.	222303	89698	40,4	132605	59,6	18,0	26,6	13942	9,5
	Итого с посевом до 6 дес.	428884	185995	43,4	242889	56,6	15,8	20,6	32766	7,4
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	164875	60297	36,6	104578	63,4	20,5	35,5	10090	10,3
	—»— от 8,01 до 10 дес.	110054	34479	31,3	75575	68,7	21,0	46,1	6674	11,3
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	274929	94776	34,5	180153	65,5	20,6	39,3	16764	10,7
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	154970	43341	28,0	111629	72,0	25,6	65,9	9168	12,2
	—»— от 15,01 и выше	100577	21434	21,3	79143	78,7	29,4	108,4	6898	11,5
	Итого с посевом от 10,01 и выше дес.	255547	64775	26,1	190772	73,9	26,7	78,7	16066	11,9
Всего по уезду		959358	345546	36,0	613812	64,0	18,4	32,7	65596	9,4

Удобрение крестьянских полей способствовало повышению урожайности сельскохозяйственных культур. «Десятина земли, удобренная, хорошо обработанная и в свое время засеянная,— подчеркивал еще в конце 60-х годов XIX века обследователь Пензенской губернии Сталь,— дает всегда вдвое более хлеба, нежели не удобренная, худо обработанная и не вовремя засеянная»[114].

В подворном обследовании начала 80-х годов XIX века по Спасскому уезду отмечалось, что удобряемые пашни «дают лучшие урожаи, но крестьяне не в состоянии унаваживать все поле»[115]. Земский обследователь Темниковского уезда пришел к выводу, что «урожаи ржи во многом зависят от удобрения почв навозом»[116]. Причем в черноземных местностях, в которых крестьяне в большей степени унаваживали самые лучшие почвы, разница в урожайности хлебов между унавоженной и не унавоженной десятиной пашни была более значительной, чем в нечерноземных местностях.

По данным оценочного обследования конца 90-х годов XIX века, крестьяне Лукояновского уезда получали ржи с удобренной десятины 70 мер, а с неудобренной — всего лишь 40, Сергачского уезда соответственно 78 и 48 мер[117]. В первом уезде удобрение повысило урожай на 30 мер, или 75%, во втором — тоже на 30 мер, или на 62,5%.

Навозное удобрение способствовало повышению урожайности сельскохозяйственных культур на всех почвах. Однако здесь наблюдались некоторые особенности. Известно, что удобрение главным образом вносилось под озимую рожь. Проследим, как повышалась урожайность ржи в связи с увеличением навозного удобрения в частновладельческом хозяйстве Темниковского уезда[118].

Таблица 11

Размер вносимого удобрения на 1 дес. пашни	Песчаная		Подзолистая супесь		Серые суглинки		Суглинистый чернозем	
	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах
До 10 возов	1890	31,2	619	41,9	993	44,6	322	52,7
Более 10 возов	2773	42,6	709	46,8	1894	57,6	915	61,1
В среднем	4663	38,1	1328	44,5	2887	53,1	1237	58,9
Разница в урожайности (%)	—	37,2	—	11,7	—	29,1	—	15,9

Данные таблицы показывают непосредственную связь между урожайностью и интенсивностью удобрения: чем больше каждая почва получала удобрения, тем выше была её производительность.

Однако прибавка урожайности на разных почвах была не одинаковой. Если на песчаной почве при более интенсивном удобрении (выше 10 возов на дес.) получалась прибавка в 37,2%, на серых суглинках — 29,1%, то на суглинистых черноземах лишь 15,9%, а на подзолистых супесях — 11,7%.

Посев овса производился как на совершенно неудобренной, так и на хорошо удобренной пашне. На лучших по качеству почвах (черноземах) овес засевался преимущественно на неудобренных загонах, а на худших (песчаных) овса или совсем не сеяли, или же засевали им только удобренные загоны. На супесчаной и суглинистой пашне посев овса производился как на удобренных, так и на неудобренных загонах. Посмотрим, как влияло удобрение на урожай овса в крестьянских хозяйствах Темниковского уезда (в расчет не взяты песчаные почвы, так как по ним овес почти не засевался)[119].

Таблица 12

Размер вносимого удобрения на 1 дес. пашни	Подзолистые супеси		Серые суглинки		Суглинист. чернозём	
	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах	площадь в дес.	урожай с дес. в мерах
Без удобрения	685	28,8	1711	38,6	1760	48,0
С удобр. до 10 возов	7585	42,3	6818	53,3	1862	64,2
—»— свыше 10 возов	780	52,0	2483	62,6	449	73,3
В среднем	9050	42,1	11012	53,1	4071	58,2

Урожайность овса находится в прямой зависимости от интенсивности удобрения, но она больше проявляется на худших почвах, чем на лучших. Это можно наглядно проследить, если примем за 100 урожайность овса на неудобренной пашне по каждому почвенному разряду[120].

Таблица 13

Почвенные разряды	На дес. запашки возов навоза		
	не удобр.	до 10 возов	свыше 10 возов
Подзолистые супеси	100	147	181
Серые суглинки	100	138	162
Суглин. черноземы	100	134	154

Цифры вертикальных рядов монотонно понижаются по направлению от худших почв к лучшим, в горизонтальных — повышаются в зависимости от увеличения интенсивности удобрения.

Интенсивность удобрения оказывала влияние и на урожайность картофеля. Приведем данные обследования 1899 года по крестьянским хозяйствам Темниковского уезда.

Таблица 14

Размер вносимого удобрения на 1 дес. пашни	Песчаная		Подзолист. супеси		Серые суглинки		Суглинист. чернозем.	
	площадь в дес.	урожай с дес. в пудах	площадь в дес.	урожай с дес. в пудах	площадь в дес.	урожай с дес. в пудах	площадь в дес.	урожай с дес. в пудах
до 10 возов	10174	298,0	4817	334,6	8038	374,2	1950	424,7
свыше 10 воз.	9799	367,3	3365	399,0	3400	423,7	211	483,1
Разница: в пуд	—	69,3	—	64,4	—	49,5	—	58,4
в %	—	23,3	—	19,2	—	13,2	—	13,8

Увеличение размеров удобрения повышает урожай картофеля для каждого разряда почв, но как абсолютный, так и относительный эффект удобрения сильнее проявляется на худшей — песчаной почве, затем на супесчаной и, наконец, на лучшей — черноземной. Следовательно, эффект удобрения на урожай картофеля обратно пропорционален их природным достоинствам; увеличение интенсивности удобрения сравнительно выгоднее при культуре картофеля на худших, чем на лучших почвах. Исключение составляют серые суглинистые почвы: для них как абсолютный, так и относительный эффект удобрения слабее, чем для суглинистого чернозема, природные достоинства которого выше, чем таковые же серых суглинков.

Более подробные данные о влиянии интенсивности удобрения на урожай картофеля мы имеем по песчаным почвам (в Темниковском уезде крестьяне больше сажали картофель на песчаных почвах)[121].

Урожайность картофеля (табл. 14) на песчаной почве находилась в прямой зависимости от интенсивного удобрения, но эффект удобрения сильно повышался только до третьей группы, а затем он ослабевал, тогда как интенсивность удобрения повышалась почти в одинаковой степени.

Итак, классики марксизма-ленинизма придавали важное значение удобрению пашни, считая его одним из основных условий расширенного земледельческого хозяйства.

В крестьянском земледелии пореформенной Мордовии основным удобрительным средством является навоз, получаемый от домашних животных. Минеральные удобрения крестьянством почти не употреблялись.

Таблица 15

Размер вносимого удобрения на 1 дес. пашни	Площадь в дес.	Урожай с дес. в пудах	Относительные данные (урожай на неудобр. пашне прин. за 100)
1 Без удобрения	1964	203,9	100
2 С удобрением до 5 возов	4647	273,2	134
3 —»— от 5,01 до 10 возов	5527	318,8	156
4 —»— от 10,01 до 15 возов	6464	356,4	175
5 —»— выше 15 возов	3335	389,1	191
В среднем	21937	320,8	

Производство навозного удобрения находилось в прямой зависимости от состоятельности крестьянского хозяйства и в первую очередь от количества и качества скота.

Крестьянская буржуазия, имевшая в 3,5 раза больше скота на двор, чем крестьянская беднота, сосредоточивала в своих руках в 4,8 раза больше навозного удобрения. Зажиточное крестьянство, имея значительно больший запас навозного удобрения, прибегало еще к покупке его у крестьянской бедноты.

Крестьянская беднота вынуждена не только продавать, но и употреблять навоз в качестве топлива, что у зажиточного крестьянства было исключительно редким явлением. Общинное землевладение, средневековая трехпольная система полеводства, пороки крестьянского землепользования и частые переделы надельных земель тормозили распространение удобрения в крестьянском земледелии. Почти $^{2}/_{5}$ крестьянских хозяйств пореформенной Мордовии совершенно не удобряли свои земли.

Среди зажиточного крестьянства почти $^{9}/_{10}$ дворов прибегали к удобрению, тогда как среди бедноты их было в два раза меньше.

Среди мордовского крестьянства удобряющих хозяйств было несколько меньше, чем среди русского и татарского.

Удобрение полей навозом появилось значительно раньше в нечерноземных местностях по сравнению с черноземными.

Недостаточный запас навоза вынуждал крестьян прибегать к удобрению не всех своих земель. Крестьяне стремились удобрить в первую очередь свои огороды и конопляники; из пахотных земель навозное удобрение вносилось только на паровое поле, под озимые хлеба.

Крестьянская беднота большинство навозного удобрения затрачивала на унаваживание своих огородов и конопляников, крестьянская же буржуазия — на унаваживание полевых земель. Причем зажиточное крестьянство вносило удобрение не только на озимое, но и на яровое поле.

В среднем по Мордовии крестьянами удабривалось не более 14% парового поля, на десятину пашни вносилось около 250

пудов навоза, тогда как хорошей нормой считалось 2400 пудов. Увал навоза на десятину пашни также зависел от состоятельности двора.

Крестьянская буржуазия на десятину пара вывозила навоза почти в два раза больше, чем крестьянская беднота. А в крайних посевных группах эта разница была еще более значительной: в 57 раз!

Создавались совершенно различные агрикультурные типы крестьянства в зависимости от размеров хозяйства.

Интенсивность удобрения влияла на повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур. Прибавка урожая всех сельскохозяйственных культур в результате интенсивности вносимого удобрения составляла от 30 до 80%.

При рассмотрении вопроса об удобрении мы видим глубокое различие в системе и способе ведения хозяйства у крестьянской бедноты и у зажиточного крестьянства. Такое различие является общим явлением, так как деревенская буржуазия сосредоточивала в своих руках большую часть крестьянского скота и имела больше возможности расходовать свой труд и капиталы на улучшение хозяйства.

Все улучшения в земледельческом хозяйстве относились не ко всему крестьянству, а лишь к зажиточной и кулацкой его верхушке.

К. Маркс подчеркивал, что «всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении её плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»[122].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 133.

[2] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. XIV. Свод общих оснований оценки земельных угодий в Нижегородской губернии. Текст. Н. Новгород, 1900, стр. 31.

[3] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI. Темниковский уезд. Тамбов, 1902, стр. 79.

[4] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 749, л. 22.

[5] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. XI. Спасский уезд. Тамбов, 1905; ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 755, л. 1.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 193.

[7] Историко-статистический обзор промышленности России. Издание Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. в г. Москве. СПб., 1883, стр. 14.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 102.

[9] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. Составил генерального штаба полковник А. Липинский. Редактировал генерального штаба капитан М. Скрябин, ч. I. СПб., 1868, стр. 371. (В дальнейшем А. Липинский. Указ. работа.).

[10] Г. Г. Данилов. Из истории земледелия Мордовии. Саранск, 1964, стр. 38.

[11] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. XIV, стр. 31.

[12] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV. Темниковский уезд. Тамбов, 1883, стр. 71.

[13] Подробно см. нашу статью «Распределение скота между крестьянами пореформенной Мордовии» в настоящем выпуске «Трудов».

[14] И. Вильсон. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу европейской России. СПб., 1869.

[15] Таблица составлена по источникам: Временник Центрального Статистического комитета № 50. Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб., 1901, стр. 14—17; Статистический временник Российской империи. Вып. I. Серия III. Распределение земель по угодьям в европейской России за 1881 год. СПб., 1884, стр. 98—103, 128—129.

[16] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 30.

[17] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. V, стр. 38.

[18] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, Ардатовский уезд. Симбирск, 1913; стр. 26.

[19] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II. Лукояновский уезд. Н. Новгород, 1897. Приложения, стр. 89. Вып. III. Сергачский уезд. Н. Новгород, 1898. Приложения, стр. 29. Вып. XIV, стр. 31.

[20] Таблица составлена по следующим источникам: Военно-конская перепись 1899—1900 гг. СПб., 1902, стр. 5—7, 53—54, 60—62; Военно-конская перепись 1912 г. СПб., 1914, стр. 110—113, 128—129, 134—135; Временник Центрального статистического комитета МВД № 50. Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб., 1901, стр. 14—17; Н. А. Благовещенский. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. I. Крестьянское хозяйство. М., 1893, стр. 57—58; Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926, стр. 210—221; Подворное обследование животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Тамбов, 1914. Приложения 1 и 2; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1923, стр. 68, 84, 88, 108, 112, 116, 120.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 100—101.

[22] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 26, 29. Группировка автора.

[23] А. Липинский. Указ. работа, т. I, стр. 371.

[24] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 79.

[25] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV, стр. 71, 81.

[26] Там же, т. V, стр. 26.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 103.

[28] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. Распространение навозного удобрения в России. СПб., 1901. Погубернские обзоры, стр. 10.

[29] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.

[30] Сборник статистических сведений по Темниковской губернии, т. V, стр. 26.

[31] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 38.

[32] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. XIV, стр. 78.

[33] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II, стр. 89—90. Вып. III, стр. 29.

[34] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 38.

[35] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 38.
[36] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. V, стр. 26.
[37] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II, отд. II, стр. 73; вып. III, отд. II, стр. 38.
[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 79.
[39] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV, стр. 74.
[40] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 79.
[41] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. V, стр. 26—27.
[42] О. Э. Шмидт. Перемены в земледельческой технике крестьян Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1893, стр. 29.
[43] Там же.
[44] О. Э. Шмидт. Указ. работа, стр. 29.
[45] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV, стр. 74.
[46] Там же, т. V, стр. 27.
[47] Там же, т. IV, стр. 74.
[48] О. Э. Шмидт. Указ. работа, стр. 29.
[49] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV, стр. 71.
[50] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 30.
[51] Там же. Вып. XI, стр. 30.
[52] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пензенская губерния. Составил генерального штаба полковник Сталь. Редактировал генерального штаба капитан А. Рябинин, ч. I, 1867, стр. 410. (В дальнейшем: Сталь. Указ. работа.).
[53] Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к памятной книжке за 1868 и 1869 годы. Пенза, 1870, стр. 133, 136.
[54] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, стр. 431.
[55] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Симбирская губерния. СПб., 1903, стр. 188.
[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 103.
[57] А. Бурлуцкий. Характеристика Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении. Пенза, 1898, стр. 22.
[58] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 2046, лл. 87—88.
[59] Там же, л. 88 об.
[60] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 2052, лл. 42 об. 43.
[61] Журналы Темниковского уездного земского собрания чрезвычайной и очередной сессии 1909 года. Тамбов, 1910, стр. 122—123.
[63] Обзор Пензенской губернии за 1880 год. Пенза, 1881, стр. 4.
[66] Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Пенза, 1905, стр. 4.
[64] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 738, л. 38.
[65] Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 год, стр. 76.
[66] Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Пенза, 1905, стр. 4.
[67] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7326, л. 160.
[68] Там же, л. 320.
[69] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 732, л. 237.
[70] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 6628, л. 369.
[71] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 6628, л. 369.
[72] Там же, л. 377.
[73] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 122.
[74] Подсчеты произведены нами по материалам подворной переписи 1911 года.

[75] Вестник Пензенского земства, № 5, 1913, стр. 171.
[76] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 749, л. 22.
[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 102.
[78] А. Бурлуцкий. Указ. раб., стр. 36.
[79] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. IV, стр. 84.
[80] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. XI, стр. 72.
[81] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.
[82] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 101.
[83] Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X. Погубернские обзоры, стр. 18.
[84] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 29—30.
[85] Там же. Вып. XI, стр. 31.
[86] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.
[87] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 37—38.
[88] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II. Приложения, стр. 89—90.
[89] Там же. Вып. III. Приложения, стр. 29.
[90] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II. Приложения, стр. 89—90. Вып. III. Приложения, стр. 29.
[91] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 37—38.
[92] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.
[93] Е. Г. Васильевский. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960, стр. 99.
[94] При подсчете приняты во внимание следующие обстоятельства: а) На удобрение огородов и конопляников, а также отопление приблизительно расходовалось от общего запаса навоза: в Ардатовском уезде 45%, в Инсарском, Наровчатском и Саранском 40%, Краснослободском 30%, Спасском и Темниковском уездах 20%. б) Площадь пара за 1900 и 1911—1912 гг. вычислена по сборникам «Урожай... 1900 г.», ч. I и II, и «Урожай... 1912 г. в европейской и азиатской России», ч. I и II; за 1917 г.— «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.».
[95] Это сокращение было бы более значительным, если взять в расчет порок переписи 1917 г.: в число хозяйств крестьянского типа включены все хозяйства с земельной площадью менее 50 дес. Поэтому сюда вошло значительное количество помещичьих, купеческих и мещанских хозяйств.
[96] А. Бурлацкий. Указ. работа, стр. 33.
[97] Основания и нормы для оценки земель Симбирской губернии. 1. Пашня, сенокос, усадьба, выгон. Симбирск, 1913, стр. 19.
[98] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.
[99] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. III, стр. 29, XVI—XVIII.
[100] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. V, стр. 27.
[101] Там же, стр. 27.
[102] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. XI, стр. 31.
[103] Там же.
[104] Там же.
[105] Там же.
[106] Там же, стр. 32.
[107] Там же, т. IV, стр. 71.
[108] Сборник статистических сведений по Тамбовской губ., т. IV, стр. 72.

[109] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 31.
[110] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 31.
[111] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 31.
[112] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II, отд. II, стр. 10.
[113] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—122.
[114] Сталь. Указ. работа, ч. 1, стр. 398.
[115] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. V, стр. 29.
[116] Там же, т. IV, стр. 83—84.
[117] Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Экономическая часть. Вып. II. Приложения, стр. 109; Вып. III. Приложения, стр. 44.
[118] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 52.
[119] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 59.
[120] Там же.
[121] Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии. Вып. VI, стр. 63—64; Четверти переведены в пуды по отношению 1 : 9,9. (По данным сборника «Урожай» за 1899 год).
[122] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 515.

И. Н. ФИРСТОВ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СКОТА МЕЖДУ КРЕСТЬЯНАМИ МОРДОВИИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Пореформенное крестьянское хозяйство являлось товарным. Даже в центральной земледельческой полосе, в которую входила и Мордовия, крестьянин всецело был подчинен рынку, от которого он зависел не только в личном потреблении, но и в своем хозяйстве. Общественно-экономическим отношениям в крестьянстве присущи были те противоречия, которые свойственны товарному хозяйству и капитализму. Этими противоречиями являлись конкуренция, борьба за экономическую самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатация его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Мимо крестьянства не проходило ни одного экономического явления, в котором не было бы специфически свойственной капиталистическому строю противоречивой формы. Таковою были и аренда, и покупка земли, и «промыслы», и технический прогресс, и количество и качество скота. Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве В. И. Ленин назвал разложением крестьянства, т. е. коренным разрушением старого патриархального крестьянства и созданием новых типов сельского населения. Этими новыми типами являлись сельская (преимущественно мелкая) буржуазия или зажиточное крестьянство и сельский пролетариат, класс наёмных рабочих с наделом[1].

При изучении процесса разложения крестьянства В. И. Ленин придавал особое значение анализу массовых данных о его хозяйстве: распределение надельной и купчей земли, аренда и сдача земли, улучшенные орудия и машины, удобрение земли, промысловые заработки, наёмный труд, количество и качество скота. Все эти различные стороны процесса должны анализироваться в неразрывной связи, каждая в отдельности служит лишь иллюстрацией общего процесса разложения крестьянства и действительного образования противоположных экономических типов — класса товаропроизводителей в земледелии и класса сельскохозяйственных наёмных рабочих.

Обеспеченность крестьянской семьи скотом и в первую очередь рабочей лошадью является одним из главных признаков её состоятельности.

Распределение скота между крестьянами Мордовии в период капитализма специально не изучалось ни экономистами, ни историками. В общих работах по истории Мордовской АССР приводились лишь отдельные, отрывочные сведения о распределении крестьянских дворов по числу рабочего и продуктивного скота.

Так, в работе Т. Е. Купряшкина «Революция 1905—1907 годов на территории Мордовской АССР» приводятся сведения о распределении крупного скота лишь по Спасскому и Темниковскому уездам[2]. Этими же сведениями пользовался В. И. Самаркин[3].

В главе «Развитие капитализма в Мордовии после отмены крепостного права» I тома «Очерков истории Мордовской АССР» авторы использовали дополнительные сведения о сокращении поголовья скота с 1887 по 1892 год по Саранскому, Инсарскому, Краснослободскому и Наровчатскому уездам, не указывая даже источника[4].

В книге «Мордовия в годы первой русской революции» впервые использованы данные военно-конской переписи 1905 года о распределении лошадей между крестьянами всех уездов Мордовии[5].

Материалы подворных переписей 1909—1913 годов по данному вопросу были обработаны мною[6] и М. В. Дорожкиным[7]. Общие сведения о количестве рабочих лошадей у крестьян и о численности безлошадных крестьянских хозяйств Мордовии за 1882, 1889—1891, 1899—1900, 1905 и 1912 годы были даны автором статьи[8].

Однако все эти отрывочные сведения не дают цельного представления о распределении всех видов скота между крестьянами Мордовии.

В данной статье обобщен весь имеющийся материал о крестьянском скотоводстве пореформенной Мордовии. Она написана на основе данных обработки правительственной и земской[9] статистики, а также других опубликованных и архивных источников[10].

* * *

Основным занятием крестьянского населения пореформенной Мордовии являлось земледелие. Крестьянство Мордовии в результате реформы 1861 года потеряло почти $^1/_3$ своих надельных земель. С ростом населения обеспеченность надельной землей из года в год ухудшалась. Если в 1877 году на крестьянский двор приходилось 10,5 дес. всей удобной надельной земли, то в 1905 году уже 7,5 дес., а в 1911—1912 годах—6,1 дес. Причем надельная земля между крестьянами распределялась неравномерно.

Таблица 1

Распределение надельной земли между крестьянами Мордовии в 1905 году[11]

Социальные группы крестьян	Размер надельной земли на двор	Крестьянских дворов		Надельной земли		В среднем десятин на двор
		всех, тыс.	% к итогу	всей, тыс. дес.	% к итогу	
Крестьянская беднота	До 1 десятины	1,9	1,1	1,1	0,1	0,6
	От 1,01 до 2 дес.	6,6	3,8	10,3	0,8	1,5
	От 2,01 до 3 дес.	8,5	4,8	20,4	1,5	2,6
	От 3,01 до 4 дес.	10,6	6,0	39,1	3,0	3,8
	От 4,01 до 5 дес.	14,7	8,4	67,4	5,1	4,6
	От 5,01 до 8 дес.	62,4	35,6	406,3	30,7	6,5
	Итого до 8 дес.	104,7	59,7	544,6	41,2	5,2
Среднее крестьянство	От 8,01 до 15 дес.	65,8	37,6	691,4	52,2	10,5
Крестьянская буржуазия	От 15,01 до 20 дес.	3,7	2,1	60,7	4,6	16,4
	Свыше 20 дес.	1,0	0,6	26,6	2,0	26,6
	Итого свыше 15 дес.	4,7	2,7	87,3	6,6	18,6
	Всего по Мордовии	175,2	100,0	1323,3	100,0	7,5

Около 60% крестьянских дворов Мордовии (104,7 тыс. из 177,2) владела только 41,2% надельной земли. На бедняцкий двор в среднем приходилось по 5,2 дес. земли. В. И. Ленин подчеркивал, что все «это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»[12].

Для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес. Таких хозяйств в Мордовии было всего 2,7%, но они сосредоточили в своих руках 6,6% надельного фонда. На каждый кулацкий двор приходилось 18,6 дес., или в 3,6 раза больше, чем землевладение бедняцкой семьи.

Распределение скота между крестьянами было гораздо более неравномерным, чем распределение надельной земли (табл. 2).

Почти $^1/_7$ часть всех крестьянских дворов уезда не имела никакого скота. С увеличением размера посевной площади численность бесскотных дворов уменьшается. Если в группе крестьянской бедноты числилось 5422, или 21,3% дворов без скота, то в группе крестьянской буржуазии был всего лишь один такой двор. На один бедняцкий двор приходилось всего 1,94 головы скота (в переводе на крупный), а кулацкий двор имел 6,8 головы, или в 3,5 раза больше. Надельной же земли на двор сельская буржуазия имела лишь в 2,3 раза больше по

Таблица 2

Распределение надельной земли и скота между крестьянами Ардатовского уезда[13]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Всех хозяйств дворов	Из них имели скот: дворов	Из них имели скот: %	Надельной удобной земли (десятин): всей	Надельной удобной земли (десятин): % к итогу	Надельной удобной земли (десятин): на двор	Скота в переводе на крупный (голов): всего	Скота в переводе на крупный (голов): % к итогу	Скота в переводе на крупный (голов): на двор
Крестьянская беднота	Без посева	1917	336	17,5	3808	2,2	2,0	461	0,5	0,24
	С посевом до 1 дес.	1790	974	54,4	3005	1,6	1,7	1428	1,5	0,80
	—»— от 1,01 до 2 дес.	5178	3487	67,3	14853	8,2	2,9	5983	6,5	1,16
	—»— от 2,01 до 4 дес.	9639	8505	88,2	44011	24,2	4,6	20130	21,7	2,09
	—»— от 4,01 до 6 дес.	6969	6769	97,1	44183	24,3	6,3	21556	23,2	3,08
	Итого с посевом до 6 дес.	25493	20071	78,7	109854	60,5	4,3	49558	53,4	1,94
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	3715	3684	99,2	27976	15,4	7,5	15026	15,9	4,04
	—»— от 8,01 до 10 дес.	1973	1965	99,6	16337	9,0	8,3	9458	10,5	4,79
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	5688	5649	99,3	44313	24,4	7,8	24484	26,4	4,30
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	1931	1930	99,9	18306	10,0	9,5	11804	12,7	6,11
	—»— свыше 15 дес.	823	823	100,0	9228	5,1	11,2	6934	7,5	8,30
	Итого с посевом свыше 10 десятин	2754	2753	100,0	27534	15,1	10,0	18738	20,2	6,89
	Всего по уезду	33935	28473	83,9	181701	100,0	5,4	92780	100,0	2,73

сравнению с беднотой. Крестьянская беднота, составлявшая 75% всех дворов уезда, имела 60,5% всей надельной земли, а скота лишь 53,4%. Следовательно, в группе бедноты надельная земля играла более значительную роль, чем скот. В группе крестьянской буржуазии, наоборот, надельной земли было 15,1%, а скота 20,2%, т. е. скот играл здесь большую роль, чем надельная земля.

Еще более значительными были различия между самыми крайними посевными группами. Если надельной земли на двор в высшей посевной группе по сравнению с низшей было в 5,6 раза, то скота — в 34,6 раза больше. Таким образом, различие между крайними посевными группами по количеству скота в 6,2 раза больше, чем по количеству надельной земли. Это явление свидетельствует о том, что определителем состоятельности крестьянского двора является наличие скота, а не размер надела.

Крестьянское скотоводство в пореформенной Мордовии не получило значительного развития. В крестьянском хозяйстве скотоводство играло второстепенную, подчиненную земледелию роль.

Таблица 3

Обеспеченность крестьян Мордовии различными видами скота в 1900 году[14]

№№ п/п	Уезды	Крестьянских дворов	Лошадей: всех	Лошадей: на 1 двор	Кр. рогатого скота: всех	Кр. рогатого скота: на 1 двор	Овец, баранов и коз: всех	Овец, баранов и коз: на 1 двор	Свиней: всех	Свиней: на 1 двор
1	Ардатовский	27748	32421	1,17	42777	1,54	82447	2,97	14758	0,53
2	Инсарский	27825	37715	1,36	44932	1,61	150820	5,42	17117	0,61
3	Краснослободский	24932	31923	1,28	30204	1,21	109545	4,39	23091	0,93
4	Наровчатский	18552	20384	1,10	25289	1,36	89713	4,83	11880	0,64
5	Саранский	21343	26643	1,25	28120	1,32	66046	3,09	7528	0,35
6	Спасский	18304	22102	1,21	29613	1,62	81233	4,44	15827	0,86
7	Темниковский	20258	24753	1,22	31842	1,57	72032	3,56	23431	1,16
Итого по Мордовии		158962	195941	1,23	232867	1,46	651843	4,10	113632	0,71

Крестьянский скот по уездам распределялся неравномерно. Лошадьми лучше всех были обеспечены крестьяне Инсарского и Краснослободского уездов, хуже — крестьяне Наровчатского и Ардатовского. На крестьянский двор крупного скота больше приходилось в Спасском и Инсарском, меньше — в Краснослободском и Саранском уездах. Мелким рогатым скотом лучше были обеспечены крестьяне Инсарского и Наровчатского, хуже — Ардатовского и Саранского уездов. Свиней больше держали

крестьяне Темниковского и Краснослободского, меньше — Саранского и Ардатовского уездов.

Среди всех видов скота в земледельческом крестьянском хозяйстве первенствующую роль играла лошадь. Распределение лошадей между крестьянами было исключительно неравномерным.

Таблица 4

Распределение лошадей между крестьянами Ардатовского уезда в 1911 году[15]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Крестьян. дворов		Лошадей всех возрастов			Рабочих лошадей		
		всех	% к итогу	голов	% к итогу	на 1 двор	голов	% к итогу	на 1 двор
Крестьянская беднота	Без посева	1917	5,7	99	0,3	0,05	88	0,3	0,04
	С посевом до 1 дес.	1790	5,3	232	0,7	0,13	203	0,7	0,11
	—»—от 1,01 до 2 дес.	5178	15,3	1424	4,1	0,27	1275	4,5	0,25
	—»—от 2,01 до 4 дес.	9639	28,4	7334	28,1	0,76	6364	22,3	0,66
	—»—от 4,01 до 6 дес.	6969	20,5	8694	24,4	1,25	7117	25,0	1,02
	Итого с посевом до 6 дес.	25493	75,2	17783	50,6	0,70	15047	52,8	0,59
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	3715	10,9	6118	17,4	1,65	4802	16,8	1,29
	—»—от 8,01 до 10 дес.	1973	5,8	3840	10,9	1,95	2994	10,5	1,52
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	5688	16,7	9958	28,3	1,75	7796	27,3	1,37
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	1931	5,7	4735	13,2	2,45	3626	12,7	1,87
	—»—свыше 15 дес.	823	2,4	2699	7,9	3,28	2050	7,2	2,49
	Итого с посевом свыше 10 дес.	2754	8,1	7434	21,1	2,70	5678	19,9	2,06
	Всего по уезду	33935	100	35175	100	1,04	2852	100	0,84

Крестьянская буржуазия, составлявшая всего лишь 8,1%, сосредоточила в своих руках 21,1% лошадей всех возрастов и 19,9% рабочих. На долю бедноты, составлявшей $^3/_4$ всех дворов уезда, оставалась половина лошадей всех возрастов и несколько более половины (52,8%) рабочих лошадей. На кулацкий двор в среднем приходилось в 3,9 раза больше лошадей всех возрастов и в 3,5 раза рабочих лошадей, чем на бедняцкий двор уезда. Особенно большая разница наблюдалась между самыми крайними посевными группами: беспосевные крестьяне имели на двор в 66 раз меньше лошадей всех возрастов и 62 раза меньше рабочих лошадей, чем многопосевные крестьяне.

Таблица 5

Динамика обеспеченности крестьянства Мордовии лошадьми за 30 лет, с 1882 по 1912 год[16]

№№ п/п	Название строек	Годы					За 30 лет произошло увелич. (+) или уменьш. (—)	
		1882	1888—1891	1899—1900	1905	1912	абс.	%
1	Всех крестьянских дворов	140311	148118	158962	168002	187780	+47469	+33,8
2	У них лошадей:							
	всех	231188	197739	203974	215681	212573	—18615	— 8,1
	рабочих	177835	144972	132296	146394	142958	—35237	—19,8
3.	На двор лошадей:							
	всех	1,65	1,33	1,28	1,28	1,13	—0,52	—31,5
	рабочих	1,27	0,98	0,84	0,87	0,76	—0,51	—40,2

За 30 лет число крестьянских дворов возросло на 33,8%. Количество же лошадей сократилось: всех возрастов на 8,1%, а рабочих — на 19,8%. Обеспеченность крестьянского двора лошадьми ухудшилась: на двор крестьяне стали иметь лошадей меньше: всех на 31,5%, а рабочих — на 40,2%. Разорение деревни налицо.

Данные таблицы 6 свидетельствуют о непрерывном процессе разложения крестьянства, росте нищеты и разорения деревни. Число крестьянских дворов увеличилось почти на 40 тыс. (26,8%). Число лошадей же возросло всего на 14,8 тыс., или на 7,5%. Рост числа дворов опережает увеличение поголовья лошадей, поэтому количество лошадей на двор уменьшается. Так, в 1888—1891 годы на крестьянский двор приходилось в среднем 1,33 лошади, а в 1912 г. 1,13, т. е. на 17,7% меньше. Особенно быстро росло число безлошадных дворов. За исследуемый период число безлошадных крестьянских семей возросло более чем на 43,9%, а их удельный вес поднялся с 28,9% до 32,8% (в 1882 г. безлошадные дворы составляли 24,1%). «Безлошадный крестьянин это — такой,— писал В. И. Ленин,— который стал уже совсем неимущим. Это — пролетарий. Живет он (покуда живёт, а вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а работой по найму. Это — родной брат городского рабочего. Безлошадному крестьянину и земля ни к чему: половина безлошадных дворов сдают свои наделы, иногда даже даром отдают их в общество (а то так и платят еще сами верхи!, потому что им не

Таблица 6

Динамика распределения лошадей между крестьянами Мордовии с 1888—1891 по 1912 год

Годы переписи		Без лошадей		С 1 лошадью		С 2 лошадьми		С 3 лошадьми		С 4 лошадьми		С 5 и более лошадьми		Итого	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1888	Дворов	42816	28,9	53381	36,0	29440	19,9	12919	8,7	5460	3,7	4102	2,8	148118	100,0
1891	Лошадей	—	—	53881	27,0	58880	29,8	38757	19,1	21840	11,0	24881	12,6	197739	100,0
1899	Дворов	47709	30,0	56631	35,6	32158	20,2	13628	8,6	5260	3,3	3574	2,3	158962	100,0
1900	Лошадей	—	—	56631	27,8	64316	31,5	40884	20,0	25040	12,3	17103	8,4	203974	100,0
1905	Дворов	45631	27,1	65996	39,3	33549	20 0	14345	8,5	5316	3,2	3165	1,9	168002	100,0
	Лошадей	—	—	65996	30,6	67098	31,1	43035	20,0	21264	9,8	18288	8,5	215681	100,0
1912	Дворов	61620	32,8	71874	38,3	33943	18 1	13171	7,0	4620	2,5	2552	1,3	187780	100,0
	Лошадей	—	—	71874	33,8	67886	31,9	39513	18,6	18480	8,6	14820	7,1	212573	100,0
Произошло увеличение + или уменьшение —	Дворов	+18804	143,9	+18493	+34,6	+4503	+15,3	+252	+2,0	— 840	—15,4	—1550	—37,8	+39662	+26,8
	Лошадей	—	—	+18493	+34,6	+4503	+15,3	+756	+2,0	—3360	—182	—10061	—67,9	+14834	+ 7,5

под силу обрабатывать землю). Безлошадный крестьянин сеет какую-нибудь десятину, много—две. Ему всегда приходится прикупать хлеб (если есть на что купить),— своим хлебом никогда не прокормиться»[17].

По данным подворной переписи 1911 г. в Ардатовском уезде числилось 11869, или 34,9% безлошадных дворов, всей посевной земли у них было 21383 дес., или по 1,8 дес. на двор[18].

Для иллюстрации вывода В. И. Ленина мы приводим материал бюджетных исследований по Пензенской губернии. Обследование 1913 года описало 17 безлошадных дворов, которые находились на современной территории Мордовии. На такой двор в среднем приходилось: надельной пашни 3,7 дес., купчей 0,3 дес., арендованной 0,4 дес., сданной в аренду 0,2 дес., земли в пользовании было 4,2 дес., из них в посеве 2,2 дес. 7 дворов были бескоровные. Годовой доход каждой семьи составил 272,2 руб., а расход —305,5 руб., дефицит —63,3 руб.[19].

Таблица 6 показывает рост числа однолошадных крестьянских дворов. Если в 1888—1891 годы их было 53381,то в 1912 году их стало 71874, т. е. произошло увеличение на 34,6%. Удельный вес однолошадных семей возрос с 36 до 38,3%.

В. И. Ленин подчеркивал, что однолошадный крестьянин не многим ушел дальше от безлошадного, это тоже — масса бедноты и нищеты. Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, также перебивался только «заработками». Он наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Однолошадный крестьянин являлся полупролетарием, он родной брат городского пролетариата[20].

Бюджетным обследованием 1913 года описано 37 однолошадных крестьянских хозяйств, находившихся на территории современной Мордовии. На двор приходилось: надельной земли 5,1 дес., купчей 1 дес., арендованной 0,8 дес., сданной в аренду 0,2 дес., в посеве 3,9 дес., 0,9 головы коровы. Весь сельскохозяйственный инвентарь оценивался в 54 руб., лишь один двор имел усовершенствованный инвентарь, который стоил всего лишь 5 руб. От земли годовой доход составлял 316,7 руб. Для продовольствия семьи нехватало продуктов полеводства и каждый двор их покупал в среднем в год на 49,6 руб.

Известный специалист по животноводству Тамбовской губернии В. Н. Дьяков пришел к выводу, что «хозяйство без лошади уже выбито из обычного хозяйственного строя, но и хозяйства с одной лошадью суть малонадежные, находящиеся всегда на границе безлошадности... Без лошади не может существовать даже среднее крестьянское хозяйство»[21].

В. И. Ленин всех безлошадных и $^3/_4$ однолошадных крестьян относил к сельскому пролетариату[22]. Следовательно, на территории Мордовии в 1888—1891 годы к сельскому пролетариату можно отнести 82852 крестьянских двора, или 55,9%. В 1912 году таких дворов стало 115526, что составляло 61,5% общего числа

крестьянских хозяйств Мордовии. В их владении находилось 25,4% всего поголовья лошадей. «Это,— подчеркивал В. И. Ленин,— класс наёмных рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих и пр. пр.»[23].

Крестьянские хозяйства с тремя и более лошадьми В. И. Ленин относил к многолошадным. Многолошадный крестьянин являлся почти всегда богатым крестьянином. Такие крестьянские хозяйства составляли меньшинство. В 1888—1891 годы в Мордовии их было 22481, или 15,2%. Однако в их руках было сконцентрировано 42,7% общего числа лошадей и почти половина всего земледельческого производства крестьян. Оно производило продукты в основном на продажу и превращалось в сельскую буржуазию, соединяя крупное земледелие с торгово-промышленным предпринимательством.

В условиях Мордовии к сельской буржуазии можно отнести все крестьянские хозяйства с 4 и более лошадьми, а также примерно $^3/_4$ трехлошадных хозяйств. В таком случае сельской буржуазии в Мордовии было 19252 крестьянских хозяйства, что составляло 13% общего числа дворов. Сравнение данных четырех военно-конских переписей показывает, что число безлошадных и однолошадных дворов в Мордовии увеличилось с 96197 до 133494 (на 38,8%), число же многолошадных дворов, наоборот, сократилось с 22481 до 20343 (на 10,5%). Особенно сильно уменьшилось число хозяйств с 5 и более лошадьми.

Однако количество средних и зажиточных дворов вместе (с 2 и более лошадьми) возросло не намного (41921 в 1888—1891 гг. и 54286 в 1912 г.). В основном весь прирост числа крестьянских хозяйств произошел за счет бедноты. Рост нищеты и экспроприации деревни не подлежит сомнению.

Соотношение же между высшей и низшей группой почти не изменилось. В 1888—1891 годы крестьянской бедноты в Мордовии было 55,9%, у них лошадей 20,2%, у 13% сельской буржуазии находилось 38,3% всех лошадей. В 1912 году у 61,5% бедноты было 25,4% лошадей, а у 9,1% сельской буржуазии — 29,6% общего числа крестьянских лошадей.

В. И. Ленин подчеркивал, что «крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели... но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться»[24].

Все крестьянство Мордовии в целом стало беднее лошадьми, и абсолютное количество, и процент многолошадных хозяйств уменьшились. Это свидетельствует об общем упадке крестьянского хозяйства. Однако сельская буржуазия, уменьшая численность рабочего скота, улучшала его качество. Поэтому тягловая сила в таком хозяйстве не сокращалась. Обеспеченность крестьянства Мордовии лошадьми была значительно хуже не только крестьянства европейской России в целом, но и тех губерний, из уездов и волостей которых она образовалась.

Таблица 7

Обеспеченность крестьянской семьи Мордовии лошадьми в сравнении с соседними губерниями и европейской Россией (1905 г.)[25]

№№ п/п	Местности	Число наличных дворов	У них лошадей	На 1 двор приходилось лошадей
1	Мордовия	168002	215681	1,28
2	Пензенская губерния	227997	316230	1,34
3	Симбирская губерния	244775	329093	1,34
4	Тамбовская губерния	393962	664555	1,69
5	Нижегородская губ.	262908	260784	0,99
6	В 16 губерниях европейской России	4578874	8219839	1,76

Если на каждую крестьянскую семью Мордовии приходилось 1,28 лошади, то в Пензенской и Симбирской губерниях 1,34, в Тамбовской — 1,69, а в европейской России — 1,76 лошади. Только в Нижегородской губернии обеспеченность крестьянства лошадьми была еще хуже, чем в Мордовии.

Экспроприация крестьянства происходила повсеместно, но она совершалась не в одинаковой степени (табл. 8).

Таблица 8

Распределение лошадей между крестьянами Мордовии в сравнении с соседними губерниями и европейской Россией[25]

Категория хозяйств	Мордовия		Пензенская губерния		Симбирская губерния	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Без лошадей Дворов	45631	27,1	59983	26,3	70553	28,8
Лошадей	—	—	—	—	—	—
С 1 лошадью Дворов	65996	39,3	81316	35,7	82569	33,7
Лошадей	65996	30,6	81316	25,7	82569	25,7
С 2 лошадьми Дворов	33549	20,0	48253	21,2	52401	21,4
Лошадей	67098	31,1	96506	30,5	104802	31,8
С 3 лошадьми Дворов	14345	8,5	22920	10,0	24448	10,0
Лошадей	43035	20,0	68760	21,8	73344	22,3
С 4 лошадьми Дворов	5316	3,2	8829	3,9	9531	3,9
Лошадей	21264	9,8	35316	11,1	38124	11,6
С 5 и более лошадьми Дворов	3165	1,9	6696	2,9	5273	2,2
Лошадей	18288	8,5	34332	10,9	30254	9,2
ИТОГО Дворов	168002	100,0	227997	100,0	244775	100,0
Лошадей	215681	100,0	316230	100,0	329093	100,0

Продолжение таблицы 8

Категория хозяйств	Тамбовская губерния		Нижегородская губерния		В 16 губерниях европейской России	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Без лошадей Дворов	110141	28,0	111313	42,3	1110951	23,7
Лошадей	—	—	—	—	—	—
С 1 лошадью Дворов	108836	27,6	83549	31,8	1505531	32,2
Лошадей	108836	16,4	83549	32,0	1505531	18,3
С 2 лошадьми Дворов	79127	20,1	41062	15,6	978284	20,9
Лошадей	158254	23,8	82124	31,5	1956568	23,8
С 3 лошадьми Дворов	46351	11,8	17753	6 8	516348	11,0
Лошадей	139053	20,9	53259	20,5	1549044	18,9
С 4 лошадьми Дворов	24144	6,1	6350	2,4	254989	5,5
Лошадей	96576	14,5	25400	9.7	1019956	12,4
С 5 и более лошадьми Дворов	25363	6,4	2881	1,1	312771	6,7
Лошадей	161836	24,4	16452	6,3	2181740	26,6
ИТОГО Дворов	393962	100,0	262908	100,0	4678874	100,0
Лошадей	664555	100,0	260784	100,0	8212839	100,0

Удельный вес безлошадных крестьянских хозяйств в Мордовии был выше, чем в Пензенской губернии и в целом европейской России, но ниже Симбирской, Тамбовской и особенно Нижегородской губерний. Но однолошадных дворов было больше всех сравниваемых губерний и европейской России. Крестьянской бедноты (безлошадных и однолошадных) в Мордовии числилось сравнительно больше, чем в губерниях, из которых она составилась.

Только Нижегородская губерния по удельному весу деревенской бедноты перегнала Мордовию. Совершенно иную картину мы наблюдаем по доле многолошадных крестьянских семей. В этом отношении Мордовия стояла ниже всех сравниваемых территорий. Только в Нижегородской губернии многолошадных семей было несколько меньше, чем в Мордовии. Крестьянская беднота, составлявшая абсолютное большинство крестьянских хозяйств, имела от $^1/_6$ до $^1/_3$ общего числа лошадей. Зажиточное крестьянство, составлявшее абсолютное меньшинство крестьянских семей, держало в своих руках от 40 до 60% лошадей. Крестьянство Мордовии, таким образом, было беднее лошадьми, чем крестьянство всех сравниваемых территорий. Исключение

составляло крестьянство Нижегородской губернии. Крестьянство Мордовии нищало и разорялось гораздо быстрее, чем крестьяне европейской России в целом. Если в Мордовии безлошадных и однолошадных дворов в 1888—1891 гг. было 64,9%, в 1896—1900 гг.—65,6%, в 1905 г.—66,4%, то в европейской России соответственно: 55,8%, 59,5% и 55,9%.

Многолошадных в европейской России, по данным названных переписей, было 22%, 18,5% и 23,2%, а в Мордовии соответственно: 15,2%, 12,6% и 13,6%.

Перейдем к распределению между крестьянами других видов скота. За лошадью по своей ценности для крестьянской семьи стоял крупный рогатый скот и в первую очередь — дойная корова. Крупный рогатый скот между крестьянами также распределялся неравномерно.

Таблица 9

Распределение крупного рогатого скота между крестьянами Ардатовского уезда[27]

Социальн. груп. крестьян	Посевные группы	Крестьян. дворов		Крупный рогатый скот			В том числе коров		
		всех	% к итогу	голов	% к итогу	на двор	голов	% к итогу	на двор
Крестьянская беднота	Без посева	1917	5,7	429	0,7	0,2	278	0,9	0,1
	С посевом до 1 дес.	1790	5,3	1537	2,5	0,9	849	2,9	0,5
	—»— от 1,01 до 2 дес.	5178	15,3	5671	9,2	1,09	2987	10,0	0,58
	—»— от 2,01 до 4 дес.	9639	28,4	15003	24,2	1,56	7562	25,4	0,78
	—»— от 4,01 до 6 дес.	6969	20,5	14086	22,7	2,02	6782	22,8	0,97
	Итого с посевом до 6 дес.	25493	75,2	36726	59,3	1,44	18458	62,0	0,72
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	3715	10,9	9076	14,7	2,44	4210	14,1	1,16
	—»— от 8,01 до 10 дес.	1973	5,8	5518	8,9	2,80	2507	8,5	1,27
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	5688	16,7	14594	23,6	2,57	6717	22,6	11,8
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	1931	5,7	6716	10,8	3,48	2953	9,9	1,53
	—»— свыше 15 дес.	823	2,4	3881	6,3	4,72	1627	6,5	1,97
	Итого с посевом свыше 10 десятин	2754	8,1	10597	17,1	3,85	4580	15,4	1,66
	Всего по уезду	33935	100	61917	100	1,82	29755	100	0,88

Крестьянская беднота, составлявшая $^3/_4$ всех дворов уезда, имела 59,3% голов крупного рогатого скота и 62% коров, а крестьянская буржуазия, составлявшая 8,1% дворов, сосредоточивала в своих руках 17,1% крупного рогатого скота и 15,4% коров.

Кулацкое хозяйство имело в 2,7 раза больше крупного рогатого скота и в 2,3 раза коров, чем бедняцкое. Особенно большая разница наблюдается между крайними посевными группами, хотя она менее разительна, чем при распределении лошадей.

Особый интерес представляет распределение крестьянских дворов по количеству у них коров. Такие сведения мы находим по материалам подворных переписей 1909—1913 годов.

Таблица 10

Распределение крестьянских дворов по количеству коров в Мордовии[28]

№№ п/п	Группы хозяйств	Наличных крестьянских дворов		У них коров		
		всех	% к итогу	всех	% к итогу	на двор
1	Бескоровные	35577	24,3	—	—	—
2	С 1 коровой	91288	62,2	91288	67,2	1,0
3	С 2 коровами	16604	11,2	32808	24 2	2.0
4	С 3 коровами	3472	1,7	7416	5,5	3,0
5	С 4 и более коровами	888	0,6	4241	3,1	4 8
	Итого:	146629	100	135753	100	0,92

Почти четверть всех крестьянских дворов были бескоровными. Это — беднота. К этой группе по условиям Мордовии можно отнести $^2/_3$ всех дворов с 1 коровой. Их было 60858, или 41,4%. По числу коров в Мордовии крестьянская беднота составляла 65,7% всех дворов. Но в их руках было всего лишь 44,8% общего числа коров. К сельской буржуазии следует отнести все хозяйства с 3 и более коровами, а также $^3/_4$ двухкоровных. Таких хозяйств было 10,7%, но они сосредоточивали в своих руках 26,7% всех коров.

О нищете и разорении крестьян свидетельствует непрерывный рост бескоровных крестьянских дворов. Если в 1882 году бескоровных дворов в Спасском уезде насчитывалось 8%, Темниковском — 10,9%, то в 1912 году этот процент возрос в первом уезде до 20, во втором — до 18,9[29].

Крестьянская беднота вынуждена была нередко продавать молочные и мясные продукты, сокращая их потребление. В своей записке в Саранский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности крестьяне А. А. Онисимов, В. О. Водясов и С. Н. Чугунов отмечали, что «летом недостаток для скота кормовых угодий и корма в поле, а зимой недостаток домашнего

корма доводят скот до такого истощения, что он едва передвигает ноги... При настоящем корме в крестьянстве не может быть речи об улучшении молочного хозяйства: его едва при одной корове (у многих и совсем нет) может хватить детям, а о продаже и говорить нечего. Если и крестьянин продаст что из этой страсли, то последнее, оставляя себя и детей на одном черном хлебе и капусте. Продавать же его заставляет нужда, вырученное идет на другие необходимые потребности»[30].

Мелкий рогатый скот (овцы, бараны, козы) и свиньи между крестьянами распределялись также неравномерно (табл. 11). Тенденция и здесь та же. С повышением посевной группы увеличивается обеспечение крестьянского двора овцами и свиньями. Кулацкий двор имел в 7,6 раза больше овец, в 4,3 раза больше свиней, чем бедняцкий. Меньшинство крестьянства (8,1%) сосредоточило в своих руках 27,3% всех овец и 23% свиней. Абсолютное большинство крестьян (75,1%) имело лишь 42,9% овец и 48,9% свиней уезда. Многие крестьяне совершенно не имели овец и свиней. По материалам подворного обследования животноводства в Спасском уезде крестьянских дворов без овец было 40,1%, без свиней —50,4%, в Темниковском соответственно: 33,5% и 31%[32]. Абсолютное большинство таких дворов относилось к крестьянской бедноте.

Важное значение для развития скотоводства имела не только кормовая база, но и обеспеченность скота помещениями. Скотопомещения между крестьянами так же распределялись неравномерно (табл. 12).

Почти $^1/_{10}$ часть всех крестьянских дворов уезда не имела надворных построек. Но по социальным группам крестьянства надворные постройки распределялись совершенно неравномерно. Если в группе сельской буржуазии почти все хозяйства были с надворными постройками, то в группе бедноты 12% не имели таковых. С увеличением посевной группы возрастает число дворов с надворными постройками. В первой низшей посевной группе почти половина дворов не имела надворных построек, в последней высшей группе все хозяйства были с надворными постройками.

Скотские помещения между крестьянами также распределялись неравномерно. Крестьянская беднота, составлявшая $^3/_4$ всех дворов, имела 64,6% конюшен, 62% хлевов и 70,2% сараев. Крестьянская же буржуазия, составлявшая 8,1% дворов уезда, сосредоточила 13,3% конюшен, 14,2% хлевов и 10,7% сараев. На бедняцкий двор приходилось 0,7 конюшен, 0,3 хлева и 0,9 сарая; на кулацкий же — 1,3 конюшни, 0,7 хлева и 1,2 сарая. Следовательно, кулацкий скот в два раза был лучше обеспечен конюшнями, в 3,5 раза хлевами и в 1,3 раза сараями.

В Ардатовском уезде было 35175 лошадей всех возрастов (28521 рабочих), 61917 голов крупного (31003 коров и быков), 91661 голова мелкого рогатого скота и 15374 свиньи. Конюшен

Таблица 11

Распределение овец и свиней между крестьянами Ардатовского уезда[31]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Крестьянских дворов		У них было:					
				овец			свиней		
		всех	% к итогу	всех	% к итогу	на 1 двор	всех	% к итогу	на 1 двор
Крестьянская беднота	Без посева	1917	5,7	104	0,1	0 05	107	0,7	0,05
	С посевом до 1 дес.	1790	5,3	601	0,6	0,33	230	1,5	0,10
	—»— от 1,01 до 2 дес.	5178	15,3	3308	3,6	0,64	968	6,3	0,20
	—»— от 2,01 до 4 дес.	9639	28 4	14833	16,3	1,54	2905	18,9	0,30
	—»— от 4,01 до 6 дес.	6969	20,5	20420	22,3	2,93	3313	21.5	0,50
	Итого с посевом до 6 десятин	25493	75,2	39316	42,9	1,15	7523	48,9	0,30
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	3715	10,9	16806	18,4	4 52	2558	16,7	0,68
	—»— от 08,1 до 10 дес.	1973	5,8	11326	12,4	5,74	1754	11,4	0,89
	Итого с посевом от 8,01 до 10 дес.	5688	16,7	28132	39,8	4,95	4312	28,1	0,76
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10 до 15 десятин	1931	5,7	15037	16,4	7,78	2170	14,1	1,12
	Свыше 15 десятин	823	2,4	9045	9,9	10,99	1359	8,9	1,66
	Итого с посевом свыше 10 десятин	2754	8,1	24082	27,3	8,74	3539	23,0	1,29
	Всего по уезду	33935	100	91530	100	2,70	15374	100	0,45

Таблица 12

Распределение скотских помещений между крестьянами Мордовского уезда[32]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Всех крестьянских дворов	Из них имели надворные постройки		У них имелись скотские помещения					
					конюшни		хлевы		сараи	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крестьянская беднота	Без посева	1917	937	48.9	320	1,2	175	1.3	696	2,2
	С посевом до1 дес.	1790	1343	85,0	715	2,6	348	2,6	1184	3,7
	—»— от 1,01 до 2 дес.	5178	4265	82,4	2644	9,8	1155	8,7	4060	12,7
	—»— от 2,01 до 4 дес.	9639	9058	94,0	7409	27,2	3217	24,2	9249	28,9
	—»— от 4.01 до 6 дес.	6969	6837	98,1	6495	23.8	3363	25.2	7229	22,7
	Итого с посевом до 6 десятин	25493	22440	88,0	17583	64,6	8258	62,0	22418	70,2
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	3715	3687	99,2	3806	14,0	1946	14.6	3950	12,3
	—»— от 8,01 до 10 дес.	1973	1962	99,4	2212	8,1	1219	9,2	2166	6,8
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	5688	5649	99,3	6018	22,1	3165	23,8	6116	19,1
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10.01 до 15 дес.	1931	1924	99,6	2385	8,7	1286	9,7	2285	7,1
	свыше 15 дес.	823	823	100	1231	4,6	607	4,5	1113	3,6
	Итого с посевом свыше 10 дес.	2754	2747	99,7	3616	13 3	1893	14,2	3398	10,7
	Всего по уезду	33935	30836	90,9	27217	100	13316	100	31932	100

имелось 27217, т. е. их не хватало даже для рабочих лошадей, 13316 хлевов, т. е. ими не обеспечивалась даже половина коров и быков.

Член Ардатовского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности В. Н. Васильев в своей записке указывал, что наряду с недостатком и плохим качеством корма, «помещения для скота в громадном большинстве случаев были холодными»[34]. Подобное же положение было и в других уездах Мордовии.

Подворные переписи дают возможность определить некоторые особенности процесса разложения крестьянства по числу скота в зависимости от национальной принадлежности. Скот распределялся неравномерно между крестьянами разных национальностей (табл. 13). Неравномерность распределения рабочих лошадей и коров между крестьянами наблюдается как в русской, так и в мордовской деревне. Происходит концентрация рабочих лошадей и коров в руках крестьянской буржуазии, дальнейшее разорение крестьянской бедноты. Однако степень неравномерности была различной у крестьян разных национальностей. Крестьянская беднота мордовской деревни была обеспечена рабочим скотом и дойными коровами значительно хуже, чем беднота русской деревни. Доля бедноты в крестьянстве была почти одинакова (67,3% в русской и 66,7% в мордовской деревне). Но беднота мордовской деревни имела 38% рабочих лошадей и 47,8% коров, тогда как у бедноты русской деревни было 46,6% рабочего скота (больше на 8,6%) и 55% коров (больше на 7,2%). Если на бедняцкий двор в мордовской деревне приходилось в среднем по 0,6 рабочей лошади и 0,8 коровы, то в русской деревне — соответственно 0,8 лошади и 0,9 коровы.

Иную картину наблюдаем в группе крестьянской буржуазии. Кулачества в мордовской деревне было почти в 1,5 раза меньше, чем в русской деревне (9,5% и 14,5%). В руках мордовского кулачества, составлявшего 9,5%, сосредоточено 26,9% рабочего скота и 17,4% дойных коров. У русского же кулачества, составлявшего 14,5%, находилось 26,7% лошадей и 23,3% коров. Мордовский кулак по сравнению с русским имел на двор больше в 1,7 раза рабочих лошадей и в 1,2 раза коров.

Характерной особенностью мордовской деревни являлось то, что в ней большую долю составляло среднее крестьянство, которое было значительно лучше русского обеспечено и рабочим скотом, и дойными коровами. Мордовское крестьянство было лучше обеспечено не только надельной землей, но и скотом.

По материалам подворных переписей в Ардатовском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах крестьянских хозяйств без крупного скота было всего 17,7%, в том числе 20,7% по татарским, 18,2% русским и 15,1% мордовским селениям. В среднем на двор приходилось 0,9 рабочих лошадей и 0,92 коровы. Обеспеченность этими основными видами

Таблица 13

Распределение крупного скота между крестьянами разных национальностей по бюджетному обследованию 1913 года[35]

Социальные группы крестьян	Посевные группы	Национальность	Крестьянских дворов		У них было					
					рабочих лошадей			коров		
			всех	% итогу	всех	% к итогу	на двор	всех	% к итогу	на двор
Крестьянская беднота	С посевом до 3 дес.	русск.	16	29,1	8	13,3	0,5	14	28,3	0,9
		морд.	9	42,9	4	19,0	0,4	7	30,4	0,8
	С посевом от 3,01 до 6 дес.	русск.	21	38,2	20	33,3	0,9	19	31,7	0,9
		морд.	5	23,8	4	19,0	0,8	4	17,4	0,8
	Итого с посевом до 6 дес.	русск.	37	67,5	28	46,6	0,8	33	55,0	0,9
		морд.	14	66,7	8	38,0	0,6	11	47,8	0,8
Среднее крестьянство	С посевом от 6,01 до 8 дес.	русск.	9	16,4	14	23,4	1,6	12	20,0	1,3
		морд.	3	14,3	7	38,9	2,3	3	14,3	1,0
	—»— от 8,01 до 10 дес.	русск.	1	1,8	2	3,3	2,0	1	1,7	1,0
		морд.	2	9,5	4	15,4	2,0	5	20,5	2,5
	Итого с посевом от 6,01 до 10 дес.	русск.	10	18,2	16	26,7	1,6	13	21,7	1,3
		морд.	5	23,8	11	42,3	2,2	8	34,8	1,6
Крестьянская буржуазия	С посевом от 10,01 до 15 дес.	русск.	6	10,9	11	18,4	1,8	12	20,0	2,0
		морд.	1	4,7	2	7,7	2,0	2	8,7	2,0
	С посевом свыше 15 дес.	русск.	2	3,6	5	8,3	2,5	2	3,3	1,0
		морд.	1	4,8	5	19,2	5,0	2	8,7	2,0
	Итого с посевом свыше 10 дес.	русск.	8	14,5	16	26,7	2,0	14	23,3	1,7
		морд.	2	9,5	7	26,9	3,5	4	17,4	2,0
	Всего по обследованным хозяйствам	морд.	21	100	26	100	1,2	23	100	1,1
		русск.	55	100	60	100	1,1	60	100	1,1

скота была различной у крестьян разных национальностей (табл. 14). Рабочего скота в мордовской деревне приходилось на двор 1,07, коров 0,99 головы, тогда как в татарской — 0,93 лошади и 0,86 коровы, а в русской соответственно 0,84 и 0,91 головы.

Таблица 14

Распределение у крестьян разных национальностей Мордовии рабочих лошадей[36]

Группы хозяйств	Национальность	Крестьянских дворов		У них рабочих лошадей		
		всех	% к итогу	всех	% к итогу	на двор
Безлошадные	русские	40679	35,1	—	—	—
	мордва	9566	24,2	—	—	—
	татары	3004	34,1	—	—	—
	Итого:	53249	32,4	—	—	—
С 1 лошадью	русские	55520	47,9	55520	55,1	1,0
	мордва	19552	49,3	19552	44,2	1,0
	татары	3914	44,4	3914	44,8	1,0
	Итого:	78986	48,1	78986	51,4	1,0
С двумя лошадьми	русские	15910	13,8	31820	31,6	2,0
	мордва	7803	19,8	15606	35,3	2,0
	татары	1302	14,7	2604	29,8	2,0
	Итого:	25015	15,2	50030	32,6	2,0
С тремя лошадьми	русские	2855	2,4	8565	8,5	3,0
	мордва	1839	4,7	5517	12,4	3,0
	татары	343	3,9	1029	11,8	3,0
	Итого:	5037	3,1	15111	9,8	3,0
С 4 и более лошадьми	русские	963	0,8	4811	4,8	5,0
	мордва	798	2,0	3574	8,1	4,5
	татары	250	2,8	1181	13,6	4,7
	Итого:	2011	1,2	9566	6,2	4,8
Всего по уездам	русские	115927	100,0	100716	100,0	0,9
	мордва	39558	100,0	44249	100,0	1,1
	татары	8313	100,0	8728	100,0	1,0
	Итого:	164298	100,0	153693	100,0	0,9

Безлошадных крестьянских дворов больше всего было в русской деревне (35,1%) и меньше всего в мордовской деревне (24,2%). Разница составляла 10,9%.

Однолошадных дворов в русской деревне было меньше, чем в мордовской. Правда, разница была всего в 1,4%. Но однолошадные в русской деревне имели 55,1% рабочих лошадей, а в мордовских 44,2%. Разница составляла 10,9%.

Иная картина наблюдается в группе многолошадных крестьян (с 3 и более лошадьми). Больше всех многолошадных хозяйств было в татарской и мордовской деревнях (6,7%) и меньше — в русской (3,2%). $^1/_{16}$ часть крестьянских хозяйств татарской деревни сосредоточила в своих руках более $^1/_4$ всех рабочих лошадей, а в мордовской деревне такая же часть дворов владела лишь $^1/_5$ всего рабочего скота. В русской деревне на долю многолошадных дворов (3,2%) приходилось 13,3% рабочего скота.

К сельскому пролетариату относились все безлошадные и $^3/_4$ однолошадных. В русской деревне сельского пролетариата было 71% всех крестьянских дворов, но они имели лишь 41,3% рабочих лошадей, в мордовской — 53,7%, а рабочего скота у них было 26,4%, в татарской — 67,4%, а рабочего скота было 33,6%. Следовательно, процесс разложения крестьянства шел значительно быстрее в русской и татарской деревнях и несколько медленнее он шел в мордовской деревне. Распределение крестьянских дворов Мордовии по числу дойных коров в национальном разрезе было также различным (табл. 15).

Таблица 15

Распределение крестьянских дворов Мордовии по числу дойных коров[1]

Группы хозяйств	Крестьянских дворов							
	русских		мордвы		татар		итого	
	всех	%	всех	%	всех	%	дворов	%
Бескоровных	25157	24,1	8011	23,1	2409	30,4	35577	24,3
С 1 коровой	66323	63,8	20481	59,1	4604	58,0	1288	62,2
С 2 коровами	10714	10,2	4925	14,2	765	9,6	16604	11,2
С 3 коровами	1425	1,4	814	2,3	113	1,4	2472	1,2
С 4 и более коровами	405	0,4	438	1,3	45	0,6	888	0,6
Итого по 5 уездам	104024	100,0	34669	100,0	7936	100,0	146629	100,0

Бескоровных дворов было больше всего в татарской деревне (30,4%) и меньше всего было в мордовской (23,1%). В русской деревне больше было однокоровных дворов (63,8%). Крестьянских хозяйств с 2 и более коровами больше всего было в мордовской деревне (17,8%).

При изучении вопроса о разложении крестьянства В. И. Ленин придавал важное значение распределению скота между крестьянами, т. к. наличие его является одним из основных признаков состоятельности. Создание в крестьянстве новых эконо-

мических типов — сельского пролетариата и сельской буржуазии — наглядно прослеживалось по распределению скота между крестьянами. Все виды скота между крестьянами распределялись неравномерно, причем гораздо неравномернее, чем распределение надельной земли.

Главным признаком состоятельности крестьянского хозяйства являлось наличие лошади и в первую очередь рабочей, т. к. на ней производились все земледельческие и внутрихозяйственные работы. Пореформенное крестьянство Мордовии стало беднее тягловой рабочей силой. С 1882 по 1912 год поголовье рабочего скота сократилось почти на 20%, а численность крестьянских дворов увеличилась на $^1/_3$. Обеспеченность крестьянского хозяйства рабочими лошадьми сократилась более чем на 40%. Весь прирост крестьянских хозяйств Мордовии произошел за счет бедноты. С 1888—1891 по 1912 год доля бедноты возросла с 55,9% до 61,5%, доля же сельской буржуазии сократилась с 13 до 9,1%. Но с уменьшением доли кулачества обеспеченность его лошадьми возросла. Если 13% зажиточного крестьянства в 1888—1891 годы держала в своих руках 20,2% лошадей, то 9,1% их в 1912 году сосредоточила 29,6% всех лошадей Мордовии. Кроме того, кулачество, сокращая численность лошадей, улучшило их качество, заменяя малосильный скот породным, более сильным.

Рост нищеты и разорения крестьянства в Мордовии был значительно сильнее, чем в губерниях, из которых она составилась и в целом по европейской России.

Признаком разорения крестьянства Мордовии является рост числа бескоровных дворов, правда этот процесс шел медленнее, чем увеличение числа безлошадных семей. В начале XX века около $^1/_7$ части всех крестьянских дворов Мордовии было без всякого скота, около $^1/_3$ — без лошадей, $^1/_4$ — без коров, около $^1/_3$ — без овец и $^2/_5$ без свиней.

Неравномерность распределения скота имела место у крестьян всех национальностей Мордовии. Но эта неравномерность возрастала значительно быстрее в русской и татарской, чем в мордовской деревне.

Взаимоотношения между различными группами крестьянства показывают, что направление действительного хозяйственного развития пореформенной деревни Мордовии состояло в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариев. Пореформенное крестьянское хозяйство Мордовии являлось ничем иным, как мелкобуржуазным типом хозяйства.

---

[1] В. И. Ленин. Поля. собр. соч., т. 3, стр. 164—170.

[2] Т. Купряшкин. Революция 1905—1907 годов на территории Мордовской АССР. Саранск, 1942, стр. 27—28.

[3] В. И. Самаркин. Мордовия в пореформенный период. Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1947, № 9, стр. 4—5.

[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955, стр. 319—320, 324—325.

[5] И. И. Фирстов. Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955, стр. 46—47.

[6] И. И. Фирстов. Столыпинская аграрная реформа на территории Мордовии. Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1955, № 15. Мордовия в период столыпинской реакции и в годы подъёма рабочего движения перед мировой империалистической войной. Очерки истории Мордовской АССР, т. I.

[7] М. В. Дорожкин. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957, стр. 19.

[8] И. И. Фирстов. К вопросу о земельной аренде в пореформенной Мордовии. Ученые записки МГУ. Серия исторических наук, № 51, вып. 2. Саранск, 1966, стр. 27—28.

[9] Конская перепись 1882 г. СПб., 1884; Статистика Российской империи, т. XX. Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891; т. XXXI. Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894; т. V; Военно-конская перепись 1899—1901 гг. СПб., 1902; т. XV; Военно-конская перепись 1905 г. СПб., 1907; т. XXXIII. Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914; Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел № 50, 1901. Сведения о количестве скота в 1900 г. данным волостных правлений и уездной полиции. СПб., 1901; Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926; Материалы подворного обследования животноводства Тамбовской губернии в 1912 г. Тамбов, 1914; Подворные переписи 1909—1913 гг. по Ардатовскому, Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому и Саранскому уездам.

[10] Фонды статистических комитетов, канцелярии губернаторов, губернских и уездных земских управ, губернских и уездных землеустроительных комиссий государственных архивов Пензенской, Симбирской и Тамбовской областей, а также ЦГА МАССР.

[11] Статистика землевладения 1905 года. Вып. XII, стр. 25; Вып. XX, стр. 32; Вып. XXIII, стр. 27—31.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 64.

[13] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913, стр. 116—118, 120—121.

[14] Число крестьянских дворов определено по «Статистике Российской империи», т. V. Военно-конская перепись 1899—1900 гг.». СПб., 1902, стр. 5—7, 53—54, 60—62. Число крестьянского скота по «Временнику Центрального статистического комитета № 50». Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб., 1901, стр. 14—17.

[15] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—121.

[16] Таблица составлена по следующим источникам: Конская перепись 1882 г. СПб., 1884, стр. 78—81; 99—102; Статистика Российской империи, т. XX. Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891, стр. 8, 80—81, т. XXXI. Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894, стр. 6—7, 42—48, т. V. Военно-конская перепись 1899—1901 гг. СПб., 1902, стр. 5—7, 53—54, 60—62, т. XV. Военно-конская перепись 1905 г. СПб., 1907, стр. 3—5, 24—26, 32—33, т. XXXIII. Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914, стр. 110—113, 128—129, 134—135.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155.

[18] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—121.

[19] Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии. 1909—1913 гг. Серия III, ч. III. Бюджетные исследования крестьянского хозяйства. Вып. I. Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923. Подсчеты произведены нами по бюджетам отдельных крестьянских хозяйств.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 155—156.

[21] Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903, отд. VI, стр. 289.

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 137.

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 137.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 116.
[25] Статистика Российской империи, т. XV. Военно-конская перепись 1905 года. СПб., 1906, стр. 3—5, 22—39.
[26] Военно-конская перепись 1905 года, стр. 3—5, 22—39.
[27] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120.
[28] Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги, стр. 219—221. Подсчеты сделаны без Спасского и Темниковского уездов, так как по ним подворная перепись животноводства 1912 года однотипных сведений не даёт. По обследованию 1897 г. распределение крестьянских дворов по количеству у них коров по названным уездам было следующим:

Уезды	Без коров	С 1 коровы	С 2—3 коров	С 4—5 коров
	в процентах			
Спасский	20,7	48,8	22,2	2,3
Темниковский	22,9	45,5	28,1	3,5

Сборник-календарь Тамбов. губ. на 1903 г. Тамбов, 1903, отд. VI; стр. 295—296.
[29] Данные взяты из следующих источников: Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. 1. Крестьянское хозяйство. М., 1893, стр. 58—59; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Тамбов, 1914. Приложение 1.
[30] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пензенская губерния. СПб., 9103, стр. 153.
[31] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 121.
[32] Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Приложение 1.
[33] Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. III, стр. 120—123.
[34] Труды местных комитетов... Симбирская губерния. СПб., 1903, стр. 254.
[35] Четыре татарские хозяйства исключены, как не типичные.
[36] Подсчеты по Ардатовскому, Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому и Саранскому уездам сделаны нами по подворным переписям 1911 г., а по Темниковскому — подворной переписи 1882 г. Включены данные по 6 уездам, без Спасского.

А. Е. КИЛЬМЯШКИН

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

(по данным уставных грамот)

Общеизвестно, что уставные грамоты являлись основными документами отмены крепостного права в России. Однако за последнее время они используются и для характеристики положения крепостных крестьян накануне реформы. Впервые данные уставных грамот для этой цели были использованы советским историком Б. Г. Литваком[1].

В настящей статье, согласно его методике, попытаемся на основе данных уставных грамот дать характеристику положения крепостных крестьян на территории Мордовии накануне реформы.

По сведениям А. Тройницкого[2], на территории Мордовии в 1858 году насчитывалось 128900 душ мужского пола[3] крепостных крестьян (табл. 1). Рассмотрим их экономическое и правовое положение.

Таблица 1[4]

Количество крепостных крестьян в Мордовии в 1858 году

Уезды	Крестьян		Дворовых		Итого всех крепостных обоего пола
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
Ардатовский	22605	23400	1267	1159	48431
Инсарский	27956	29176	1958	1986	61076
Краснослободский	10652	10964	843	836	23295
Наровчатский	8616	8496	1408	1380	19900
Саранский	31786	32997	1561	1440	67784
Спасский	7735	7906	1088	1119	17848
Темниковский	19550	19690	2741	2753	44734
Итого	128900	132629	10866	10673	283068

В 1858 году на территории Мордовии насчитывалось 1323 имения. По уездам они распределялись так: в Ардатовском —

167[5], Инсарском —209, Краснослободском —111, Наровчатском —118, Саранском —218, Спасском —100, Темниковском —400 имений[6].

По семи уездам нами выявлено в ЦГИА (ф. 577) 974 уставных грамот. По их данным распределение имений по размерам выглядит так:

Таблица 2[7].

Количество имений на территории Мордовии

Уезды	Имения с числом крепостных (душ м. п.)				
	до 21	22—100	101—250	251—500	свыше 500
Ардатовский	23	94	35	12	3
Инсарский	5	68	52	16	8
Краснослободский	21	61	21	10	3
Наровчатский	8	43	21	6	—
Саранский	12	65	53	13	6
Спасский	8	43	17	2	1
Темниковский	83	130	33	10	1
Всего по 7 уездам	160	504	232	69	22

Из таблицы видно, что 67,3% имений были мелкопоместными, 30,5% — средними и 2,2% — крупными.

Проследим, в каких группах имений были в основном сосредоточены крепостные крестьяне. Это видно из таблицы 3.

Таким образом, основная масса крепостных крестьян была сосредоточена в средних (от 101 до 500 душ м. п.) и в крупных (свыше 500 душ м. п.) имениях (78573 души, или 74,3%) и только 27224 души м. п., или 25,7%, в мелких имениях, хотя последние составляли 67,3% всех имений.

Размеры душевладения в уездах Мордовии были выше, чем в целом по Пензенской губернии. Так, в Саранском уезде в 1860 году на одного владельца приходилось 202 души м. п. В Спасском уезде Тамбовской губернии на одного помещика приходилось 182 души м. п., в то время как по губернии 113,5 души[8].

Важным вопросом в характеристике крепостного населения является форма его эксплуатации. Об этом находим достоверный материал из уставных грамот (табл. 4).

Таблица свидетельствует о том, что основной формой эксплуатации на территории Мордовии была барщина. Из общего количества крестьян на барщине были 62,9%, на оброке — 25,5%, на смешанной повинности—6,0% и у 5,6% крестьян повинность по уставным грамотам не известна. Если же взять только крестьян с известной повинностью, то из этого числа барщинные составляли 66,6%, оброчные —27,0% и смешанные —6,4%.

Поуездный анализ показывает, что наиболее распространена была барщина в Спасском, Наровчатском и Инсарском уез-

Таблица 3

Численность крепостных крестьян (душ м. п.) **в отдельных группах имений**
(числитель — количество крестьян, знаменатель — его процент от общего количества крестьян)

Уезды	Крестьян в имениях с числом крепостных					
	до 21	22—100	101—250	251—500	свыше 500	всего по уезду
Ардатовский	317 / 1,9	4122 / 25,4	5717 / 35,2	4134 / 25,5	1945 / 12	16235 / 100
Инсарский	61 / 0,3	4112 / 16,6	7788 / 31,5	5189 / 21,0	7566 / 30,6	24716 / 100
Краснослободский	332 / 2,7	2795 / 23,1	3603 / 29,8	3041 / 25,1	2338 / 19,3	12109 / 100
Наровчатский	125 / 1,7	2032 / 26,8	3199 / 42,1	2240 / 29,4	—	7596 / 100
Саранский	148 / 0,7	3793 / 17,7	8756 / 41,0	4384 / 20,5	4308 / 20,1	21389 / 100
Спасский	118 / 1,7	1791 / 25,5	2528 / 35,9	600 / 8,5	1994 / 28,4	7031 / 100
Темниковский	984 / 5,8	6571 / 39,1	5245 / 31,2	3207 / 19,1	791 / 4,7	16798 / 100
Итого по 7 уездам	2085 / 2,0	25216 / 23,8	36836 / 34,8	22795 / 21,5	18942 / 17,9	105874 / 100

Таблица 4

Формы эксплуатации помещичьих крестьян накануне реформы
(по уставным грамотам)

Уезды	Формы эксплуатации							
	оброк		смешанная		барщина		неуказаны	
	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%
Ардатовский	4140	25,4	76	0,5	10305	63,5	1714	10,6
Инсарский	6926	28,0	287	1,2	16511	66,8	992	4,0
Краснослободский	2974	24,6	342	2,8	7411	62,1	1382	11,4
Наровчатский	1809	23,8	—	—	5698	75,0	89	1,2
Саранский	7397	34,6	3087	14,4	10626	49,7	279	1,3
Спасский	837	11,9	383	5,5	5569	79,2	242	3,4
Темниковский	2894	17,3	2234	13,4	10488	62,3	1182	7,0
Итого по 7 уездам	26977	25,5	6409	6,0	66608	62,9	5880	5,6

дах (соответственно барщинные крестьяне в этих уездах составляли 79,2%, 75,0% и 66,8%). Меньше всего барщина была распространена в Саранском уезде (49,7%). Таким образом, не только в целом по Мордовии, но и во всех без исключения уездах преобладала барщина.

Оброчная система эксплуатации наибольшее распространение получила в Саранском (34,6%) и Инсарском (28,0%) уездах. В остальных уездах, кроме Ардатовского (где процент оброчных был равен итоговым данным по этой группе крестьян), оброчных было меньше, чем в среднем по Мордовии.

Смешанная форма эксплуатации больше всего была распространена в Саранском (14,4%) и Темниковском (13,4%) уездах.

Интересен тот факт, что самый большой процент барщинных крестьян был в нечерноземных уездах (Спасском—79,2% и Наровчатском—75%). Следовательно, качество почвы не имело никакого влияния при выборе помещиком той или иной формы эксплуатации. Видимо для этого были какие-то особые условия.

Для характеристики положения крепостных крестьян интересным является движение крепостного населения между X ревизией и моментом составления уставных грамот. Данные уставных грамот свидетельствуют о том, что накануне реформы помещики часто прибегали к «отпуску на волю», а также переселению крепостных крестьян из одних имений в другие.

Подробнее остановимся на этих явлениях по отдельности. О числе крестьян, отпущенных на волю, свидетельствует таблица 5.

По данным уставных грамот, на территории Мордовии на волю было отпущено 296 душ м. п. (0,27%) крестьян. Почти половина из них (129 душ) проживала в Инсарском уезде. Меньше всего отпущенных на волю крестьян было в Наровчатском, Краснослободском и Спасском уездах. Более охотно отпускались на волю крестьяне в барщинных и смешанных имениях соответственно 103 и 95 душ м. п.

Анализ таблицы 5 по группам имений показывает, что почти половина отпущенных на волю крестьян находилась в имениях до 100 душ (144 души м. п.). Несмотря на то, что основная масса крепостного населения сосредоточивалась в средних и крупных имениях, число отпущенных на волю в них было меньше, чем в мелких имениях. Так, в имениях от 101 до 500 душ м. п. было отпущено на волю 103 души, а свыше 500—49.

Отпуск крепостных крестьян на волю накануне реформы был связан, на наш взгляд, со стремлением помещиков сохранить как можно больше земли в своих руках. Об этом свидетельствует тот факт, что охотнее отпускались крестьяне, бывшие на барщинной и смешанной повинности, а также то, что основная масса отпущенных на волю крестьян принадлежала мелким и средним владельцам.

Отпускались на волю и дворовые. По данным уставных

Таблица 5

Число крестьян и дворовых, отпущенных на волю накануне реформы

Уезды	Всего душ, отпущенных на волю		В том числе (в имениях)																					
			оброчных		смешанных		барщинных		неизвестной повинности		до 21		22—100		101—250		251—500		свыше 500	
			душ м. п.																	
	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.	дв.	кр.
Ардатовский	79	60	7	13	15	23	53	19	4	5	2	5	22	29	18	5	37	21	—	—
Инсарский	196	129	—	—	83	50	111	28	2	51	—	—	49	64	55	18	25	2	67	45
Краснослободский	85	6	19	2	4	—	60	3	2	1	17	—	40	4	23	—	5	2	—	—
Наровчатский	50	4	—	2	10	1	32	1	8	—	—	2	29	1	16	—	5	1	—	—
Саранский	104	36	16	11	12	6	74	19	2	—	2	—	32	13	41	3	13	16	16	4
Спасский	91	6	19	1	—	1	72	3	—	1	1	—	38	1	41	4	—	1	11	—
Темниковский	97	55	20	10	9	14	68	30	—	1	3	3	75	22	17	22	2	8	—	—
Итого по 7 уездам	702	296	81	39	133	95	470	103	18	59	25	10	285	134	211	52	87	51	94	49

грамот в семи уездах Мордовии дворовых было 8077 душ м. п., из них 702 души были отпущены на волю.

О стремлении помещиков в сохранении земли свидетельствует переселение крестьян, довольно широко применяемое накануне реформы. Переселяя крестьян из одного имения в другие, помещики захватывали плодородные усадебные земли. Уставные грамоты отражают не только сам факт переселения, но и дают сведения о крестьянах, подвергнутых переселению. О числе крестьян, переселённых из одних имений в другие, свидетельствует таблица 6.

Из таблицы видно, что в целом по Мордовии переселению было подвергнуто 3666 душ м. п., т. е. 3,5% всех крестьян, показанных в уставных грамотах. Итоговые данные показывают, что во всех без исключения уездах преобладают крестьяне, переселенные из других имений над крестьянами, переведенными в другие имения. Так, по семи уездам из других имений было переселено 2428 душ м. п., а в другие — 1238.

Рассмотрим, какие владельцы более охотно подвергали своих крестьян переселению. Анализ таблицы показывает, что переселение особенно в больших масштабах проводилось в мелких и средних имениях. Так, в мелких имениях было переселено 1457 душ м. п., в средних — 1501, в то же время в крупных имениях — всего лишь 732 души м. п.

Таблица свидетельствует о том, что больше всего переселили крестьян, бывших на барщинной и смешанной повинности (соответственно 1805 и 674).

Анализ таблицы лишний раз доказывает, что владельцы мелких и средних имений с барщинной и смешанной формой эксплуатации накануне реформы освобождали часть земли для себя. Б. Г. Литвак назвал переселение «репетицией будущей отрезки земли»[9].

Переселение крестьян, как правило, проводилось внутри уездов данной губернии, но были случаи, когда крестьян переселяли и в другие губернии. В результате этого число крестьян Мордовии сократилось на 1188 душ м. п. Вся земля, бывшая в их пользовании, перешла к помещикам.

В Мордовии была группа крестьян, в количестве 12 человек, которые по условиям «Местного положения» не имели право на надел. Эти крестьяне были лишены земли еще накануне реформы и, видимо, находились на положении дворовых.

Все вышеизложенные обстоятельства (отпуск на волю, переселение за пределы Мордовии, перевод крестьян в дворовые) способствовали сокращению числа крестьян, подлежащих наделению землей по уставным грамотам, и обеспечивали захват крестьянских земель помещиками.

Из 105874 душ м. п. крестьян, показанных в уставных грамотах, земельный надел должны были получить 104346 душ, т. е. число крестьян, наделенных землей, сократилось на 1528[10].

Таблица 6

Переселение крестьян до реформы

Уезды	Имения с формой эксплуатации								Категория имений по числу душ м. п.										Всего	
	оброк		смешанная		барщина		неизвестная		до 21		22—100		101—250		251—500		свыше 500			
	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в	из	в
Ардатовский	44	9	3	—	35	56	15	2	3	4	82	47	8	15	4	1	—	—	97	67
Инсарский	16	9	139	71	80	93	13	4	—	—	42	101	95	63	96	13	15	—	248	177
Краснослободский	61	19	26	51	263	241	610	—	12	3	162	252	106	35	62	16	618	5	960	311
Наровчатский	37	7	58	74	312	96	—	7	15	7	27	7	115	132	250	38	—	—	407	184
Саранский	117	26	120	24	46	59	—	16	—	—	92	48	108	14	18	35	65	28	283	125
Спасский	3	32	1	1	116	32	16	35	—	—	27	69	109	31	—	—	—	—	136	100
Темниковский	52	2	38	68	185	191	22	13	47	53	142	169	93	36	14	16	1	—	297	274
Итого по уездам	330	104	385	289	1037	768	676	77	77	67	574	693	634	326	444	119	699	33	2428	1238

Кроме крестьян, подлежащих наделению землей, на получение надела имели право 801 душа м. п. дворовых. Всего наделы по уставным грамотам должны были получить 105147 душ м. п.

Распределение крестьян, подлежащих наделению землей по уездам, видно из таблицы 7.

Из анализа таблицы по формам эксплуатации следует, что произошло сокращение числа крестьян оброчной повинности, подлежащих наделению землей, во всех уездах, в то же время количество барщинных крестьян, подлежащих наделению землей, увеличилось в шести уездах. Только в Инсарском уезде произошло сокращение на 92 человека. Но это не оказало влияния на итоговые данные по барщинной форме эксплуатации. В целом по Мордовии число барщинных крестьян, подлежащих наделению землей, увеличилось по сравнению с дореформенным периодом на 240 душ. Число же оброчных крестьян сократилось на 223 души. Наблюдается сокращение крестьян и смешанной повинности на 88 душ и с неизвестной повинностью — на 656 душ м. п.

Таким образом, численность всех крестьян, подлежащих наделению землей, была на 727 душ меньше, чем крестьян, пользовавшихся наделами до реформы. Если учесть тот факт, что в результате введения уставных грамот от наделов отказалась 991 душа м. п., то общее сокращение крестьян, получивших наделы по уставным грамотам, по сравнению с крестьянами, пользовавшимися наделами до реформы, будет равняться 1718 душам м. п. Всего по уставным грамотам наделы получили 104156 душ м. п.

Рассматривая крестьян по группам имений выявляется, что в мелкопоместных имениях наблюдается увеличение подлежащих наделению землей крестьян на 283 души, в то же время в средних и крупных имениях — сокращение (соответственно на 300 и 710 душ м. п.). Увеличение количества крестьян в мелких имениях способствовало ухудшению их положения.

Для характеристики дореформенного положения крепостных крестьян немалое значение имеет крестьянское землепользование. Надельная земля играла роль натуральной зарплаты для крестьян. Она давала помещику возможность извлекать прибавочный труд в наиболее выгодной для него форме. Норма надела зависела от помещика.

Как известно, основу феодального способа производства составляла собственность феодала на землю. Это ярко проявилось и на примере Мордовии. Так, по сведениям губернских комитетов, на территории Мордовии дворянству принадлежало в 1858—1859 годах 802 тыс. дес., или 34,7% всей удобной земли, в то же время у помещичьих крестьян было только 298 тыс. дес., или 12,9%, государственные крестьяне имели 772 тыс. дес., или 33,4%, удельные —168317 дес., или 7,3%[11].

Таблица 7

Число крестьян, подлежащих наделению землей по уставным грамотам

Уезды	Формы эксплуатации				Группа имений (душ м. п.)					Итого по уезду
	оброк	смешанная	барщина	пов. неизвестны	до 21	22—100	101—250	251—500	свыше 500	
Ардатовский	4103	58	10355	1700	313	4099	5743	4116	1945	16216
Инсарский	6905	287	16419	936	61	4129	7743	5109	7506	24548
Краснослободский	2943	344	7628	771	347	2937	3655	3020	1727	11686
Наровчатский	1785	—	5672	97	115	2082	3277	2080	—	7554
Саранский	7298	3009	10638	295	152	3750	8683	4385	4270	21240
Спасский	865	383	5602	263	119	1846	2555	599	1994	7113
Темниковский	2854	2240	10534	1162	1008	6626	5169	3197	790	16790
Итого по уездам	26754	6321	66848	5224	2115	25469	36825	22506	18232	105147

Как и во всех губерниях черноземного центра, в Мордовии накануне реформы наблюдается процесс обезмеливания. Если в конце XVIII века в среднем на душу мужского пола приходилось 2,8 дес. пашни[12], то накануне реформы всего 2,03 дес.[13] Сокращение пашенного надела крестьян Мордовии на 0,77 дес. свидетельствует о наступлении помещиков на крестьянские земли. Особенно интенсивный захват крестьянской земли происходил в барщинных имениях. Так, пашенные наделы барщинных крестьян в трех полях в Саранском уезде в 50-е годы XIX века сократились по сравнению с концом XVIII века с 3,44 дес. до 2,46 дес., в Инсарском соответственно с 2,83 дес. до 2,26 дес.[14], в Спасском — с 2,67 до 2,5 дес. и Темниковском — с 2,27 до 2,0 дес.[15]

Но это не значит, что захват крестьянских земель был главным и основным фактором увеличения помещичьих земель. Важнейшие источники для увеличения помещичьей запашки заключались в том, что было большое количество неиспользованных земель. Так, по данным Н. Л. Рубинштейна, по черноземному центру в XVIII веке использовалось всего 50—67% посевной площади[16]. Во второй трети XIX века в Пензенской губернии процент распашки годных для этого земель составлял 48,9%, Тамбовской —44,5%[17]. Следовательно, для расширения своей запашки помещики этих губерний имели большие резервы.

Кроме этого, в конце XVIII — начале XIX века наблюдается интенсивный захват государственных земель. По утверждению В. М. Дружинина, особенно сильным процесс захвата государственных земель помещиками Пензенской и Тамбовской губерний был в начале XIX в.[18]

Расширение помещичьей запашки в Мордовии производилось также за счет вырубки лесов.

Из вышесказанного видно, что главными источниками расширения помещичьей запашки были: большое количество неосвоенных земель, наступление на казенные земли. Хотя и наблюдается наступление помещиков на крестьянские земли, однако уменьшение их душевого надела в основном было вызвано увеличением крепостного населения накануне реформы по сравнению с концом XVIII века (численность населения с 452106 душ обоего пола увеличилась до 886062).

Рассмотрим, какими средними наделами пользовались крестьяне Мордовии накануне реформы как по группам имений, так и по формам эксплуатации (табл. 8).

Анализ таблицы по группам имений свидетельствует о том, что большой разницы в наделах крестьян различных групп имений не наблюдается. Но следует заметить, что несколько ниже были наделы у крестьян, проживавших в имениях до 21 и от 22 до 100 душ м. п. (2,7 дес.). Надел крестьян этих групп имений был на 0,1 дес. меньше надела крестьян группы имений

Таблица 8

Предреформенные наделы крестьян по уставным грамотам
(дес.)

Формы эксплуатации	Средние наделы на душу в группах имений (с числом душ м. п.)					
	до 21	от 21 до 100	101—250	251—500	свыше 500	средний по 7 уездам
Оброк	2,9	2,8	3,0	2,8	2,8	2,8
Смешанная	2,9	2,7	2,8	2,9	2,8	2,8
Барщина	2,6	2,7	2,8	2,9	3,5	2,9
Не указаны	2,5	2,9	3,0	2,3	0,1	2,8
Итого	2,7	2,7	2,9	2,8	2,8	2,8

от 251 до 500 и свыше душ м. п. и на 0,2 дес. меньше надела крестьян группы имений от 101 до 250 душ м. п.

При рассмотрении поуездных итоговых данных выявляется, что в Инсарском и Краснослободском уездах самый большой надел был у крестьян группы имений до 21 души м. п. (соответственно 3,7 и 2,7 дес.). Самый меньший надел в Инсарском уезде был у крестьян, проживавших в имениях свыше 500 душ м. п. (2,7 дес.), а в Краснослободской в группе от 251 до 500 душ м. п. (2,0 дес.).

В Ардатовском уезде самый маленький надел был у крестьян в группе до 21 души м. п. (2,8 дес.), а самый большой — в группе от 251 до 500 душ м. п. (3,4 дес.). В Саранском уезде самый большой надел принадлежал крестьянам группы имений от 251 до 500 душ м. п. (3 дес.), а самый меньший — в группе имений от 22 до 100 душ м. п. (2,5 дес.).

Таким образом, анализ поуездных данных по группам имений показывает, что высший и низший надел в разных уездах принадлежал крестьянам различных групп имений. Но в большинстве случаев самый большой надел падает на крестьян группы имений от 101 до 250 душ м. п. Это и повлияло на тот факт, что в целом по уездам именно у крестьян группы имений от 101 до 250 душ м. п. самый большой надел (2,9 дес.). Это привело к тому, что в результате введения уставных грамот больше всего земли было отрезано в данной группе. Из анализа таблицы 8 по формам эксплуатации явствует, что в целом по Мордовии средний надел барщинных крестьян на 0,1 дес. был больше, чем у оброчных, смешанных и крестьян с неизвестной формой эксплуатации. Следует отметить, что здесь наблюдается та же картина, что и при анализе таблицы по группам имений, т. е. разница между наделами крестьян различных форм эксплуатации весьма незначительна и колеблется от 0,1 дес. до 0,3 дес. В первых трех группах имений наделы оброчных крестьян больше, чем у барщинных, а в двух последних наблюдается обратная картина. У оброчных крестьян самый большой

средний надел был в группе имений от 101 до 250 душ м. п. (3 дес.), на 0,1 дес. меньше был надел в группе имений до 21 души м. п. и на 0,2 дес.— в имениях от 251 до 500 и свыше 500 душ м. п. В смешанных имениях самый большой надел был в группе имений до 21 и от 251 до 500 душ м. п. (2,9 дес.), что на 0,2 дес. был больше среднего надела крестьян группы имений от 22 до 100 и на 0,1 дес.— в имениях от 101 до 250 и свыше 500 душ м. п.

Интересное явление наблюдается у барщинных крестьян. Здесь средний надел крестьян увеличивается в зависимости от мощи помещичьего имения. Если у крестьян группы имений до 21 души м. п. средний надел был равен 2,6 дес., то в группе имений свыше 500 душ м. п. он был равен 3,5 дес.

Поуездный анализ дореформенных наделов по формам эксплуатации дает самые разнообразные результаты. Так, в Ардатовском уезде средний надел оброчных крестьян больше, чем у барщинных в группе имений от 101 до 250 и от 251 до 500 душ м. п. В Инсарском и Наровчатском уездах наделы оброчных превышали наделы барщинных крестьян в первых трех группах имений, а в двух последних наблюдается обратная картина. В Саранском уезде только в группе имений до 21 души м. п. и от 250 до 500 душ м. п. наделы оброчных выше средних наделов барщинных крестьян, а в остальных группах наделы барщинных больше, чем наделы оброчных крестьян. В Спасском и Темниковском уездах наделы оброчных больше наделов барщинных крестьян только в группе имений до 21 и от 22 до 100 душ м. п.

Таким образом, в большинстве уездов наделы барщинных крестьян в группах имений от 101 души м. п. и выше больше, чем у оброчных крестьян. Это и явилось основной причиной наступления помещиков на земли крестьян, проживавших в имениях этих групп.

Мы рассмотрели, какими средними наделами пользовались крестьяне Мордовии накануне реформы. Выясним, какими же были в действительности размеры дореформенных наделов и какое количество крестьян ими владело (табл. 9).

Из итоговых данных таблицы видно, что 2,7% крестьян имели наделы менее 1 дес., 14,7% — от 1 до 2 дес., 48,5% — от 2 до 3 дес., 26,3% — от 3 до 4 дес., 7,1% — от 4 до 6 дес. и 0,7% — свыше 6 дес. Таким образом, на территории Мордовии превалировали наделы от 2 до 3-х дес. Следовательно, только 0,7% крестьян были обеспечены достаточной землей, если, конечно, в их наделах было не менее 4-х дес. пахотной земли. Ибо по подсчетам некоторых экономистов XIX века (Янсон) необходимо было иметь в черноземной полосе для покрытия продовольственных потребностей населения 4 десятины пахотной земли[19]. У основной же массы крестьян (99,3%) наделы были недостаточными.

Размеры наделов и количество крестьян, пользующихся ими накануне реформы

Число наделов в имениях	Размер наделов						Всего
	менее 1 дес.	от 1 дес. до 2	от 2 дес. до 3	от 3 дес. до 4	от 4 дес. до 6	более 6 дес.	
До 21 душ м. п.	138	498	976	274	148	51	2085
В том числе в:							
оброчных	—	235	423	90	77	51	866
смешанных	—	51	15	6	—	—	72
барщинных	92	195	449	157	36	—	929
с неизвестной повинностью	46	27	89	21	35	—	218
от 22 до 100 душ м. п.	393	5782	12582	4909	1027	523	25216
В том числе в:							
оброчных	94	1166	2299	568	437	170	4734
смешанных	—	1357	2518	822	158	169	5024
барщинных	187	2724	7062	3034	379	116	13502
с неизвестной повинностью	112	535	703	485	53	68	1956
от 101 до 250 душ м. п.	500	5441	19143	8239	3288	225	36836
В том числе в:							
оброчных	225	1275	1869	1146	1485	—	6000
смешанных	—	1228	5484	2172	733	—	9617
барщинных	275	2828	11203	4354	1070	225	19955
с неизвестной повинностью	—	110	587	567	—	—	1264
от 251 до 500 душ м. п.	1163	2193	11805	5259	2375	—	22795
В том числе в:							
оброчных	843	361	1913	737	1742	—	5596
смешанных	—	957	4833	2800	633	—	9223
барщинных	—	294	4743	1192	—	—	6229
с неизвестной повинностью	320	581	316	530	—	—	1747
свыше 500 душ м. п.	695	1592	6745	9200	710	—	18942
В том числе в:							
оброчных	—	665	1689	1990	—	—	4344
смешанных	—	927	3342	3968	—	—	8237
барщинных	—	—	1714	3242	710	—	5666
с неизвестной повинностью	695	—	—	—	—	—	695
Итого по группам имений	2889	15506	51251	27881	7548	799	105874
В том числе в:							
оброчных	1162	3692	8193	4531	3741	221	21540
смешанных	—	4520	16192	9768	1524	169	32173
барщинных	554	6041	25171	11979	2195	341	46281
с неизвестной повинностью	1173	1253	1695	1603	88	68	5880

Анализ итоговых данных по формам эксплуатации свидетельствует о том, что несколько в лучшем положении находились крестьяне смешанных и барщинных имений. В смешанных имениях 85,9%, а в барщинных 85,8% крестьян были наделены наделами свыше 2-х десятин. В то же время в оброчных имениях такими наделами были наделены 77,5%. В смешанных имениях у крестьян вообще не было наделов менее 1 дес. В оброчных имениях такими наделами пользовались 5,4 крестьян, а в барщинных всего лишь 1,2%. Оброчным крестьянам принадлежало больше и наделов от 1 до 2-х дес. (17,1%). В то же время такими наделами пользовались 13,1% барщинных и 1,4% крестьян смешанных имений.

Если анализ таблицы провести внутри каждой группы наделов, то выясняется, что оброчным крестьянам принадлежало большее число наделов менее 1 дес. и от 4 дес. и выше, в остальных группах (от 1 до 2, от 2 до 3, от 3 до 4 дес.) первенство принадлежит крестьянам барщинной и смешанной повинности. Это объясняется тем, что последних было больше, чем оброчных крестьян.

Рассматривая таблицу по группам имений, видно, что в лучшем положении находились крестьяне имений свыше 500 душ м. п. Из общего числа крестьян этих имений у 52,3% были наделы от 3-х и более дес., у 35,6%— от 1 до 2 дес. В худшем положении были крестьяне группы имений до 21 души м. п. Только 22,6% из них владели наделами от 3-х и более дес. Крестьянам этой группы принадлежал большой процент наделов (6,6%), не достигавших 1 дес.

Соотношение наделов внутри группировок свидетельствует о том, что только в группе имений от 22 до 100 душ м. п. оброчные крестьяне были наделены большими наделами, чем барщинные и смешанные.

В группе имений от 101 до 250 душ м. п., в лучшем положении были крестьяне смешанных имений, а в группе от 251 до 500 и свыше 500 душ м. п.— барщинные крестьяне. Таким образом, нельзя сделать твердого вывода о том, что крестьяне той или иной формы эксплуатации во всех группах имений были наделены землей накануне реформы лучше.

Поуездный обзор наделов свидетельствует о том, что в Ардатовском, Краснослободском и Наровчатском уездах в лучшем положении находились крестьяне смешанных имений. У этих крестьян совершенно не было наделов менее 2-х дес. В Инсарском и Спасском уездах в лучшем положении были оброчные крестьяне. Наделами от 2-х и более дес. в Инсарском уезде было наделено 98% оброчных крестьян, а в Спасском —92%.

В Саранском и Темниковском уездах лучшее положение было у барщинных крестьян, ибо наделами от 2-х и более дес. пользовались в Саранском уезде 87,2%, а в Темниковском 72,4%.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что несмотря на то, что в некоторых уездах в худшем положении оказались (по величине надела) крестьяне той или иной формы эксплуатации, тем не менее эти наделы были нищенские и не могли полностью удовлетворить потребности крестьян. Это позволяет нам сказать, что экономическое положение крестьянской семьи на территории Мордовии накануне реформы было очень тяжелое.

На экономическое положение крестьян влияла также и усиливающаяся эксплуатация со стороны помещиков. Ранее мы указали, что в Мордовии применялись три формы эксплуатации — барщинная, оброчная и смешанная. Остановимся конкретно на повинностях крестьян накануне реформы.

При барщинной системе эксплуатации крестьяне работали на помещика 3 дня[20]. Основная часть работ выполнялась в летнее время, что неблагоприятно отражалось на крестьянском хозяйстве.

Одним из главных показателей эксплуатации барщинных крестьян была величина барской запашки. Во всех семи уездах в середине XIX века барская запашка составила 40,7%[21]. С конца XVIII века до середины XIX века в Саранском, Инсарском, Спасском и Темниковском уездах господская запашка на душу мужского пола увеличилась с 0,78 до 1,3, или на 67%. В Ардатовском уезде в это время она была равна 1,53 дес.[22]

Кроме обработки господской запашки барщинные крестьяне выполняли натуральные повинности в пользу помещика (подводная и дорожная) и государства (рекрутская). Крестьяне также платили государству подать, земские и мирские повинности.

Усилилась и эксплуатация оброчных крестьян. Об этом свидетельствует увеличение размера оброка с души. Так, в конце XVIII века оброк с души в Саранском уезде был равен 4,41 руб. серебром, в Инсарском —3,86, Спасском —5,84 и в Темниковском —2,56 руб.[23] По уставным грамотам в конце 50-х годов XIX века в этих уездах душевой оброк соответственно был равен 8,23 руб. серебром, 5,82, 6,69 и 5,89 руб. серебром. Увеличение душевого оброка происходит во всех указанных уездах. Особенно сильный его рост наблюдается в Саранском (на 186,2%) и в Темниковском (на 230,1%) уездах.

Рассмотрим величину душевого оброка оброчных крестьян накануне реформы (табл. 10).

Анализ итоговых данных таблицы показывает, что размер оброка увеличивается в зависимости от мощи помещичьих имений. Исключение составляет только группа имений от 251 до 500 душ м. п. Колебания размера душевого оброка между имениями, если не учитывать группу имений от 251 до 500 душ м. п., не велики (от 46 до 59 коп.). Наименьший душевой оброк был у крестьян группы имений до 21 души м. п. (6,13 руб.), а

Таблица 10

Величина душевого оброка крестьян накануне реформы
(числитель — оброк с души, знаменатель — число душ)

Уезды	Оброк (руб. серебром с души м. п.) в имениях					Всего по уезду
	до 21 души м. п.	от 22 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	свыше 500 душ м. п.	
Ардатовский	6,07 / 136	6,82 / 623	7,44 / 444	7,61 / 796	—	7,23 / 1999
Инсарский	5,54 / 35	8,03 / 864	7,45 / 1310	5,81 / 1524	5,03 / 3079	6,86 / 6812
Краснослободский	5,38 / 187	5,11 / 508	5,45 / 686	6,67 / 354	8,0 / 274	5,93 / 2009
Наровчатский	8,39 / 89	5,79 / 291	8,38 / 950	5,62 / 392	—	7,32 / 1722
Саранский	8,65 / 115	7,75 / 872	7,77 / 2591	7,91 / 1112	9,06 / 2309	8,23 / 6999
Спасский	—	5,97 / 375	8,25 / 173	—	—	6,69 / 548
Темниковский	4,97 / 242	5,95 / 937	5,83 / 920	7,67 / 130	—	5,89 / 2229
Итого по 7 уездам	6,13 / 804	6,72 / 4470	7,31 / 7074	6,83 / 4308	7,77 / 5662	7,17 / 22318

наивысший у крестьян группы имений свыше 500 душ м. п. (7,77 руб.), т. е. разница в размере душевого оброка между полюсами равна 1 руб. 64 коп.

Поуездные данные большинства уездов подтверждают ранее сделанный вывод о том, что размер оброка увеличивается в зависимости от мощи помещичьих имений. Особенно четко это видно на примере Ардатовского, Спасского и Темниковского уездов. Для Саранского и Краснослободского уездов характерен большой душевой оброк в группе имений до 21 души, затем в группе от 22 до 100 душ м. п. происходит понижение, а в остальных группах последовательное увеличение.

В Инсарском и Наровчатском уездах этого не наблюдается.

Итоговые поуездные данные явствуют, что самый большой душевой оброк был в Саранском уезде (8,23 руб.), а самый маленький — в Краснослободском (5,93 руб.). Колебание в размере оброка в поуездном разрезе достигает 2 руб. 30 коп.

Проследим, как были распределены крестьяне по размеру оброчных платежей накануне реформы (табл. 11).

Таблица 11

Число крестьян с различными размерами оброка

Уезды	Крестьян с оброком (руб. серебром с души м. п.)								Итого
	до 5	5,1—6	6,1—7	7,1—8	8,1—9	9,1—10	10,1—11	11,1—12	свыше 12	
Ардатовский	198 / 9,9	363 / 18,1	606 / 30,3	217 / 10,8	153 / 7,7	270 / 13,5	155 / 7,8	—	37 / 1,9	1999 / 100
Инсарский	2839 / 41,7	370 / 5,4	357 / 5,2	818 / 12,0	2111 / 31,0	103 / 1,5	44 / 0,7	83 / 1,2	87 / 1,3	6812 / 100
Краснослободский	664 / 33,1	495 / 24,6	354 / 17,6	55 / 2,7	239 / 11,9	—	—	26 / 1,3	176 / 8,8	2009 / 100
Наровчатский	628 / 36,5	240 / 13,9	126 / 7,3	122 / 7,1	328 / 19,1	26 / 1,5	—	17 / 1,0	235 / 13,6	1722 / 100
Саранский	324 / 4,6	1358 / 19,4	607 / 8,7	1820 / 26,0	1483 / 21,2	141 / 2,0	74 / 1,0	11 / 0,2	1181 / 16,9	6999 / 100
Спасский	145 / 26,4	—	42 / 7,7	223 / 40,7	114 / 20,8	—	24 / 4,4	—	—	548 / 100
Темниковский	501 / 22,5	1001 / 44,9	183 / 8,2	498 / 22,3	42 / 1,9	—	—	4 / 0,2	—	2229 / 100
Всего по уездам	5299 / 23,7	3827 / 17,2	2275 / 10,2	3753 / 16,8	4470 / 20,0	540 / 2,4	297 / 1,3	141 / 0,7	1716 / 7,7	22318 / 100

Итоговые данные таблицы свидетельствуют о том, что у основной массы крестьян Мордовии (87,9%) душевой оброк составлял от 3 до 9 руб. и только у 12,1% крестьян он был выше 9 руб. В Мордовии была группа крестьян (1716 душ), у которых оброк составлял свыше 12 руб. с души.

Поуездные показатели также показывают, что во всех уездах у основной массы крестьян оброк с души равнялся от 3 до 9 руб. Однако в некоторых уездах наблюдается большой процент крестьян, у которых оброк был от 9 до 12 руб. Так, в Ардатовском уезде такой оброк платили 21,3% оброчных крестьян. В Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах встречается большой процент крестьян, плативших душевой оброк свыше 12 руб. (соответственно 8, 8%, 13,6 и 16,9%).

Как уже говорилось, в Мордовии была группа крестьян (6409 душ м. п.), выполнявших смешанную повинность. Так как в уставных грамотах не показывается размер дореформенной повинности этой группы крестьян, мы исключили их из подсчетов.

Размеры и формы повинностей крепостных крестьян имели тесную связь с развитием товарно-денежных отношений на селе. Поэтому мы попытаемся определить, каким образом осуществлялась эта связь. Это имеет важное значение как для динамики форм и размеров повинностей, так и для выявления причин устойчивости барщинной повинности и задержки выхода на выкуп. Источниками для изучения этого вопроса являются материалы уставных грамот о разрядах крестьянских усадеб.

«Положения 19 февраля» давали помещикам право лишать крестьян за недоимки полевых земель, а также выкупа отдельного усадебного участка. В случае, если крестьяне выкупали только усадебную оседлость, «Положениями 19 февраля» предусматривалось из общей суммы причитающихся с крестьян повинностей за весь отведенный поземельный надел отчислять стоимость усадьбы. Для этой цели усадьбы были разделены на три разряда: 1) к первому — принадлежат усадьбы, состоящие в имениях земледельческих и не представляющие никаких особых выгод; 2) ко второму — состоящие в имениях, где хозяйство крестьян не ограничивается одним земледелием, а поддерживается преимущественно торговлею и заработками от отходных или местных промыслов. К этому же разряду причисляются и усадьбы в таких земледельческих имениях, где в состав усадебной оседлости входят обширные и ценные конопляники, свекольники и огороды, на которых разводятся овощи и всякого рода растения, преимущественно для продажи; 3) к третьему разряду относятся усадьбы, представляющие какие-либо особенно важные местные выгоды, а ровно отстоящие не далее двадцатипятиверстового расстояния от С.-Петербурга и Москвы[24]. В соответствии с этим назначалась и повинность. Так, за пользование усадебной землей первого разряда крестьяне должны были платить не более 1 руб. 50 коп., второго разряда — не более 2 руб. 50 коп., третьего разряда — не более 3 руб. 50 коп. на ревизскую душу. Такая градация способствовала тому, что помещики стремились повысить разряд усадеб крестьян при их определении. В уставных грамотах даются основания, почему усадьба относится к тому или иному разряду. Эти основания и позволяют нам дать характеристику каждого разряда.

На наш взгляд, к усадьбам первого разряда относились усадьбы крестьян, ведущих натуральное хозяйство. Они были совсем оторваны от рынка. Ко второму разряду относились усадьбы, где развитие товарно-денежных отношений было налицо.

Здесь товарно-денежные отношения развивались не только в хозяйствах, связанных с отходом, но и в чисто земледельческих, в которых производились продукты сельского хозяйства для рынка. Например, в селениях с усадьбами второго разряда в Инсарском уезде крестьяне занимались продажей конопляных семян, пеньки, извозом; в Краснослободском уезде — промыслами, торговлей, содержанием постоялых дворов, производством овощей для продажи; в Ардатовском — отходничеством, торговлей пенькой и конопляными семенами, извозом, содержанием постоялых дворов и т. д.

К усадьбам третьего разряда относились усадьбы, тесно связанные с рынком. В селениях с усадьбами этого разряда товарно-денежные отношения были зрелые.

Записи, сделанные на уставных грамотах, позволяют нам смело утверждать, что определение разрядов усадеб крестьян на территории Мордовии был произведен правильно. В тех случаях, когда помещики хотели повысить разряд, крестьяне добивались точного его определения. Так было в селе Духовское (Смягино тож). При составлении уставной грамоты помещик указал, что усадьбы крестьян относятся ко второму разряду. При проверке уставной грамоты усадьбы крестьян этого села были отнесены к первому разряду[25].

Процентное отношение селений 1 разряда к общему числу селений по уездам выглядело так: в Ардатовском — 96,3%, Инсарском —96,6, Краснослободском —86,2, Наровчатском — 96,1, Спасском — 98,6, Саранском —93,9, Темниковском 91,4%.

Из этих показателей видно, что удельный вес селений с усадьбами первого разряда был меньше всего в Краснослободском и Темниковском уездах. Это вызвано тем, что эти уезды были ближе расположены к промышленному центру, а также тем, что здесь протекает река Мокша, которая способствовала в какой-то степени развитию торговли.

В Мордовии в основном были селения с усадьбами первого разряда. Их удельный вес был равен 93,8%. Распределение селений с усадьбами первого разряда по мощи помещичьих имений и по формам эксплуатации видно из таблицы 12.

Таблица 12

Распределение селений с усадьбами первого разряда

Категории имений (душ м. п.)	% селений с усадьбами первого разряда				
	оброк	смешанная	барщина	не указана	всего
До 21	94,1	100	92,8	95,0	93,8
От 22 до 100	93,9	94,7	95,5	88,6	94,5
От 101 до 250	95,2	98,3	90,7	85,7	93,2
От 251 до 500	93,8	96,3	88,9	80,0	92,3
Свыше 500	60,0	88,9	100	100	87,0
Итого	93,4	95,9	93,6	89,9	93,8

Анализ таблицы показывает, что в группе имений до 21 души м. п. процент селений с усадьбами первого разряда равен общему по Мордовии (93,8%). Самый большой процент таких селений был в группе имений от 22 до 100 душ м. п. (94,5%). Далее по мере возрастания мощи помещичьих имений наблюдается уменьшение удельного веса селений с усадьбами первого разряда.

Анализ таблицы по формам эксплуатации свидетельствует о том, что первенство по проценту селений с усадьбами первого разряда принадлежало имениям со смешанной повинностью (95,9%). Затем идут барщинные (93,6%) и оброчные (93,4%) имения. Большой процент селений с усадьбами первого разряда в смешанных и барщинных имениях свидетельствует о преобладании там натурального хозяйства.

В оброчных имениях только в 6,6% селений были развиты товарно-денежные отношения. Следовательно, деньги для уплаты оброка зарабатывались в отходе. Наличие большого процента усадеб первого разряда у оброчных крестьян свидетельствует о том, что в крепостной деревне господствовало натуральное хозяйство. Но здесь появляются новые ростки. Для уплаты оброка крестьяне вынуждены были войти в мир новых отношений, что способствовало более быстрому втягиванию оброчного селения с усадьбой первого разряда в товарно-денежные отношения, чем барщинного селения.

Ранее мы рассмотрели экономическое положение крестьян Мордовии накануне реформы вообще, а сейчас остановимся на характеристике экономического положения крестьян-мордвы.

По выявленным нами уставным грамотам, на территории Мордовии было 2336 душ м. п. крепостных крестьян-мордвы[26]. По уездам они распределялись так: в Ардатовском —867, Инсарском —114, Краснослободском —309, Наровчатском —58, Саранском —918, Спасском —355 и Темниковском —275.

Анализ уставных грамот показал, что основная масса крепостных крестьян-мордвы была сосредоточена в средних (101—500 душ м. п.) имениях. Так в группе имений до 21 души было

17 душ м. п. 22—100—729, 101—250—1831 и в группе 251—500—259 душ м. п.

Из общего числа крепостных крестьян-мордвы 2210 душ м. п. были на барщине, 293— на оброке, 205— на смешанной повинности и 128 душ м. п. с неизвестной повинностью. Следовательно, основная масса крестьян-мордвы выполняла барщинную повинность. Крепостные-мордва, как и все крепостное население, накануне реформы подверглись переселению из одного имения в другое. Всего было переселено 103 души м. п. крестьян-мордвы. На волю было отпущено 6 душ м. п. В результате переселения и отпуска на волю число крестьян-мордвы, подлежащих наделению землей, сократилось на 73 души м. п. По «Положениям 19 февраля» имели право на землю 2763 души м. п. крестьян-мордвы и 8 душ м. п. дворовых. Всего землю должны были получить по уставным грамотам 2771 душа м. п.

Накануне реформы в среднем на душу м. п. крестьянина-мордвина приходилось 2,6 дес. земли. Следовательно, дореформенный надел крестьян-мордвы был ниже, чем средний надел на душу м. п. (2,8 дес.) в целом по Мордовии. Какие же были действительные размеры душевых наделов крестьян-мордвы? Анализ уставных грамот дает следующий материал. Наделами до 1 дес. было наделено 158 душ м. п., от 1 до 2-х дес.— 452, от 2-х до 3-х дес.—1475 и наделами от 3-х до 4-х дес.—751 душа м. п. Эти данные свидетельствуют о том, что помещичьи крестьяне из мордвы накануне реформы находились в очень тяжелом экономическом положении, и в особенности крестьяне, выполнявшие барщину. Им принадлежали 158 наделов, не достигшие даже 1 дес., и 434 надела от 1 до 2-х дес.

Из всего изложенного видно, что в середине XIX века эксплуатация крестьян еще более усилилась, положение крепостных крестьян еще более ухудшилось. Об этом свидетельствует и рост податных недоимок. Так, недоимки помещичьих крестьян и дворовых Пензенской губернии составили[27] за 1857 год — 14612 руб. 12 коп., за 1859 год—16723 руб. 53 коп., за 1860 год— 20138 руб. 32 коп.

Тяжелое положение крепостных крестьян усугублялось также их бесправием, постоянным подвержением своеволию помещиков, бесправием перед законом. Так, в 396 ст. XIV тома свода законов о предупреждении и пресечении преступлений (изд. 1257) говорится, что помещику не запрещается за дерзкие поступки и нетерпимое поведение крепостного человека удалить последнего из своего имения, представив его в распоряжение губернского правления. Таких людей, если они были годны к военной службе, брали в рекруты (397 ст.), если же к военной службе были не годны, то ссылались в Сибирь (399 ст.) «если они не дряхлые и не увечные»[28].

Помещики часто использовали этот закон против неугодных им крестьян. Крестьянка села Ромоданова Федосья Коновалова

жаловалась губернатору Пензенской губернии Толстому на неправильное действие властей, за что решением сената высылалась в Сибирь (по просьбе помещика Н. Дурнова)[29]. Примером жестокого обращения с крестьянами может послужить помещик Наровчатского уезда Ахлебинин. За жестокое обращение со своими крепостными он был осужден военным судом. Однако после освобождения из-под стражи стал еще больше притеснять крестьян и дворовых работами и налогами. Отбирал у крестьян скот, землю и хлеб. Наказал более 40 человек крестьян; некоторых из них сослал в Сибирь на поселение и отдал в солдаты, других содержал в арестантских работах. Доведенные до отчаяния крестьяне желали «лучше быть в Сибири, чем оставаться в его владении»[30].

О произволе помещиков и их управляющих говорит и жалоба сельского старосты деревни Уришки Архипа Антонова. Управляющий имением помещика Дурнова Стихи отобрал у сельского старосты лошадь, продал мельницу, отца старосты трое суток содержал в оковах. Отрезал бывшие конопляники крестьян несмотря на засев. Все это видел помещик, но не предпринял никаких мер для предотвращения произвола управляющего[31].

Проявлением назревшего кризиса феодально-крепостнической системы к середине XIX века явилось усиление классовой борьбы. В это время наблюдается быстрый рост крестьянского движения. Об этом свидетельствует число волнений помещичьих крестьян, происшедших с 1801 по 1861 год (2503). Если с 1801 по 1825 год было 486 (19,4%) волнений, а в 1826 по 1854 год — 1543 (61,7%) волнения[32], то с 1855 по начало 1861 год было 474 волнения[33]. Эти данные показывают, что за 11 лет до реформы активных крестьянских выступлений было почти столько же, сколько за первую четверть XIX века. Кроме активных выступлений крестьяне подавали жалобы на своих помещиков. Количество жалоб, поданных крестьянами, по годам выглядело так: с 1801 по 1825 год —292, с 1826 по 1856 год —521[34].

Крестьянское движение наблюдается не только в целом по России, но и в черноземном центре. Так, в 1855—1863 годы здесь были выступления крестьян в 1151 селении 913 помещиков. В предреформенное шестилетие наиболее высокие показатели крестьянских волнений падают на 1858 и 1859 годы. В 1858 году были крестьянские выступления в 113 селениях, а в 1859 году— 61[35]. Объясняя причины высоких показателей крестьянских волнений именно в эти годы, нельзя не согласиться с выводом Б. Г. Литвака о том, что «объявленное освобождение раскачало часть крестьянства для борьбы за более выгодные условия раскрепощения»[36].

Борьба крестьянства Мордовии против крепостнической системы выражалась в побегах, потраве помещичьих хлебов, порубке лесов, отказе от исполнения повинностей и т. д.

Так, в Темниковском, Краснослободском и Саранском уездах было 45 случаев побега[37]. В 1840 году помещичьи крестьяне села Жегалова, деревень Полянок и Русской Кариной самовольно рубили лес, принадлежащий Саровскому монастырю. Еще больше усилилась порубка лесов Саровской пустыни в 50-е годы XIX века[38].

Более острой формой классовой борьбы являлась попытка к убийству и убийства помещиков и управляющих. Так, в 1856 году был убит помещик Темниковского уезда Алферьев своим дворовым человеком[39]. В 1861 году был убит помещик Темниковского уезда Ардабьев и помещик этого же уезда Богданов был убит дворовым Кондратьевым[40]. Был избит дворовым человеком помещик Наровчатского уезда Хомяков[41].

Протестом крепостных против существующего строя было неповиновение крестьян как помещикам, так и властям. На территории Мордовии за первую половину XIX века выявлено 42 случая неповиновения[42]. Главным поводом к неповиновению послужили усиление эксплуатации и жестокое обращение помощников и их управляющих с крестьянами. Это вынужден был признать Пензенский губернатор. 31 июля 1858 года он писал уездным предводителям дворянства, что главным поводом неповиновения крестьян были «неосновательные и стеснительные» распоряжения как самих помещиков, так и их управляющих. Губернатор указывал, что последние «вместо положенных трех дней заставляли крестьян работать на помещика иногда по четыре и по пять дней в неделю»[43].

Крестьяне отказывались платить оброки и выполнять барщинные работы. Так, крестьяне села Тепловки помещицы Еникеевой отказались платить оброк прибывшему туда 25 февраля 1858 года опекуну Егорову. «Крестьяне от платежа оброка отказались будто-бы по неимению денег», но как потом выяснилось, крестьяне не хотели платить оброк потому, что «они скоро будут вольными и свободными от взноса, как казенных, так и барских повинностей»[44].

Причиной неповиновения крепостных Полянского были «неосновательные толки о предстоящем освобождении крестьян»[45],— писал губернатор в Министерство Внутренних Дел.

Распространителями «нелепых» слухов относительно освобождения крестьян в селе Дракине Спасского уезда был Александр Иванов[46], а в Наровчатском уезде крестьянин помещика Соколова Александр Гуркин[47].

В 1863 году неповиновение крестьян помещика Темниковского уезда Селиванова (800 душ) было вызвано слухами о представлении крестьянам права выкупа на волю[48].

Из вышеизложенного видно, что крестьянские выступления, несмотря на их стихийность и локальность, были направлены против крепостнического строя.

Итак, крепостной строй к середине 50-х годов XIX века изжил себя. В его недрах росли новые капиталистические отношения. Это предопределило необходимость отмены крепостного права. Массовое крестьянское движение обостряло эту необходимость.

---

[1] Б. Г. Литвак. Проведение крестьянской реформы в русском черноземном центре (1861—1895 гг.). Докторская диссертация. М., 1968.

[2] А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.

[3] Примечание: душ мужского пола далее дается сокращенно — душ м. п.

[4] Таблица составлена нами на основании данных А. Тройницкого. Указ. работа, стр. 35, 37, 38.

[5] По Ардатовскому уезду указанное количество имений может быть не точным, ибо о количестве последних нами данные не обнаружены. Количество имений взято по числу сохранившихся уставных грамот (ЦГИА, ф. 577, оп. 36, дд. 64—215).

[6] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3599, лл. 248—249, 252, 255. ГАТО, ф. 4, оп. 68, д. 1, лл. 1317, 1375.

[7] Таблица составлена нами на основании данных ЦГИА, ф. 577, оп. 36, дд. 64—215; оп. 27, дд. 131—260, 391—495, 649—720, 994—1113; оп. 40, дд. 1439—1503, 1791—2013.

[8] Н. Ф. Тюгаев. Аграрные отношения в крепостной деревне на территории Мордовии в первой половине XIX в. (кандидатская диссертация). Саранск, 1969, стр. 136.

[9] Б. Г. Литвак. Проведение крестьянской реформы в русском черноземном центре (1861—1895 гг.). Докторская диссертация, т. 1. М., 1968, стр. 51.

[10] Кроме крестьян, переселенных за пределы Мордовии (1188 душ м. п.), отпущенных на волю (295 душ м. п.) и не имеющих право на надел (12 душ м. п.), были в бегах — 28, осужден — 1 и умерло 3 души м. п.

[11] А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствовании Александра II, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 1494—1495, 1508—1509, 1516—1517. (Подсчеты сделаны нами.)

[12] Н. Ф. Тюгаев. Аграрные отношения в крепостной деревне на территории Мордовии в первой половине XIX века (кандидатская диссертация). Саранск, 1969, стр. 52—53. (Подсчеты сделаны нами.)

[13] Подсчитано нами на основании данных А. Скребицкого. Крестьянское дело..., т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 1495, 1509, 1517.

[14] Н. Ф. Тюгаев. К вопросу о землепользовании и эксплуатации крестьян на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма.— Труды МНИИЯЛИЭ, выпуск 38. Серия историческая. Саранск, 1969, стр. 227.

[15] И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний. М., 1959, стр. 143.

[16] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 209.

[17] М. К. Рожкова. Сельское хозяйство и положение крестьян. (В кн.: Очерки экономической истории России в первой половине XIX века). М., 1959, стр. 21.

[18] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, стр. 85.

[19] Яксон. Сравнительная статистика России и западно-европейских стран. СПб., 1878, стр. 70.

[20] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, лл. 98—102; А. Скребицкий. Крестьянское дело..., т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 1228, 1240, 1246.

[21] Н. Ф. Тюгаев. К вопросу землепользования и эксплуатации крестьянства на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма.— «Труды» Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Серия историческая, выпуск 38. Саранск, 1969, стр. 226.

[22] Там же, стр. 227.

[23] Там же, стр. 234.

[24] «Высочайше утвержденные его Императорским Величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». (Местное Положение, глава 4, ст. 243, стр. 41). СПб., 1861.

[25] ЦГИА, ф. 577, оп. 27, д. 221, л. 6.

[26] Национальный состав селений определялся по «Спискам населенных мест», тт. 30, 39, 42. СПб., 1863—1869.

[27] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3379, л. 11; д. 3494, лл. 10—11; д. 3776, л. 10.

[28] ЦГА МАССР, ф. 29, оп. 1, д. 33, л. 2.

[29] Там же, л. 8.

[30] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3040, лл. 4—5.

[31] ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 1369, л. 1.

[32] Подсчитано нами по данным Б. Г. Литвака в брошюре «Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в.». М., 1967, стр. 10.

[33] И. Игнатович. Крестьянские волнения в первой четверти XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

[34] Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967, стр. 10.

[35] Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967, стр. 63—64.

[36] Там же, стр. 64.

[37] Н. Ф. Тюгаев. Аграрные отношения в крепостной деревне на территории Мордовии в первой половине XIX века (кандидатская диссертация). Саранск, 1969, стр. 309.

[38] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. 1. Саранск, 1948, стр. 277—278.

[39] ГАТО, ф. 161, оп. 82, д. 23, л. 13.

[40] ЦГА МАССР, ф. 101, оп. 2, д. 210, л. 4; д. 217, л. 3.

[41] ГАПО, ф. 23, оп. 1, д. 563, л. 2.

[42] Н. Ф. Тюгаев. Аграрные отношения в крепостной деревне на территории Мордовии в первой половине XIX века (кандидатская диссертация). Саранск, 1969, стр. 365.

[43] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3465, л. 76.

[44] Там же, л. 41.

[45] ЦГИА, ф. 1180, оп. 1, д. 25, (1858—1861 гг.), л. 80.

[46] ГАПО, ф. 4, оп. 62, д. 9, л. 1.

[47] ГАПО, ф. 23, оп. 1, д. 595, лл. 1, 5.

[48] Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1872, стр. 104.

Н. Ф. ТЮГАЕВ

ПОВИННОСТИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН МОРДОВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Повинности государственных крестьян состояли из двух категорий — государственных и феодальных. Среди государственных повинностей отмечались денежные и натуральные. Денежные повинности, в свою очередь, включали в себя подушную подать, земские и мирские сборы.

Подушная подать в конце XVIII века была размером в 1 руб. 20 коп.[1] ассигнациями (96 коп. серебром). Н. М. Дружинин[2] в монографии о государственных крестьянах отмечал, что размеры подушного оклада со времени установления их законом 1818 года были единообразны — 3 руб. ассигнациями с ревизской души, которые в переводе на серебро составляли 78,6 коп[3]. К ней прибавлялся специальный сбор по 30 коп. ассигнациями на устройство путей сообщения. Вместе с ним подушная подать составляла 86,4 коп. серебром с души. Таким образом, в переводе на серебро подушная подать с конца XVIII века до начала двадцатых годов XIX века незначительно даже уменьшилась. В 30—40-е годы XIX века она равнялась 95 коп. серебром, т. е. в отношении начала 20-х годов происходит ее повышение, но по сравнению с концом XVIII века ее уровень в рублях серебром остается почти неизменным[4]. Как видно, размеры подушного оклада были одинаковы с податями помещичьих крестьян.

Земские повинности, взимавшиеся с государственных крестьян по губернским сметам, с 30-х до 50-х годов XIX века в уездах Пензенской губернии выросли с 15 до 27 коп. серебром[5]. Размеры их в уездах Тамбовской губернии в переводе на серебро колебались от 20,4 до 22,4 коп.[6], но в Спасском и Темниковском уездах они были выше (по 31 коп.)[7].

Собственные и мирские сборы за это время увеличились почти в 2 раза (с 39 до 72 коп. сер.). Размеры денежных сборов, за исключением феодальной повинности, которая у свободных хлебопашцев и однодворцев не указывалась и, по-видимому, отсутствовала, в предреформенные десятилетия были примерно одинаковы у всех категорий казенного крестьянства[8].

Денежный оброк государственных крестьян в конце XVIII

века был равен 5 руб. ассигнациями (4 руб. сер.), в конце 20-х годов — 10 руб. (2,62 руб. сер.)[9]. В 30—40-е годы XIX века он составлял 2 руб. 86 коп. серебром[10].

Итак, в отношении конца 20-х годов оброк в предреформенные десятилетия немного повысился, в основном же оставался «в размерах, установленных законом 1823 года», но по сравнению с концом XVIII века он понизился в выражении в руб. серебром. Повышение его в ассигнациях объясняется неустойчивостью курса последних и обесценением их.

Все денежные подати (подушный оклад, земские повинности и мирские сборы) государственных крестьян вместе с оброком в среднем по Пензенской губернии с 30-х до второй половины 40-х годов XIX века выросли с 4,14 до 4,8 руб. серебром на душу. У свободных хлебопашцев они составили 1,28 и однодворцев — 1,23 руб. серебром[11].

Из денежных повинностей выше были отмечены мирские сборы, которые собирались для содержания сельских старост, писарей и т. д. Сельские и волостные власти часто злоупотребляли своим положением и производили денежные сборы, которые, как правило, никем не учитывались. Кроме того, положение государственных крестьян усугублялось различными незаконными поборами, производившимися воинскими командами. Так, в деревнях Большие Уркаты и Киржеманы Краснослободского уезда в 1827 году было собрано по 2 руб. ассигнациями с души[12]. В село Паево Инсарского уезда в 20-е годы XIX века каждый год осенью приезжали матросы, которые питались у крестьян и брали с села до ста рублей. В деревне Новое-Пшенево осенью 1826 года тридцати матросам насильно вытребовали у крестьян 150 руб. ассигнациями, в Сиалевском Майдане — 70 руб., в деревне Старое Пшенево — 100 руб., в Вертелиме — 110 руб. и продукты. Такие же бесчинства производились и в других мордовских селениях, в частности в Пирхляе, Пишле, Болдове и Навлее, где за 2—3 года с сел сборы достигали от 240 до 450 руб. ассигнациями[13].

С половины 40-х годов XIX века система обложения государственного крестьянства податями частично изменяется. Для их выявления неоценимыми являются материалы комиссий по уравнению денежных сборов с государственных крестьян. Но, к сожалению, по губерниям, уезды которых вошли в Мордовию, в архивных фондах они почти не сохранились, за исключением отдельных отрывочных сведений. Нам удалось обнаружить окладные сравнительные табели комиссий по уездам Пензенской губернии за 1849, 1850, 1853, 1854 и 1859 годы[14], в которых в масштабе уездов указываются число ревизских душ, пространство оцененной земли в десятинах, земли на душу, чистый доход в рублях серебром (от земледелия, промыслов, лесов), подати (подушная, поземельный, промысловый и др. сборы).

Как выясняется, эта система вводится в 1846 году[15].

Примерно в это же время она вводится и в Тамбовской губернии. Для проведения ее в жизнь создавались оценочные комиссии, которые производили оценку доходов в денежном выражении от земель, промыслов, лесов в селениях и уездах губерний. Особенно сложной и запутанной была система установления доходов с земель. С этой целью земля классифицировалась на разряды, классы и статьи по степени удаленности ее от населенного пункта, плодородия и т. д.[16] Результатом всей этой работы явилось установление поземельного сбора вместо ранее существовавшего денежного оброка, размеры которого, как было выявлено нами, зависели от величины дохода с земледелия, установленного при оценке земель. Уже в 1849 году по старому обложению несло повинности в уездах незначительное число крестьян. Количество их во всех уездах колебалось от 11 до 212 человек. Сбор земских и мирских повинностей оставался без изменения.

На основании отмеченных сведений был произведен пересчет на душу всех видов дохода, повинностей и определена доля податей от общего дохода, также удельный вес поземельного обложения от доходов с земледелия. Для выявления динамики были взяты 1849 и 1859 годы. Результаты пересчета данных на душу показывают, что в 1849 году во всех уездах Пензенской губернии[17] подушная подать еще была в таких же размерах, как и раньше (95 коп. серебром). Однако в 1859 году она составила уже по 1,54 руб. серебром на ревизскую душу, которая указывалась как подать, переложенная на доходы. Таким образом, за последнее десятилетие перед реформой она выросла на 59 коп., или на 62%. К уровню 80-х годов XVIII века ее рост составил примерно такую же величину.

Поземельный денежный сбор на душу, наоборот, за десятилетие в своих размерах сократился. Так, он составил в Саранском уезде в 1849 году 5,05 руб. и в 1859 году — 4,14, Краснослободском — 3,76 и 3,25, Инсарском — 3,5 и 2,87 и, наконец, Наровчатском — 3,83 и 3,52 рубля серебром.

Создавалось впечатление, что как будто с уменьшением поземельного денежного сбора ослабевала и эксплуатация государственных крестьян со стороны феодального государства. Так ли обстояло дело? Однако при пересчете поземельного обложения на одну десятину оцененной земли за десятилетие оно возрастает во всех уездах (в Саранском с 1,11 до 1,15 руб. сер., Инсарском с 0,85 до 0,94 и Наровчатском — с 0,61 до 1,04 руб. сер.), за исключением Краснослободского, где остается на одном и том же уровне (0,99 руб. сер.).

В 1849 году прослеживается общая закономерность — одинаковая величина доли поземельного сбора от доходов земледелия (15,8—15,9%). Та же тенденция выявлялась и в 1859 году. Однако доля поземельного обложения в конце 50-х годов XIX века была выше (во всех уездах уже 16,5%).

В целом величина всех денежных податей государственных крестьян за десятилетие несколько сократилась в двух уездах: Саранском (с 6,1 до 5,7 руб. сер.) и Инсарском (с 4,53 до 4,42 руб. сер.). В Краснослободском уезде она незначительно увеличилась (с 4,76 до 4, 78 руб. сер.). Более заметное ее повышение наблюдается в Наровчатском уезде (с 4,84 до 5,1 руб. серебром)[18].

Для выявления степени эксплуатации казенного крестьянства феодальным государством и динамики ее важно знать долю всех податей в общем доходе крестьян, которая во всех уездах колебалась от 19 до 20% в 1849 году и от 22,6 до 25,3% в 1859 году.

Итак, общая картина за изучаемый период такова. В целом размеры всех податей с конца XVIII века (4,96 руб. сер.) до половины 30-х годов XIX века (4,14 руб. сер.) сокращаются. С 30-х годов до половины 40-х годов они возрастают: в целом по Пензенской губернии до 4,8 руб., а по уездам, отошедшим из Пензенской губернии в Мордовию, до 5,05 руб. серебром. В предреформенное пятнадцатилетие устанавливается их стабилизация (примерно 5,05 руб. сер.)[19]. Но в результате уменьшения доходов крестьян в конце 50-х годов по сравнению с 40-ми годами доля податей в доходах также увеличивается. В связи с чем с 30-х до 50-х годов усиливается и эксплуатация государственного крестьянства. Однако несмотря на усиление эксплуатации, в среднем денежные платежи государственных крестьян по уездам в конце 50-х годов XIX века были несколько ниже, чем помещичьих[20], и они в общем крестьянском доходе, установленном комиссиями, занимали меньшую долю.

Но в отдельных селениях при раскладке поземельного сбора указанная закономерность, свойственная уездам, часто нарушалась. По этим причинам многие государственные крестьяне проявляли недовольство и писали всевозможные жалобы, в которых требовали переоценки земель. Так, в 1845 году в Пензенской губернии были пересмотрены классификации земель в 98 селениях. Но на основе крестьянских замечаний изменили оценки земель лишь в некоторых из них[21]. В выписке из журнала Центральной комиссии уравнения денежных сборов отмечалось, что крестьяне Наровчатского округа Спасской волости были обложены поземельной податью по 2 руб. 90 коп. серебром на душу, между тем крестьяне смежной со Спасской волостью Каурцевской волости платили уже по 4 руб. 33 коп. на душу, или по 1 руб. 18 коп. за десятину, и поэтому они при всем старании о своем хозяйстве не могли быть исправными плательщиками[22].

Жалобы крестьян на неправильность первоначальных оценок особенно участились в Пензенской губернии в 1849 и 1850 годах. Поэтому губернская палата вынуждена была вновь произвести их исправление[23].

Однако прошения крестьян о переоценке земли и снижении поземельного налога продолжали поступать и после их переоценки, но уже и в уездах других губерний. Так, в 1852 году на неверность оценки 2503 дес. земли жаловались крестьяне деревни Липлейки Спасского уезда, которым просьба наконец была удовлетворена, и земли были переоценены, а доходы снижены[24].

Государственные крестьяне мордовского села Гумен Краснослободского уезда в прошении управляющему Пензенской палаты госимуществ обращали внимание на плохое качество земель. Они писали: «Мы оплачивали с каждой души оброка по 20 руб. 32 коп. ассигнациями (5,8 руб. сер.). Но по неудобству земель и по недостатку на количество душ ее пропорции терпим крайнюю нужду»[25]. Крестьяне села Шаверок Гуменской волости того же уезда также обратились с прошением в Пензенскую палату госимуществ о тяжести поземельного налога. Они говорили, что «с 544 душ взыскивают с каждой души по 7 руб. 5 коп. серебром... за уплатою оного с податями в минувшем году мы пришли в самое бедное положение... и семейное разорение. Ибо многие из нас за продажею имущества и скота остались без них и не имеем никаких возможностей уплачивать платежи нынешнего года»[26]. Государственный крестьянин мордовского села Новой Самаевки Краснослободского же уезда Ермолай Трофимов в покорнейшем прошении требовал уменьшить поземельный налог, который уплачивался с души за 5,75 дес., но в действительности он пользовался лишь 3,25 дес. земли на душу[27].

Большая часть жалоб государственных крестьян о своем безвыходном положении оставалась без внимания. Поэтому с просьбой о снижении поземельного обложения они обращались не только к окружному начальнику и в губернскую палату, но и к министру государственных имуществ. Одним из них является государственный крестьянин деревни Кадышевки Саранского уезда Евграф Васильевич Лошаков, который с 36,5 дес. пашенной земли ежегодно выплачивал до 64 руб. серебром[28].

Следовательно, государственные крестьяне из года в год не справлялись с платежами, которые на них накладывались. У них накапливались недоимки. Так, обработанные нами материалы показывают, что в Мордовии наименее платежеспособными были государственные крестьяне Краснослободского уезда, за которыми уже в 1805 году числилось податей и оброчных в недоимках 34 483 руб. ассигнациями[29]. К 1815 году недоимки в уезде увеличились более, чем в 5 раз[30]. К концу 30-х годов по сравнению с 1815 годом они выросли в тройном размере, а по отношению к началу XIX века почти в 16 раз.[31]. Конечно, такое резкое увеличение недоимок нельзя объяснить только одной неплатежеспособностью крестьян. Нужно заметить, что уже со второго десятилетия XIX века ценность ассигнационного рубля

резко падает. По сравнению с началом века он стал в 3 раза дешевле. В дальнейшем его ценность повышается, но незначительно[32]. Однако и в переводе на серебро рост недоимок составил более трех пятых уровня начала века. В конце 30-х годов недоимки были в 6 раз больше, чем в 1805 году. При пересчете на душу они равнялись 38 руб. ассигнациями.

За государственными крестьянами Инсарского уезда до 30-х годов в окладных книгах недоимок не числилось. К 1837 году на каждую душу приходилось их примерно 10 руб. 62 коп. ассигнациями[33]. Со второго десятилетия недоимки появляются в Саранском (около 79 тыс. руб. ассиги.) и Наровчатском (148 тыс. руб. ассиги.) уездах. До конца 50-х годов XIX века они больше не исчезают. Но в Саранском уезде к 1837 году их остается ничтожное количество (свыше 1 тыс. руб. ассиги.)[34], которые к 50-м годам вновь возрастают, оказываясь намного выше, чем в момент их появления. Особенно обременительными были разного рода взыскания, которые несколько раз превосходили недоимку по податям[35]. Примерно на одинаковом уровне держались недоимки в Наровчатском уезде (7 руб. 65 коп. ассиги. на душу).

В 1803—1805 годы в уездах Тамбовской губернии по сведениям казенной палаты недоимок у государственных крестьян было незначительно (Спасский — 228 руб., Темниковский — 141 руб. ассиги.)[36]. За 20-е и 30-е годы в источниках сведений нет. С 1840 года они сохранились в ежегодных отчетах Тамбовской палаты государственных имуществ. В Спасском уезде в 1840 году недоимки составляли 216 тыс. руб. ассигнациями[37]. Наибольшее число их было в 1844 году[38]. К началу 50-х годов величина их постепенно сокращалась (224 тыс. руб. ассиги.) и в переводе на серебро они оказались немного даже меньше уровня 40-х годов[39]. В Темниковском уезде в 1840 году недоимок означалось 145 тыс. руб. К началу 50-х годов они выросли более 2-х раз[40].

Таким образом, почти во всех уездах Мордовии общей закономерностью являлся рост недоимок в течение первой половины XIX века. Наибольшая величина их сохранялась с конца 30-х до начала 50-х годов. К концу 50-х годов недоимки значительно уменьшились[41] и в большинстве уездов они стали ниже конца 30-х — начала 40-х годов.

Кроме денежных податей государственные крестьяне несли еще натуральные повинности. Они выставляли работников для исправления дорог, мостов, гатей, предоставляли суточные квартиры для проезжающих чиновников. Из числа государственных крестьян выделялись лица для караула казенных лесов. Их назначали на полицейские должности.

В Тамбовской губернии в 1840 году крестьянами было отбыто государственных натуральных повинностей на сумму 116 тыс. руб. примерно на каждого 32 коп. серебром[42].

Крестьяне отбывали и рекрутскую повинность, от которой можно было избавиться лишь приобретением зачетной квитанции. Однако ее стоимость была непосильна основной массе крестьянства (250 руб. сер.)[43].

По распоряжению Министерства государственных имуществ заводилась общественная запашка, сборы хлебов с которой шли в общественные магазины на случаи неурожаев. Но она внедрялась очень плохо. Так, в 1840 году в Спасском уезде общественной запашки было 143 дес., в Темниковском — только 16 дес[44]. В 1837 году в Пензенской губернии 40 тыс. государственных крестьян обрабатывали общественную запашку в размере около 4 тыс. дес., в том числе в Наровчатском приказе свыше 5,5 тыс. крестьян имели запашку 541 дес., в Рыбкинском — 4788 крестьян — около 600 дес.[45]. К 1850 году в Пензенской губернии количество крестьян, имевших общественную запашку, увеличилось в 3 раза, обрабатываемая ими земля — в 2 раза. Из этого количества крестьян в Мордовии проживало 12,3% его состава, которые обрабатывали 9,4% общественной запашки губернии[46].

Снижение платежеспособности, рост недоимочности и ухудшение положения государственных крестьян в течение первой половины XIX века непосредственно было связано с обеспечением их земельными наделами, которые во всех уездах Мордовии к концу 50-х годов намного сократились. Однако в целом они были выше наделов помещичьих крестьян.

В середине 30-х годов наделы удобной земли государственных крестьян в Саранском уезде составили 5 дес. на душу мужского пола, Краснослободском — 4,1, Инсарском — 3,9 и Наровчатском — 3,9 дес.[47] К 1849 году наделы сокращаются в двух уездах (Саранском и Краснослободском)[48]. К 1853 году они уменьшаются уже во всех уездах[49]. В дальнейшем сокращение наделов продолжается вплоть до 1858 года, которые были равны в соответствующих уездах 3,6 дес., 3,2; 3,0 и 3,4 дес. удобной земли на душу мужского пола[50]. В Спасском уезде на душу приходилось 3,56 и Темниковском — 3,11 дес.[51]

В то же время в уездах наделы государственных крестьян были распределены далеко не одинаково. Этот вывод можно проследить на уездах Тамбовской губернии. Например, в 1858 году более половины крестьян Спасского уезда (56,4%) пользовалось наделом удобной земли от 3 до 4 дес., немногим более одной пятой части крестьян — наделом в 2—3 дес., около одной пятой крестьян — наделом в 4—5 дес. на душу. Крестьяне с участками в 6—7 дес. составляли только 2,5%. Землею до 1 дес. были наделены 0,3% и до 2 дес.— 0,2% казенного крестьянства уезда. В Темниковском уезде 1,5% крестьян располагали менее 1 дес. удобной земли. Наделы от 1 до 2 дес. имели 1,25% крестьян, 13,9% их общего количества были наделены угодьями в 2—3 дес. Примерно одна треть крестьянства (31%) пользовалась удобной землей на душу в 3—4 дес., 9,3% — в 4—5 дес., 0,3% — в 6—7 дес. и 1% — в 7—8 дес. Таким образом, в уезде известны были размеры наделов у 58% крестьян[52]. Какими наделами располагало остальное казенное крестьянство — однодворцы — неизвестно, т. к. по ведомости они не показываются.

В течение первой половины XIX века сокращаются также и пашенные наделы крестьян. По губернским отчетам в Саранском уезде за 1800 год в трех полях приходилось пашни примерно 4,5 дес.[53], Инсарском в 1802 году — 3,33 дес. на душу мужского пола[54]. В 1858 году в указанных уездах было 3,15 и 2,48 дес. пашни на душу мужского пола[55]. Таким образом, в первом уезде пашня государственных крестьян сократилась на 1,35 дес., во втором — на 0,85 дес. В 1858 году в Краснослободском уезде она равнялась 2,73, Спасском — 2,92 и Темниковском — 2,49 дес. на душу мужского пола[56].

В изучаемое время среди государственного крестьянства была распространена общинная и частная формы землевладения[57], но последняя у них имела незначительное место.

В середине 40-х годов XIX века доля земельной площади, состоявшей в частном владении, колебалась от 0,13% (Наровчатский уезд) до 3,8% (Саранский уезд). В Краснослободском уезде в то время у государственных крестьян в частном владении земель не было[58].

К концу 50-х годов частное землевладение государственных крестьян нисколько не увеличивается. В Инсарском уезде, наоборот, оно вдвое сокращается, Саранском почти исчезает, Наровчатском остается на одинаковом уровне. В Краснослободском уезде появляется 746 душ, в частном владении которых было 1 364 дес. земли. Во всех уездах, вошедших в состав Мордовии из Пензенской и Тамбовской губерний, общее количество государственных крестьян, владевших собственными землями, в 1857 году было 2 990 душ мужского пола с землею 3 950 дес., со средним душевым наделом удобных угодий лишь 1,3 дес., с колебанием в уездах от 0,5 (Наровчатский) до 2,5 дес. (Саранский)[59].

При общинной форме землевладения земля являлась коллективной собственностью всей общины или «мира». «Мир», в качестве юридического лица, владел прирезанной к селению землей, одна часть которой сдавалась в оброчное содержание, другой пользовались сообща для выгона скота, пастбищ и т. д.

В 1843—1844 годы в общинном владении государственных крестьян в четырех уездах Пензенской губернии (Саранском, Инсарском, Наровчатском и Краснослободском) находилось от 78 до 100% крестьянских земель[60].

Время от времени между домохозяевами или членами общины производились переделы пахотных земель. Переделы различались двух видов: общие (коренные) и частные (жеребьевка). Общие переделы пахотных земель среди государственного

крестьянства в дореформенное время приурочивались обычно ко времени ревизии, среди помещичьих крестьян совершались чаще, чем государственных. Переделы преследовали цель приведения в соответствие рабочей или платежной силы крестьян с количеством владеемой земли. По отзывам современников переделы пагубно влияли на состояние земледелия, т. к. они убивали старание хозяев удабривать землю и способствовали к введению принудительной системы хозяйства. Кроме того, сильно развивалась чересполосица, при которой надел крестьянина был разбросан клочками в нескольких местах и окружен чужой полосой. Она требовала от крестьянина больше времени на переходы[61].

Чересполосица получила большое распространение в предреформенные десятилетия. Так, в середине 40-х годов в чересполосном владении находилось в Инсарском уезде 7,5% крестьянских наделов, Саранском — 10,9%. Особенно сильно она была развита в Краснослободском и Наровчатском уездах, где свыше одной пятой площади наделов государственного крестьянства находилось в чересполосном владении[62].

Подведем итоги. В первой половине XIX века происходит увеличение повинностей государственных крестьян. Более интенсивный рост всех денежных податей (подушного оклада, земских повинностей, мирских сборов и денежного оброка) начинается с 30-х годов XIX века, т. е. в период кризиса феодальной системы хозяйства.

С введением поземельного денежного обложения в середине 40-х годов XIX века его размеры на одну десятину оцененной земли до конца 50-х годов возрастают во всех исследуемых уездах. В то же время учащаются жалобы на неверность оценок земли и большие размеры поземельного сбора.

Одновременно с ростом повинностей государственных крестьян сокращаются их земельные наделы, в результате уменьшаются доходы крестьянского хозяйства.

Уменьшение доходов крестьянского хозяйства снижает платежеспособность крестьянина. В итоге все это приводит к недоимочности, которая росла из года в год.

В результате роста повинностей и сокращения доходов доля податей в общем крестьянском доходе неуклонно возрастала. Это вело к увеличению степени эксплуатации крестьян со стороны феодального государства.

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 238.
[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М., 1946, стр. 328.
[3] В 1816—1820 годы один ассигнационный рубль равнялся 26,2 коп. серебра.— И. И. Игнатович. Крестьянское движение в России. М., 1963, стр. 25.
[4] ГАТО, ф. 15, оп. 5, д. 13, л. 12; ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, л. 187.
[5] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, л. 187.
[6] Н. М. Дружинин. Указ. работа, стр. 329.

[7] ГАТО, ф. 15, оп. 5, д. 13, лл. 12—13.
[8] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, лл. 187, 188.
[9] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 238.
[10] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, л. 187; ГАТО, ф. 15, оп. 5, д. 13, л. 12.
[11] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, лл. 186, 187, 188.
[12] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1389. (О ревизии Пензенской губернии сенатором Георголием), л. 302.
[13] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1389. (О ревизии Пензенской губернии сенатором Георголием), лл. 302, 303.
[14] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 37. (Предписания Департамента сельского хозяйства о представлении сравнительных ведомостей по изменению оценок), лл. 14—20; д. 89, лл. 76—77, 79.
[15] Там же, д. 57, л. 161.
[16] ГАТО, ф. 15, оп. 16, д. 78, л. 10.
[17] Саранский, Инсарский, Краснослободский и Наровчатский уезды.
[18] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 37, лл. 14, 19, 76—77, 79.
[19] Примечание. Денежные подати с конца XVIII века до середины 40-х годов XIX века в размерах 4,96 руб., 4,14 руб. и 4,8 руб. сер. выражают подати на душу в целом по Пензенской губ., а в размерах 5,05 руб. сер.— в уездах, вошедших в Мордовию из Пензенской губернии.
[20] Н. Ф. Тюгаев. К вопросу землепользования и эксплуатации крестьянства на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма (конец XVIII — первая половина XIX в.)— Труды (МНИИЯЛИЭ), серия историческая. Саранск, 1969, вып. 38, стр. 234.
[21] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 143.
[22] Там же, л. 161.
[23] Там же.
[24] ГАТО, ф. 15, оп. 16, д. 78, л. 10.
[25] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 178.
[26] Там же, л. 182.
[27] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 198.
[28] Там же, лл. 188—189.
[29] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 82, л. 70.
[30] Там же, д. 484, л. 109.
[31] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 67.
[32] И. И. Игнатович. Указ. работа, стр. 25.
[33] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 59, 60.
[34] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 484, л. 61, 253; ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 60, 65, 66.
[35] ГАПО, ф. 8, оп. 1, л. 75, лл. 45, 47, 56—58.
[36] ГАТО, ф. 12, оп. 7, д. 2, лл. 66—77.
[37] ГАТО, ф. 15, оп. 4, д. 1, лл. 45—46.
[38] Там же, оп. 8, д. 31, лл. 109—110.
[39] Там же, оп. 12, д. 20, лл. 152—153; оп. 14, д. 94, ведомость № 10.
[40] Там же.
[41] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 75, лл. 56—58; Л. Воейков. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. СПб., 1872, стр. 161.
[42] ГАТО, ф. 15, оп. 4, д. 1, л. 16.
[43] Там же, оп. 5, д. 13, лл. 59—60; оп. 8, д. 31, л. 36.
[44] Там же, оп. 4, д. 1, л. 53.
[45] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 399.
[46] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2911, л. 127.
[47] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 42, 45, 46, 84.
[48] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 37, лл. 17, 19.
[49] Там же, д. 63, лл. 16—19.
[50] Там же, д. 89, лл. 76—77, 79.
[51] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1859, вып. II, стр. 261.
[52] Л. Воейков. Указ. работа, стр. 81.
[53] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 23, л. 26.
[54] Там же, д. 56, л. 2.

[55] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства госимуществ. СПб., 1859, выпуск II, стр. 259.
[56] Там же, стр. 259, 261.
[57] Л. В. Ходский. Земля и земледелец. Экономические и статистические исследования, т. 1. СПб., 1891, стр. 76, 77, 78.
[58] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 7, лл. 211—215, 228—237, 271—274.
[59] В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. Материалы по вопросу об обеспечении продовольствием. СПб., 1859, стр. 9.
[60] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 7, лл. 211—215, 228—237, 271—274.
[61] Л. В. Ходский. Указ. работа, стр. 76—80.
[62] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 7, лл. 211—215, 220—237, 271—274.

Н. Ф. ТЮГАЕВ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНЕ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Разорение хозяйства помещичьих крестьян и ухудшение их положения в течение первой половины XIX века, особенно в 30—50-е годы, вызвало в крестьянстве недовольство существующим крепостным режимом. Крестьяне Мордовии свой протест крепостничеству выражали в различных формах классовой борьбы.

Имеющийся архивный и опубликованный материал позволяет сделать вывод, что в продолжении изучаемого времени классовая борьба помещичьего крестьянства постепенно нарастала.

Одной из форм этой борьбы были *побеги*. Число побегов крестьян и дворовых во второй четверти XIX века по сравнению с концом XVIII и первой четвертью XIX века возрастает. Так, в Краснослободском уезде из 17 побегов помещичьих крестьян и дворовых к периоду с 1825 по 1861 годы относится 13 случаев, или 76,4%. Всего за первую половину XIX века в Темниковском, Краснослободском и Саранском уездах нами установлено 45 случаев побегов[1].

Помещики одно за другим писали объявления и жалобы в уездные суды о розыске своих беглых крестьян[2].

Некоторые крестьяне совсем оставляли насиженные родные места. Они отправлялись нередко за пределы своих губерний. Так, в 1823 году крестьяне и дворовые люди Тамбовской губернии совершали побеги даже в район Моздока Кавказской губернии[3]. В 1830—1832 годах помещичьи крестьяне Симбирской губернии доходили до Кавказской линии[4]. Побеги крестьян на Кавказ происходили и в 40-е годы XIX века, основной причиной которых была надежда получить в новом месте земельные наделы. Так, в 1843 году из Пензенской и Тамбовской губерний бежало значительное количество крестьян под влиянием слухов об освобождении тех, кто переселится «на земли будто бы пожалованные государыне в Закавказских провинциях»[5].

Помещичьи крестьяне бежали в одиночку и группами. Кроме усиления эксплуатации причиной бегства было еще жестокое обращение владельцев со своими крестьянами. Так, в сентябре

1835 года из Наровчатского уезда из-за жестокого обращения помещика Ахлебинина бежало 16 крестьян[6].

За самовольный уход и бегство помещичьих крестьян жестоко наказывали. В имениях Полянских (Саранский уезд) «крестьянин Герасим Иванов в 1843 году за самовольную отлучку из деревни на две недели был наказан розгами»[7]. Крестьянка помещицы Замятиной Авдотья Фоломеева из села Оброчного Краснослободского уезда в 1849 году «за самовольную отлучку и имение при себе фальшивого билета» должна была подвергнуться «наказанию розгами 60 ударам» с последующей ссылкой в работный дом сроком на 3 года[8].

Но основной причиной бегства крепостных крестьян было усиление их эксплуатации, особенно к концу изучаемого периода. Об этом свидетельствуют многие архивные источники. Так, крестьяне помещика Карабьина в селе Большая Танеевка после его смерти управлялись опекуном Федорчуковым, со стороны которого они терпели постоянные издевательства. От крестьянского общества с жалобой на опекуна обратился крестьянин Житков. В ней отмечалось, что опекун сверх барских работ «употребляет крестьян для своей работы на расстоянии 120 и более верст»[9].

Другой формой классовой борьбы крепостных крестьян были *потравы* помещичьих полей и сенокосных угодий, на что указывают ряд архивных источников[10].

Протест крепостных господствующему классу выражался также в *самовольном увозе помещичьего хлеба, сена.* Так, в 1786 году крестьянами села Хухорева Ардатовского уезда самовольно было увезено сено у помещика И. В. Чиркова[11]. В 1790 году дворовые люди помещицы Богдановой из села Енгозина были обвинены в краже имущества князя Федора Енгалычева[12].

Следующей формой проявления антагонизма между крестьянами и помещиками была *самовольная запашка и порубка леса.* Крестьяне помещицы Алакаевой из села Алашевка Ардатовского уезда в 1790 году обвинялись в самовольной запашке земли в имении поручика С. Е. Крычкина[13]. Помещичьи крестьяне самовольно рубили не только господский, но и государственный, и монастырский леса[14]. В отличие от предыдущей формы крестьянского протеста порубка леса имела большое место в 20—50-е годы XIX века. Так, в 1840 году помещичьи крестьяне села Жегалова, деревень Полянок и Русской Караевой самовольно рубили лес в дачах Саровской пустыни, который принадлежал монастырю. По объявлению послушника Петра Гаврилова, крестьяне «нередко въезжая многолюдством, истребляют леса»[15]. Самовольная порубка леса Саровской пустыни крестьянами соседних деревень, в том числе и помещичьими, не только прекратилась, но еще больше усилилась в 50-е годы XIX века. Крестьяне, нередко оказывая сопротивление, избивали лесную охрану. Из приказа Темниковского уездного суда видно, что в

1855 году крестьяне села Жегалова снова рубили лес в дачах Саровской пустыни. При попытке их задержания крестьяне «с буйством бросились на богомольца Зуева», приставленного для надзора леса, и начали его жестоко избивать. Порубщиками оказались «крестьяне господина Вышеславцева Брагин и Захаров». Суд постановил крестьян господина Вышеславцева «Михайлу Пронина (35 лет) и Ивана Брагина (43 лет)... наказать розгами по 60 ударов и потом сослать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на 2 года; в случае неспособности их к работам в ротах... заключить в рабочий дом на 4 года»[16]. Самовольная запашка помещичьих земель и порубка леса неуклонно увеличивались. Например, по самовольной запашке помещичьих земель и порубке леса в Краснослободском уезде за изучаемый период насчитывалось 10 дел, из них 8 было заведено со второй половины 20-х годов XIX века.

Об усилении классовой борьбы помещичьего крестьянства, особенно во второй четверти XIX века, свидетельствует еще одна форма протеста — *поджоги.* Крестьяне жгли помещичий хлеб, лес и усадьбы. Современники отмечали, что в конце 30-х годов «сия бедственные происшествия обратили на себя общее внимание в особенности в Симбирской, Саратовской, Пензенской и Тамбовской губерниях»[17]. В это время участились случаи сопротивления крестьян местной полиции и помещикам, сопровождая свое выступление разными угрозами, оскорблениями и побоями помещиков. По данным «Материалов для истории крепостного права»[18], в отмеченных губерниях горели и крестьянские дома. Крестьяне 6 человек мнимых виновников своих бедствий бросили в огонь. «В числе сих жертв... был исправник и один помещик Симбирской губернии». Для выяснения причин пожаров в Симбирскую и Пензенскую губернии был даже откомандирован «по высочайшему повелению... начальник II округа корпуса жандармов...» За поджоги крестьяне предавались суду. Так, в 1857 году за поджог овина помещицы Вяземской был привлечен к суду крестьянин сельца Нерлей Саранского уезда Никита Федотов, который подозревался в умышленном поджоге «20 телег господской ржи»[19]. В 1858 году в селе Большой Ивановке Краснослободского уезда было 3 случая поджога дома помещицы Ермоловой[20]. Вообще по данным материалов уездного суда, в Краснослободском уезде было 10 случаев поджога помещичьих домов, овинов с хлебом и леса.

Проявлением классовой борьбы в более острой форме являлись избиения, *попытки убийства и убийства помещиков* и их управляющих. Причинами их, как правило, служили жестокость помещиков и усиление эксплуатации. В «Документах и материалах по крестьянскому движению в России» с конца XVIII века до отмены крепостного права на территории современной Мордовии отмечается два случая убийства помещиков крестьянами и один случай избиения управляющего[21].

Кроме этого, несколько случаев избиения и убийства помещиков и их управляющих дополнительно выявлены нами в местных архивах. Так, в 1790 году в селе Веденяпине Темниковского уезда княгиня М. Девлеткильдеева была «лишена жизни насильственным образом» бывшими ее крестьянами села Веденяпина Кузьмой Князьковым и сестрой его Анной Князьковой и крестьянином Чембарского округа Иваном, которые сонную княгиню ночью 13 мая задушили подушками[22].

В селе Афанасьеве Темниковского уезда в 1861 году убили помещика Я. И. Ардабьева. В одном из доношений в Темниковский уездный суд сообщалось, что «господин вечером поехал смотреть яровые хлеба, но он не вернулся. Крестьяне нашли его в речке убитым»[23]. В том же году в Темниковском уезде дворовым человеком Саввой Кондратьевым был избит помещик Иван Богданов[24]. По Краснослободскому уезду в Центральном госархиве МАССР хранится 6 дел об избиении и убийстве помещиков. Из них более половины относится ко второй четверти XIX века[25].

Сравнительно с предыдущими формами протеста *неповиновение крестьян* помещикам и властям как форма классовой борьбы стояло намного выше. В Ардатовском, Саранском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Темниковском и Спасском уездах за первую половину XIX века было 42 случая неповиновения, 12 из которых показываются в сборниках документов по «Крестьянскому движению в России»[26], 12 — в «Документах и материалах по истории Мордовской АССР»[27] и 18 — выявлены нами в Центральном госархиве МАССР[28]. Из 42 случаев неповиновения помещичьих крестьян своим владельцам только 16 (38%) приходилось на период с конца XVIII до начала 30-х годов XIX века. В свою очередь в первой четверти XIX века большая часть случаев неповиновения крестьян произошла во втором десятилетии XIX века. Это объясняется ухудшением положения крестьян в результате Отечественной войны 1812 года. В дальнейшем в связи с ликвидацией последствий войны спадает и волна крестьянского протеста. В 40—50-е годы XIX века неповиновение крестьян помещикам и властям вновь усиливается. Самое большое их число (62%) за вторую четверть XIX века произошло в 50-е годы, которые были связаны опять с войной (Крымской) и усилением эксплуатации крестьян в период кризиса феодального строя.

Причинами неповиновения крестьян были притеснения помещиков и особенно управляющих. Так, в 1800 году крестьяне Н. П. Румянцева (Алатырский уезд Симбирской губернии) отказались повиноваться управляющему в связи с их притеснениями, а в 1802 году крестьяне деревни Нижняя на Саре (Ардатовский уезд) и села Ратова (Курмышский уезд) не подчинились помещику[29]. Часто неповиновение помещичьих крестьян связано также с актом передачи их другому владельцу и со стремлением

при этом выйти из крепостной зависимости на свободу. Поэтому передача другому владельцу нередко использовалась крестьянами как повод к выступлению. Основной же причиной неповиновения являлось их тяжелое положение. Так, крестьяне сельца Чекашевых Полян Инсарского уезда, принадлежавшие графине Безбородко, 14 февраля 1813 года по купчей ею были проданы генерал-лейтенанту М. А. Обрезкову. Но крестьяне предполагали, что господином Обрезковым они «не куплены, а завладены силою». Поэтому на приказания управляющего Ивана Роде ходить на господские работы крестьяне отвечали отказом. Они жаловались на малоземелье, отсутствие хлеба. Их лошади из-за отсутствия кормов так истощали, что не могли отправлять никакие работы. Крестьяне требовали уравнения их в земле с крестьянами села Токмова. Управляющий 30 мая 1814 года доносил Инсарскому земскому исправнику, что крестьяне не выполняют приказания ни бурмистра, ни нарядчика. Они наотрез отказались отвозить господское вино с завода на пристань. С 7 на 8 июня крестьяне не вышли на господские работы (из 64 человек явилось только 3). 13 июня крестьяне сковали старосту Филиппа Степанова и десятника Марка Киреева, которых держали под стражею. Крестьяне на сходе решили не давать им «паровой земли и сенокосу», «дома их разломать и разорить», а тем, кто «добровольно ходит на господские работы, запретить» ходить[30].

Невыполнение помещичьих приказаний, невыход на господские работы крепостных крестьян были не единичны. Так, в 1818 году крестьяне села Породеева и деревни Дубенок Ардатовского уезда отказались признать своей владелицей помещицу Мусину-Пушкину, а крестьяне помещицы Дивеевой в деревне Китаевке Темниковского уезда отказались выполнять барщину в связи с захватом помещиком крестьянского скота и имущества[31]. Крестьяне помещика Ф. А. Голубцова в селе Ладе Саранского уезда в 1820 году перестали выполнять распоряжения помещика и сменили бурмистра[32]. В 1833 году «отказывались производить господские работы» крестьяне помещика Кугушева[33].

Часто среди крепостных находились люди, которые направляли и руководили действиями крестьян. Так, в приговоре по делу крестьянина села Лада (Саранский уезд) Андрея Лазарева говорится, что он в июле 1832 года призывал своих односельчан к неповиновению вотчинному управлению и чиновникам, вселял в них веру о скором освобождении от крепостничества. Крестьяне по его совету сменили прежних бурмистра и старосту, из своей среды избрали новых. Крестьянское общество поручает Лазареву доставить в С.-Петербург прошение об уменьшении оброка по случаю неурожая. По возвращении Лазарев был схвачен и приговорен к казни. Но смертная казнь была заменена ему 15 ударами кнутом с последующей высылкой в Сибирь[34].

Неповиновение помещичьих крестьян в связи со стремлением выйти на свободу особенно острые формы принимает в 40—50-е годы XIX века. Крестьяне твердо были уверены, что виновниками всех бед и несчастий являются только помещики и их управляющие, от произвола которых их может оградить и защитить только царь. Поэтому крестьяне часто свои требования выражали в прошениях к нему. С этой целью обычно на крестьянских сходах избирались «ходоки в С.-Петербург», которым вручались деньги на дорогу и прошения к царю с различными требованиями. Так, 20 февраля 1844 года помещичьи крестьяне и дворовые в числе 65 человек в селе Ключицах (Знаменском) Инсарского уезда отказались признать владельцами наследников помещика В. Ф. Кожина. Пристав 1-го стана Инсарского уезда Надежин доносил земскому суду, что крестьяне решили «лучше в Сибирь всем» пойти, чем подчиниться новому владельцу Уманову[35]. Для переговоров между собой и для сбора денег на расходы крестьяне часто собирали «тайные сходбища». По решению Пензенской палаты уголовного суда от 17 мая дворовые люди Меркул Николаев, Пансофий и Ксенофонт Михальчиковы и крестьяне Петр Григорьев и Иван Яковлев за неповиновение помещику и властям были наказаны плетьми по 20 ударов каждый[36]. При введении в имение воинской команды и присутствия Пензенского вице-губернатора Алферьева крестьяне дали подписки об их повиновении новым владельцам. Комиссия военного суда приговорила крестьян «Ивана Косырева, Ксенофонта Михальчикова, Филиппа Плетнева, Парфена Мануилова и Игната Иванова как главных возмутителей всех крестьян и отступивших за данною подпискою от повиновения своим владельцам... прогнать шпицрутенами через пятьсот человек каждого по три раза и потом всех их сослать в каторжную работу в Сибирь»[37].

По отбытии воинской команды крестьяне вновь решили не повиноваться. Крепостной Филипп Огаревский 4 января 1845 года заявил, что он от всех господских работ отказывается и «ожидает решения о предоставлении ему с прочими крестьянами свободы из крепостного владения по поданной в Петербург просьбе от поверенных их того же села крестьян Василия Огаревского и Петра Плетнева». Опекун имения в донесении Инсарскому земскому суду сообщал, что крестьяне «при наступлении весны господские и свои поля не запахивают и не засевают и прочие господские работы не исполняют». Они требовали перевода их в казенное ведомство. После ареста по возвращении из Петербурга первых двух ходоков, крестьяне вторично посылают в С.-Петербург двух своих поверенных — Алексея Кильдина и Михаила Абрамова. Ни суд, ни полиция не смогли заставить крестьян работать на помещиков. 21 и 23 мая 1845 года для них был сделан наряд на господские работы даже через земский суд. Однако и эта мера оказалась безуспешной[38]. Власти страшно испугались выступления знаменских крестьян, т. к. они могли повлиять на других крепостных. Так, в указе Пензенского губернского правления говорилось, что «дух непокорности между крестьянами слишком силен и представляет неблагоприятный вид для всего края, для всех окольных селений»[39]. Поэтому для усмирения вторично была выслана воинская команда. Крестьяне Василий Огаревский, Меркул Михальчиков, Никифор Кильдин были наказаны плетьми каждый по 35 ударов, а крестьяне Прокофий Савостьянов, Петр Плетнев и бурмистр Юлаев — по 25 ударов. После наказания первые 4 человека подлежали высылке на поселение в Сибирь[40].

В это же время в связи с требованием освободиться от крепостной зависимости выступили крестьяне (71 чел.) помещика Ранцева в селе Бабееве Темниковского уезда, а крестьяне (50 чел.) помещиков Араповых и Хрущева в 1846 году в селе Кушках указанного же уезда оказали сопротивление землемеру при размежевании участков[41]. Крестьяне деревни Турдаки Ардатовского уезда в 1851 году не признавали своим владельцем помещика Игумнова из-за жестокого обращения с ними[42]. Крестьяне деревни Лосевки Краснослободского уезда в 1855 году проявили неповиновение помещику Лукину, причиной которого было стремление их выйти из-под крепостной зависимости. Зачинщиками неповиновения были государственный крестьянин села Большого Азяся Краснослободского уезда Максим Федоров и отставной писец Алексей Сорокин, написавшие по просьбе крестьян прошение. Они были усмирены только при введении в имение воинской команды[43].

Крестьяне помещика Остен Сакена в селе Усть-Парцах Спасского уезда в 1858 году отказались отправлять подводы с хлебом владельца. Они оказали даже сопротивление исправнику при попытке арестовать односельчанина[44]. В селе Шемарулине Ардатовского уезда, как в Инсарском и Краснослободском уездах, для усмирения крепостных крестьян помещицы Волконской также была введена военная команда[45]. Из приведенных примеров видно, что военные команды большей частью использовались в тех случаях, когда сопротивление крестьян было связано с их желанием освободиться из-под гнета крепостничества.

Желание сбросить иго крепостничества помещичьими крестьянами выражалось не только в открытой форме неповиновения, но и в форме *распространения слухов о вольности*, агитации против крепостного права. Видное место эта форма борьбы получает в 30—50-е годы XIX века, что свидетельствовало о дальнейшем обострении классовых противоречий между помещиками и крестьянами вследствие кризиса крепостного способа производства. Так, в 1831 году в Инсарском уезде в имении помещика Салова крестьянин из села Теплого Майдана Лукояновского уезда Нижегородской губернии Степан Лунев (Лосев) говорил крестьянам, что «они и все дворовые люди получили

свободу от рабства и могут ныне же идти на новые земли»[46]. В 50-е годы XIX века против крепостного права агитировал крестьян коллежский регистратор Василий Сивохин (Саранский уезд). При его содействии крестьянин помещика Дурново Илья Куликов с одновотчинниками из села Ишалы и деревень Ромоданова и Березники «неоднократно утруждал государя императора просьбами по делу об отыскивании им свободы»[47]. Слухи о воле крестьян часто распространялись дворовыми людьми и отставными солдатами, которые слышали их от своих господ и начальников в городах и столице. Например, отставные солдаты Кочетков и Корябочкин в селе Смолькове Саранского уезда призывали временнообязанных крестьян не выполнять положения реформы 1861 года, которая была проведена в угоду помещиков. Они говорили, что «от царя будет скоро новая воля»[48].

Наконец, последней формой классовой борьбы крепостных крестьян и наиболее значительной были *волнения*, которые в основном жестоко подавлялись военными командами. Вооруженное сопротивление владельческих крестьян главным образом было связано, как увидим ниже, с продажей последних новому владельцу и с переселением их вследствие этого на новое место жительство. В связи с переселением крестьян за несколько десятков, а то и сотни километров от своих родных мест их хозяйство окончательно разорялось. При этом крестьяне прибегали к крайней мере сопротивления — к *вооруженному выступлению*. В марте 1809 года волнения крестьян произошли в деревнях Хованщине и Ушлейке Инсарского уезда, в 1818 году в селе Богоявленском Ардатовского уезда. В Богоявленском крестьяне перестали платить оброк, сменили старосту[49]. В 1823 году крестьянские волнения происходят в селе Кошелевке Спасского уезда, которые были подавлены с помощью военной команды[50]. В марте 1826 года отмечается волнение крестьян (2673 чел.) в Полянской вотчине, расположенной в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. Причиной их выступления послужило взыскание с них недоимок и оброка. Волнение также было подавлено военной командой[51]. В том же году неспокойно было и в имении помещика Чеченского (Спасский уезд)[52].

В 50-е годы XIX века помещик Неклюдов писал: «Высочайший указ о вызове из четырех губерний охотников для сформирования резервной учебной флотилии, искаженный злонамеренными людьми, возмутили многие помещичьи имения Тамбовской губернии в Елатомском и Темниковском уездах»[53]. Вооруженное сопротивление оказали крестьяне села Большая Танеевка Саранского уезда в связи с их продажей на вывоз в Лукояновский уезд Нижегородской губернии помещику Лубяновскому. Для выселения крестьян 21 мая 1855 года на место выехали члены Саранского земского суда во главе с приставом Бахвостовым. Но ни одного крестьянина дома не оказалось. Тогда по распоряжению станового пристава Бахвостова «был отобран

весь крестьянский хлеб и скот, раскрыты избы и уничтожены их печи». При вторичном приезде в село станового пристава 24 мая крестьяне встретили его «вооруженные вилами и другими орудиями». Они «стояли на коленях и молились... прощая ь друг с другом, увидев идущих к ним членов временного отделения... бросились на них с азартом, и тут же на месте был убит становой пристав Бахвостов». Впоследствии крестьяне были усмирены только при введении военной команды в составе 69 человек[54]. Крестьяне, участвовавшие в восстании и убийстве станового пристава, были жестоко наказаны. На каторжные работы в рудники было осуждено: без срока — 11 человек, сроком на 15 лет — 5 человек и сроком на 8 лет — также 5 человек. Крестьянка Малофеева была осуждена на заводские работы сроком на 22,5 года. По истечении срока работ последние 11 человек должны были навсегда остаться в Сибири[55]. Подобное же вооруженное сопротивление оказали крестьяне (71 душа муж. пола и 63 души жен. пола) села Тумалейки Краснослободского уезда, которые также продавались другому помещику с переселением их на новое место[56]. 19 марта 1856 года они, вооружившись вилами, топорами, косами и дубинами, забаррикадировались в одном из крестьянских дворов. На предложение начальства согласиться переехать на новое место к помещику Москвитину все ответили: «Не пойдем... и ввести ни к какому владельцу никто не может». С 27 на 28 марта все крестьяне со своими женами и детьми ушли из своих домов и скрылись в неизвестном направлении. Но в дальнейшем при введении военной команды крестьяне явились и их упорство было сломлено. Трое из крестьян, признанные главными виновниками, были преданы суду, а остальные переданы новому владельцу Москвитину.

Во второй половине 50-х годов XIX века неоднократно оказывали сопротивление помещикам и начальству «ратники», возвратившиеся из государственного ополчения. Поэтому в секретной переписке между начальником Пензенской губернии и земским исправником Саранского уезда в 1856 году обращалось особенное внимание на поведение ратников, вернувшихся в помещичьи имения[57]. Они твердо были убеждены, что крестьяне, участвовавшие в ополчении, освобождаются от крепостной зависимости. Но «защитников Отечества» по возвращении из ополчений также заставляли нести повинности на помещиков и жестоко наказывали их за неподчинение власти. Так, в 1858 году крестьяне владельца Обрезкова в селе Токмове Инсарского уезда, возвратившиеся из ополчения и не подчинившиеся помещику, были наказаны плетьми по 50 ударов каждый[58].

В предчувствии падения крепостного режима царская охранка еще больше усиливает преследование крестьян. Слуги царского правительства не оставляли безнаказанным ни одного крестьянского выступления. За малейшее сопротивление крестьяне жестоко наказывались. Так, три крестьянина помещика

Полянского в селе Пушкине Саранского уезда, оказавшие в 1858 году сопротивление вооруженной команде, 4 раза были пропущены шпицрутенами через строй из 100 человек. После все они с наложением клейм были сосланы на каторжные работы сроком на 4 года каждый, по отбытии которого крестьяне навсегда поселялись в Сибири[59].

Итак, в период революционной ситуации волна крестьянского движения охватила и крестьянство Мордовии, в том числе и помещичье. Как видно, в 50-е годы XIX века, особенно во второй их половине, как никогда усилился крестьянский протест, переходивший в восстание против господствующего класса. Пензенский гражданский губернатор в 1858 году писал Саранскому уездному предводителю дворянства: «В последнее время по некоторым местам губернии возникали беспорядки между помещичьими крестьянами, часто оказывалось, что главным к тому поводом были неосновательные распоряжения помещиков или управляющих, которые заставляли крестьян работать на помещика 4 и 5 дней в неделю», а то и больше[60]. Даже высокопоставленные лица из господствующего класса признавали, что к середине XIX века эксплуатация крестьянства помещиками намного усилилась. Дворовым людям на 6 человек семьи Пензенские помещики давали в месяц по 2,5 меры овса с лебедой. Болезнь во время работы считалась одним из тягчайших проступков[61].

Таким образом, одной из главных причин нарастания брожения среди помещичьего крестьянства в предреформенные десятилетия было усиление эксплуатации крестьян и в результате ухудшение их положения. В связи с нарастанием крестьянского движения усиливаются и опасения господствующего класса — феодалов во главе с царем. Так, в конце 1848 года Николай I говорил депутатам С.-Петербургского дворянства: «Господа! Я не боюсь внешних врагов. Но у меня есть внутренние, более опасные. Против них-то мы должны вооружаться и стараться сохранить себя, и в этом я полагаюсь на Вас... Я и жена моя тоже помещики петербургские»[62].

Как видно, не напрасны были опасения царя. В 50-е годы XIX века вся Россия была охвачена крестьянскими волнениями, которые вылились в революционную ситуацию. В это время на всей территории Мордовии происходили питейные бунты, зачинщиками которых были крестьяне Пензенской губернии. Чиновники, командированные на места для выяснения причин питейных бунтов, писали, что дороговизна вина, недоброкачественность его и отказ откупщиков продавать полугар по дешевой цене были только «предлогом и удобным случаем к волнению и буйству народа». Эта причина никогда бы не произвела таких беспорядков, если бы крестьяне не были к тому подготовлены предыдущими обстоятельствами. Они отмечали, что «в помещичьих крестьянах давно уже замечается волнение и тревожное ожидание свободы, повиновение их слабо даже и помещикам, а управляющих, старост и бурмистров они решительно не слушают»[63].

Питейные бунты были распространены среди помещичьих и государственных крестьян в течение 1859 года в Нижнеломовском, Краснослободском, Инсарском, Саранском, Наровчатском, Керенском, Пензенском и Чембарском уездах[64]. Но они наибольшее место имели в Краснослободском и Инсарском уездах. Так, в Краснослободском, Инсарском и Наровчатском уездах, по нашим примерным подсчетам, в 1859 году было 15 случаев введения военных команд для подавления и усмирения питейных бунтов среди государственных и помещичьих крестьян[65]. По данным ведомости воинских подразделений, с 20 мая по 27 июня 1859 года трезвенные бунты помещичьих и государственных крестьян произошли в городе Наровчате (20, 23 мая и 23 июня), в селах Большом Азясе (23 мая), Базарных Дубровках (24 мая), в городе Краснослободске (25 мая), в селе Иссе (28 мая), в городе Троицке (29 мая и 27 июня), городе Инсаре и селах Вязерке, Пятине, Верхизах и Пятинском Остроге (29 мая), Шадымском и Челмодеевском Майдане (30 мая), городе Спасске (1 и 5 июня), в селах Проказне (6 июня), Акселе (17 июня) и Пурдошках (19 июня). В подавлении каждого выступления участвовало от одной роты до двух батальонов солдат, а в подавлении всех выступлений — 3053 солдата[66].

Приведем некоторые из крестьянских выступлений. В селе Иссе Инсарского уезда крестьяне в числе 2000 человек, приехавшие на ярмарку из разных деревень, «около полудня» 28 мая 1859 года разбили питейный дом, оказали неповиновение земскому начальству и угрожали становому приставу Штемпель. Движение крестьян было подавлено военной командой[67]. На следующий день в заштатном городе Троицке местные и приехавшие крестьяне полностью уничтожили питейный дом. На усмирение крестьян выступили три роты солдат. Но по звону набата крестьян собралось еще больше, и, вооружившись кольями и камнями, бросились на солдат[68]. 30 мая толпа крестьян примерно в 2000 человек разломала все питейные заведения в городе Спасске. Зачинщики крестьянского выступления были наказаны розгами от 3 до 80 ударов каждый[69]. В селе Пурдошках при уничтожении питейного дома 13 июня крестьянами были избиты следственный пристав, волостной голова и ревизор штабс-капитан Раев[70].

Главным организатором и руководителем питейных бунтов среди крестьян Пензенской губернии считался мещанин из города Краснослободска Петр Кочкин (он же Линьков). Власти о нем писали, что он «человек очень умный, бойко говорит и отлично пишет. Строгое наказание и удаление его отсюда необходимо, потому что он пользуется таким весом и влиянием между здешними жителями, что даже когда он был уже взят

под стражу, являлись люди, которые называли себя его именем и предводительствовали беспорядками». Он и его агенты на площадях несколько раз говорили народу, что «теперь они бьют кабаки, но что скоро будут вешать помещиков». Кочкин в разное время около 12 лет был в тюрьмах, но всякий раз оставался только в подозрении в подстрекательстве против государственной власти. Это образовало из него такого человека, что «в другое время и при других обстоятельствах из него вышло бы, может быть, что-нибудь, вроде Пугачева»[71].

По представлению генерал-адьютанта Ефимовича, откомандированного в Пензенскую губернию для подавления трезвенных бунтов, Кочкин подвергался выселению в Сибирь «на всегдашнее жительство... с учреждением за ним строгого надзора»[72].

В ходе классовой борьбы, проявлявшейся в различных ее формах, помещичьи крестьяне выдвигали свои требования. Они предъявляли их письменно (в прошениях) и устно в процессе борьбы. Крестьяне в прошениях писали о жестоком обращении и притеснениях помещиков, непосильной барщине, разорении их различными поборами[73].

В жалобах крестьян постоянно звучало требование о снижении непосильного оброка, о прекращении лишних поборов (денежных и натуральных) и продажи крестьянского скота и имущества. Так, крестьяне деревни Крестовки Инсарского уезда в марте 1859 года дважды обращались к сенатору С. В. Сафонову с просьбой защитить их от разорения их владельцами. Крестьяне деревни Новой Малькеевки Инсарского же уезда в том же году просили запретить помещице М .Г. Барышниковой распродавать крестьянский скот и возвратить захваченное ею имущество[74].

Ярко характеризовала положение помещичьих крестьян (259 душ муж. пола, село Засецкое Краснослободского уезда) их жалоба на своего владельца барона Котц. Крестьяне в 1848 году сообщали, что по распоряжению барона у них отрезали по одной десятине самой лучшей земли, луга их распаханы. Они «не имеют хлеба. С весны работа была поголовная. Дети их ежедневно находятся на барской работе. Приказчик А. Казьмин с ними обращается жестоко». Крестьяне требовали земельных наделов, отказывались платить оброки[75].

В связи с участившимися случаями продажи имений, крестьяне в прошениях и жалобах ставили требование о запрещении владельцам переселять их на новые земли. Подобное требование было выдвинуто в 1859 году в прошении крестьян помещика А. А. Королькова в деревнях Махавы и Рахманки Краснослободского уезда[76]. Крестьяне же деревни Песчанки Саранского уезда в 1860 году просили министра внутренних дел запретить помещику «переселять их на песчаные и безводные земли»[77]. Крестьяне наивно верили, что вышестоящие власти и царь примут соответствующие меры по их защите от помещиков

и вотчинного начальства. Для темных и неграмотных крестьян классовым врагом были только помещики и их управляющие. Царь в их понимании стоял над всеми и одинаково защищал и крестьянские интересы. Таким образом, все крестьянские прошения и требования носили царистский характер. Темная и забитая крестьянская масса не понимала того, что царь такой же жестокий помещик, какими являлись владельцы крестьян.

Самым решительным требованием помещичьих крестьян в ходе классовой борьбы было требование освобождения от крепостной зависимости. Крепостные крестьяне князя П. А. Черкасского (село Ельники Краснослободского уезда) «отыскивали свободу» от крепостного рабства еще в 1806 году. За подачу прошения и самовольный уезд в Москву решением суда крестьянин Григорий Шуватов был приговорен наказанию 12 ударам кнутом с последующим поселением в Иркутск «на машинную суконную фабрику»[78]. В 1809 году требовали освобождения от крепостного права и крестьяне помещицы Ломоносовой (село Чукалы Сергачского уезда)[79].

Требование освобождения от крепостничества в большей степени имело место во второй четверти XIX века. Оно также главным образом было связано с усилением эксплуатации крестьян в связи с кризисом всего крепостного хозяйства. Эксплуатация, рост государственных податей, недоимок, разорение хозяйства и ухудшение положения крестьян[80] вынуждали их обращаться с прошениями об их освобождении и переводе в казенное ведомство. В 1828 году неоднократно делал попытки к освобождению «от рабства князя Енгалычева» крестьянин Алексей Иванов (деревня Рахманки Краснослободского уезда)[81]. В 1839 году группа крестьян в количестве 84 человек в селе Усть Парцы Спасского уезда также предъявили требование освобождения их от помещичьего угнетения[82].

К середине XIX века пашенные наделы крестьян сократились[83]. Острое малоземелье вынуждало помещичьих крестьян выставлять требования о дополнительном наделении их землей. Так, в 1843 году между помещичьими крестьянами Пензенской и Тамбовской губерний распространился слух, что желающим переселиться на Кавказ будут отводиться там «пустопорожние земли, с дарованием им свободы»[84].

К 50-м годам XIX века помещичьим крестьянам настолько надоело крепостное состояние, что среди них стали распространяться слухи о вольности. Поэтому крестьяне еще с большей силой выставляли требование освобождения от помещичьей власти. Например, в Темниковском уезде среди крестьян помещика Семенова (800 душ) в 1853 году распространился слух, что «будто бы правительство представило им право откупаться на волю»[85]. В связи с появлением Манифеста о народном ополчении (29 января 1855 года) в народе распространился слух, что «помещичьи крестьяне, которые добровольно пойдут в

ополчение, получают волю с их семействами и избавятся навсегда от работ и власти помещичьей. На этой почве происходят волнения крестьян в Тамбовской, Пензенской, Симбирской и других губерниях. Так, в Сенгилеевском и Ардатовском уездах Симбирской губернии распространились слухи, что «будто бы поступающие охотно в военную службу крепостные люди через 2 года получают отставку, пенсию и освобождение от помещичьей власти». Крестьяне самовольно уходили в губернские города (Симбирск, Пензу) и даже в С.-Петербург для ходатайства о принятии их на военную службу[66].

Как видно, требования помещичьих крестьян о прекращении жестокостей и притеснений, о смягчении барщины и снижении высоких оброчных платежей, о наделении дополнительными земельными наделами и, наконец, требование освобождения из крепостной неволи носили *антикрепостнический характер,* т. к. все они были направлены против крепостнических устоев. Как известно, требования крестьян ни помещиками, ни властями почти никогда не выполнялись. Поэтому крестьяне для их осуществления вынуждены были прибегать к различным формам классовой борьбы. Однако в какой бы форме не происходили крестьянские выступления, начиная от побега и кончая восстаниями, все они проходили неорганизованно, стихийно, носили местный, локальный характер. «В качестве фактора политической силы,— писал Ф. Энгельс,— крестьянин до сих пор проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора... русского деспотизма»[67]. В условиях феодально-крепостнического строя крестьяне в ходе классовой борьбы никогда бы не смогли добиться радикальных изменений, т. к. в то время в России еще не было такой политической силы, которая смогла бы возглавить крестьянское движение. В стране еще не было сформировавшегося рабочего класса с ее марксистской партией, которая руководила бы крестьянским движением. Буржуазия была настолько слаба, что сама шла на поводу царизма. В силу этого крестьянское движение не смогло подняться дальше местных отдельных выступлений.

Однако, несмотря на локальный характер выступлений, крестьяне в различных формах повседневной борьбы, в самовольных запашках помещичьих земель, в убийствах помещиков, в трезвенных бунтах и восстаниях, с одной стороны, добивались некоторых уступок и тем самым удерживали свои хозяйства от дальнейшего разорения, с другой — невыходом на барщинные работы, потравами помещичьих полей, кражами, поджогами помещичьего хлеба, леса, имущества и жилищ, разоряли помещичьи хозяйства. Все формы классовой борьбы вместе взятые и требования, предъявляемые крестьянами, расшатывали основу феодального строя и приближали отмену крепостного права.

Движение помещичьих крестьян, происходившее в конце XVIII—первой половине XIX века на территории Мордовии, являлось составной частью классовой борьбы крепостного крестьянства России, заставившее царское правительство выступить 19 февраля 1861 года с Манифестом об отмене крепостного права.

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 101, оп. 2, д. 30, д. 129, лл. 1, 7; оп. 1, д. 261, л. 1 и др.

[2] Там же, д. 338, л. 26; д. 351, л. 1; д. 430, лл. 1—2; ГАУО, ф. 274, оп. 1, д. 88, л. 12.

[3] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 903.

[4] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 719.

[5] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952, стр. 53.

[6] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 738.

[7] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1588, л. 10 об.

[8] ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 531, лл. 45—45 об.

[9] ЦГА МАССР, ф. 15, оп. 1, д. 342, лл. 1, об.

[10] Там же, ф. 101, оп. 2, д. 129, л. 14; оп. 1, д. 168, л. 1.

[11] Там же, ф. 64, оп. 2, д. 62.

[12] Там же, ф. 101, оп. 2, д. 78, л. 1.

[13] Там же, ф. 64, оп. 2, д. 164.

[14] Там же, ф. 101, оп. 2, д. 305, л. 1.

[15] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 276—277.

[16] Там же, стр. 277—278.

[17] Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1872, стр. 39.

[18] Там же, стр. 40.

[19] ЦГА МАССР, ф. 15, оп. 1, д. 420, лл. 1—1 об., 26.

[20] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 614.

[21] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 707; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 685; Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 597.

[22] ЦГА МАССР, ф. 101, оп. 1, д. 119, лл. 1, 2, 9.

[23] Там же, оп. 2, д. 217, л. 3.

[24] Там же, д. 210.

[25] Там же, ф. 24, оп. 1, дд. 594, 644, 699, 722, 818; доб. оп. 1, д. 980.

[26] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов М., 1961; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сборник документов. М., 1962; Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1863.

[27] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 171, 213, 217, 218, 220, 221, 239, 244, 285, 304, 317, 345.

[28] ЦГА МАССР, ф. 101, оп. 1, дл. 133, 215; оп. 2, д. 346; ф. 24, оп. 1, дл. 71, 85, 134, 227, 392, 637, 646, 658, 701; ф. р.-24, д. 715; ф. 24, дд. 771, 819; доб. оп. 2, дд. 31, 36; ф. 15, оп. 1, дд. 440, 495, 572; ф. 87, оп. 1, д. 2.

[29] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1861, стр. 838, 840.

[30] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 213—214, 217, 218, 220.

[51] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 878, 880.
[52] Там же, стр. 883.
[53] ЦГА МАССР, ф. 87, оп. 1, д. 2, л. 42.
[54] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 226—229.
[55] Там же, стр. 240, 241.
[56] Там же, стр. 243.
[57] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 245, 247, 248—249, 251, 252, 254, 255.
[58] Там же.
[59] Там же, стр. 256.
[60] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 258, 259.
[61] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 785, 796.
[62] Крестьянское движение в России в 1850—1857 гг. Сборник документов. М., 1962, стр. 691.
[63] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 285—286.
[64] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 590.
[65] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 613.
[66] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1738, лл. 13, 18. Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 225—226.
[67] ЦГА МАССР, ф. 15, оп. 1, д. 362, лл. 1, 3, 4.
[68] ЦГА МАССР, ф. 15, оп. 1, д. 520, лл. 1—3.
[69] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 851, 877.
[70] Там же, стр. 898.
[71] Там же, стр. 909.
[72] Там же.
[73] Я. И. Линков. Указ. работа, стр. 99.
[74] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 288, 295, 297.
[75] Там же, стр. 299—301.
[76] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 304—308.
[77] ЦГА МАССР, ф. 34, оп. 1, д. 7 а, л. 24.
[78] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 316—326.
[79] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 316—323.
[80] ЦГА МАССР, ф. 34, оп. 1, д. 7 а, л. 70.
[81] П. О. Никишин. Пензенские помещики и их крепостные накануне реформы 1861 г. Пенза, 1926, стр. 11.
[82] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860, стр. 76.
[83] ЦГВИА, ф. 395, оп. 295/565, д. 28, лл. 3—3 об.
[84] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 627.
[85] ЦГВИА, ф. 395, оп. 295/565, д. 221, лл. 175—179.
[86] Там же.
[87] ЦГВИА, ф. 395, оп. 295/565, д. 221, л. 56—57.
[88] Там же, лл. 20—20 об.
[89] Там же, лл. 33—33 об. 121 об.
[90] Там же, лл. 148—149.
[91] ЦГВИА, ф. 395, оп. 295/565, д. 28, л. 4.

[92] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. IV, ч. I. Саранск, 1948, стр. 345.
[93] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 821; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 752; Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 610, 630; ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1302, лл. 4 об., 6 об.; ЦГА МАССР, ф. 29, оп. 1, д. 32, лл. 102, 104.
[94] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 629.
[95] ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 497, лл. 13—17.
[96] Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг. Сборник документов. М., 1963, стр. 269.
[97] Там же, стр. 663.
[98] ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 33, лл. 1, 6, 15, 24, 28.
[99] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 852.
[100] Н. Ф. Тюгаев. К вопросу землепользования и эксплуатации крестьянства на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма (конец XVIII — пер. пол. XIX в.) — Труды МНИИЯЛИЭ, серия историч. Саранск, 1969, вып. 38, стр. 223—244.
[101] ЦГА МАССР, ф. 24, оп. 1, д. 189, л. 1, 3, 4.
[102] Крестьянское движение в России в 1826—1949 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 747.
[103] Н. Ф. Тюгаев. Указ. работа, стр. 227—232, 240—242.
[104] Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1872, стр. 104.
[105] Там же. Таблица I. (Случаи неповиновения крестьян помещикам или установленным властям с октября 1852 по 1 января 1854 г.).
[106] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II, т. I. Берлин, 1860, стр. 79, 80, 89, 90.
[107] Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., стр. 503.

А. В. КЛЕЯНКИН

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Крестьянское движение последней четверти XVIII века в России, в том числе и на Средней Волге, изучено далеко не полно. Между тем это движение, с нашей точки зрения, надлежит рассматривать не только как отзвуки, но — главное — как продолжение «дела Пугачева», образ которого глубоко вошел в народное сознание и стал символом самоотверженности в борьбе крестьян за «землю и волю». Ни о каком затишье в крестьянской борьбе после казни Е. И. Пугачева не могло быть и речи. Это отлично понимало и правительство Екатерины II, принявшее так много мер «водворению спокойствия» в стране в 1775 году и в последующие годы. Нельзя не привести здесь в этой связи слова одного из сотрудников Вольного экономического общества относительно настроения крестьянства, подмеченные им во время его поездок по Алатырскому уезду и другим районам Поволжья. «В церковь неохотно ходят,— формулировал он свои наблюдения,— послушны из страха, а вольность без страха делает их упорными, предерзливыми и несговорными», способными «всякую дерзость легко сделать»[1].

Ниже будет сказано, в чем проявлялись эти «предерзости», но сразу же заметим, что наряду с побегами и «отыскиванием вольности» через уездные суды и губернские палаты, крестьяне оказывали и вооруженное сопротивление.

Остановимся сначала на побегах — этой, весьма распространенной форме крестьянского движения. В фондах Симбирской, Алатырской и других провинциальных канцелярий и крепостных контор сохранилось немалое количество «дел» о побегах крестьян и крестьянок из дворянских поместий указанных и соседних с ними уездов. Вот наиболее типичные из них, связанные с побегами «девки» Аблотьи Петровой и «женки» Марьи Захаровой и ее мужа Сергея Филиппова; первая совершила побег из вотчины графа П. А. Румянцева, а последние — из деревни Злобино в 1777—1778 годах. И та и другие остановились сначала в селе Киржеманах, где, по имевшимся у них сведениям, местный священник Степан Иванов выдавал «отпускные» и разного рода «прокормежные письма» многим другим крестьянам, сделав свой дом своего рода конторой по выдаче фальшивых паспортов[2]. Как выявило следствие, М. Захарова и ее муж получили от Иванова («на всякий случай») даже три «отпускные письма»: два (в различных вариантах) на имя мужа и одно на нее (Захарову), в котором, между прочим, было «прописано», что она, Захарова, является солдатской женой «и отпущена из одной деревни Злобины для работы», а «оному иерею, рассказывала она позже, за написание тех писем дали пряжи пять мотов и железную косу»[3]. Следуя затем через села и деревни Алатырского и Симбирского уездов, супруги добрались до Уральска и жили в работниках у разных лиц. После муж Захаровой ушел в город Саратов «для работы же, где и был задержан, а потом сыскали и ее»[4].

К побегам прибегали не только молодые люди, но и пожилые, причем дорога вела их преимущественно на юго-восток, в Приуралье и на Нижнюю Волгу. Вот один из многих случаев побегов в те годы. «Новокрещен» из мордвы, крестьянин дворцовой деревни Челпаново Алатырского уезда Ефстифей Васильев, 70 лет от роду, «жительство имел своим двором», но в 1776 году в мае месяце, «после праздника чудотворца Николая в шестой день», из названной деревни, «по неурожаю тогда хлеба», бежал и «по побеге жительство имел Ставропольского и Бугульминского уездов»— большей частью у крестьян «из мордвы», «заведомо что беглой», и так, «переходя по разным жительствам, кормился крестьянскою работою». По сыску Нижегородской дворцовой конторы, Е. Васильев был возвращен из бегов в свою деревню, отдан по-прежнему «в подушный оклад», а за побег свой получил наказание плетьми[5].

Впрочем, властям далеко не всегда удавалось разыскать беглых, особенно молодых, но и те, кого возвращали,— вновь и вновь предпринимали побеги и нередко добивались своего — навсегда избавлялись от помещичьих и казенных поборов, от господской барщины, притеснений и «бескормицы». В частности, много беглых скрывалось по скитам. В лесах, за рекой Ветлугой и по ее притоку Усте, беглые образовали даже небольшие поселки. Много келий «новопоселенцев» возникло в известных краснораменских лесах на Волге, неподалеку от села Работки[6]. А у села Владимирского Сызранского уезда, «за Волгою, на луговой стороне», было обнаружено большое поселение беглых крестьян из разных «казенных волостей» Поволжья, при этом у них была уже оборудована некая «воровская подземная пристань» и вырыты колодцы, что свидетельствовало об их намерении остаться здесь на жительство. Беглые косили в лугах сено и успели заготовить 10 стогов[7].

В свою очередь многочисленные группы помещичьих, а также казенных и «экономических», т. е. бывших монастырских крестьян Сызранского уезда уходили из имений в разных

направлениях[8]. То же отмечалось и в уездах Пензенского наместничества[9].

В последней четверти XVIII века во многих уездах Среднего Поволжья происходили бурные выступления крестьян, именуемые в официальных документах «разбоями». Из материалов Сызранского экономического казначейства и Казанской губернской канцелярии, датированных 1777—1779 годами явствует, что в нескольких «экономических» селениях этого уезда и соседнего с ним Троицкого уезда Пензенской провинции произошли весьма серьезные волнения крестьян на почве «рекрутских притеснений» и «податного бремени». Вместе с тем воинские начальники, допуская злоупотребления властью в деле расквартирования частей в крестьянских избах «для зимования», принуждали крестьян «задаром» строить конюшни и стойла для лошадей, оправдывая все это тем, что в данной местности «происходят ныне великие грабежи и разбои», вследствие чего якобы крайне необходимо здесь присутствие «особых команд»[10]. Ввиду отказа крестьян исполнять новые и непредвиденные для них повинности «воинские чины» применяли к ним насилия и телесные наказания, из-за чего в селе Сергиевском (Кимишкирь тож) жители резко протестовали[11]. Те же кимишкирцы проявили «дерзость» и в том, что оказали поддержку своим соседям — помещичьим крестьянам села Богоявленского (Лутовка тож), отказавшимся признать над собою чьи-либо права на владение ими, так как прежний их владелец решением Канцелярии конфискации был лишен своих прав за казнокрадство. Жители Богоявленского-Лутовки, пользуясь поддержкой кимишкирцев, как подчеркнуто в одном из документов Казанской губернской канцелярии, «троекратно из селения оного выгоняли дубьем вон» объявившихся родственников прежнего помещика и не допускали производства переписи их имущества. «Наследники» же бывшего лутковского помещика, указывалось в том же документе, живут ныне поблизости от Кимишкири и Лутовки, каждодневно опасаясь нападения вооруженных дрекольем крестьян, а последние открыто заявляют, что убьют (их), т. е. самозваных помещиков, до смерти», так как не желают быть ни у кого в подчинении[12].

Из Ардатовского уезда Симбирского наместничества в те же годы поступало множество сообщений как о побегах, так и о «неподчинении властям» ясашных, «экономических» и дворцового ведомства крестьян, об отказе родителей отдавать своих детей в солдаты, о временном «сокрытии» жителями у себя в домах разыскиваемых беглых и т. д[13].

На территории Алатырского уезда, т. е. в тех местах, где несколько лет назад проходил Пугачев по дороге Алатырь—Саранск, в 1782 году объявился новый «разбойный» отряд, применявший те же тактические приемы, что и пугачевцы. В течение нескольких дней отряд повстанцев (численностью в 17 чел.), имея на вооружении пушку, пистолеты, пики и дротики, передвигаясь с большой быстротой, разгромил несколько помещичьих имений, в том числе в селах Княжухе и Зимницах, забрав с собой «всякую пажить», причем один из крепостных помещика Зимнинского «был обще в той же партии»[14]. Алатырская провинциальная канцелярия доносила в Симбирск, что отряд имел бой с посланной вслед ему командой, но, открыв ответную стрельбу «из пушек и из ружей», повстанцы «убили двух человек», и команде пришлось возвратиться в Алатырь с потерями, не выполнив данного ей «боевого задания». В дальнейшем, как явствует из того же донесения, они, встречая доброжелательный прием у местных жителей, продвигаясь через села Барашево, Гулюшево, Акнеево, «ночным временем» прибыли в село Чеберчино и кормили здесь лошадей, а отсюда приехали в село Ангалечево (Карсунского уезда) и, «будучи во оной у помещицы Ирины Абрамовой жены Пятовой, пили водку, вино, пиво и отнесли в подарок из разбойной пажити кадушку меду и сахару голову, а у нее взяли полоть витчины, 5 караваев хлеба, вина простого ендову, меду два ведра, которое все против ее двора пили, а атаман и есаул и разбойник Гайдук были у оной помещицы в доме, токмо разбою не чинили». Под конец уговор с помещицей был таков, чтобы она из села проводила их лично — «с таковым устращиванием, дабы тревоги за ними не чинить», а если «хотя мало будут делать крестьяне ее тревогу, то они убьют ее до смерти, которая и проводила их до околицы»[15].

Из последующих данных видно, что отряд продолжительное время совершал свои рейды в пределах Сызранского уезда, а затем в уездах Пензенского наместничества, и имел новые схватки с «гарнизонными командами»[16].

В 1782 же году вспыхнуло волнение крепостных в имении «прокурорши Ольги Паниной» в селе Спасском Троицкого уезда Пензенского наместничества. Известие об этом дошло и до Екатерины II. Последовавшими указами «ея императорского величества» (по секретной экспедиции Сената) крестьян пытались было «увещевать», но таковые успеха не имели. Вскоре в село была послана воинская команда. Однако крестьяне, «не убоявшись, когда земский исправник прибыл в то селение с воинскою командою для забрания от них зачинщиков», «буйства свои не отменили, но умножили, и, собравшись всем жительством, кричали с ругательством, что они повиноваться не будут и не боятся»[17].

Аналогичные события разыгрались в имении дворянки Квашниной-Самариной, куда также пришлось посылать «усмирителей»[18].

* * *

На последнее десятилетие XVIII века приходится наибольшее количество крестьянских выступлений (после восстания Пугачева) по всей стране, и опять-таки в самых различных проявле-

ниях — от подачи прошений и челобитных на «высочайшее имя», неповиновений помещику до разгрома имений и вооруженных сопротивлений властям. Направленные, как и раньше, своим острием против основ феодального способа производства и порождаемых им тягот, крестьяне протестовали прежде всего против роста денежного оброка, возвысившегося к концу века в среднем до 7 руб. с души, и, конечно, против увеличивавшейся «господской запашки» и других отработочных и натуральных повинностей. По сведениям, собранным Н. Л. Рубинштейном, только за три месяца царствования Павла I было подано на его имя 1205 челобитных от крестьян, в большинстве которых содержалась просьба перевести их из помещичьих в государственные. Встречались ходатайства и об освобождении от крепостной неволи вообще. Одновременно на декабрь 1796 и январь 1797 годов приходится 168 более или менее крупных «возмущений», большинство которых также сопровождалось подачей челобитных[19]. В частности, на территории черноземных губерний Великорусского центра и в губерниях Среднего Поволжья в декабре 1796 и в начале 1797 года выступления крестьян произошли, по неполным данным, в трех десятках имений[20].

Известной уступкой на них можно считать указ Павла I от 5 апреля 1797 года о «трехдневной барщине», который, однако на практике помещиками зачастую игнорировался; в остальном же Павел I, как и его предшественники, отвечал на крестьянские челобитные и прошения «о вольности» расправами и новыми указами с подтверждением того, что никакого освобождения не будет.

Между тем крестьянские волнения не прекращались. В августе 1797 года симбирским губернским властям пришлось иметь дело с новыми случаями «неповиновений» и «убийств» крестьян в помещичьих имениях. Остановимся вкратце на наиболее примечательных. Так, в Курмышском уезде, в деревнях Новоселки и Бунтовка, принадлежавших помещику А. Н. Приклонскому, в связи с распространившимися слухами о возможном освобождении от крепостной зависимости, крестьяне наотрез отказались повиноваться приказаниям своего господина»[21]. «Подстрекателями» к «возмущению» были признаны и местные церковнослужители, хотя их «вина» заключалась лишь в том, что они не в «должной мере» соблюли свой сан и приняли участие (как единственно грамотные люди) в писании текстов кретьянских прошений. Произошло это в самый разгар летней страды, что сразу же сказалось на ходе барщинных работ в полях. Хотя дело не дошло до посылки сюда воинских чинов с командами, зато были приведены в действие все другие механизмы власти, в том числе и по линии «священного Синода»[22].

Тогда же, т. е. в августе 1797 года, в Сызранском уезде вспыхнуло куда более серьезное событие. Как доносил в своем «всеподданнейшем рапорте» симбирский губернатор, 16 числа

этого месяца на усадьбу помещика Окулова в деревне Окуловке «на запряженных в телеги двух парах лошадей неведомыми людьми» (отряд состоял из 7 человек), был совершен «разорительный набег», во время которого произошло убийство самого помещика и разграблено его имущество. Предварительное расследование выявило, что нападение это совершили беглые крепостные того же помещика, которые, сбежав некоторое время тому назад в Саратовскую губернию,— возвратились вооруженными и решили «воздать должное» своему угнетателю[23].

В конце 90-х годов, после восстания Пугачева, волнения охватили и крепостных графов Орловых в их владениях на Самарской Луке и в Заволжье. Они совпали с введением здесь так называемой «первой барщины», так как раньше крестьяне этих владений, будучи монастырскими и казенными, довольно продолжительное время находились на оброке.

Первыми проявили свое возмущение жители деревни Московки, избив в 1795 году одного из поставленных над ними приказчиков[24]. Весной 1797 года волнения приняли еще более широкие масштабы, охватив сразу свыше двух десятков селений, вследствие чего В. Г. Орлову пришлось просить своего приятеля и соседа по имению помещика А. Мещеринова, чтобы тот как можно скорее объехал все «возмутившиеся» селения и потушил пожар в самом его начале[25]. А тем временем «пожар» все более разгорался. В июне того же года вспыхнули волнения в селе Актуше. Крестьяне готовились убить приказчика Задеева. Тот вынужден был скрываться. Получив донесение об этом, В. Г. Орлов писал упомянутому Мещеринову: «Дерзости актушенских крестьян доходят до крайности. Вероятно очень, что не в одной Актуше, но и в прочих селениях крестьяне готовы делать всякого рода предерзости и потому крайне нужно унять сей пожар вначале, приняв приличные(?!) меры»[26]. Одновременно управляющему вотчиной было предписано выявить «коренных возмутителей и наказать их по всей строгости законов», что тот и не замедлил исполнить. Он сочинил отношение в уездный суд, произвел аресты; несколько человек из бунтарей были включены в списки для внеочередной отдачи в рекруты, другие попали в «смирительный» дом. Из Самары прибыло несколько отставных казаков для охраны имения. Два «коренных злодея»— Аксен Михайлов и Осип Сухов — были сосланы в Сибирь на поселение. Их признали крайне «вредными для общества» и «очень способными привести крестьян к возмущению»[27]. При этом, одобрив «расторопность» своего управляющего, граф В. Г. Орлов вместе с тем предупреждал его, чтобы он не рисковал появляться среди «возмущенных» крестьян без вооруженной охраны[28].

Но даже по получении «успокоительных» известий о том, что волнения не приняли слишком «крутых оборотов», чего граф более всего опасался, он тем не менее предполагал, что вслед за возникшими «беспорядками» могут последовать новые. «Хотя

и не обнаружились худые намерения в том краю,— говорилось в одном из его писем,— но из известий, полученных оттуда, очень вероятно, что ежели не все селения, то конечно многие готовы к неповиновению и ждут удобного случая к тому. Потому крайне нужно удержать сие зло вначале, инако разлившись, оно причинит тьму вреда»[29].

Таким образом, многие районы Среднего Поволжья, охваченные в свое время огнем пугачевского восстания, и в последующие годы оставались очагами волнений и острых схваток крепостных крестьян со своими угнетателями. Идея вольности, провозглашенная в известных пугачевских манифестах, звала их к решительным действиям.

---

[1] Государственная библиотека СССР им. В. И.Ленина, отдел рукописей, ф. 219, карт. 110, д. 1, лл. 229, 232.

[2] На Волге, по сведениям В. И. Снежневского, «центрами торговли фальшивыми паспортами» были тогда же села Лысково и Мурашкино.—«Нижегородский сборник», т. X. Н. Новгород, 1890, стр. 528.

[3] ЦГАДА, ф. 418, оп. 1, д. 249, л. 2.

[4] Там же, д. 232 л. 5; д. 248, лл. 2—2 об.; д. 249, лл. 2, 2 об.

[5] ЦГАДА, ф. 418, оп. 1, д. 252, лл. 3, 4, 6 об.

[6] В. И. Снежневский. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях.—«Нижегородский сборник», т. X, стр. 528, 531.

[7] ЦГАДА, ф. 2177, оп. 1, д. 174, л. 18.

[8] Там же, лл. 3, 16, 37; ф. 583, оп. 1, д. 820, лл. 1—2. Материалы исторические и юридические района быв. приказа Казанского дворца, т. IV. Симбирск, 1904, стр. 31—32.

[9] ПСЗ —1, т. XXI, № 15497, стр. 657—659.

[10] ЦГАДА, ф. 1090, оп. 1, д. 1217, лл. 1, 1 об.; д. 1218, лл. 1—3.

[11] ЦГАДА, ф. 1090, оп. 1, д. 1217, лл. 1, 1 об.; д. 1218, лл. 3, 3 об.

[12] ЦГАДА, ф. 1090, оп. 1, д. 1195, лл. 1—16.

[13] ЦГА МАССР, ф. 64, оп. 1, д. 25, лл. 2—12; оп. 2, д. 49, лл. 14, 18, 27, 29 и след. до 106; ф. 110, оп. 1, дд. 19, 21, 40, 73, 75, 83.

[14] ГАУО, ф. 274, оп. 1, д. 85, л. 1.

[15] ГАУО, ф. 274, оп. 1, д. 85, л. 2.

[16] Там же, л. 9.

[17] ЦГАДА, ф. 248. (I департамент Сената), оп. 113, д. 368, лл. 3, 5.

[18] Там же, д. 975 (1785 г.).

[19] Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1956, № 1, стр. 47—49; Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сборник документов. М., 1961, стр. 88—90, 139—141, 142 и др.

[20] Е. И. Корнеева. Крестьянское движение в России в 1796—1798 гг. Автореферат. М., 1954, стр. 10.

[21] ЦГИА, ф. 796, оп. 78, д. 694, л. 1.

[22] Там же, лл. 1, 1 об.

[23] Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. III, д. 59085, лл. 1—6.

[24] ГАУО, ф. 147, оп. 7, д. 5, л. 352.

[25] Там же, оп. 1, д. 35, л. 7.

[26] Там же, лл. 112—113, 116.

[27] ГАУО, ф. 147, оп. 1, д. 35, лл. 130, 131.

[28] Там же, л. 118.

[29] Там же, л. 121.

Н. С. САВКИН

В. И. ЛЕНИН И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА

В работах и выступлениях В. И. Ленина, в которых анализируется или затрагивается аграрно-крестьянский вопрос, даются блестящие конкретные определения многих ориентаций крестьян на различные материальные и духовные ценности жизни. Определение этих ориентаций важно было для судеб революции, требующей быть в курсе изменений в настроениях и стремлениях крестьянских масс.

«Непревзойденный стратег и тактик пролетарской классовой борьбы,— подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»,— Ленин был теснейшим образом связан с трудящимися, исходил из их коренных интересов, постоянно ощущал пульс народной жизни, внимательно изучал социальную психологию рабочих и крестьян, всех слоев общества, учитывая все это при выработке политических решений»[1].

Вопросу об определении В. И. Лениным некоторых особенностей ценностных ориентаций крестьянства и посвящается данная статья.

Ценностные ориентации определяются как установки личности и социальных групп на определенные общественные блага и идеалы, которые выступают в качестве необходимых средств удовлетворения потребности и интересов, как социально обусловленная общая направленность на цели и на средства деятельности в различных сферах[2]. Именно в ценностных ориентациях как относительно устойчивых и социально обусловленных установках людей определяется избирательное отношение, выбор, стремление личности и социальных групп к существующим общественным, материальным и духовным ценностям, а через них — степень социальной, интеллектуальной и психологической зрелости.

Ценностные ориентации раскрывают наиболее глубинные стороны группового и общественного сознания. В ориентациях проявляются такие важные элементы социальной психологии, как стремления, желания, интересы, влечения, идеалы, иллюзии социальной общности.

Классики марксизма-ленинизма, касаясь вопросов общественного сознания и в частности социальной психологии, давали в своих трудах содержательный анализ психологических особенностей различных классов и социальных групп, то есть с точки зрения того, как и что отразилось в сознании, мировоззрении социальной общности из существующих и изменяющихся объективных условий жизни. Они указывали на конкретные особенности определенных взглядов, мировоззрений, привычек, стремлений, страстей, ориентаций социальных общностей.

Такой конкретный анализ психологических особенностей и политических возможностей социальной общности способствовал выработке верной стратегии и тактики партии по отношению к различным классам и социальным слоям.

В определении особенностей ценностных ориентаций крестьянства В. И. Ленин исходил из социально-политической неоднородности крестьянства, развивающейся вследствие проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство. Он указывал на «разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту...»[3].

Историки определили крестьянство как класс, который, зародившись из последней стадии первобытно-общинного строя, продолжал затем существовать во всех антагонистических формациях как класс разобщенных, мелких, самостоятельных производителей[4].

Эта оторванность друг от друга, разобщенность породили в крестьянстве и своеобразную политическую ориентацию: веру в доброго царя или короля. Кто-то со стороны, добрый король или царь, придет и дарует им свободу. Силы крестьян не были направлены на самого себя. Они не способны были «защищать свои классовые интересы от своего собственного имени»[5].

На эту особенность политической ориентации крестьян впервые указал К. Маркс. Он писал: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»[6].

С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве, в деревне начинает господствовать атмосфера «грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсиживания...»[7] Она все более подчиняет крестьян «власти денег». Одним из доминирующих жизненных ориентаций крестьянства этого времени становится ориентация на личную выгоду, обогащение. В. И. Ленин указывал, что положение мелкого собственника, каким является крестьянин, порождает в нем «мечты и стремления выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, куче навоза»[8].

Хищнический характер капиталистических отношений вырабатывает в крестьянстве понятия, что каждый человек думает за себя, заботится о своей личной пользе, каждый человек эгоист. Только мир да царь не эгоисты, только мир да царь думают обо всех[9]. Либо раб, либо рабовладелец, собственник, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет. Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне нет дела до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб[10].

Капитал — безжалостный эксплуататор не только рабочих, но и крестьян. И, как мелкий собственник, крестьянин ежечасно чувствовал неминуемую гибель, разорение. Требовались страшные усилия и отчаянная борьба, чтобы сохранить свою экономическую самостоятельность, отстоять жизненные позиции. Эта постоянная борьба за существование, за кусок хлеба требовали от крестьянина большой затраты физической силы, выносливости, терпения. Она вырабатывала в нем привычку к упорному и напряженному труду.

Крестьянин не может представить свою жизнь без труда. И не вина его, а беда в том, что жизнь диктует ему быть эгоистом, ориентирует его «на рубль». В. И. Ленин писал по этому поводу: «Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне),— то «нравственность» его неизбежно уже будет «основана на рубле», и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями»[11].

Ориентация на постоянный труд, на то, что жить без работы нельзя — другая из важнейших ориентаций крестьянства. Она находит свое выражение и в представлениях о красоте, о моральных качествах человека: крестьянин ценит в человеке прежде всего трудолюбие, здоровую силу, выносливость, хозяйственность, смекалку.

Н. Г. Чернышевский, описывая представления простого народа о красоте, указывает, что крестьянин и в женщине (сельской девушке) ценит прежде всего «свежий цвет лица и румянец во всю щеку»[12],— признак здоровья и первое условие красоты. Здоровье — необходимое качество крестьянина для того, чтобы вести борьбу за жизнь. В беседах с В. Д. Бонч-Бруевичем, М. Горьким, в оценках творчества Г. И. Успенского, Л. Н. Толстого В. И. Ленин указывал именно на эти оценки крестьян и жизненно важные для них ориентации. В крестьянском характере В. И. Ленин отмечал кроме того бережливость, тонкую наблюдательность, реализм.

Двойственность положения, занимаемого крестьянством в капиталистическом мире, с одной стороны, собственник небольшого хозяйства, с другой — эксплуатируемый крупным капиталом и помещиками, труженик, добывающий средства к жизни своим трудом, следовательно, определяла и противоречивый

характер основных жизненных устремлений и ориентаций крестьянства. Жестокая борьба не на живот, а на смерть вырабатывала в крестьянине жажду накопления, бережливость, переходящую в жадность: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман»[13], а с другой стороны, чрезвычайную осторожность, осмотрительность, трезвый реализм, «железное прилежание»— ориентацию на собственные силы, надежду выйти из положения тяжким терпеливым трудом.

В. И. Ленин убеждал обратить внимание больше на вторую сторону ориентаций крестьянства, ибо положение эксплуатируемого явилось верным залогом к повороту крестьянина в конце концов в сторону союза с пролетариатом. Это положение толкает крестьянство «к борьбе за демократию, к идеям об уничтожении эксплуатации»[14], к свободе.

Ценностные ориентации относятся к устойчивым социально-психологическим образованиям, и для их коренного изменения требуется действие новых социально-экономических и политических условий. С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве углубляется расслоение крестьянства на сельскохозяйственных пролетариев-батраков и нарождавшихся буржуа-кулаков. Интересы, потребности, стремления первых приходят в резкое столкновение с интересами и стремлениями вторых. Сельскохозяйственный пролетариат все более сближается с рабочим классом, их устремления все более совпадают. Значительные изменения происходят и в ценностных ориентациях крестьянства: оно все более обращает свои взоры и надежды на пролетариат: ориентация на буржуазию и ее образ жизни (стремление во что бы то ни стало выйти в люди, стать буржуа) все более уступает место первой.

Однако процесс этот был долгим и трудным. Социальная изолированность сделала крестьянина политически беграмотным, социально ограниченным. Занятый своим хозяйством, заботами о куске хлеба, он не имел возможности задумываться над социально-экономическими и политическими условиями своего существования, «привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения»[15]. Сознание его притуплялось, интересы и стремления не выходили за рамки бытовых нужд, житейских потребностей. Жизнь ради существования делала крестьянина покорным, забитым, терпеливым, удобным для эксплуатации. В политическом и социальном смысле взгляды его и знания не распространялись за пределы своей деревни и соседних селений, мысль его свободна была лишь в сфере земледельческого труда.

Действительно же коренное изменение всей системы ориентации крестьянства, избавление его от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, указывает В. И. Ленин, возможно лишь после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим единственно революционным классом свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно на счет экспроприированных капиталистов[16].

В. И. Ленин верил в революционные возможности крестьянства, видел его творческую силу, которые поднимутся в революционных условиях. Он говорил, что никогда политическая роль крестьянства не «равна *нулю*»[17], хотя, «разумеется, сплоченность, организованность, сознательность крестьян гораздо ниже, чем у рабочих»[18]. В крестьянстве В. И. Ленин видел союзника рабочего класса России в предстоящих буржуазно-демократической, затем социалистической революциях и в строительстве нового, социалистического общества. «Пролетариат один победить не в силах...— писал В. И. Ленин в статье «Кризис меньшевизма» в 1906 году.— Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»[19]. В. И. Ленин был уверен, что в душе крестьянина победит труженик, ибо как труженик он тянет к социализму[20].

Конкретно-исторический, классово-партийный подход к анализу социальной природы различных групп крестьянства давал В. И. Ленину возможность научно объяснить особенности социально-политических и других ориентаций крестьянства и с их учетом разработать революционную стратегию и тактику партии по отношению к крестьянству.

Внимание и интерес к крестьянству не ослабевали у В. И. Ленина и в послеоктябрьский период. Об этом свидетельствуют его статьи «О продналоге», «О кооперации» и другие, многочисленные выступления по крестьянскому вопросу на VII, VIII, IX, X, XI съездах партии, в которых отражены новые явления крестьянской жизни, новые потребности и интересы крестьян. Он постоянно следил за движением общественно-политической мысли в среде крестьянства, за изменениями в настроениях, вникал во все детали крестьянского хозяйства.

Известный прогрессивный американский писатель Альберт Рис Вильямс, большой друг Советского Союза, в воспоминаниях о Ленине пишет: «...источником информации ему служили самые разнообразные люди... Ему не нужно было гадать, каковы мысли сибирского крестьянина, красноармейца или донского казака. Для него не было тайной, что думает и чувствует ленинградский формовщик, волжский грузчик, московская уборщица. Он беседовал лично с ними...»[21]

Изучая новые явления в ориентациях крестьян, во всем укладе их жизни, В. И. Ленин учитывал их в хозяйственной политике партии и требовал этого и от других партийных и советских работников. Превосходно зная крестьянскую психологию, В. И. Ленин требовал чрезвычайной осторожности в нововведениях в области хозяйственных отношений крестьянства, указывая

на то, что «средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо»[22].

В. И. Ленин специально подчеркивает, что поэтому действовать по отношению к нему насилием, значит погубить все дело, ибо крестьянин-практик и реалист, он требует конкретных примеров в доказательство того, что лучше всего. Словами он не даст себя убедить и прекрасно сделает, что не даст[23]. Поэтому, говорил на VIII съезде партии В. И. Ленин, чтобы завоевать доверие крестьянина, сначала помогите ему практически, ибо он ценит только фактическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая — командование, «предписания» сверху[24]. Более всего не нравятся крестьянам скоропалительные люди, не знающие сельского хозяйства, но считающие себя во всем учителями крестьян. И наша задача состоит в том, «чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина», «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не сметь командовать!* Вот правило, которое мы себе поставили»[25].

Ленинские идеи об особенностях ориентаций различных групп крестьянства стали руководящей основой в деле коллективизации сельского хозяйства. Теперь, как никогда раньше, требовался всемерный учет психологических особенностей различных групп сельского населения. Поэтому В. И. Ленин требовал в деле кооперирования чрезвычайно дифференцированного подхода к различным социальным слоям деревни. Он писал, что беднейшие крестьяне «отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»[26].

К середняку нужен чуткий и осторожный подход. Главное внимание в начальный период кооперирования следует обратить на воспитательную работу. Середняка необходимо вначале убедить в преимуществах и выгодности крупного хозяйства, ибо у крестьянина вообще предубеждение против крупного хозяйства: с представлением о крупном хозяйстве связана у него ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики[27].

Потребовались годы напряженной организаторской и воспитательной работы партии и Советского государства, чтобы преобразить весь уклад жизни деревни, коренным образом изменить характер ценностных ориентаций крестьянства и всей его психологии на основе качественных преобразований всей экономики путем перевода мелких и разрозненных крестьянских хозяйств на рельсы коллективного социалистического сельского хозяйства.

В результате полного осуществления ленинского кооперативного плана советское крестьянство — самый многочисленный класс советского общества, составляющий к моменту массовой коллективизации 74,9% населения страны[28], перешло к социалистическим производственным отношениям.

«Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — **самая сложная и трудная задача после завоевания власти пролетариатом.** *Необходимо было, преодолеть вековую силу привычки мелкого собственника, изменить его психологию, убедить крестьянина в преимуществах новой жизни*»[29].

Ведение мелкого хозяйства, утверждающее индивидуализм, заменяется коллективным трудом, вырабатывающим трудовое сотрудничество, взаимопомощь. Из самой природы общественного хозяйства вытекает неизбежность этого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. Тесное общение между крестьянами в процессе производства рождает новые взгляды на труд, новые психологические качества, новые общественные связи. Совместный труд, при котором «...уже... самый общественный класс советского общества, составляющий к моменту массовой коллективизации 74,9% населения страны[28], перешло к социалистическим производственным отношениям.

«Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — **самая сложная и трудная задача после завоевания власти пролетариатом.** *Необходимо было, преодолеть вековую силу привычки мелкого собственника, изменить его психологию, убедить крестьянина в преимуществах новой жизни*»[29].

Ведение мелкого хозяйства, утверждающее индивидуализм, заменяется коллективным трудом, вырабатывающим трудовое сотрудничество, взаимопомощь. Из самой природы общественного хозяйства вытекает неизбежность этого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. Тесное общение между крестьянами в процессе производства рождает новые взгляды на труд, новые психологические качества, новые общественные связи. Совместный труд, при котором «...уже... самый общественный класс советского общества, составляющий к моменту массовой коллективизации 74,9% населения страны[28], перешло к социалистическим производственным отношениям.

«Переустройство сельского хозяйства на социалистических началах, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — **самая сложная и трудная задача после завоевания власти пролетариатом.** *Необходимо было, преодолеть вековую силу привычки мелкого собственника, изменить его психологию, убедить крестьянина в преимуществах новой жизни*»[29].

Ведение мелкого хозяйства, утверждающее индивидуализм, заменяется коллективным трудом, вырабатывающим трудовое сотрудничество, взаимопомощь. Из самой природы общественного хозяйства вытекает неизбежность этого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. Тесное общение между крестьянами в процессе производства рождает новые взгляды на труд, новые психологические качества, новые общественные связи. Совместный труд, при котором «...уже... самый общественный класс советского общества, составляющий к моменту массжизненной энергии..., увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц»[30], кладет конец бессилию и беспомощности крестьянина-одиночки, делает его способным преодолеть любые препятствия на пути к достижению цели. Ориентация на личную выгоду, лишь на собственные силы — «каждый за себя, один бог за всех» — вытесняются и заменяются новыми, ориентирующими на общественную пользу, на общественный труд, на взаимную помощь — «все за одного, один за всех», «все для общества и общество для всех».

Ориентация современного колхозного крестьянства — воплощение ленинских идей социально-экономического переустройства крестьянской деревни и принципов коммунистического воспитания.

Ориентации на творческий, механизированный труд в общественном хозяйстве, на овладение духовными ценностями, на образование, на материальный достаток занимают в жизненных планах современного крестьянства доминирующее положение, прочно вошли в их сознание и стимулируют активность.

Важнейшей духовной ценностью в среде крестьянства считается образование. На получение специальности, повышение квалификации, овладение различными знаниями ориентирует крестьянство своих детей, на них ориентируется и сама молодежь.

Данные социологического исследования, проведенного нами в коллективах крестьян пяти колхозов трех районов Мордовской АССР (интервью и анкетой опрошено 706 человек), включающих 21 населенный пункт, показывают, что на получение высококвалифицированной специальности (инженера, врача, учителя, специалиста сельского хозяйства и др.) ориентирует

своих детей 65% опрошенных колхозников, 10% не назвав определенной специальности, желали бы увидеть своих детей грамотными, образованными, «учеными» и только 9,6% опрошенных не выразили определенных ориентаций.

Стремление к знаниям, образованию было извечным стремлением крестьянства. В. И. Ленин указывал, что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас[31]. Это стремление было ярко выражено и в жизненных планах крестьян-мордвы. Так, известный исследователь мордвы В. Н. Майнов в «Очерках юридического быта мордвы» в 70—80-х годах XIX века писал: «Мордва... крайне сожалеет об отсутствии ремесленных и сельскохозяйственных школ и не раз приходилось нам слышать, что они охотно поотдавали бы детей, в особенности в последние»[32].

Но крестьяне, как и большинство трудящихся масс царской России, лишены были возможности получить образование. В. И. Ленин в проекте речи, написанной для выступления в Думе большевистского депутата, писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России...

Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность...»[33]

В 1966 году в одной только Мордовии в 1341 школе обучалось 241 тыс. учащихся, то есть в 4 раза больше, чем в 1914 году. В двух высших учебных заведениях — государственном университете и педагогическом институте, в 17 средних специальных заведениях обучалось 30,9 тыс. студентов и учащихся, из которых многие из сельской местности[34]. С 1939 года по 1959 год численность сельского населения республики со средним и неполным средним образованием увеличилась в 3,6 раза. В 1959 году грамотных в возрасте 9—49 лет в селах Мордовии было 98,2%, в 1966 году на 1000 человек, работающих в сельском хозяйстве республики 93 человека были с высшим и средним образованием[35].

Устойчивая ориентация на образование, на овладение духовными ценностями, занимающая важное место в жизненных планах сельской молодежи и стремлениях самих родителей — колхозников — новое явление в психологии и сознании современного колхозного крестьянства. Она отражает объективное требование времени, связанное с социальным и научно-техническим прогрессом, и с другой стороны, наличие объективных возможностей ее осуществления, ибо ориентация выражает не только «мечту», стремление (субъективное, идеальное желание), но и объективную возможность его осуществления, самый объект, на который может быть направлено внимание. Ориентация возможна лишь на объект, который существует или находится, по крайней мере, в процессе становления.

Конкретные отличия в ценностных ориентациях, жизненных планах, уровне сознательности, степени развитости духовных интересов различных групп колхозников связаны с различиями в профессиональной принадлежности, образовании, возрасте и т. д. Интервью и анкетный опрос различных групп колхозников Мордовии показывает, что сельская молодежь, юноши и девушки от 16 до 25 лет, на первый план выдвигает духовные интересы и культурные запросы, получение специальности, кто ее не имеет, и повышение квалификации по специальности. Чтение газет и книг, посещение кино, клуба наиболее распространены среди юношей и девушек этого возраста. Это признак устойчивой ориентации на освоение ценностей культуры и искусства. Среди колхозников этого возраста, по данным нашего исследования, читают газеты 95% юношей и 90% девушек, художественную литературу — от одной до 3—4 книг в месяц — 80% юношей, 78% девушек; посещают кино — 97% юношей и 91,7% девушек. Совмещают учебу с производством 35,5% юношей и 29% девушек.

Молодые колхозники 25—30 лет многие уже обзавелись семьями, живут с родителями или имеют свое хозяйство. Круг их интересов несколько ограничивается, усиливается ориентация на семью, материальный достаток, воспитание детей. Особенно заметно это среди женщин. В этой группе колхозников читают газеты ежедневно или иногда 91% мужчин, 70% женщин, художественную литературу от одной до трех и более книг в месяц 55% мужчин, 31,4% женщин, смотрят кино 65% мужчин и 48% женщин. 52% женщин уже совершенно перестают посещать кино (особенно мордовской и татарской национальности).

Колхозники 31—45 лет высказывают зрелые суждения о событиях внутри страны и за рубежом, охотно слушают лекции и беседы о международном положении, также интересуются новостями науки и техники. Но доминирующими в их планах становятся ориентации на материальный достаток и воспитание детей. Дать детям образование, направить их по верному жизненному пути, воспитать хорошего человека — так объясняют многие колхозники планы своей жизни. Среди этой группы колхозников 47% из опрошенных ответили на вопрос, к чему они стремятся и каковы их жизненные цели, указали на материальный достаток и воспитание детей. Посещают кино 60% мужчин и 38% женщин, половина которых (41% мужчин и 57% женщин) бывают в кино только 1—3 раза в год. Посещающих кино регулярно и 1—2 раза в месяц оказывается всего 36% мужчин и 10% женщин этого возраста.

Изучение ценностных ориентаций имеет существенное практическое значение, когда речь идет о воплощении в жизнь ленинских принципов коммунистического воспитания. Знание ориентации на те или иные материальные и духовные ценности,

жизненных планов и стремлений различных групп нашего общества, которыми они живут и руководствуются в жизни, позволяет глубже понять интересы и запросы людей, полнее учитывать их в процессе воспитания нового человека.

Ленинские идеи о социальной природе и психологических особенностях крестьянства, о подходе к нему служат методологической основой как для теоретических и конкретных исследований социальной психологии, сознания, ценностных ориентаций современного колхозного крестьянства, так и для практики руководящей и идеологической работы. Ленинский содержательный анализ, то есть непосредственная характеристика особенностей сознания, психологии и ценностных ориентаций различных социальных групп и классов, имеет и свою историческую ценность как конкретное определение этих особенностей в определенную эпоху, и практическую ценность — как требование всегда учитывать при решении любой политической задачи эти особенности.

Широко развернувшиеся за последние годы в нашей стране конкретные социологические и социально-психологические исследования помогают партийным и государственным органам, профсоюзным, комсомольским и другим общественным организациям выполнять это требование В. И. Ленина.

---

[1] К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, стр. 4.
[2] «Личность и ее ценностные ориентации». Информационный бюллетень, № 4 (19). Вып. 1. Серия: материалы и сообщения. М., 1969, стр. 34.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 1, стр. 240.
[4] «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 64.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 208.
[6] Там же.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 107.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 341.
[9] А. И. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем 1872—1887. М., 1937, стр. 411.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 312.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 393.
[12] Н. Г. Чернышевский. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М.—Л., 1951, стр. 6.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т., 5, стр. 188.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 341.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 25.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 186.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 40.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 51.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 151.
[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 386.
[21] «О В. И. Ленине». М., 1939, стр. 648.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 236—237.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 200—202.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 204.
[25] Там же, т. 38, стр. 201.
[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.
[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 200.

[28] Народное хозяйство СССР в 1969 г. М., 1970, стр. 30.
[29] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 14.
[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 364.
[32] Материалы и документы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, стр. 287.
[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.
[34] «РСФСР — за 50 лет». Статсборник. М., 1967, стр. 217—218.
[35] А. О. Пиксаев, И. А. Яшкин, Ю. М. Кривуляк. Социальные преобразования в Мордовии. Саранск, 1969, стр. 52—53.

Х. И. МУРАТОВ

ИХ ИМЕНА В НАШЕЙ ПЕСНЕ ПОБЕДНОЙ

(новые документы об участии А. Ф. Царева в вооруженном восстании матросов броненосца «Потемкин» и о его революционной деятельности в Мордовии)

О знаменитом вооруженном восстании матросов броненосца «Потёмкин» в июне 1905 года мы знаем еще со школьной скамьи. О том, что в этом восстании принимали активное участие наши земляки — бывший слесарь паровозного депо станции Рузаевка матрос Александр Михайлович Петров и крестьянский сын из села Русское Коломасово Алексей Федорович Царев — об этом знают немногие.

О Петрове Мордовское книжное издательство уже выпустило книгу[1], а революционная деятельность Алексея Федоровича Царева, чье имя носит одна из улиц г. Рузаевки, ждет своего исследователя. Чтобы восполнить этот пробел, мы сегодня публикуем несколько документов А. Ф. Царева о его участии в вооруженном восстании матросов броненосца «Потемкин» в июне 1905 года, о пребывании в эмиграции в Румынии, о революционной деятельности в 1917—1918 годах в Рузаевке и о трудовой деятельности в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 и в последующие годы.

Я давно собираю воспоминания, письма, фотографии участников революции 1905—1907 годов. Вел и веду переписку с бывшими матросами, которые принимали участие в вооруженном восстании потемкинцев. Эти документы я храню у себя в личном архиве. У меня сохранилось несколько писем бывшего матроса «Потемкина» А. Ф. Царева, написанные им еще в 1949 году. Сейчас хочу предложить вниманию наших читателей эти письма. Они помогут воссоздать революционную биографию и трудовую деятельность нашего земляка А. Ф. Царева.

Как уже сказано выше, Алексей Федорович родился в 1883 году в селе Русское Коломасово Кочелаевской волости, Наровчатского уезда Пензенской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1904 году он был призван на военную службу и направлен матросом на броненосец «Князь Потемкин-Таврический».

В июне 1905 года А. Ф. Царев принимал активное участие в вооруженном восстании матросов броненосца «Потемкин». А когда восстание потерпело поражение, он вместе с другими матросами эмигрировал в Румынию, где пробыл до 1917 года.

В апреле 1917 года Алексей Федорович через Одессу и Севастополь возвращается на родину. «В Севастополе получил долгосрочный отпуск,— пишет А. Ф. Царев,— выехал на родину, станция Рузаевка Московско-Казанской дороги, ныне в расположении Мордовской АССР, работал в депо по ремонту паровозов. Здесь создали городскую партийную организацию. В 1917 г. в депо оформился членом большевистской партии. Пензенский губком утвердил Рузаевскую партийную организацию с 4 апреля 1918 г.

Отсюда и началась моя активная деятельность в борьбе со всякими искривлениями идей большевистской партии, ,борьба с оппозицией Шляпникова, Троцкого, так как среди железнодорожников достаточно было таких элементов».

В 1918—1919 гг. А. Ф. Царев работал в уездном исполкоме— зав. отделом здравоохранения. Организовал лазареты в период борьбы против чехословацких войск в районе Пенза (см. документ № 1).

В другом письме Алексей Федорович более подробно описывает свое участие в борьбе «с меньшевистским засилием среди машинистов и ряда слесарей местных, имеющих свое хозяйство... станция была наводнена,— пишет далее Царев,— меньшевистскими руководителями, в особенности был крупный меньшевик Беляев, который руководил работой среди железнодорожников» (см. документ № 3).

А. Ф. Царев не скрывает тех трудностей, которые приходилось преодолевать большевикам Рузаевки в борьбе против меньшевистского засилия. Он говорит, что депо Рузаевки пополнилось большевистски настроенными квалифицированными рабочими в лице товарищей Юрасова, Шарабина, прибывшими с Сормовского завода. Это значительно усилило позицию большевиков. Но борьба меньшевиков против большевистски настроенных рабочих, по-прежнему, носила острый характер. «Между Февральской и Великой Октябрьской социалистической революцией и при наличии меньшевистского засилия на станции,— пишет далее тов. Царев,— нас в числе Шарабина, Юрасова и меня неоднократно на больших рабочих собраниях удаляли с трибуны, так как железнодорожная администрация в лице начальника службы тяги, движения и путей сохранялась в прежнем составе. Об их грубостях и взяточничествах приходилось выступать. [Требовали] о смене руководства и за это приходилось получать оскорбления и не раз ставился [вопрос] о снятии [нас] с работы, но благодаря упорству и настойчивости [удалось] сохранить за собой руководящую роль в революционном движении за создание Советской власти» (см. документ № 3).

В 1919 году А. Ф. Царев был избран членом Революционной Комиссии транспортной Потребительской кооперации Московско-Казанской железной дороги. В 1920 году стал членом правления того же общества и находился на этой должности до 1923 года включительно.

В 1924 году Царев был направлен в распоряжение ЦК КП(б) Украины для дальнейшего направления на постоянную работу в районы Молдавии как знающего молдавский язык.

Документы А. Ф. Царева публикуются без сокращения с незначительными исправлениями; вписаны недостающие слова, которые взяты в прямые скобки.

№ 1

О ВСТУПЛЕНИИ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ И ОБ УЧАСТИИ В ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ МАТРОСОВ БРОНЕНОСЦА «ПОТЕМКИН»

Срок службы мой [в Черноморском флоте]— с 1904 года по июнь 1905 года, эмиграция...

Подробности в этом письме вряд ли изложу, но постараюсь кое-чем помочь в вашей работе в дальнейшем.

Приход на службу во флот (я имел технические знания по паровым машинам) вполне практически подготовлен, поэтому после окончания строевого обучения при распределении в различные школы я попал в школу судовых машинистов, но при укомплектовании команды я попал на броненосец «Потемкин». Нес вахту и одновременно проходил теорию машиноведения и другие дисциплины. Это случилось потому, как видно выбрали из молодых моряков, которые до военной службы работали в добровольном речном и морском флоте.

Небольшое описание до призыва в армию и что помогло быстро освоиться с революционным настроением в Черноморском флоте, в частности в 36-м флотском экипаже и на броненосце «Потемкин».

Будучи еще подростком в семье бедного крестьянина, мой старший брат был помощником сельского учителя, который впоследствии оказался с большим революционным уклоном против царского самодержавия. Мой брат быстро воспринял и очень часто проводил беседы о том, как зажиточные крестьяне эксплуатируют бедняков. После того как только я подрос, пошел работать по найму к помещику, где мой труд был тяжелый: работал в механической мастерской, дул ручной мех кузницы и молотобойцем работал с утра и до поздней ночи. Когда мой ум стал немного разбираться и вспоминать разговоры своего брата о тяжелом труде крестьян-бедняков, я решил уйти в город работать в промышленности. Но и в промышленности дело обстояло не лучше. Работал кочегаром на пароходе нефтепромышленника «Нобель» города Астрахани. Работа была очень тяжелая и малооплачиваемая, здесь у меня складывалась мысль, что и в промышленности, т. е. в речном флоте, оторванной от коллективов промышленных предприятий, где рабочие более организованы, чем на отдельных пароходах, рабочие так же беззащитны, как и помещичьи крестьяне.

Из Астрахани я переехал в Москву, работал на сооружении телефонной станции в Милютинском переулке и замене всей воздушной сети на подземный кабель. Здесь я окончательно убедился в том, что эксплуатация везде и всюду как у сельских кулаков, так и в промышленности одинакова.

С приездом в город Севастополь получил назначение в 36-й флотский экипаж. С первых дней моей службы я встретился с большой несправедливостью со стороны младшего командного состава сверхсрочников, в особенности фельдфебелей.

Все это вместе взятое, плюс читка брошюр запрещенного характера, заставило меня искать группу моряков, которые занимаются распространением революционной литературы.

Обладая хорошим голосом и знанием нот, активно включился в хоровой кружок, коим руководил Матющенко. В свободное время на корабле организовывали различные песни для заполнения свободного времени и впоследствии участвовал в церковном хоре, вследствие чего я имел возможность каждое воскресенье бывать в городе, где я через тов. Вакуленчука получал запрещенную литературу, и доставлял её на корабль, и через Василия Кулика передавал для распространения на корабле среди моряков.

Таким порядком постепенно получил доверие старых моряков с революционным настроением и в дальнейшем был активным поставщиком всех запрещенных брошюр.

Во время восстания я находился в группе 32 матросов, которых капитан 2-го ранга Геляровский предложил расстрелять...

В Одессе работал на катере машинистом и держал связь с берегом и кораблём.

Во время присоединения броненосца «Георгий Победоносец» я был на катере, принимал участие в снятии офицеров и отправке их на берег...

Во время нахождения в порту Феодосия работал на катере вместе с номерным миноносцем в порту.

Получали продукты, а во время получения угля начался обстрел из города. Погибло несколько товарищей, в том числе погиб крупный работник социал-демократической рабочей партии Волошин...

В Румынии больше времени провел в городе Констанце; работал механиком портовых сооружений по постройке порта и портовых элеваторов, высокомеханизированных как по приемке зерна, так и погрузке на пароходы.

Принимал участие в работе в Констанце в Комитете по оказанию помощи политическим эмигрантам. Впоследствии Румынское правительство предложило ликвидировать его.

Возвратился в Россию в 1917 году, 15 апреля, с большими трудностями, т. к. Пуришкевич и уполномоченный Временного правительства Савинков препятствовали возвращению в Россию. Мне помогли казаки, возвращающиеся в Россию из Яссы, т. к. Румынское правительство запретило выдавать билеты по железной дороге за пределы своей страны.

По приезде в Одессу, где нас разместили в Воронцовском дворце, через несколько дней нас направили в Севастополь.

Севастополь в период между **Февральской и Октябрьской** революциями. Матросы превратились в социалистов-революционеров. Город Севастополь превратился в очаг скопления всех мастей лжесоциалистов. Они вели агитацию среди моряков вести войну до победы, за взятие Босфорского и Дарданельского проливов.

В Севастополе получил долгосрочный отпуск, выехал на Родину, станция Рузаевка Московско-Казанской железной дороги, ныне в расположении Мордовской АССР, работал в депо по ремонту паровозов. Здесь создали городскую партийную организацию. В 1917 г. в депо оформился членом большевистской партии. Пензенский губком утвердил Рузаевскую партийную организацию с 4 апреля 1918 г.

Отсюда и началась моя активная деятельность в борьбе со всякими искривлениями идей большевистской партии, борьба с оппозицией Шляпникова, Троцкого, так как среди железнодорожников достаточно было таких элементов.

В 1918—1919 гг. работал в уездном исполкоме — зав. здравотделом. В период борьбы против чехословацких войск в районе Пензы организовал лазарет.

В 1919—1923 годах работал в Москве в дорожном транспортном Потребительском обществе Казанской дороги, был членом правления...

В части принятия участия в подготовке к Октябрьской революции напишу подробно в следующем письме, а также всей моей деятельности на протяжении 32-х лет...

№ 2

ВОСПОМИНАНИЯ О ЖИЗНИ В РУМЫНИИ

История восстания на «Потемкине» известна. Поэтому я, чтобы не повторяться, хочу рассказать о некоторых фактах, дополняющих общую картину.

Я был на «Потемкине» трюмным машинистом[2]. Когда в Одесском порту на нас шла эскадра под командой адмирала Кригера, я был назначен на паровой катер. Этот катер получил задание

поддерживать связь с берегом, так как мы хотели все время знать, что делают одесские рабочие[3].

Как известно, эскадра позорно бежала от «Потемкина», а броненосец «Георгий Победоносец» отделился от эскадры и поднял красный флаг.

После рейса в Констанцу (Румыния) мы вернулись к берегам Крыма и пришли в Феодосию.

Нам нужен был уголь. Паровой катер, на котором я был машинистом, отправился в порт за углем. Мы подошли к шаландам (баржам). Матросы начали крепить буксиры. В это время с берега открыли огонь. Несколько человек было убито. Несмотря на героическое поведение наших товарищей, мы вернулись на «Потемкин» без угля[4].

Лишенный топлива и продовольствия, «Потемкин» ушел в Румынию и сдался в Констанце.

После того, как мы сошли на берег, многие товарищи разъехались по разным городам Румынии. Я остался работать в городе Констанце на строительстве по сооружению порта в качестве механика на портовых механизмах. Работал я там до 1909 года. В течение первого года моего проживания в Румынии, не зная румынского языка, мне трудно было общаться с румынскими рабочими. Но в Добрудже[5] среди населения было много болгар и русских (старообрядцев)[6], что содействовало проведению массовой работы через рабочих этих национальностей. Знали русский язык и многие румыны, проживавшие в Добрудже — в городе Тульча. Многие из них работали и в порту Констанца.

В 1905 году, во второй половине декабря месяца, в дунайской флотилии произошла забастовка матросов[7]. Причиной забастовки было грубое обращение офицеров с матросами. Об этом мне стало известно от матроса Теодора Богза, у отца которого я находился на квартире. Матрос скрывался продолжительное время.

В Констанце нас проживало человек тридцать. Все проживающие там потемкинцы проводили работы среди румынских рабочих в портовых мастерских на строительстве порта и на предприятиях частных фирм: Астро-Ромына, Франко-Ромына и Стяуа-Ромына (Овчаров[8], Резниченко, Солодов, Золотарев[9], Кулик и другие, в том числе и я). До 1907 года в Констанце существовала организация русских моряков для оказания помощи нуждающимся матросам[10]. Средства собирались частично среди работающих (вносили ежемесячно до 20 франков) и часть получали от рабочих организаций из-за границы. В 1907 году, после того как произошло крестьянское восстание, в котором по части политической агитации были замешаны наши потемкинцы, министерство внутренних дел Румынии запретило всякие организации бывших потемкинцев, в том числе был ликвидирован и наш союз по оказанию помощи.

С 1905 года по 1909 год мы в городе Констанце очень часто проводили беседы на разные темы среди румынских рабочих о государственном строе разных стран, в том числе о царском строе и о государственном строе Румынского королевства. Во время бесед рабочие соглашались с нашими доводами, что при царизме и королевской власти никаких прав у рабочих нет. Но иногда румынские рабочие доказывали, что у них существует свобода собраний, свобода критики. Я доказывал, что это бывает не всегда и что собрания проходят несвободно. Приводил в пример случай о собрании, организованном в греческом театре Эльпись социал-демократами по вопросу об участии в выборах в парламент (собрание было разогнано, докладчика побили)[11]. Мы им говорили, что свободу нужно завоевать, что нужно активно бороться, что рабочий день должен быть сокращен, что должна быть свобода избирать рабочих в парламент и городское управление. Только после этого рабочие соглашались с нами, что свободу нужно завоевывать. В 1909 году строительные работы в порту были законсервированы, и я вынужден был уехать в город Браилу, где поступил электриком на городскую электростанцию акционерного общества «Хелиос»[12]. Отсюда я был уволен за агитацию среди рабочих электриков, которых склонял предъявить требования о надбавке зарплаты. Об этом узнала администрация, и я был уволен. После этого я возвратился в Констанцу, поступил на работу в частную контору по электрической проводке. Через 6 месяцев моей работы в 1910 году состоялась забастовка, и меня как организатора вместе с 5-ю рабочими уволили[13]. В 1912 году возобновились работы по строительству порта. Я был принят опять на работу механиком на аккумуляторный электровоз для подвозки вагонов на разгрузку к элеватору. Работал я там до 1916 года.

Считаю необходимым подробнее остановиться на своей работе с 1905 по 1916 год. Настроение румынских рабочих в период революции 1905—1907 годов было революционным, и это очень резко повлияло на расширение политических кружков. Город Констанца не был промышленным городом, его промышленность состояла из трех заводов акционерных обществ — американского, французского и германского — по переработке нефтяных продуктов, порта и одной мельницы. Вот на этих предприятиях и был рабочий класс. Более крупная промышленность была сосредоточена в Бухаресте, Плоешти (угольные шахты и железнодорожники). Несмотря на малочисленность рабочего класса все же и у нас происходило забастовочное движение. В Констанце крупных забастовок за период 1905—1906 гг. не было, но мелкие забастовки на предприятиях акционерных обществ были. На Астро-Ромына в 1911 году монтажники резервуаров и нефтепроводов оставили работу в количестве 30 человек. В их числе и я принимал участие в борьбе за увеличение расценок на монтажные работы. Одно крупное событие

произошло в театре, где было организовано собрание рабочих города Констанцы по вопросу об участии рабочих в выборах румынского парламента. На повестке дня стоял вопрос о выборе от города Констанцы представителя от социал-демократической партии. Полицией было подготовлено несколько провокаторов, и во время доклада был выключен свет. Докладчика сняли со сцены и подвергли избиению, но благодаря тому, что нас, потемкинцев, было человек 15, мы восстановили свет и выручили докладчика из рук провокаторов[14].

Социал-демократическая организация была малочисленна[15]. Руководил этой организацией болгарин Ион Станчев, я тоже состоял в этой организации. После крестьянского восстания[16] Станчев был арестован и организация была ликвидирована. Рабочие, которые состояли членами этой организации — тт. Александру Руссо, Лазарь Петреску, Владеску и другие,— считали причиной больших трудностей борьбы малочисленность рабочего класса, в частности в городе Констанце, а главное, думали они, заключалось в том, что из-за частых смен правительства консервировали ряд работ и рабочих увольняли, эти рабочие вынуждены были передвигаться в другие города Румынии, многие уезжали в Америку на поиски работы.

Перед войной в Констанцу приезжал русский царь Николай II со своим семейством. Все потемкинцы, проживающие в Констанце, были арестованы в субботу, в 8 часов утра, и под усиленной военной охраной их направили в город Чернаводы в военные казармы.

В понедельник утром, в 10 часов утра, мы были свободны и возвратились на свои места. Румынское правительство оплатило простой за три дня.

Во время первой империалистической войны я находился в Констанце. Для подкрепления в порт прибыла русская эскадра в составе броненосца «Ростислав» и нескольких миноносцев и подводных лодок. Часто зарядка аккумуляторов, а также ремонтные работы на броненосце проводились через меня. Меня приглашали как переводчика. Часто тогда разговаривали мы (среди матросов) о том, что надо прекратить войну. Не могу вспомнить фамилию одного офицера с подводной лодки, который мне предложил, если я имею семью и детей, чтобы я их отправил в тыл, т. е. в город Тульчу, а из Тульчи через Дунай в глубь Румынии, поближе к русской границе. Он говорил, что Румыния будет в конечном итоге вся оккупирована немецкими войсками. Так оно и произошло.

Через небольшой отрезок времени город Констанца стал эвакуироваться. Немецкие войска были на расстоянии 25 километров от побережья Черного моря[17]. Фронт румынских войск был прорван и снаряды начали падать в порт. Эскадра ушла в море. Мы, работники порта, получили распоряжение эвакуироваться, и с последним эшелоном выехали все портовые работ-

ники. По прибытии в город Галац я работал в портовой электростанции, но и здесь не долго пришлось жить. Немецкие войска быстро продвинулись близко к Дунаю и начали обстреливать железнодорожную станцию и портовые сооружения.

В Галаце был сформирован эшелон с оборудованием и материалами из порта Констанца для направления ближе к русской границе. Я был назначен начальником эшелона.

Из Галаца пришлось выбираться с большими трудностями. Эшелон дошел до станции Красная и здесь был поставлен в тупик. Дальше на Яссы не пускали. На этой станции стояли несколько батальонов (№ 6, 9 и 19) железнодорожных войск на отдыхе. Через несколько дней... в румынской газете появилась заметка из французской прессы, что русский царь в ставке отрекся от престола в пользу своего сына и регентом назначил своего брата Михаила. Эту весть я сейчас же передал русским солдатам, находившимся здесь на отдыхе. Среди солдат началось брожение и требования прекращения войны. Узнав об этом брожении в войсковых частях, этапный командир, который находился на станции Красная, потребовал от румынских властей моего ареста как провокатора за распространение ложных сведений о свержении царя. Я был вызван через румынского жандарма на станцию для объяснения. Там меня русский офицер стал допрашивать, на каком основании я вел агитацию среди русских солдат, что царя свергли. Я ему ответил и показал газету. Русский офицер потребовал от румынского жандармского полковника моего ареста. Последний отказался от моего ареста, поскольку я оперировал газетными сведениями и поскольку я являлся ответственным за эшелон грузов. Через несколько дней было обнародовано, что царь отрекся за себя и наследников. Тогда мы на станции организовали митинг, на котором обнародовали это сообщение. На этом митинге солдаты требовали прекращения войны и сместили этапного командира и одного командира батальона. После этого митинга через несколько дней я направился в город Яссы добиться возвращения в Россию. В городе Яссы в посольстве меня уговаривали не возвращаться в Россию, объясняя, что в России полная анархия, голодовка, беспорядки. Держали меня дней 10—12. В конце концов я добился паспорта и разрешения на возвращение в Россию. Посольство дало указание начальнику станции Яссы не выдавать билеты в сторону России, и мое возвращение было случайным. Один эшелон возвращался в Россию. Командир войсковой части кавалеристов разрешил мне и моей семье — жене и 2 мальчикам — возвратиться с ними в Россию.

Мы пробыли в Одессе 5 дней. Потом поехали в Севастополь, а в июне в Рузаевку, где я работал в депо слесарем по ремонту паровозов Московско-Казанской железной дороги.

После Октябрьской революции был на хозяйственной, советской и партийной работе.

№ 3

О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ И ОБ УЧАСТИИ В УСТАНОВЛЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РУЗАЕВКЕ

В период нахождения в порту Одесса все время работал на катере, [держал] связь с городом и между броненосцем [«Потемкин»]. За несколько дней стоянки на Одесском рейде броненосец ежедневно курсировал. Большинство рейсов сопровождалось с различными продуктами, которые были доставлены в порт одесскими рабочими.

В день появления эскадры, направленной царским правительством, катер находился в порту и после того, как только обнаружилось, что эскадра в составе нескольких судов, катер получил указания держаться вдали от броненосца, так как не было времени прибыть на броненосец и поднять катер на борт.

Катер, его команда: рулевой, кочегар и я как машинист причалили к борту американского парохода, откуда, мы, команда, получили угля и продовольствия.

Наблюдая движения эскадры, расположенной в боевом порядке: «Ростислав», «Три святителя»— с правой стороны в направлении порта, «12 апостолов», «Георгий победоносец»— с левой стороны и позади в полукольце 4 крейсера и миноносцы.

Броненосец Потемкин» снялся с якоря и грозно двинулся вперед навстречу эскадры, маневрируя дулы орудий в направлении броненосцев «Ростислава» и «Три святителя». При сближении эскадры, броненосец передает по цепи и выходит в открытое море. В это время у нас на катере получается замешательство: что делать дальше в случае ухода броненосца в открытое море. [Мы] не успели наметить конкретных мероприятий, как броненосец возвращается обратно.

При возвращении «Потемкина» в порту на броненосце «Георгий Победоносец» [мы слышали] гром голосов «ура». Командующий [эскадрой] адмирал Вишневецкий ускоренным маршем уходит в открытое море. Наш катер и миноносец № 267 направились к броненосцу «Георгий Победоносец», где были сняты офицеры и отправлены на берег (в город) в районе Одесского порта.

Трудно реставрировать в памяти подробности событий, более активные старые товарищи в памяти сохранились. Как, например, Василий Кулик—старшина левой машины, Денисенко, Резниченко, Лычев, Зиновьев, Вакуленчук, Матюшенко, Волошин...

По возвращению из Севастополя на родину в село, где проживали мои родители 1917 г. в июне м-це, так как родители жили очень бедно, во время моей эмиграции отец мой очень много переживал неприятностей и репрессий со стороны царского правительства.

Я как высококвалифицированный слесарь не мог применить свой труд в селе. Через пару недель направился на станцию Рузаевку Московско-Казанской железной дороги, поступил слесарем по ремонту среднего ремонта паровозов, и здесь я активно включился в борьбу с меньшевистским засилием среди машинистов и ряда слесарей местных, имеющих свои хозяйства. Рузаевский узел играл большое значение в части передвижения войск на борьбу против Колчака, так как являлся узловой станцией, соединяющей линии Рузаевка — Пенза и Рузаевка — Батраки, станция была наводнена меньшевистскими руководителями, в особенности был крупный меньшевик, Беляев, который проводил работу среди железнодорожников. Депо Рузаевка пополнилось квалифицированными рабочими [в лице] тт. Юрасова, Шарабина с Сормовского завода, большевистски настроенные. Вот с этими товарищами начали проводить работу о подготовке выборов в Учредительное собрание. Впоследствий удалось при помощи большой работы избрать тов. Юрасова.

В 1917 году в депо была создана партийная организация. Между Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциями и при наличии меньшевистского засилия на станции нас в числе Шарабина, Юрасова и меня неоднократно на больших рабочих собраниях удаляли с трибуны, так как железнодорожная администрация в лице начальника службы тяги, движения и путей сохранилась в прежнем составе. Об их грубостях и взяточничествах приходилось выступать. [Требовали] о смене руководства и за это приходилось получать оскорбления и не раз ставился [вопрос] о снятии [нас] с работы, но благодаря упорству и настойчивости [удалось] сохранить за собой руководящую роль в революционном движении за создание Советской власти.

Весть об Октябрьском восстании в Петрограде быстро дошла и до станции Рузаевка. Переворот прошел безболезненно, был создан Уездный Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, где я был избран членом исполкома, заведующим Горздравотдела. Мое личное участие: организовал госпиталь при бывшем женском монастыре село Пайгорм Рузаевского уезда. Лично добился в Москве получения медикаментов и госпитального оборудования.

В 1919 году был избран членом Революционной комиссии транспортной потребительской кооперации Московско-Казанской железной дороги.

В 1920 году был избран членом Правления того же общества. Руководил финансовым отделом потреб. кооперации, был избран членом Пленума Сокольнического Районного Совета и находился на этой должности до 1923 года включительно.

В 1924 году был направлен в распоряжение ЦК КП(б) Украины для дальнейшего направления на постоянную работу в районы Молдавии как знающего молдавский язык.

ЦК КП(б) Украины направил [меня] в распоряжение Молдавского обкома партии, последний меня направил в Бирзульский район заместителем председателя райисполкома. Проработал на этой должности до 1926 года.

В 1926 году по постановлению обкома партии переведен был директором Спиртоводочного завода в село Писаревка Кодымского района Молдавской АССР. В 1928 году в декабре завод был передан в распоряжение Украинского Спирттреста, а я после передачи завода был отозван в распоряжение Молдавского промышленного комбината. Впоследствии, 1 января 1929 года, назначен директором Тираспольского механического завода, ныне завод им. Кирова. Этот маленький завод с количеством 60 рабочих мною в течение $3^1/_2$ лет произвел полную реконструкцию и довел [численность рабочих] до 350 человек. Вывел завод из убыточности, построил по личной инициативе большой литейный цех.

В 1931 году как лучший директор Молдавской Автономной Республики был премирован заграничной командировкой вокруг Европы на теплоходе «Украина» из Ленинградского порта с заходом в порт Гамбург (Германия), порт Лондон (Англия) с посещением моей группой в городе Ковентри одного станкостроительного завода, который был заарендован на всю выпускаемую продукцию для Советского Союза. Посещение ряда промышленных предприятий Лондона.

Встреча с работниками поспредства в Лондоне была [организована] в одной из старой церкви, где происходил III съезд социал-демократической рабочей партии. Один из старейших работников поспредства и участник съезда в своей беседе рассказал о работе [съезда], указал, где В. И. Ленин принимал активное участие, даже место указал, где сидел В. И. Ленин.

Дальнейшее наше путешествие: порт Генуя (Италия), посещение завода Фиата (автомобильный, шарико-подшипник, в Генуе завод судостроительный и вооружение «Ансальдо» и ряда приморских курортных городков, [в том числе] Рапалла, Санта-Мария и другие. Последний город — Стамбул, а потом Одесса.

При встрече с одесским рабочим классом на рейде я выступал от имени стахановцев[18] теплохода.

По возвращению из заграничной командировки обком партии назначает меня 15 ноября 1931 г. председателем Молдавского Совета народного хозяйства. [На этой должности я находился] до 15 марта 1933 года. Одновременно был членом Пленума обкома партии и 3-м заместителем председателя Совнаркома. Здесь я организовал постройку Тираспольского ТЭЦа, мощностью 4500 киловатт...

В 1933 году 15 марта по моей личной просьбе был переведен директором Тираспольского лесотарного комбината, где работал до 28 июля 1941 года. За этот период из маленького лесопильного завода с 2-мя рамами при 60 чел. рабочих перестроил

весь комбинат, построил большой бондарный цех с механической сушкой мощностью до 2700,0 тыс. декалитров бочко-тары и довел коллектив рабочих до 4500 человек. Комбинат выпускал продукцию на экспорт, упаковочную тару для фиников и апельсинов через экспорт-лес ежегодно до 5000 кубометров ящичной тары.

За хорошую работу был премирован трестом «Союзлесотара» персональной легковой машиной.

В 1935 году активных участников на «Потемкине», в том числе и меня, наградили Почетной грамотой ЦИК Союза ССР, и назначили персональную пенсию.

В 1941 году 28 июля эвакуировал все оборудование на Северный Кавказ, в том числе и сам эвакуировался в Ставропольский край, город Георгиевск, где был управляющим Районным промышленным комбинатом с 15 сентября 1941 г. по 8 августа 1942 года. Был организатором по изготовлению клинков для вооружения [Действующей армии]. За это имел благодарность от командования Северо-Кавказского Военного округа.

8 августа 1942 г. эвакуация города Георгиевск. Долго мытарствовал, пока не доехал до города Павлодар Казахской ССР на Иртыше, где меня назначили начальником Павлодарского эвакопункта, где работал с октября 1942 по 31 января 1943 года.

По распоряжению Уполномоченного ЦК КП(б) Молдавии и СНК Молдавской ССР тов. Варварецкой, ныне министр социального обеспечения Молдавии, прибыл 23 февраля в Ташкент и 4 марта устроился на работу на строительство Фархадской ГЭС, станцию и город Беговат Узбекской ССР.

На строительстве головного участка ГЭС занимал ответственные посты, вначале по техническому снабжению, а в 1944 году заведующим механической мастерской и другими механизмами. Был секретарем партийной организации ГЭСа. 10 апреля 1944 года по распоряжению ЦК КП(б) Узбекистана был переведен в Ташкент Уполномоченным ЦК КП(б) Молдавии и СНК Молдавской ССР по Узбекской Республике.

15 сентября 1944 года получил распоряжение Молдавского правительства — закрыть пункт и выехать в Молдавию.

Прибыл в Тирасполь 16 октября 1944 года. Город разрушен, завод, где я работал до эвакуации, из всего комбината остались [только] бондарный цех и сушка, остальные стройки все были уничтожены. Вот на этом пустыре начал организовывать и собирать оборудование по Советскому Союзу. Сам лично разъезжал, был в Риге, в Тбилиси, добился полного восстановления комбината.

В 1946 году заболел, и ушел с работы, и поступил начальником бондарного цеха Тираспольского Винно-коньячного завода. На протяжении $3^1/_2$ лет мой цех идет впереди остальных цехов завода. Кроме основной работы, являюсь председателем заводского комитета, веду большую общественную работу, пользуюсь

большим авторитетом среди коллектива завода, являюсь депутатом городского Совета 2-х созывов, был председателем постоянно действующей торговой комиссии, членом пленума городского комитета Коммунистической партии большевиков, председателем Ревизионной комиссии.

В 1945 году был награжден Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941—1945 гг.» В 1949 году за активное участие в развитии народного хозяйства награжден орденом «Трудового Красного Знамени»[19].

Несмотря на мой возраст 67 лет, работать приходилось очень много. Получаю персональную пенсию в размере 800 рублей в месяц.

Прошу передать потемкинцам мой привет. После войны потерял все адреса с которыми вел переписку.

С ком. приветом — *А. Царев* 8.XI-49.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *А. Ф. Царев* допускает ошибку, в Феодосии, во время обстрела катера, прибывшего за углем и пресной водой, погиб не Александр Волошин, а член судовой комиссии Василий Захарович Никишкин.

2. В «Списке нижних чинов 36 флотского экипажа» — младший ученик (ЦГИАМ, ДП, 00, ф. 102, оп. 6, д. 1667, ч. 1, л. 41).

3. Ср. воспоминания И. А. Лычева, который утверждает, что паровой катер был спущен на воду после начала восстания на броненосце «Георгий Победоносец» (И. А. Лычев. Подготовка к восстанию на броненосце «Потемкин».— В кн.: Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., Воениздат, 1955, стр. 347).

4. См. подробное описание этого эпизода в воспоминаниях И. А. Лычева (И. Лычев. Потемкинцы. М., 1954, стр. 80) и К. И. Фельдмана (К. Фельдман. Броненосец «Потемкин». М., 1955, стр. 137—139).

5. Северная Добруджа, входящая в состав Румынии.

6. Эмигрировавшие из России и поселившиеся в Румынии на Дунае русские сектанты.

7. Ср. «Новая жизнь». Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г., вып. 11. Л., 1925, стр. 141.

8. Овчаров Яков Петрович, рулевой (ЦГИАМ, ДП, 00, ф. 102, оп. 5, д. 1667, ч. I, л. 38).

9. Золотарёв Василий Петрович, машинный ученик (ЦГИАМ, ДП, 00, ф. 102, оп. 5, д. 1667, ч. 1, л. 36-об).

10. 8 сентября 1905 г. в департамент полиции поступили материалы показаний добровольно вернувшегося из Румынии матроса-санитара Кириллова (Корнилова), в которых говорилось: «в г. Кюстенже (Румыния) находится

революционный комитет, во главе которого стоит студент Кириллов (бывший на броненосце «Потемкин» в рыжей бороде, а теперь выбритый) и в котором принимают участие матросы Самолейко, Куликов, Шевченко и Матюшенко, последний часто куда-то уезжает и опять возвращается в Костенж. Кириллов передал мне также, что с Тульчи в Галац прибыл доктор Александр Петрович Петров и образовал там тоже революционный комитет...» (ЦГИАМ, ДП, 00, ф. 102, оп. 5, д. 1667, ч. 1, л. 10). Возможно, что речь шла именно об этой организации моряков.

11. Автор воспоминаний имеет в виду события 18 февраля 1907 года, когда в Констанце полицией была разогнана профсоюзная конференция. Подробнее об этих событиях см. Е. И. Спиваковский. Подъём рабочего движения в Румынии в 1905—1906 годах («Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 54).

12. «Хелиос» («Helios») — акц. общество «Солнце».

13. В 1909—1910 гг. в румынских портах Галац, Брайла, Констанца и др. росли профсоюзные организации и стачечное движение. Во главе этого движения стояли видные деятели румынского рабочего класса Шт. Георгиу и И. Фриму.

14. Это повторное упоминание событий 18 февраля 1907 г. (См. документ № 2).

15. В 1910 г. была официально создана социал-демократическая партия рабочих Румынии.

16. Крестьянское восстание весной 1907 г.

17. В результате австро-немецкого наступления на Румынском фронте осенью 1916 г. были оккупированы Добруджа и Валахия.

18. А. Ф. Царев ошибается. В 1931 г. он не мог выступить от имени стахановцев, ибо стахановское движение началось в 1935 г. Он мог выступить от имени ударников труда теплохода.

19. Царев Алексей Федорович дополнительно к тому, о чем он пишет, в 1935 г. награжден Грамотой ЦИК СССР. В 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красной Звезды.

САРАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Известное описание древней Саранской крепости, данное профессором И. Д. Ворониным, /1/ следует дополнить новыми данными, полученными из документа, выявленного автором в июле 1971 года в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), озаглавленного «В ведение Пензенской провинции городах городовых ветхих мест и коликое число верст и сажен, присланное в Государственную военную коллегию при доношении от Пензенской провинции 2 декабря 1723 года» /2/. Имеющееся здесь описание Саранской крепости является наиболее древним из известных и не страдает утратой отдельных мест описания, как, например, «Ведомость к городовому рапортованию» 1731 года /3/.

Сопоставив упомянутые источники, крепость можно представить в виде почти квадрата /1/ с 9 башнями /2/:

— четыре угловые дубовые, шестиугольные, вышины 38 венцов по облам, облам рублен шестериком 9 венцов, ширины 15 сажен по 10 тесниц на сажень, в башне три моста;

— четыре квадратные башни в середине стен: две проезжие (Спасская, северная и южная) и две глухие (западная и восточная, называемые Средними);

— девятая проезжая дубовая башня Никольская «в середине города» /1/, на склоне горы близ моста через Саранку, «вышины 24 венца по облам, рублена в четверик, вышины 4 венца на четверике, выше обламу восьмерик нарублен вышины 9 венцов» /2/ ... «3 моста липовые» /3/ ...

Спасская «башня дубовая проезжая ... вышины 76 венцов и с обламом, ширины 15 сажен. На той башне нарублен верх четвериковый, в том четверике часы, около четверика... балясы, да на четверике верхний мост, где стоят колокола, а на башне на обломах четверик» /2/ ... «верх шатровый крыт тесом» /3/ ... «в две тесницы с накрышкой» /2/ ... «При той башне караульня» /3/ ...

Южная «проезжая башня ныне вышины 15 венцов...» /2/.

Стены рубленые дубовые по облам, облам по кровлю и мосты нарублены липовыми бревнами. По периметру крепости стены рубились террасами. Внутренняя стена между Средними глухими башнями (через Никольскую) «рублена в две стены вышины по облам 16 венцов, обламу 9 венцов» /2/. Северная стена вышиной по облам 14 венцов (правая), 18—левая, обламу 9 венцов (правая), 12—левая. Южная стена —14 венцов до облама. На склонах горы стены «вышины по облам 16 венцов, обламу 9 венцов» /2/.

Протяженность стен между башнями по периметру начиная от Спасской башни «от торгу или в башню в город кремль по правую сторону...»—46 сажен (20 тарасин), 62 сажени, 49, 48, 49, 60, 46, 50 сажен. Стены от Никольской башни по 52 и 46 саженей соответственно. Таким образом, общий периметр Саранской крепости соответствует размерам, приведенным профессором Ворониным /1/ (около 470 сажен), и на плане города Саранска, снятого во время Генерального межевания 1783 года /4/. По данным /3/ две башни: нижняя Проломная и стоявшая на противоположном берегу реки Саранки Середняя глухая сгнили и «упали», осталось только 7 башен, о чем и говорит документ 1745 года, приводимый в /1/.

ЛИТЕРАТУРА

1 И. Д. Воронин. Саранск, 1961.
2 ЦГВИА, Ф. 349, оп. 1, д. 27, лл. 3, 4.
3 ГАПО, Ф. 132, оп. дополнительная, д. 6, стр. 152—156
4 ЦГАДА, Ф. 1356, Пензенская губерния, д. 148.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМКЖД — Архив Московско-Казанской железной дороги.
АМОК КПСС — Архив Мордовского обкома КПСС.
ГАГО — Государственный архив Горьковской области.
ГАПО — Государственный архив Пензенской области.
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области.
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.
ГПТУ — Городские профессионально-технические училища.
д. — дело.
л. — лист.
лл. — листы.
МПС — Министерство путей сообщения.
ОА при МК МАССР — Объединенный архив при Министерстве культуры Мордовской АССР.
оп. — опись.
ПСЗ — Полный свод законов.
РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
СПТУ — Сельские профессионально-технические училища.
ф. — фонд.
ЦГА МАССР — Центральный государственный архив Мордовской АССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

СОДЕРЖАНИЕ

История

И. К. Инжеватов. Переписка В. И. Ленина с большевиками Пензенской губернии 3

С. В. Заварзин. Профессионально-техническая подготовка рабочих кадров Мордовии в годы семилетки 11

В. Д. Александров. Руководство местных партийных органов сельскими первичными партийными организациями 27

Г. И. Лесов. Совершенствование системы подготовки механизаторских кадров — важное условие подъема культурно-технического уровня колхозного крестьянства 41

Г. И. Лесов. Деятельность культурно-просветительных учреждений по подъему культурного уровня колхозного села 56

А. В. Сорокин. К вопросу деятельности местных Советов Мордовии в годы Великой Отечественной войны 77

А. В. Климкина. Делегатские собрания как важнейшая форма вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь (1919—1925 гг.) 92

И. А. Юрин. Из истории подготовки агитационно-пропагандистских кадров мордовского народа в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.) 116

С. Н. Щеглова. Из истории образования профсоюза работников просвещения (1918—1921 гг.) 122

Н. В. Полин. Крестьянское хозяйство Мордовии накануне первой мировой войны 127

Н. В. Полин. Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне первой мировой войны 146

Л. Г. Филатов. Борьба большевистской партии за развитие рабочего движения железнодорожников в 1910—1912 годы 156

И. И. Фирстов. Удобрение крестьянских земель в пореформенной Мордовии 174

И. И. Фирстов. Распределение скота между крестьянами Мордовии в период капитализма 207

А. Е. Кильмяшкин. Положение крепостных крестьян накануне реформы (по данным уставных грамот) 231

Н. Ф. Тюгаев. Повинности и землепользование государственных крестьян Мордовии в первой половине XIX века 256

Н. Ф. Тюгаев. Классовая борьба в крепостной деревне на территории Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX века . . . 267

А. В. Клеянкин. К вопросу о крестьянском движении на Средней Волге в последней четверти XVIII века 284

Н. С. Савкин. В. И. Ленин и ценностные ориентации крестьянства 291

Источниковедение

Х. И. Муратов. Их имена в нашей песне победной (новые документы об участии А. Ф. Царева в вооруженном восстании матросов броненосца „Потемкин" и его революционной деятельности в Мордовии) 302

Г. В. Еремин. Саранская крепость в первой половине XVIII века. 317

Список условных сокращений 318

И 88. **Исследования по истории Мордовской АССР.** Ред. коллегия: А. Е. Кильмяшкин и др. Саранск, Мордов. кн. изд. 1792. 320 стр. (Научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете М-ов Мордовской АССР. Труды, вып. 43).

9 (С 14).

Выпускающий редактор М. Грошев
Художественный редактор Л. Попов
Технический редактор В. Чижикова
Корректор Р. Овечкина

Сдано в набор 12/V 1972 г. Подписано к печати 25/X 1972 г. Ю01607. Бумага 60×90¹/₁₆. № 2. Печ. листов 20. Уч.-изд. листов 21,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1721. Цена без переплета 1 руб. 29 коп. Переплет 10 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь" Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

(Исследования по истории Мордовской АССР, труды, выпуск 43)

Стр.	Строка сверху	Напечатано	Должно быть
297	18	связи. Совместный труд, при котором „...уже... самый общественный класс советского общества, составляющий к моменту мас — жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную произво-	связи. Совместный труд, при котором „...уже... самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии..., увеличивающее индивидуальную произво-